

КЭТРИН ПУРДИ

СЖИГАЮЩЕЕ СТЕКЛО

[HTTPS://VK.COM/FALLING_KINGDOMS](https://vk.com/falling_kingdoms)
ЕЁ ДАР СТАНЕТ ПРОКЛЯТЫЕМ ДЛЯ ИМПЕРИИ

ГЛАВА 1

Я ухватила за резную фигурку богини, пока кусок дерева не коснулся моих пальцев. Удар был только частичкой боли, которую я чувствовала. Вот только боль не была моей собственной.

— Нельзя, чтобы шла кровь, — напуганная сестра Мирна, выкатив глаза, принялась бегать вокруг. Когда она поняла, что это всего лишь я, её лицо снова стало обычным, с провисающей кожей и морщинами. Она приложила компресс к изгибу руки Юлии. — Соня, что ты здесь делаешь?

Я не обратила на неё внимания и пошла дальше, к центру монашеского лазарета.

Приходилось дышать ртом, чтобы хоть как-то избежать воню и разных заболеваний, витавших в воздухе. Подняв подол ночной рубашки, я на цыпочках прокралась по следу из капель крови на полу. Всё моё тело было холодным, но тепло камина было заметным, а лежащие около него плитки обжигали ноги.

Я поправила свою шаль на груди и оглянулась на сестру Мирну. Фарфоровая чаша находилась прямо на столике Юлии. Кровь пульсировала, и, наконец, достигла самой высокой отметки. Глаза подруги оставались закрытыми, а рыжие волосы распластались по коже лица; белой, как кости. Я сглотнула.

— Должен быть другой способ её вылечить. Ей больше нельзя терять ни капли. Вы видели её ноги? Она ранит саму себя, — я поморщилась, когда осколок фигуры упал прямо мимо моей кожи.

— Так она освобождается от эмоций, — сестра Мирна коснулась лба тыльной стороной руки, избегая запятнанных пальцев, однако не обошлось — на косынке, опоясавшей седые волосы, появилась пара алых линий. Меж бровей залегла крупная морщина. — Тебе тоже надо бы попробовать. Может, хоть тогда перестанешь без спросу ходить по местам, куда тебя не пускают.

Мои губы сжались в тонкую линию, а пару локонов я принялась наматывать на пальцы. Может так я смогу бороться с разочарованием. Мне хотелось контролировать себя без увечий, как это делала Юлия, или, выдёргивая волосы, как Даша, или даже плача днём и ночью, как получалось у Киры. Тем более, моё разочарование не было моим собственным. Я не должна была позволять эмоциям сестры Мирны действовать на меня.

— Я пришла, чтобы отдать это Юлии, — вновь придерживая шаль одной рукой, я протянула вперёд фигурку Фейи. Я слишком много времени провела с Ромска, так что наше общение помогло мне лишиться любых религиозных предрассудков. Но Юлия веровала даже сильнее, чем сестры этого монастыря. Я надеялась, что лик Богини-ясновидицы и Прорицательница рядом помогут ей избавиться от лихорадки.

Когда я смотрела на то, как её грудь медленно опускается и поднимается, я прикусила дрожащую губу. Темп её дыхания был слишком плохим, пульс едва чувствовался.

Честно говоря, я нужна Юлии для того, чтобы ей стало лучше. Я не могла бы находиться здесь, не будь у меня такого друга. Кого-то, кто будет шутить, рассказывать истории ночами напролёт.

Сестра Мирна приняла фигурку. Получилось. Её черты лица стали более мягкими, исчезла та морщина меж бровями. Когда это произошло, я поняла, что разочарование отступает, но, казалось, моё тело стало холоднее, когда сестра Мирна поставила фигурку на подоконник, всё это время, удерживая компресс на лбу Юлии. На улице бушевал настоящий снегопад.

Мой желудок заурчал, как зверь. Наверное, и сестра Мирна голодна. Как давно она вообще позволяла себе минуту отдыха, хотя бы, чтобы поесть? Маленькие Даша и Кира очень быстро заснули в своих кроватях на другой стороне спальни. Их кожа снова приобретала оттенок кожи живого человека. Это нормально после такой лихорадки, как бывает у нас. Но Юлия поправлялась не так быстро.

Воспользовавшись тем, что сестра Мирна стала молиться, я присела к подруге. Если бы мои тёмно-русые волосы были чуточку длиннее, они бы задели её кровоточащую руку.

Мой взгляд скользнул по её руке. Я могу позволить себе прикоснуться к ней? Если я смогу перенять боль девушки и стану хныкать от неё, сестра Мирна выставит меня сразу же. Мне всё ещё хотелось передать ей хоть немного своей жизненной энергии. Да, я знаю, это не может сделать даже Пророк. Всё, на что способен наш дар — это переживать то, что чувствуют люди вокруг. И жить так мучительно, будто и не живёшь вовсе, а существуешь. Получить такой дар означает служить Империи Рузанин. Придётся тренироваться только для одной цели — защищать Империю. Когда девочки дорастали до возраста, когда уже могут читать, но ещё не могут контролировать свои чувства, их забирали, даже против их воли. Я уклонялась от этого семнадцать лет, что, кажется, должно было стать рекордом. Я бы продержалась дольше, но восемь месяцев назад, охотники за головами привели меня в монастырь.

— Я принесла тебе нашего покровителя, — тихо шепнула я Юлии. Не будучи уверенной в её состоянии, я ждала, пока её глаза откроются. Однажды, мы играли в игру, в которой мы хотели поменяться цветами глаз: её сапфирово-голубые на мои, карие.

— Я дам тебе свои, — сказала она. Юлия была единственной, кто хотел дружить со мной. Остальные только и знали, что шептаться о том, что меня воспитали цыгане. Эти люди думали, что стены будут хранить их разговоры и понятия не имели, что мы с Юлией будем заходить к ним в спальни и угадывать их сны.

Наши с ней игры приносили плодов больше, чем все эти эксперименты, на которые решались сёстры. Они пытались научить меня отделять то, что чувствую я от того, что чувствуют люди вокруг. Во всяком случае, Юлия в меня верила. Мы чувствовали себя равными, одногодками. Хотя она и была старше меня на два года. Даже если бы она пережила всех Пророков и стала одним из стражей Империи, я бы всё равно смогла на неё положиться. Вот почему она должна была остаться в живых, вот почему я хотела исцелить её от боли, вместо того, чтобы надеяться на какую-то деревяшку несуществующей богини.

— Ты дрожишь, — сестра Мирна повернулась, и всё её внимание снова было приковано ко мне, а морщины на лице углубились, застывая в выражении беспокойства. Я всего лишь пожала плечами. Этот голод грыз меня изнутри.

— Юлии холодно.

— Юлия лихорадит, — морщины на лице сестры углубились ещё сильнее.

— Значит, тебе тоже должно быть холодно, — сказав это, я поняла, что она трогает мой лоб.

Она не была Прорицательницей, но, казалось, она видит меня насквозь.

Под лёгким пухом волос на моей руке почувствовалось покалывание. «Мне плохо?». Я не хотела, чтобы мой голос звучал так, будто я хочу задать вопрос. Потому что мне более чем плохо. Что-то неизвестное приобретало форму где-то в недрах желудка, а затем принялось царапаться в отчаянных попытках выбраться наружу. Это было хуже, чем голод. Руки мгновенно сжались, зубы стиснулись, а на глаза, выражавшие абсолютную беспомощность,

накатали слёзы.

— Дорогая, в этой комнате жарко, как в печи, — сестра Мирна нахмурилась. — А твоя кожа как лёд.

Вместо беспокойства, её лицо излучало страх.

— Я больна? — возможно, она была права, и мне не нужно было приходить в лазарет. Но я переболела лихорадкой прошлой зимой, когда была в лагере с Ромска. Я думала, мне уже ничего не грозит.

— Держи её, — скомандовала она, встав и сбавив давление на руке Юлии.

На долю секунды я замешкалась, засмотревшись на чашу с кровью, текшей по её локтю. Но, собрав волю в кулак и расправив плечи, я со всей силой прижала ладонь к повязке.

В считанные мгновения мышцы свело судорогой, позвоночник выгнулся, а дыхание стало рваным и не ритмичным. Где-то в груди появилось слабое ощущение тоски. Это была борьба за жизнь. Природный и такой простой инстинкт.

Сестра Мирна приблизилась к окну и по её лицу тут же заплясали отражения фонарей. Я поняла, что это огоньки от факелов — в их свете виднелось моё отражение. Лицо сестры Мирны застыло в ужасе.

— Фейя, защити нас, — тихо шепнула она, после чего сделала особый знак, вызывающий к богине: коснулась двумя пальцами сначала лба, затем — груди, где находилось сердце. — Они пришли.

Её страх и мой страх. Страх нас обоих. Он слился воедино.

— Кто? — я наклонилась, чтобы понять, кого она имеет в виду. — Что происходит?

Но она не ответила, а неприятное ощущение в животе стало в разы сильнее; от того, что я дрожала, теперь стучали и зубы. Мне нужно поесть. Сейчас. Хотя что-то. Хотя что-нибудь.

Сила, с которой я охватывала руку Юлии, ослабла, кровь стала сочиться сквозь пальцы. Она напоминала цвет вина. Я даже поддалась искушению и подняла руку, чтобы вкусить запах.

Бэзил ворвался в комнату. Руками старик опёрся на колени, переводя дух. Я моргнула и вытерла кровь о ночную рубашку.

— Крестьяне... у ворот, — всё, что он успевал сказать между перерывами на вдох. На его лысине показались большие капли пота. — Их толпа... Нет, их... целая армия.

— Чего они хотят? — я направилась к окну, но тут же вернулась, вспомнив о руке Юлии.

— Того же, что и обычно, зажигая факелы и хватая виллы — нашу еду, — губы сестры Мирны сжались в тонкую белую линию. Она смотрела на меня, как и прежде — так, будто её взгляд проходит сквозь меня. — Тебе сейчас не только холодно, я угадала?

Словно в ответ, мой желудок издал громкий звук.

— Что это? — её глаза сузились, а фигура приблизилась. — Ты пробовала кровь?

Я оступилась. А пробовала ли?

— Бэзил, убери её отсюда, — в одно мгновение, её лицо изменилось. — Запри её в восточном крыле, вместе с другими девочками. Здесь столько эмоций! Для этого места она опасна.

— Я не уйду! — я прижала компресс к руке Юлии ещё сильнее. Сестра налетела на меня так, что мой платок, запятнанный кровью подруги, упал.

— Ты должна принять судьбу и хотя бы пытаться управлять своей силой, — она трясла меня за плечи. — Из-за тебя рискуем мы все!

— Я никогда не причиню вреда Юлии! — я поморщилась, а где-то внутри появилась сильная боль. Я хотела снова дотянуться до компресса, но сестра Мирна схватила меня за руку первой.

— Да ты хоть знаешь, на что способны эти голодающие крестьяне? — она сверлила меня взглядом. — Или тебе рассказать о трёх вдовах из моей деревни, что были так голодны, что заманили к себе незнакомцев, отравили и обглодали их кости?

— Мой караван слышал это в каждом городе. Это народная байка — не больше. Никто в неё не верит, — голод поутих, но к горлу подступала тошнота.

— Соня, как же ты ошибаешься! Это четвёртая суровая зима в Империи Рузанин. Вы с Ромска выжили только потому, что поехали на юг. Мы же выживали только благодаря подаренному императором продовольствию. У крестьян же нет ничего.

— Но у нас запасов больше, чем нам нужно. Мы должны помочь им, — мне дали немного выпить, но хищный голод внутри меня заставлял думать о переполненных кладовых монастыря и его подвальных холодильных складах.

— Бэзил, убери её отсюда, сейчас же, — глаза сестры снова сузились. От этого взгляда, казалось, что по моим венам двигался лёд. Она толкнула меня на старика и бросила вдогонку шарф.

Когда крестьяне продвинулись вперёд, их громкие крики стали содрогать воздух. Мои колени тряслись, в любой момент я могла упасть.

— Пожалуйста, прошу вас, — я смотрела то на сестру Мирну, то на Бэзила. — Если бы вы только чувствовали...

— Хватит! — она собственноручно откинула меня к двери, а Бэзил схватил за локоть, но уже нежнее.

В дальнем углу комнаты, уже проснулись Кира и Даша. Обе девочки уже слышали крики толпы. Я видела это по их лицам: на лице Киры были слёзы, и она перебралась в кровать Даши, которая уже рвала на себе волосы.

— Я всё равно запру её в восточном крыле, — сказала она Бэзилу. — Забаррикадируй входную дверь. Охрана ворот усилена?

— Думаю, достаточно, — он кивнул. — Если повезёт, волки явятся до того, как крестьяне найдут способ пробраться сюда.

— Вы хотите, чтобы их растерзали волки потому, что они голодны? — я уставилась на Бэзила. Близко посаженные глаза и торчащие уши всегда делали его миловидным, но на этот раз даже в его взгляде не было жалости. — Вы говорите ужасные вещи!

— Больше ни слова! — сказала сестра Мирна. Ещё одна волна злости окатила её лицо. Приходилось сдерживать себя. Её эмоции вспыхнули во мне так сильно, что захотелось её ударить. Таких взрывных эмоций мне не доводилось видеть на её лице никогда. Она пыталась усмирить свой гнев, так как днём и ночью лечила больных, но сейчас её гнев дошел до точки кипения. — Переключись на кого-то другого и забудь о крестьянах! — её ноздри от гнева стали раздуваться. — Твоя эмпатия, которую ты не можешь держать под контролем, убьёт всех нас!

Прежде, чем увидеть слёзы на моих глазах, она захлопнула за нами дверь. Я сжала ладони в кулаки. Ничего, что она не знает, как сильно задела меня. Слёзы, которые ещё не вытекли, не из-за неё. Я плачу из-за тех замерзающих людей, которые пытаются попасть за монастырские ворота.

Едва дыша, Бэзил привёл меня к восточному крылу. Он схватил меня за руку и зарыл

пальцы в мои волосы, чтобы в ауре толпы я случайно не потеряла свою собственную. Их отчаянье пульсировало в моём теле. Они были не просто голодными. Этот голод разрушал их души и тела. Боль была сильнее, чем боль смерти от того, что я не прокормлю своих детей, свою деревню. Нет. Их детей, их деревню.

Бэзил тащил меня по коридорам, а я — вздрагивала и хныкала. Эмоции крестьян пульсировали во мне, били в череп. Так что различать свои и их эмоции было сложно. Сейчас я одна из них. До тех пор, пока всё не станет ясным, как чистое стекло.

Я — барьер между ними и их бунтом.

Я была больше, чем толпа. Я была вратами монастыря.

Мои кости — их железо.

Я могла открыть их. Позволить им войти.

Я одна могу помочь им.

Покосившись на Бэзила, я будто посмотрела на него другими глазами. Он реагировал на каждый шум. Его может обойти только мышь. Он будет стоять у меня на пути до последнего. Я посмотрела на тёмные альковы. Да, скорее всего, так я смогу его обездвижить. Подсвечником можно ударить по голове, а потом — крепкой верёвкой привязать к устойчивому креслу.

Вход в восточное крыло уже был где-то рядом. Шесть или семь девочек моего возраста прижимались друг к другу и сидели вокруг свечи Нади. Старшей из Прорицательниц было девятнадцать, но она уже могла управлять своей силой. На её коже были чернильные рисунки и каждый из них — прямое доказательство её мастерства. Она помечала себя, когда нужно было выплеснуть чужие эмоции. В последнее время, когда приступы лихорадки участились, и умерла старшая Прорицательница, она не приходила к остальным, чтобы разделить горе. Вместо этого она обвиняла меня в том, что это я принесла болезнь от «грязных цыган».

— Даже если и правда, а это не правда, это просто дало ей повод для радости. Самая старшая мертва, а она была следующей на очереди. Она показывала это, гордо поднимая голову и показывая всем свою шею. Она подняла на нас глаза, как только мы переступили порог крыла.

— Бэзил, скажи им, что им нечего бояться.

— Всё хорошо, — он заставил себя улыбнуться, но каждый здесь присутствующий был наделён даром, так что все точно знали, что он чувствует. — Возвращайтесь в свои тёплые кровати. Такое каждую зиму происходит. Крестьяне ещё ни разу не проходили за ворота.

Широкоскулая Прорицательница скрестила руки на груди. Лена? Лола? Я не могла запомнить её имени, даже если бы и хотела это сделать.

— Крестьян никогда не было так много, — она поёжилась, и девушка рядом схватилась за собственный живот. Они тоже чувствовали толпу, но не так, как я. Если бы они точно знали, насколько люди несчастны, их бы здесь не было.

— Если до этого дойдёт — у меня есть огнестрельное оружие, — ответил Бэзил. Он закрыл одну из дверей. Сердце бешено колотилось, когда я чувствовала, как сильно крестьяне хотят попасть сюда. Меня не могут тут закрыть. Я не могу здесь оставаться. Не в этот раз, когда слишком многие люди хотят есть. Когда он положил руку на ручку второй двери, у меня тут же созрела идея.

— Что-то с тобой не так, — медленно протянула Надя. Её глаза сузились и наблюдали только за мной. И, если раньше она держала голову прямо, то сейчас слегка наклонила.

Я быстро подбежала к Бэзилу, мои пальцы резко легли на его собственные.

— Что ты...?

— Остановите её! — закричала Надя.

Я ударила старика прямо в колено, и он тут же рухнул на пол. Я не упустила этот шанс — в мгновение схватила ключи от ворот из его кармана, затем откинула его к девушкам, повернула ключ. Дверь закрылась прямо за моей спиной. Прорицательницы закрыты внутри. И теперь они меня точно не остановят.

Крики уже слышались с другой стороны — девушки разрывались и стучали в двери, явно не желая быть пленницами. Мне оставалось только улыбнуться. Это они заслужили за то, что постоянно выливали на меня тонны грязи.

— Соня, не делай этого! — голос Бэзила звучал громче всех. — Они не должны войти. Ради всего, что ты любишь и чем дорожишь. Ради Юлии. Не впускай их!

Я отошла от двери, хлопнула в ладоши, а сердце вырывалось из груди. В голове появилась тень мысли о том, что всё это из-за предупреждения.

Что я сделала? Я зашла слишком далеко?

Эмоции крестьян вновь зывали ко мне, и эти мысли гасились, как слабый огонёк. Они ждали меня. Я должна была впустить их.

Не оборачиваясь, я побежала дальше, даже однажды споткнувшись о подол сорочки. Но я не останавливалась — мчалась вниз, по извилистой лестнице, мимо столовой, прямо в фойе монастыря. В голове всё ещё не утихали воспоминания о Прорицательницах и том, как однажды они дразнили меня, когда сестры взяли нас на ярмарку. Сестры говорили, нам нужно попробовать работать со своими способностями в людном месте. Через несколько минут я уже лежала на земле, перекатываясь из стороны в сторону, как обезумевшая. Но сейчас я чувствую не то же самое. Теперь я приму толпы народа. Теперь я точно знаю, что они чувствуют и как им помочь.

— Я иду, — тихо прошептала я. Мои глаза широко открылись. Ни разу не моргнув, я бросилась к замку и открыла деревянную дверь. Крестьяне были снаружи. Они ожидали и всё, что их сдерживало — это ворота. Мне нужно было впустить их. Пусть они разделят с нами нашу пищу и тепло. Так мы станем ближе к их аурам.

Мне нужно было снова стать собой.

Снежинки танцевали вокруг меня и падали на мраморную плитку. Я сделала первый шаг, проваливаясь в снег по самые икры. Босым ногам должно было быть холодно, но холод не был для меня чем-то новым. Я чувствовала, будто колются тысячи обмороженных пальцев крестьян.

— Я иду. Я уже скоро буду.

Сцепив рукой сорочку, я шла вперёд, я была прикована к свету факелов крестьян. Они увидели меня? Мне не пришлось в голову захватить с собой свечу. А они знали о том, что спасение было так близко?

Пришлось остановиться — меня сразило новое ощущение, которое было в сотни раз сильнее, чем голод. Что-то в желудке переворачивалось, и я упала на землю, не в силах подняться. Я опиралась на руки и колени. Я стояла так, как обычно стоят животные. Снег достигал моего живота, а конечности странным образом онемели. Я направилась к воротам, будто крестьяне были моей мишенью. Мне нужно было настигнуть их.

Кричал то один, то другой, то третий. Но после этого всё стихло, уступая место тишине ночного снегопада. Но тишина продлилась недолго. Слышалось учащенное сердцебиение их

сердец.

Что случилось? Несколько раз, глубоко вдохнув, я всё же поняла, что здесь происходит. Я слышала это. Далеко, будто из глубины сна какого-то безумца.

Вой диких волков.

ГЛАВА 2

Вой музыкой звучал в моих ушах. Он манил меня, а плечи расправились сами собой, верхняя губа приподнялась так, будто я хотела показать всем свои клыки. Меня охватил голод: грубый, уничтожающий и звериный. Пальцами я будто начала царапать снег. Я была готова разорвать всё на своём пути, только бы удовлетворить свою нужду.

Вой волков стал громче, уверенность в следующем шаге волной заполнила меня. Я оторвалась от снега, понимая, что ворота становятся ближе. Кажется, крестьяне не видели меня — к монастырю были обращены их спины, а споры и молитвы витали в воздухе. Некоторые из них быстро решили бежать, другие же последовали их примеру, отдаляясь от ворот.

— Нет! Подождите! — мой голос искаженным скрипом вылетал из горла. Я рванула вперёд, но руки утонули в снегу, а внутри уже разливался страх крестьян перед волками. Но я продолжала звать их. — Я иду! Не убегайте!

Никто не обернулся. В громких криках и нарастающей панике никто не услышал меня. Лишь один дикий вой разрывал темноту холодной ночи. Он был ближе всех, звучал всё громче и громче. Крестьян за воротами уже не было вовсе.

— Нет, пожалуйста! — мой кулак угодил в снег, я добралась до ворот. Пришлось трясти железные решетки, чтобы хоть кто-то обратил на меня внимание. — Здесь хватит еды всем и каждому!

Но все они бежали в лес, даже не оглядываясь на монастырь. От отчаянья, я закричала, снова и снова колотила кулаками в ворота. Руки уже начинали болеть, но мне было всё равно. Всё было зря.

Я упала на землю, а затем закричала. В желудке голод давал о себе знать с двойной силой. Большой волк мчался по заснеженной земле, прямо к монастырю. Его челюсть можно было заметить издали, белоснежные клыки сверкнули во тьме. Вой его спутников остался далеко позади, сам же хищник уже пересёк черту елей.

Руками я схватилась за железные прутья. С моей стороны было тщетно пытаться вырваться к волкам. Они будут разрывать свою добычу без меня. Их эмоции овладели мной, я бросилась на ледяную землю и принялась рыть. Я могла прорыть тоннель и быть с ними. Ещё не поздно.

Меня остановила только одна мысль. Я и думать забыла о ключах. Наверное, упустила их в снег. Надо найти. Пришлось, как это делают волки, ползти по кругу и обнюхивать землю. Нет, я не могу учуять их. Что со мной произошло? Теперь я встала и решила размышлять здраво, возвращаясь по своим же следам. Ступив только шаг, я снова услышала грозный рык. Всё моё тело дрожало, и я пыталась сделать всё, что могла, чтобы бороться с этой непреодолимой жаждой крови.

Ключи, ключи, ключи... Мне нужно было сориентироваться. Но чем ближе волки становились — тем тише был их вой. И мой голод снова дал о себе знать. Я вцепилась в живот, пытаясь контролировать это чувство. Волки отойдут, если найдут себе жертву и наконец-то поедят. Тогда это почувствую и я.

Что-то сверкнуло. Обрадовавшись, я кинулась к кольцу с ключами. Как только я

прикоснулась к ним, из одного из окон появился блеклый свет. Я прижимала к груди ключи. В тёмном силуэте я тут же узнала сестру Мирну. Она стояла на верхнем этаже. Сознание подсказывало мне, что лучше спрятаться. Я присела за кустом смородины и выглянула из-за голых веток. Сестра не двигалась.

— Уходи уже, — шикнула я.

Шелест и следы от лап волков попали на свет, когда они попали на поляну, где раньше ютились крестьяне, а их вой звучал слишком мрачно. Или так это отражалось в моём искаженном сознании. Как бы я смогла их догнать сейчас?

— Прочь, уходи, — я снова обращалась к силуэту в окне.

— Волки ушли, — я будто пыталась передать свои мысли сестре Мирне, — Возвращайся к Юлии. Если ты не присмотришь за ней, она потеряет много крови и умрёт. Ты нужна ей. Монастырь в безопасности.

Внутри будто разразился гром. Вой слышался всё дальше и дальше, а силуэт в окне колебался.

— Пожалуйста, — мой шепот утонул в воздухе.

Сестра Мирна отступила на порог комнаты, в свете зажжённого фонаря снег за окном стал янтарным. Я тихо прошептала молитву Фейе и схватила связку ключей. Кажется, теперь я чуть больше верю в эту богиню.

Когда я добралась до двери, последний волк уже ступил на поляну.

— Подожди! — крикнула я, засовывая ключ в ржавую, замёрзшую скважину. Увы, я кричала в пустоту: ни крестьян, ни волков уже не было.

Ключ провернулся в скважине, но дверь остановила цепочка. Бэзил всегда так делал, для большей сохранности. Но на ней был замок, к которому я тут же принялась подбирать ключи. Как только отыскала правильный, тут же попыталась открыть ворота. Но нет. Не подходит. Они очень громко скрипели, но не открывались, и я зарычала. Чертов глубокий снег, о который хотелось бить руками снова и снова. Я отшвырнула охапку снега. Какой в нём толк?

— Возвращайтесь, — кричала я волкам.

— Возвращайся, — шептала я тому чувству, которое ещё некоторое время назад так сильно полыхало во мне.

— Возвращайся... Возвращайся...

Откинувшись к прутьям, я задрожала. Мои ноги были прямо передо мной, они были розовыми и горели, от лодыжек до колена, я не чувствовала ни пальцев рук, ни пальцев ног. Я не знаю, от чего судорожно дрожал мой подбородок: от холода или от того, что произошло. Снежинки в волосах ссыпались на косу.

Что, Фейя, скажи, со мной произошло? Я медленно повернулась, осматривая поляну, где были крестьяне, а затем и волки. Больше ничего не напоминало об этом безумии. Об их безумии. О моём.

— Бэзил! — в моей голове снова возник его образ, когда я сжала руки. Неужели я и правда заперла его там, вместе с Прорицательницами?

Надя была права. Со мной явно что-то не так. Возможно, моим родителям тогда стоило отдать меня охотникам за головами, а не Ромска. Моя жизнь не стоит этого. Во всяком случае, мне стоило более внимательно слушать сестёр и старательнее работать на их уроках. Это было неестественным для Прорицательниц и Пророков, чувствовать то, что ощущают животные.

— Именно это происходит, когда ты не можешь подчинить свою силу, — как-то раз сказала сестра Мирна. — Сила становится дикой.

Я была больше, чем просто дикой — я была настоящей бочкой с порохом. Что, если бы я пришла к воротам раньше? Что, если бы я впустила крестьян? Или волков?

Мои всхлипы уносил ветер. Моя голова скоро взорвётся. Каменные башни, похожие друг на друга как близнецы, обрамляли ворота с обеих сторон. Но около левой башни будто что-то изменилось. Что-то черное было на ней.

— Эй? — сказала я.

Чьё-то бледное лицо откликнулось на моё приветствие. Подойдя ближе, я прижалась к прутьям. Свернувшись в клубок, там отдыхал человек, чьё лицо было тонким и даже необычно продолговатым. Под его глазами были большие мешки, скулы были явно выраженными. Он закутался в пальто и сильнее натянул меховую подранную шапку. Посмотрев на него, я снова почувствовала что-то слишком горячее, где-то около замерзших рёбер. Этот человек казался мне пустым, в нём не было надежды, но всё же оставалась частичка того напора, который был у толпы крестьян. И моё сердце болело от одного взгляда на него. Во всяком случае, сегодня я помогу хотя бы одному человеку. Один голодный крестьянин не причинит много вреда.

— Простите, — мои губы расплылись в некоем подобии улыбки. — Если вы поможете мне дойти до здания и убрать снег, я бы с радостью предоставила вам немного еды и место у нашего очага.

Уже в помещении, я сняла с него пальто и усадила на кухонный стул, а его ноги положила на второй.

— Сиди пока так, — он меня понял. Человек снял с себя шапку, и я увидела его ногти и пальцы — костлявые фаланги с оборванными, грязными ногтями на них.

Мне было стыдно смотреть на его истощенные руки, поэтому я перевела взгляд на голову. А на ней волосы торчали в разные стороны, будто он был слишком разгневан. Обычно, так выглядят безумцы. Наверное, поэтому он не сказал мне ещё ни слова за весь наш путь. Даже когда приглушенные звуки пронесли над нами эхом. Он просто схватил канделябр, и, если бы я всё-таки зажгла свечи, горячий воск оставил бы шрамы на его коже.

— Не переживай о них, — я кивнула, указывая на потолок. Над ними всё ещё Прорицательницы и они всё ещё заперты. Я чувствовала их гнев, и он мог буквально задушить меня, но я сдерживала эти порывы, стиснув зубы и заставляя это неприятное чувство оставаться внутри. Я опозорилась перед ними, и это делало ситуацию ещё хуже. Я не могла столкнуться с ними прямо сейчас и получить выговор за то, что не смогла контролировать силу. Я помогу им только после того, как разберусь с этим человеком. Надя и её подружки могут подождать.

Он опёрся на моё плечо, и только так я смогла осторожно подвести его к креслу у камина. Сестра Мирна однажды сказала мне, что прикосновение может усилить точность работы Пророка. С помощью касания, мне хотелось переключиться на этого человека и наконец-то заглушить гнев Прорицательниц.

На стуле он сидел неподвижно. Он был настолько сосредоточен на физических потребностях, что казалось, вообще не существует в этом мире. Он не двигался даже тогда, когда я протянула ему миску рагу. Сёстры всегда держали что-то в котелке, и, добавив, например, воды, травы, рубленых корней, можно было есть весь день. Я подала ему миску, и, когда он её принял, подкинула дров в очаг. Сухая древесина затрещала на огне.

— Так-то лучше, — я прервала наш с ним контакт, чтобы поставить рядом ещё один стул. Этих коротких моментов хватило, чтобы снова вспылать злобой Прорицательниц наверху и собственной виной. Я отвернула беду, не впустив крестьян, но, получается, я не смогла им помочь. Кто будет страдать от моих выходов и как долго?

Я зачерпнула ещё немного. Всё равно, что это вторая порция за вечер. Мне нужно было сделать хоть что-нибудь, чтобы не думать о случившемся.

Я примостилась ближе; так, чтобы мои коленки касались его ног. Кажется, он был не против. Мы ужинали в тишине, разве что мой желудок ревел в такт желудку незнакомца. В лампе полыхал огонь, а на пол снова и снова капал таящий снег с моей ночной рубашки. Движение потихоньку возвращалось в пальцы ног, а тело уже чувствовало тепло лежавшей на плечах шали.

— Ты из Ормины? — я решилась нарушить тишину. — Конечно, ты из Ормины. В такой снег прийти больше неоткуда.

В глазах мужчины отражался огонь очага. Ему не нужно было кивать, чтобы я поняла его. Он просто пару раз стукнул ложкой по пустой миске.

— Хочешь ещё?

Стук, стук.

— Да?

Его рука медленно тянулась к кастрюле.

— Нет!

Еда в кастрюле шипела, когда кончики его пальцев коснулись горячего железа. Он стал кричать, открыл рот так сильно, что я увидела все его зубы. Я тут же вскочила к ведру, где таял лёд, после чего схватила полотенце и окунула туда, чтобы оно впитывало влагу.

— Вот так, — я обмотала прохладную мокрую ткань вокруг его руки. Он наклонялся то вперёд, то назад, кусая губы. — Я ошиблась, посадив тебя так близко к огню. Мне придётся отодвинуть тебя от огня или ты пообещаешь, что будешь осторожнее. Обещаешь? — мой голос стал таким похожим на голос сестры Мирны.

Он сглотнул и кивнул. Только я не была уверена: это он согласился или просто сделал отвлеченное движение.

— Хорошо, — я снова устроилась рядом.

Рядом с огнём было теплее, но в желании приблизиться к огню я всё-таки себе отказала, иначе мужчина захочет повторить. Придется ограничиться тем, что тепло проникает сквозь мокрые нити моей ночной рубашки.

Яркое пламя стало танцевать сильнее и выше. Я отправила в огонь ещё немного дров. Он будто дразнил и заставлял подойти ближе, ещё ближе. Но это можно было смотреть вечно. Я могла бы остаться тут на всю ночь. Возможно, к утру моё платье высохло бы, а ненависть Прорицательниц утихла. Они же должны рано или поздно лечь спать.

Пока я думала об этом, рука мужчины снова потянулась к огню, но я вовремя схватила её.

— Нет, только не снова.

Всё, что я хотела сказать, так и осталось на кончике моего языка. Оранжевый, пульсирующий, огонь был прекрасен. Он манил меня, заставляя пальцами коснуться его. Ещё никогда в жизни мне не было так тепло. Тепло расцветало во мне и пульсировало по моим венам так сильно, что, мне казалось, моя кровь сгорит. Я будто была создана из света. Я и была светом. Я была бы такой горячей всегда.

Я отпустила его руку. Почему я его удерживала? Сердце колотилось, а я становилась к огню всё ближе и ближе. Так близко, что моё лицо обдало волной тепла. Но этого не достаточно. Я должна коснуться этого тепла.

Моя рука потянулась к источнику огня, куда-то к углям. Вдали от центра лежал кусочек дерева, который обуглился только у самого края. Я взяла его и подожгла этот край. Огонь мгновенно заплясал на нём, захватывая всё больше и больше ствола для себя. Я поднесла его ближе к себе. Прекрасно.

Так прекрасно, что хотелось поделиться.

Я оглянулась на мужчину и улыбнулась, а на глазах появились слёзы. Он был бы счастлив, если бы я...

Он резко встал, опрокинув стул, стал метаться по кухне. Всё, что мне оставалось — это смотреть ему вслед. А если бы он снова обжегся?

Я посмотрела на его загоревшуюся брючину, и тут же страх уколол прямо в сердце. Я слишком близко поднесла пламя. Оно всё ещё было в моей руке, но оно уничтожило дерево, обжигая пальцы.

Я громко вскрикнула, затем кинула осколок в огонь. Он заискрился, едва не доставая меня. Человек же закричал. Его штанина уже не горела — горела чуть ли не вся ткань и он всё ещё боялся. Что же делать, что же делать? Я не могла понять, что делать — его страх и мой, оба усыпляли способность рассуждать логически.

Точно! Ведро с холодной водой! Глупая! Как я могла забыть?

Я помчалась к воде, после чего быстро выплеснула на его ноги. Но он всё равно бежал на кухню. Пламя несло за ним, на его верхней одежде.

Моё сердце снова сжалось от страха. Я гналась за ним, неуклюже волоча за собой ведро. — Стой! А ну вернись! — его страх был настолько сильным, что приумножал мной.

Он замедлился, но это не мешало мне, спотыкаясь, разливать за собой воду так, что, скорее всего, там остался только лёд. Мужчина выбежал в коридор и свернул направо прямо к столовой. Да, там я загоню его в угол.

— Фейя, пожалуйста, — взмолилась я. — Если он не умрёт, я отдам тебе свою душу.

Я же не хотела его сжечь. Это был всего лишь несчастный случай. Правда?

Он пробежал арку столовой. Его одежда почти сгорела. Ничего не оставалось, кроме как броситься за ним и преследовать до самого дальнего окна.

— Стой! Я могу помочь! — я вылила всё, что оставалось в ведре. Немного воды оказалось прямо на его лице, а лёд — у ног. Он же кинулся назад. Пламя на его одежде не было затронуто водой. Наоборот — огонь перекинулся на занавеску, от чего мой желудок с ужасом завыл.

— Не двигайся! — закричала я, но он только сделал шаг ко второй, распространяя пламя.

Я отпрыгнула назад, в силах только наблюдать, как распространяется пламя. Оно сверкало и горело, будто шторы были смазаны маслом, а огонь перехватил на себя ковёр. Мужчина принялся кататься по полу, в надежде спасти свою жизнь.

Зарево распространялось, но мне нужно было помочь человеку. Не нашлось решения лучше, кроме как выбить стекло деревянной скамьёй. Прозрачное, оно падало на снег. Я вылезла на снегопад. Холод проникал под ночную рубашку. Я боялась, но человек нуждался в помощи. Сначала спасти его, а потом думать о пожаре. Но что делать, я не знаю.

Я прошла по снегу, обратно к разбитому окну. Прежде, чем я решилась вернуться, по

диагонали окна упал карниз, создавая пламенный барьер. Перепрыгнуть было возможно, но только не отсюда. А вот он мог.

— Прыгай! — крикнула я в надежде, что мой голос будет услышан тем человеком. — Пожалуйста! Так ты спасёшься!

Звуков его движений я не слышала. Я подползла ближе, пытаюсь игнорировать кашель, чтобы посмотреть. — Прыгай...

Тёмная фигура прорвалась сквозь отверстие. Осколки стекла упали рядом со мной, будто снежинки. Подняв руки, я хотела защитить лицо, но ничто не могло защитить меня от того, что произошло дальше — охваченный пламенем, костлявый мужчина упал прямо на меня. Я отлетела к деревянной лавке, а голова откинулась назад, принимая следующий удар. Снег хрустел так, будто я стреляла в него.

Последнее, что я увидела — пламя, пожиравшее столовую.

ГЛАВА 3

Я открыла глаза, понимая, что светит солнце, а рядом со мной — мёртвый человек. Он лежал лицом ко мне, а спиной — к стене, которую уже полностью поглотило пламя и дымились только обугленные головешки. Увы, половина нашего монастыря была разрушена.

Я ахнула от ужаса. Голова ужасно болела, а сердце трепетало в учащенном ритме, сбивая с правильных мыслей. Встав на ноги, я стала паниковать ещё больше — я не понимала, где именно нахожусь.

Какая половина уничтожена? Какая?

Я поняла, что рядом — библиотека, а библиотека — под лазаретом. Мои лёгкие заполнились воздухом. Значит, часть, в которой Юлия, цела. То есть часть с сестрой Мирной, Кирой и Дашей. Но колокольни нет. Колокольня — часть восточного крыла. Крыла, в котором находились все Прорицательницы и раненый Безил, которых я заперла.

Я охнула, прикрывая рот рукой, чтобы заглушить всхлипы от наступающих слёз. Только четверо выжили. Четверо. Остальные Прорицательницы погибли. Я знала это потому, что не чувствовала их аур. Оставшийся лёгкий импульс, переходивший в дрожь, принадлежал сёстрам и больным, за которыми они присматривали.

Из этого мира ушло так много людей. Даже этот незнакомец, который умер рядом со мной. Столько смертей и разрушений. И всё из-за меня.

Горло разрывалось от моих всхлипываний. Плач стал только громче, когда я прижала колени к груди и села. Я прятала лицо в складках юбки. Почему я не открыла дверь в восточном крыле? Почему я не выпустила всех?

Боль внутри казалась невыносимой, она проникала глубоко внутрь, заставляя зарывать руки в снег, бить кулаками по груди и кричать, словно потерянный ребёнок. Возможно ли, чтобы один человек чувствовал так много печали, ярости и сожаления? Ни одна аура чистого человека не сможет заставить меня перестать страдать.

Я будто посмотрела на себя со стороны. Как я хищно улыбаюсь, запирая восточную дверь, как потягиваю похлёбку с незнакомцем, прекрасно зная, что мои сёстры-прорицательницы молят об освобождении. А я всего лишь хотела помочь крестьянам. Я была полна сострадания к ним, но человек, полный сострадания, никогда не сотворил бы столько ужасных вещей.

Стыд и потрясение не давали мне сойти с места, ночная рубашка была мокрой от слёз. Как ни странно, но помимо подола, остальное было сухим. Стало быть, его высушил огонь монастыря, который ценой нескольких жизней спас меня от того, чтобы не замёрзнуть

насмерть. Впрочем, ирония не приносила никакого облегчения. А лежавший рядом со мной человек... Он ничего не сделал и умер после того, как связался со мной. Его кожа была черной, покрытой волдырями, лицо обгорело до неузнаваемости, а остатки одежды прилипли к коже. Чего-то более ужасного в своей жизни я ещё не видела. И всё же, я не могла заставить себя встать. Где-то глубоко в душе я верила, что сейчас он откроет глаза и убедит меня в том, что всё это всего лишь кошмар.

Но, как бы долго я на него не смотрела, он всё равно не шевелился. Всё вокруг пребывало в спокойствии, и только я всхлипывала, обхватывая ноги руками. Мне часто хотелось побыть одной вот так, чтобы не чувствовать чужих эмоций.

Но я бы никогда не хотела почувствовать такое одиночество снова.

Час летел за часом. Я проснулась во второй половине дня, когда лучи солнца пробивались сквозь тонкие голые ветки восточного сада монастыря. Они отбрасывали тени, надвигавшиеся на меня. Я встала, ведь, так или иначе, нужно было зайти внутрь. Увидеть лицо сестры Мирны. Стоит сдаться и понести наказание. Но нет такого наказания, чтобы искупить всё это, даже за всю жизнь.

Скрестив руки на груди, будто пытаюсь уловить всё оставшееся в моём теле тепло, я обошла монастырь вокруг. Наверное, не будь Юлия в лазарете, она бы оказалась рядом со мной.

Единственное, чему можно было радоваться, так это тому, что она выжила.

Обломки всё ещё тлели и оставались горячими. Они преградили путь назад, поэтому я искала другой вход, более безопасный. Подняв подол чуть выше лодыжек, я побрела по холодному снегу. Ткань подола была вся запачкана гарью, а волосы были опалены на концах. Даже не хотелось представлять, что произошло с остальными. Сестра Мирна сразу же подумает о худшем. И будет права.

Я шла, понунив голову, поэтому тут же заметила след саней на снегу. Двери в монастырь же были открыты — прошлой ночью мне не захотелось утруждать себя ещё и этим. Вход был открытым, а неустойчивые петли скрипели.

Я напряглась, пытаюсь почувствовать хоть какие-нибудь эмоции людей вокруг, чтобы знать, чего ожидать. Или, того лучше, считать ауру гостей, чтобы понять, зачем они здесь. Сегодня мы не должны были никого принимать. Поставщики продовольствия были единственными, кого мы могли ждать, но они приезжали пять дней назад.

Сани стали звенеть ещё громче — скользя по снегу, бежала яркая тройка. Я удивилась, заметив трёх лошадей и сани. Но нет — нужно было думать о тех, кто остался в монастыре в живых. Если тройка здесь — это значит, что кто-то приехал по срочному делу. И этим кем-то, судя по моим ощущениям, был мужчина, скорее всего благородный — только благородные люди в Империи Рузанин имеют право разъезжать в санях, будучи единственным пассажиром, не учитывая прислуги. Вот только прислуги не было. Но почему нет кучера? Ни один благородный в Империи не будет сам вести сани.

Моё сердце встрепенулось, но я не могла понять: это мои чувства или чувства гостя.

Мужчина поднял руку, но тут же опустил, кинув лишь взгляд на сожженный монастырь. Как только лошади поскакали рысью, я смогла рассмотреть его более подробно. Как подобало мужчине из Эсценгарда, он был гладко выбрит, но был он, скорее всего, не оттуда — его черты лица были более характерными для Рузанинцев: тёмные брови, низко посаженные над глазами, длинный, но расположенный прямо по центру лица, нос. Самым выразительным был рот, будто не созданный для того, чтобы улыбаться или вообще его

открывать.

Чем ближе он становился — тем больше можно было рассмотреть. Я заметила, что он был не старше Нади. Его пыльно-каштановые волосы волнами развивались позади, хотя по длине достигали бы всего лишь скул. Он определённо был благородным — обычные люди не утруждают себя частыми стрижками. Он уставился на монастырь в изумлении, да так сильно, что трепет его взгляда отражался на моих чувствах. Но, будто почувствовав, что я смотрю на него, он тут же перевёл взгляд на меня и не сводил его, ни пока лошади приближали его к монастырю, ни пока он въезжал в ворота. Я понимала, что выгляжу плохо, но неужели, мой внешний вид мог поведать абсолютно всё?

Я не знаю почему, но мне хотелось, чтобы незнакомец только понимал: несмотря на обугленный монастырь, на него смотрит не несчастная девочка. А я выглядела именно так. Во всяком случае, именно так он должен был меня воспринимать. Я выровнялась, вытянула шею и смерила его таким взглядом, который мог сжечь.

— Ты можешь позволить себе думать обо мне только так, — я надеялась, именно это передаю своим взглядом. — Я — Соня Петрова. И со мной всё хорошо.

Он смотрел на меня, не моргая. Даже ветер не мог заставить его сделать это. Когда он уходил в конюшню, я почувствовала в нём маленькую искру восхищения, хотя его суровое лицо не выражало абсолютно ничего. Но это чувство заставило меня стоять ровнее.

Когда он исчез из поля зрения, я поймала своё отражение в битом стекле. Пламя позади меня всё ещё тлело. Восхищение, послужившее не более чем поводом для собственной глупой гордости, исчезла с ветром. Мои глаза были красными от всех тех слёз, которые я сегодня пролила.

Со мной не всё было хорошо. От макушки до пяток.

Я шла по каменному полу на онемевших пальцах ног, приближаясь к лазарету. Я надеялась, что смогу навестить Юлию незамеченной, пока на меня не разгневалась сестра Мирна.

Свет ламп озарял библиотеку, просачиваясь на первый этаж, пострадавший от пожара. Внутри раздались голоса. Они определённо принадлежали сестре Мирне и молодому человеку, который приехал на тройке.

— Отравлена? — сказала она и я отошла к стене, чтобы продолжать подслушивать. Мне было интересно.

— Четыре дня назад, — ответил юноша с таким тембром, с каким обычно говорят воспитанные аристократы. — Она выпила из чаши императора.

— И Изольда не почувствовала опасности?

Что-то сжалось в моей груди, когда я услышала имя Пророчицы императора. С ней что-то произошло. Что, если её отравили? Я никогда не встречала её лично, но знала, что та служила короне уже в течение пятнадцати лет. Одни девушки в монастыре хотели занять её место, другие — жили в страхе перед ней.

Напоминание об их смерти заставило меня сгорбиться.

— Нет, — ответил юноша.

— Ясно.

И мне — не всё. После того, как она сделала ошибку, находясь на службе Прорицательницы, у неё должны были быть проблемы.

Но если отравилась не Изольда, то кто?

— Тогда вы могли приехать только по одной причине, — голос сестры Мирны утих.

Если её эмоции были точно такими же, как чувствовала я сейчас, её злость стала ещё сильнее. Какая жизнь была уготована Прорицателю империи Рузанин, если можно закончить так, как закончила Изольда, допустившая ошибку? Даже в монастыре Прорицательницам угрожали смертью. Закон готовил нам виселицу, если мы отказывались служить императору. Некоторые сёстры даже вешались на колокольне, только бы не попасть в лапы императорских слуг.

— Боюсь, в свете произошедшего этой ночью, я не могу помочь вам.

— В последние несколько дней мы все пережили слишком много печальных известий.

Но закон есть закон.

— Я потеряла больше двадцати девочек!

Громкий стук кулака о стол разбил тишину. Я вздрогнула от того гнева, который вскипал во мне из-за его эмоций.

— А я потерял свою мать!

Приступ удушья охватил меня. Должно быть, он говорил о вдовствующей императрице. Она была той, кто отпил из чаши императора Валько. Изольда будет приговорена к смерти только за то, что попыталась спасти кого-то из королевской семьи. Стало быть, в библиотеке — младший брат императора, Антон Озеров. Но почему приехал сам князь, а не прислуга?

— Поэтому, какой бы печальной ситуация не была, я должен спросить, — принц Антон пытался взять себя в руки. — Кто в этом монастыре самая старшая?

Мои губы приоткрылись. Так вот что нёс в себе визит принца. Теперь правда открылась. Я ворвалась в комнату так стремительно, что едва могла дышать.

— Вы не можете взять Юлию! — я не сделала ни реверанса, ни вступления, как подобало перед человеком с его статусом, просто закричала. Сейчас он был для меня только ящером, которого послали забрать мою подругу.

Антон повернулся и, видимо, вспомнив нашу встречу во дворе, тут же меня узнал. Он по-прежнему был в верхней одежде. А это значит, что разговор не должен был быть долгим, он намеревался забрать Пророчицу сегодня же.

— Это Юлия? — он вскинул брови, а я пожалела, что вступила в дальнейший разговор.

— Соня? — выдохнула сестра Мирна. Она ринулась ко мне, минуя принца, а в глазах появился блеск. — Слава богам, ты жива!

Он подняла меня над землёй так, как раньше никогда не делала. Мне оставалось только держать руки по швам. Не потому, что это меня не тронуло, просто я испытывала угрызения совести. Как бы она отреагировала, если бы узнала, что я наделала? В любом случае, я обернулась на Антона, который удивлённо наблюдал за нами и руки сами сжались в кулаки. Он не заберёт Юлию. Я помогу ей сбежать, мы как-нибудь отыщем Ромска и будем свободны.

— Дитя моё, как ты выжила? — сестра Мирна вернула меня на землю и обхватила лицо своими морщинистыми руками. — Когда Безил запер всех в восточном крыле, я думала... — поток её речи остановился — она ждала моих объяснений.

— Я... — я разрывалась между тем, спасти Юлию или пожертвовать собой. — Меня не заперли в восточном крыле. Безил... Он...

Комок рос в моём горле, а взгляд скользнул на камин в библиотеке. Неужели кто-то в этом монастыре после такого всё же осмелился зажечь огонь?

— Да, где он? — сглотнула сестра Мирна. У неё было плохое предчувствие, хоть в голосе и звучала надежда. Её отзвук разливался по моему телу, как и горечь об умерших.

— Безил умер в пожаре, — ответила я, смотря на неё, хоть и хотелось оторвать свой взгляд. — Как и крестьянин.

Кажется, стены библиотеки сдвигались, настолько пристально она на меня смотрела. Зола в воздухе душила, ноги становились слабее. Только наклонив голову, я заметила, что на её фартуке кровь. Слишком много крови.

Моё дыхание стало прерывистым, и я посмотрела на принца. Его вид помог мне расправить плечи и снова стать ровно.

— Юлия не здорова. Она не может служить императору, — она только не здорова, ей всего лишь нездоровится.

— Юлия мертва, — категорично сказала сестра.

Мои лёгкие были опустошены, и мне срочно нужен был воздух. Чтобы хоть как-то удержаться, я схватилась за стул и стала ждать реакции принца или сестры, да кого-нибудь, кто сможет доказать, что это неправда. Мой язык не слушался, и я не могла сказать ни слова из того, что вертелось в голове. Всё, что я смогла сделать — это пальцем указать на её алый фартук. Она это сделала. Она убила Юлию тем, что выкачала у неё всю кровь.

— Кровопускание приносило свои плоды, — говорила она, а её голос был беспристрастным. — Лихорадка Юлии прошла, но потом, когда монастырь начал гореть и пламя не давало мне выйти, чтобы помочь тем людям, в восточном крыле, Юлия взяла нож и... — она посмотрела вниз, прежде чем продолжить разговор. — Она разрешила себе крупную артерию. Кровь шла слишком быстро — она покинула этот мир в одно мгновение.

Каждое слово ранило меня сильнее, чем удары в живот. Я это сделала, не она. Я заперла Прорицательниц, впустила того крестьянина, позволила его безумию управлять мной, разожгла огонь и сожгла всё на своём пути, причинила вред многим, убила их. Убила мою лучшую подругу.

Мне нужно было сесть. Нет, лучше стоять. Пойти и увидеть Юлию собственными глазами. Но нет — ноги будто были свинцовыми. Моё сердце вдруг стало слишком тяжелым. Иначе и быть не может. Как человек, способный хоть на какие-то чувства, сможет сделать то, что сотворила я?

— Простите, но...

Я растерянно взглянула на только что решившегося нарушить тишину принца. Он переводил взгляд то на меня, то на сестру, явно чувствуя себя не наилучшим образом после того, свидетелем чего ему пришлось быть. Могу только представить, что бы он почувствовал, если бы знал, что в сказанном сестрой на самом деле виновата я. Он, наверное, уже понял, что другая Прорицательница уже умерла. Она для него никто, как и все те, кто погиб в монастыре этой ночью.

— То есть... — принц продолжил. — Мне жаль, что вы так много потеряли, однако...

— Да вам всё равно, что или кого мы там потеряли, — я огрызнулась, не обращая внимания на то, что душу скребла совесть, хоть и оставалось некое покалывающее чувство печали. И она не исходила от этого человека. — Вы думаете только о том, что происходит у вас.

И я не упустила шанса упомянуть о смерти его матери, которая, естественно, не думала, что Прорицателей сгоняют в одно место, как рогатый скот, а потом заставляют служить как рабов.

— Сочувствую, — Антон нахмурился, но в его глазах не проскользнула ни одна эмоция. — Верите вы мне или нет, не имеет значения. Я не буду говорить об этом снова.

Я тиснула зубы. Пусть он рассердится. Гнев вообще полезное чувство. Я могла бы ударить его и сослаться на то, что меня ослепила злость. Но ещё оставался мой собственный страх — страх за Юлию.

— Я обязан быстрее вернуться во дворец. Закон, — Антон глубоко вдохнул и даже не дрогнул от моего взгляда. В последнее слово он вложил эмоции, которые я не могла распознать. — Закон требует, чтобы с собой я привёз самую старшую из Прорицательниц из Рузанина.

— Соня, — ко мне обратилась сестра Мирна.

— Да? — я посмотрела на неё, но она не видела никого, кроме принца.

— Остальные мертвы, — сказала она. — Юлия мертва. Соня — самая старшая.

ГЛАВА 4

Меня охватил ужас и удивление, осевшие где-то в животе. Судя по взгляду Антона и чувствам, отражавшимся у меня внутри, его реакция мало чем отличалась от моей. Наши взгляды встретились во взаимном недовольстве.

— Неужели, больше никого нет? — спросил Антон у сестры так тихо, будто думал, что больше никто этого не услышит.

— Остались двое, но они ещё дети.

— Да и она не выглядит старшей, — принц нахмурился, рассматривая меня.

Я поняла, что это было не прямое оскорбление. Это он не старше меня. Но много ли от этого толка, если я родилась раньше других выживших? Как сказал Антон, закон есть закон и... Мне нельзя слишком долго думать об этом. Рвотный позыв снова появился так внезапно, что я едва успела схватиться за стул. Этого не могло случиться.

— Соня будет готова в течение часа и сопроводит Вас в Торчев, — сестра Мирна сложила руки на обгарённом кровью фартуке.

— В течение часа? — я удивлённо переводила взгляд то на него, то на сестру. — Я не могу... Мы ещё не отправили Юлию в последний путь как подобает, а хоронить её нельзя ещё в течение трёх дней — в моём сердце снова появилась печаль, а глаза горели от слёз. Они не заставят меня уйти. Я не могу покинуть монастырь, не попрощавшись с теми, кто умер из-за меня. На этот день выпало слишком много жестокости.

Я чувствовала, что Антон пытается взвесить мои слова, тихо постукивая носком сапога по полу.

— Она была моей единственной подругой, — я тут же схватилась за то, что он не равнодушен к моим словам. Неужели, принц империи Рузанин не способен на сочувствие?

Тут, тук, тук. Его сапог стучал по каменным плитам ритмично. Возможно, его терзал тот же вопрос. Сможет ли он проявить сострадание к человеку без рода, которого, к тому же, видит впервые?

— Дайте мне всего лишь три дня, — моё сердце снова забилось быстрее. Через три дня я сделаю всё, что угодно. Даже приму то, что Юлия умерла. Мне нужно как-то с ней попрощаться. И отыскать способ сбежать, пока император не добрался до меня.

Звук от его сапог стих. В ожидании я даже перестала дышать.

— Мы должны уехать этой ночью, — его взгляд опустил на моё лицо. Он смотрел куда угодно, только не в мои глаза. Его слова ранили меня так сильно, будто я была сделана из глины. — Мой брат настойчив. Твоя трагедия его не тронет.

— Но смерть коснулась и его. Ваша мать...

— Не смей говорить о моей матери! — он указал на меня пальцем, словно угрожая мне

ножом. — Её похоронили, пока я ехал сюда, за тобой. Я не мог попрощаться с ней так, как этого требовали обряды. Я даже не мог быть рядом с ней, когда закрывали гроб. А всё это ради того, чтобы найти новую Прорицательницу — он пренебрежительно махнул рукой. В его словах слышалась горечь. — Для того чтобы защищать императора и его трон. Я пожертвовал этим ради долга. Так что поверь мне: Валко даже слушать о том, что тебя задержала какая-то причина, не станет.

Я собрала всю свою решительность в кулак, чтобы не отступить. Мысленно я пыталась выстроить щит против этого человека, чтобы он не задел меня. Но вместо этого позволила гневу проникнуть под мою кожу. Он был в моих венах, в моей крови, в сердце. Он укоренился так глубоко, что я наконец-то смогла выплеснуть его.

— Если Вы не можете сопротивляться собственному брату, то чем Вы лучше? Вы хуже: Вы — его марионетка.

— А ты бы смогла ему сопротивляться? Твоя голова окажется на плахе раньше, чем ты распакуешь сумки, — его глаза вспыхнули гневом.

— Сумки? С чего он взял, что у меня их больше, чем одна? — я засмеялась. — Только принц мог подумать, что у меня много вещей.

Что-то защекотало моё лицо, я ударила себя по щеке.

Откинув тёмно-синее пальто, Антон обнажил широкие плечи и повернулся к сестре Мирне. Она стояла до того тихо, что я даже забыла о её существовании.

— Если эта девушка — пример того, как воспитывают Прорицательниц в этом монастыре, то деньги на него Рузанин тратит зря.

— Соня здесь только восемь месяцев, — сестра бросила на меня испепеляющий взгляд.

Я снова провела рукой под глазами. Я плачу? Я никогда не плакала после приступа гнева и не могла сделать это пару минут назад.

— Император не сочтёт это оправдание приемлемым, — ответил Антон.

— Да, вы абсолютно правильно обозначили его роль в содержании этого монастыря, — сестра Мирна выпрямилась. — Давайте прекратим этот разговор. Соня уедет...

— Как только мы похороним Юлию, — закончила за неё я. — И отдадим дань уважения погибшим Прорицательницам.

— Дитя моё, что ты делаешь? — она нахмурилась, и её взгляд опустился на мои волосы.

Я опустила руку и только тогда поняла, что в ней остался клочок волос.

— Даша, — прошептала я, поворачиваясь к двери.

Маленькая девочка стояла босиком, в одной сорочке, на её голове осталось мало волос. Рядом же была Кира — она хныкала и глотала слёзы. Я коснулась её мокрой щеки. И как много они успели услышать?

— Ты тоже нас бросишь? — спросила Кира.

Эмоции, кипевшие внутри, вдруг остыли. Их осталось только двое, выжили только они и моё сердце раскалывается. Если я убегу, Антону придётся взять в Торчев Киру. Как я могу предать маленькую девочку, позволив занять ей моё место, если прошлую Прорицательницу казнили именно за это? Звучало как смертные приговор. Кира или Даша не могут туда поехать.

Я собрала всю решительность, которая только могла у меня быть и взяла руки девочек в свои. Мне нужно быть по-настоящему уверенной, иначе они прочитают всё по моей ауре.

— Вы должны быть храбрыми, — сказала я. — Сестра Мирна теперь зависит от вас.

Мои слова были абсолютно без эмоциональными и бесчувственными. Но Даша и Кира

стали уязвимее, чем когда-либо были. Мне нужно было заставить их найти в себе мужество, чтобы, находясь в такой разрухе, оставаться здесь и жить дальше. — Я поеду к императору и оттуда буду наблюдать за тем, как вы тут живёте.

Кира кивнула, пытаясь принять свою судьбу, но её слёзы никак не высыхали.

— И когда я приеду навестить вас, — я проглотила ком, что-то царапало меня изнутри. Конечно, император этого не допустит. — Даша, твои волосы будут такими длинными, что ты буквально будешь подметать ими залы монастыря.

Даша улыбнулась и я сделала всё от меня зависящее, чтобы запечатлеть в своей ауре лучик её надежды. Прикусив губу, я всё же поднялась с колен и повернулась к принцу лицом, но его эмоций я не замечала. Будто перед ним стоял барьер.

— Я поеду с Вами в Торчев, — сказала я. — Сегодня же. Если вы пообещаете, что восстановите эти стены и направите сюда стражу, чтобы эти люди защищали монастырь.

Во всяком случае, хотя бы что-то. Подвалы, естественно, целы, а камин в библиотеке можно использовать для приготовления еды, кухни ведь уже нет.

Антон перевёз взгляд на Киру, затем на Дашу, после чего и на меня. Он топнул сапогом несколько раз.

— Я обещаю.

Я радостно выдохнула. Если я сделаю ещё один шаг, то, видимо, рассыплюсь на сотни осколков.

— Тогда готовьте своих лошадей.

Нет, я не была готова. Сколько бы времени мне не дали, я всё равно не смогла бы подготовиться.

— Я готова, — сказала я.

ГЛАВА 5

Сестра Мирна стояла на снегу, перед почерневшим от пожара монастырём, а Даша и Кира вцепились в её юбку. Все они думали, что скажут мне на прощание, пока я ждала Антона и тройку.

Дыши, Соня. Просто дыши.

Я снова вспомнила то, как прощалась с Юлией в лазарете, изо всех сил вымаливая прощение. У сестры Мирны не было времени смыть алые следы и снять повязку с руки. Мои руки дрожали, когда я смывала засохшую кровь с её тела, гладила по рыжим волосам и находила в них клубки.

— Мне жаль, — повторяла я снова и снова.

Прикасаться к ней было мучением. Каждый раз, когда я ощущала её кровь на пальцах, перед глазами появлялись отголоски последних секунд её жизни. Страх, беспомощность, тревоги, жалость, печаль. И, наконец, уныние. Её страдания не давали вдохнуть мне воздух, из-за них моё тело ныло от боли, именно поэтому зубы сжались, после чего я закричала.

Потом меня захлестнула настоящая эйфория. Она смело приняла смерть даже несмотря на то, что к концу жизни её страдания были непосильными. Её гордость и мужество. Она оставалась храброй перед лицом смерти.

Я отложила тряпку и, сглотнув, взяла её руку в свою. В этот раз я расплакалась. Я упала на колени, в мольбах сжимая руку подруги.

— Прекрати! — сестра Мирна откинула мою руку от руки Юлии.

Мои глаза расширились от того, как быстро разорвался контакт наших аур. Мокрые ресницы не могли дать мне увидеть всё, но даже без этого я понимала, как сильно злится

сестра.

— Оставь её в покое! — сказала она.

— Я не навредила ей, — Меня поглотило её презрение, переросшее в позор от воспоминаний. Всё же, я защищала себя.

— Это противоречит вашей природе, дитя моё! — она начала нашептывать свою речь слишком резко. Я почувствовала, что она боится меня. — Никто не умеет считывать ауру мёртвых. Твой дар не обуздан. С тобой не всё так просто.

— Простите меня, — её слова кинжалом жалили меня, но это всё, что я могла сказать. — Пожалуйста, простите меня.

Сестра наклонилась к моему плечу, её страх перерос в раскаянье, проходившее сквозь кожу и даже кости.

— Чему я могла тебя научить? — её мокрая щека коснулась моей. — Как вообще можно было тебя чему-то научить?

Я покачала головой. Не знала. Что я могу ей ответить? Даже то, что на несколько мгновений она стала такой нежной, меня не успокаивало. Скорее такой жест с её стороны унижал меня.

— Вы в этом не виноваты, сестра Мирна, — она опустила руку. Мы обе знали, в чём она не виновата. Все те Прорицательницы, которые умерли. Даже если их и считают святыми, посланницами богини Фейи, империя не видит в нас ничего, кроме рабов.

На её глазах блеснули слёзы. Сестра Мирна отвернулась от меня и подняла свой подбородок.

— Послушай меня внимательно. Используй свой дар так сильно, как только можешь, ведь теперь это твой долг. Иначе, Соня, на твоих руках будет кровь больше, чем нескольких Прорицательниц.

Её предупреждение не придавало мне решительности. Она говорила о Даше и Кире. Мы обе понимали, что теперь девочки только под её опекой. И, если меня казнят, как Изольду, император доберётся и до них.

— Обещаю, — сказала я.

И теперь, когда я стояла в ожидании тройки, я повторила это снова, хоть сестра Мирна уже и не могла слышать меня — она стояла поодаль, вместе с Кирой и Дашей. Вторая поднимала на меня взгляд и улыбнулась самой нежной улыбкой. Она самая младшая из всех нас, поэтому должна подбадривать меня и успокоить сейчас, когда я нахожусь в упадке и в таком же упадке оставляю её я.

Я помахала ей, заставляя себя запечатлеть её улыбку. Я дала клятву и Юлии, и Даше, и Кире. Я могла бы стать лучшей Прорицательницей. И, если это означает оберегать императора и всю его династию, законы которой сделали мою жизнь такой, какой я её знаю, жизнь, в которой меня отобрали у родителей и отправили к Ромска. И, если весь этот путь не был пройден зря — я сделаю это.

У Юлии, в лазарете, я взяла ту статую Фейи и положила в свой багаж — вещи умещались в старую наволочку. Деревянная статуэтка будет мне напоминанием об обещании, которое я дала.

Мои колени затряслись, когда Антон вывел тройку. Я почувствовала, как сильно устали лошади. Это они, уставшие от путешествия или просто моя усталость? Последний раз, вдыхая воздух этого места, я медленно прошла рукой по черной ленте вокруг запястья, по знаку моего траура.

Сумерки сгустились. Порыв холодного ветра прошел сквозь моё тонкое серое платье, бывшего не более чем платьем больного, которого отправляли в лазарет. Это платье должно было быть на Юлии. Я должна была оставить его, чтобы именно в нём её и похоронили, но сестра Мирна настояла, чтобы я носила его в Торчеве. Это было лучшее, что мог предложить монастырь. Естественно, другие мои украшения и вещи были сожжены.

Мой взгляд скользнул к обгоревшему восточному крылу. Вернее, тому, что от него осталось. Туда я не смела приходить даже для того, чтобы просто попрощаться. Там всё ещё лежат кости Прорицательниц, которые прижимались друг к другу в предсмертных объятьях. Где-то среди них была и Надя. Это она должна была ехать в Торчев, не я. Я пыталась смотреть на это крыло как гордая Прорицательница, но всё, чем смогла себя одарить — это ненавистью.

Тройка оказалась прямо рядом со мной.

— У тебя вообще меха нет? — спросил он. Его взгляд скользнул на одеяла, которыми были обернуты мои плечи. На холодном воздухе его аристократический нос стал розоватым, как и щёки. Он смотрел на меня так пристально, что я задрожала.

— Я никогда не надеваю мех, — я пыталась не выдавать в своём голосе беспокойство. Я не могу позволить себе думать о том, что принц позволит себе быть добрым. Я поеду с ним, буду служить его брату, но ни сейчас, ни через много лет, он не станет моим другом. Он — лицо Империи, есть на его голове корона или нет.

— Почему? — спросил он, поколебавшись пару мгновений. Кажется, он боролся со своим любопытством и проиграл, поэтому решил спросить. Даже несмотря на то, что для этого придётся заговорить со мной. Я знала, что он думает обо мне также как и я о нём.

— Я чувствую ауру зверя, у которого эта шкура раньше была, — прямо ответила я. — Я чувствую, как умираю я. Так что лучше я помёрзну, чем буду страдать.

Он не ответил ничего, только повёл бровью и этот жест, в общем-то, меня удовлетворил. Может, моё признание было достаточно странным, чтобы он думал о нём всё наше путешествие и молчал?

Когда я должна была сесть в сани, он протянул мне руку в перчатке. Я схватилась за его руку и, удерживая большую часть своего веса, попыталась запрыгнуть, чтобы он не возомнил о себе слишком много. Но он не стал помогать мне снова. Протянутой руки и так хватило для того, чтобы на моих щеках появился румянец.

— Это нормально? — спросил он. — Нормально для Прорицательницы чувствовать то, что ощущали мёртвые?

Он поправил перчатки и поместил бразду меж них. Его манера была случайной, спонтанной.

— Для меня — да. Сестра Мирна сказала, что мой дар противоречит природе, — я сжала губы. Слишком много говорю, ему не стоит знать об этом. Не буду говорить по этому поводу даже во дворце или... стоит? Всё вокруг нас стало затягиваться пеленой, становясь будто призрачным. Снег пошел. Снова.

Я оглянулась на сестру и двух маленьких девочек. Они всё ещё ждали нас, хоть и заметно дрожали от холода.

— Мы уже должны ехать, — я потянула одеяло на себя. — Обычно, в это время по лесу ходят волки!

Что-то во взгляде Антона меня запутало, даже несмотря на то его тепло, которое я чувствовала. Он вообще меня слушал?

Я сразу же подумала о том, как я выгляжу. Наверное, на моём лице всё ещё оставался след копоты, который мыло из лазарета смыть было не способно. Я нетерпеливо прикоснулась к коже лица. Просто для того, чтобы увериться в этом и понять, что я не готова ни к встрече с императором, ни к своей новой судьбе.

Он откашлялся и стал осматривать меня, пока не остановился на переносице. Также он делал и в монастыре. Затем, щёлкнув языком, он потянул вожжи, и лошади двинулись вперёд. Моё сердце сильнее забилося в груди. Это случилось. Я оставила позади всё, что знала. Снова. Я не жила в монастыре так долго, чтобы назвать его домом. Даже то время, что я провела с Ромска, всегда проходило в движении, от каравана к каравану, чтобы скрывать меня. Теперь оказалось, что меня прятали напрасно. Императорский дворец — вот то место, где я останусь надолго. Но станет ли это место когда-нибудь моим домом?

Волнуясь, я обернулась, чтобы ещё раз посмотреть на ту женщину, которая пыталась научить меня, покорить меня, подготовить меня к судьбе Прорицательницы, если однажды мне придётся ею стать. На расстоянии, я пыталась понять, что чувствует сестра Мирна. Она опечалена тем, что я уезжаю? Тройка ускорила. Сестра положила руки на маленькие плечи Даши и они, вместе с Кирой, зашли внутрь разрушенного монастыря, даже несмотря на то, что меня всё ещё можно было увидеть. Моё дыхание перехватило. Горечь от того, что я покидаю Ормину, к сожалению, не была взаимной. Закрыв глаза, я попыталась напомнить себе, что это и к лучшему: так я точно не причиню вреда этим троим, любовь к которым осознала слишком поздно.

Я прижала колени к подбородку, чтобы согреться. Мою уверенность разрушало то, что в городе, где живёт император, на десять тысяч людей больше, чем в этой деревушке недалеко от моря. На десять тысяч людей, которым я могу причинить вред, больше. Единственное, что я могу сделать — оставаться к ним безразличной. Потому, что те, кого я люблю больше всего на свете, о ком больше всего забочусь, зачастую и разрушают меня.

В конце концов, тишину нарушила я. Кажется, Антон дал себе обещание, что всю поездку будет хранить обет молчания. И. всё же, три дня — это слишком много, чтобы находиться только наедине со своими мыслями. Особенно учитывая то, что, как Прорицательница, она чувствовала, что Антон тоже хочет говорить. Во всяком случае, мне хотелось верить в это больше, чем в то, что я сама желаю этого, даже если придётся говорить с принцем. Только бы не беспокоиться о своей судьбе, о той вине, которую я взвалила сама на себя из-за убийства людей, которых я оставила позади. Беседа с Антоном была лучшей идеей, чтобы забыть о тьме в моей голове.

— Это обычное дело для принцев, управлять своими санями?

В попытках сформулировать свой вопрос я провела около часа, стараясь подобрать слова, которые будут самыми подходящими. Он заметит моё обращение? Будет дерзить? Или подумает, что я смеюсь над ними потому, что всю прошлую ночь он скакал? Это был первый день нашего путешествия, ещё даже не наступил рассвет. Мы всего лишь в лесах за пределами Ормины, а я уже хочу говорить. Я думала, что моя воля — железо, но на самом деле она оказалась оловом.

Лунный свет пробивался сквозь ели, и благодаря ему я заметила острый взгляд Антона. Я напугала его этим вопросом или просто раздражала?

— Для меня — да, — он использовал те же слова, которыми я отвечала ему там, перед монастырём.

— Когда мой караван шел мимо Дуброва, — сказала я. — Мы должны были стоять на

дороге четверть часа, пока барон шел мимо, в окружении двадцати охранников и слуг. Двадцати. И это был барон, не принц, не единственный наследник Империи. И, всё же, вы приехали один.

Это было известно всем. На данный момент император не хотел жениться или заводить детей. Он был всего-то на год старше, чем его брат. Они близки, но всё равно считали друг друга соперниками. Или просто я верила слухам.

Антон смотрел вперёд, пытаясь сесть удобнее и чуть дальше от меня. Расстояние было небольшим, но я чувствовала, что повеяло холодом. Он мог бы дать мне то тепло, которое так мне нужно, чтобы мои зубы не стучали даже несмотря на то, что я закрыла рот. Если бы полущубок материализовался прямо передо мной, я бы даже пожертвовала своими убеждениями.

— Караван? — спросил он, избегая точного ответа. — Ты что, из Ромска? По внешнему виду и не скажешь.

Мои пальцы коснулись кончика тёмно-русой косы. Рузанинские Ромска всегда отличались оливковой кожей, тёмными волосами и карими глазами.

— А я и не сказала, что я родилась среди них. Просто была с ними достаточно долго.

— Потому что ты — Прорицательница?

— Да

— Потому что ты скрывалась от Империи?

— Да.

— Потому что твои родители думали, что лучше сдать тебя кочевым племенам, чем лишиться свободы?

— Да, — я поёжилась, но не от холода, а от того, как точно он всё сказал.

— Если бы обрести свободу в Рузанине было так просто, — он быстро вдохнул немного воздуха и громко засмеялся. Его дыхание стало паром.

— Вы думаете, что всё, через что я прошла, было лёгким испытанием? — его хамство меня поражало. Я ошарашенно уставилась на него и смогла бы сказать хоть что-то, пока ухаб на дороге дал мне неплохую встряску.

— Я не сказал, что это было просто. Нет ничего общего между простым заданием и тем, что ты не могла стать свободной, как бы не старалась.

— Вы ничего не знаете обо мне! — огрызнулась я. Он не унижал меня — он просто подумал, что я простушка. Ещё одна простолюдинка, которая только о том и думает, чтобы быть вне империи. Нет сомнений: он точно считал себя тем, кто сможет поймать таких людей и вернуть назад.

— Я говорю о настоящей свободе.

— Да, которой у меня никогда не было. Спасибо, у меня было семнадцать лет, чтобы это понять.

— Для человека, который обучался управлению эмоциями, ты слишком быстро вспыхиваешь, — его брови поднялись.

— Обучался? — я засмеялась так, что даже стало теплее. — Разве не видите, насколько я неподготовлена? Я всю жизнь провела, не имея настоящей свободы, скрываясь от вашей империи. А могла бы оттачивать своё мастерство, которое сейчас очень пригодилось бы. И если я злюсь, то это только потому, что вы не можете сдержать гнев.

— Я не злюсь.

Мои пальцы превратились в кулак. Я почувствовала вспышку ослепляющей боли

животного, которое, скорее всего, было забито на императорский стол. Но эта боль не могла затмить моего гнева. Антон прав, он не злился.

— А должен, — сказала я, несмотря на то, что его лицо выражало лишь любопытство. И внутреннее состояние полностью отвечало этому. Это значит, что я могла успокоиться. Во всяком случае, не усилить свои чувства.

— Ты никогда не отвечаешь за собственные эмоции? — спросил он.

— Просто они слишком часто принадлежат кому-то другому, — мои зубы стиснулись. Почему он не сердился? Там, в монастыре, он был достаточно зол. Почему сейчас он просто показывает мне, насколько я глупая?

— Тебе слишком сложно понять разницу?

Я прикусила язык, чтобы не сказать что-то лишнее. Он бы не стал снова меня изводить. Этот разговор надоедал. Я бы попыталась разгадать то, что он чувствует более подробно и почему он управляет тройкой один, но тогда мне придётся самой рассказывать слишком много секретов: откуда я, почему сбежала, и, самое ужасное — горькая правда о том, что я самая плохо подготовленная Прорицательница на грядущую должность.

— Валко сделает из тебя котлету, — после протяжного молчания, Антон покачал головой.

Я вспыхнула и отодвинулась так далеко, как смогла, пока мое бедро не оказалось на холодной стороне саней. Я не нуждаюсь в очередном напоминании о своих мрачных перспективах из его уст.

— Я буду спать, — сказала я так, будто мои нервы усыпить было так просто.

— Замечательно, — он продолжал управлять поводьями, чтобы лошади бежали быстрее. — Спи, пока можешь, Соня. Скоро ты поймёшь, что лучше бы я выбрал кого-то другого.

Я нахмурилась, пытаясь поудобнее улечься в санях. Что он имел в виду? Он хотел сказать, что в его силах дать мне другую жизнь? Я вспомнила, как он стучал сапогом по полу, как смотрел на меня. Он знал, что я буду не лучшей Прорицательницей. Конечно, он хотел бы выбрать кого-то другого, так как должен был служить династии и брату. Я думала об этом, пока цоканье лошадей не замедлилось, а спокойное дыхание не рассеяло мои мысли и гнев вместе с ними.

Засыпая, я слышала своё имя снова и снова, где-то в чертогах моего сознания. То, как он это говорил. Может, это потому, что из его уст это звучало впервые. Или, возможно, в этом шепоте — Соня — скрывалась жалость, которую принц проявил хоть к кому-то. К такой девушке, как я.

Ирония была в том, что мне больше не хотелось его сострадания. Мне просто хотелось убежать от всего того, кем я была, что делала, что сделаю или просто остаться в состоянии безразличия.

ГЛАВА 6

Попавший на нос снег заставил меня проснуться. Резкий свет прорвался сквозь веки, как только я их открыла. Я поняла, что в санях одна, а лошади опустили головы в разбросанное вокруг сено. Я села. Всё тело болело, ведь так, в неудобном положении, я провела немало часов.

Где же Антон?

Справа от меня оказался какой-то дом. Вдалеке, над сверкающим снегом, сияла деревня, с дымом из труб буквально в каждом домике. Стало быть, там будет удобная

гостиница и хорошая горячая еда, мягкая кровать. Тогда зачем мы остановились именно здесь?

Антон ошибался, если думал, что я буду оставаться в санях так долго, как ему нужно. Я встала, и одеяло тут же спало с меня, приземлившись прямо у ног. Это было определённо не то лёгкое покрывало из монастыря. Это было шерстяным, серого мышинного цвета, с вышитыми цветами по краям. Я догадывалась, что это — то одеяло, на котором сидел Антон, управляя тройкой, но ночью света было мало, поэтому я даже не пыталась его рассмотреть.

Должно быть, он укрыл меня сразу же после того, как я заснула.

Одно видение, поток сильнейших эмоций захлестнул меня в тот момент, когда я коснулась вышивки. Алый цвет нитей на одном из цветков казался более глубоким, чем все остальные, а строчка казалась более тщательной. Мой желудок снова сжался. Он в крови. На уголке серебряными буквами были вышиты буквы — «Е.О.»

Екатерина Озерова. Вдовствующая императрица. Мать Антона.

Его мёртвая мать.

Я отпрянула от этого предмета, чтобы случайно не почувствовать то, что чувствовала императрица. Но и оставлять у ног его нельзя. Поэтому я, аккуратно взяв его за самый край, пытаюсь не задеть тот кровавый цветок, аккуратно свернула его и положила на сторону Антона.

Выйдя из саней, я стала спокойно осматривать дом. Интуиция подсказывала, что лучше оставаться незаметной. Слава Фейе, здесь не было так много снега, как в Ормине — я буквально шла по сахарной пудре. Подойдя к углу дома, я заглянула в окно.

В паре метров от меня, на пороге за дверью, стоял Антон, а вот того, с кем он разговаривал, мне рассмотреть не удалось. Небольшая мозолистая рука протянула ему сумку, а другая, уже другого человека, указала на аметистовое кольцо на руке принца и вручила конверт, который Антон тут же положил за пазуху.

Я наклонилась вперёд, пытаюсь понять, что чувствовал Антон и остальные, но руки предательски скользили по обледеневшей планке дома. Я даже взвизгнула, и Антон тут же повернулся в мою сторону, но я успела спрятаться за стеной и заткнуть себе рот.

Моё сердце билось в бешеном темпе, а грудь сбилась с ритма, слишком часто дела вдохи и выдохи. А если бы он меня увидел? Разве это имеет значение? Почему я подумала, что он сочтёт это вмешательством в какие-то свои тайны?

Только один ответ был правильным: чувство скрытности исходило от него. Он не хотел, чтобы хоть кто-то видел этот обмен. Я пыталась понять то, что я видела. Судя по рукам, женщина была обительницей этого скромного дома, а не благородный мужчина был явно не отсюда. Им запрещено встречаться? Если да, то почему он скрывал это от меня? Я же не просто девушка. Я — Прорицательница государя, его шестое чувство.

Шаги Антона приближались. Они были грубыми и тяжелыми настолько, что, кажется, он даже и не думал об осторожности. Как и я.

— Так вот ты где, — пытаюсь изобразить полное доверие, я вышла из-за угла, изображая удивлённый взгляд. Зря. Если раньше он меня ни в чём не подозревал, то сейчас — определённо.

Его глаза сузились, и он одарил меня кивком, а я, увы, не присела в реверансе. Нужно изучить дворцовые привычки. Император, думаю, будет не настолько терпелив, как его брат.

— Мы остановились, чтобы отдохнуть? — спросила я так, будто не видела в его руках

сумки. Скорее всего, там была еда, а это значит, что мы не будем останавливаться. — Император же не может приказать Вам ехать и туда, и обратно без отдыха. Во всяком случае, лошади могут восстановить свои силы.

— Если бы у нас было время, я бы разрешил тебе похоронить твою подругу, — под его глазами были заметны небольшие круги. Он отвечал безразлично. Меня охватила печаль от того, что Юлия всё ещё лежит там, в лазарете и ждёт, пока её похоронят.

Принц осмотрел сначала меня, потом и тройку.

— Если ты голодна, там есть немного еды, — он вручил мне сумку и направился к саням.

— Кем бы они ни были, они очень хорошие люди, — последовав за ним, я слегка закусил губу. — Вы их знаете?

— Я думал, что было бы разумнее остановиться в деревне, — принц расправил плечи и откашлялся. — Но меня могли бы узнать, и мы добрались бы не так скоро.

Он шагнул в сани, причём так лихо, что мне это показалось проще простого. И в этот раз я уже не отказывалась от его помощи, а просто протянула руку в ответ. Он дернул меня так сильно, внезапно, что я почувствовала себя лёгкой, как пустая матрёшка. Но это воздушное чувство исчезло после того, как я споткнулась носом о сани и... уткнулась носом в грудь принца. Стало быть, у меня не было ни шанса сесть грациозно.

— Простите, — пробубнила я, быстро отстранившись.

На его щеке тоже появился румянец, но скорее всего от холода. Наверное, такого с ним не случалось ещё никогда. Он снова посмотрел на мой нос, но тут же отвёл взгляд. У меня уже начали зарождаться подозрения о том, что с моим носом что-то не так.

— У тебя кровь, — заметил он.

— Ой! — я коснулась носа и почувствовала, как струйка тепла скользнула ко рту.

— Вот, — он сунул руку за пазуху и дал мне носовой платок. Что-то упало на землю. Сложенный в несколько раз лист бумаги.

Я забыла о крови и наклонилась за листом одновременно с ним. Бумажка приоткрылась, позволяя мне увидеть не слишком понятный почерк и всё, что мне удалось разобрать перед тем, как он забрал у меня эту вещь — «полночь» и «канун Морвы».

Он резко встал. Его пальто шелестело, когда он аккуратно положил письмо назад. Я же осталась стоять на коленях, всматриваясь в пол и ругая себя за дерзость. Как же мне оправдать себя?

— Сожалею, что Вам пришлось стать на колени из-за меня, — неловко поднимаясь, я прислонила платок к носу, чтобы кровь снова не хлынула, а её капли не капали с подбородка.

Антон казался злым и, судя по вспыхнувшему огню гнева у меня внутри, это был его гнев, не мой. У меня не было причин злиться.

Его мышцы напряглись, а руки выпрямились, когда он сел на своё место и взял в руки вожжи, но, едва не подняв лошадей, он заметил одеяло, которое лежало под ним. Его взгляд был непонимающим, будто он не помнил, куда в последний раз его положил.

— Это одеяло Вашей матери? — я привела рядом.

Его глаза резко расширились.

— Оно было с ней, когда она умерла? — как только задала вопрос, я тут же прикусила губу. Ответ на этот вопрос был ясен, и волна бешенства внутри меня была тому подтверждением. Может, сейчас не время говорить о том, что я почувствовала, когда

коснулась вышивки. Я хотела что-то добавить, чтобы сгладить его разочарование, но от этого легче не стало бы.

— Хочешь поговорить о смерти своей подруги? — его брови сдвинулись.

Я тут же отмахнулась, затем даже неожиданно для себя дотронулась до ленты на запястье.

— Вот поэтому и не говори со мной о матери. Никогда.

— Но я всего лишь...

— Ни-ког-да.

Я сглотнула и кивнула. Мои руки сжались в кулаки, когда я пыталась бороться с гневом, который пронизывал меня, оглушая. Но затем мне стало легче. Он должен был бороться с гневом, чтобы никто не видел его эмоций.

— Тебе нужно поесть, а потом отдохнуть, — сказал он и снова посмотрел на мой нос, на платок. Он вообще представляет, как сложно мне сейчас есть? — Надеюсь, к ночи доберёмся до Искера. Для нас обоих будет лучше, если ты заснёшь.

— Я не устала.

— Мне всё равно.

— Может, если мы не может говорить о вашей матери, то обсудим, что произойдёт в канун Морвы? — я скрестила руки на груди. Видит Фейя, я пыталась удержаться, но не смогла. Как вообще возможно сдерживаться, если я чувствую то же самое, что и он? Мой задор его по-прежнему раздражал.

В его глазах появилась молния, которой, кажется, он готов был ударить меня в любую секунду. Он открыл рот в попытке что-то сказать, но снова его закрыл. Он не знал, как ответить и как со мной совладать.

Моё тело дрожало так сильно, как никогда, ведь он начинал терять контроль. Часть меня хотела успокоить себя, успокоить его, но вторая разрывалась от гнева и не хотела с ним совладать.

Но вместо гнева, он повернулся ко мне и ухмыльнулся.

— Это я, Соня? — он указал на мои кулаки. — Ты — всего лишь моё отражение?

Я не знала, как ему ответить.

— Я — больше, чем Ваше отражение, — железный привкус крови появился во рту, так как при разговоре зажимать нос было труднее.

— Тогда я попрошу тебя отыскать в себе место, которое принадлежит только твоим эмоциям, иначе до встречи с императором ты не доживёшь. Есть только одна вещь, касающаяся моей матери, которую я хочу, чтобы ты знала: она всегда говорила, что я снисходительный, — он поднял брови, и я сразу поняла его намёк. — Подумай об этом.

Не говоря больше ни слова, он вернулся к лошадям, и мы тронулись, проезжая по лёгкой пудре снега. Я сидела на своём месте, но чувствовала, будто меня отбросили в сугроб. Я была удивлена тем, как проворно Антон поставил меня на место.

С каждой милей мы приближались к Торчеву, а я — к правителю Империи Рузанин и почему-то я чувствовала, что именно от его руки я и умру. Хотелось прыгнуть и убежать. Единственное, что сдерживало меня — это образ Даши, либо Киры и деревянный идол у меня в наволочке. Всю дорогу я прижималась ногой именно к нему, а обещание, данное мной Юлии, придавало мне сил. Мою веру в себя укрепляло и то, что она мужественно приняла свою смерть. Я не позволяла Антону меня напугать. Нужно было отыскать внутри себя место, где нет ни одной эмоции и уцепиться за него.

Император Валко не станет последним, что я увижу в этой жизни.

Несмотря на то, насколько Антон был решительным, он не мог не засыпать, ведь не отдыхал уже вторую ночь. Он задремал уже в третий раз и дёрнул поводья так резко, что я потребовала, чтобы я заняла его место. Идея ему не нравилась даже, когда я рассказала, что у меня есть опыт. Ромска живут торговлей, в караванах, и они зависят от лошадей. Да, я чувствовала ауру, а, значит, хуже покорителя для дикой лошади не найти, но у меня были поводья и я могла справиться.

Но принцу было всё нипочём. Наверное, он думал, что я заведу тройку в горы и сброшу его в ущелье. Это была моя мысль.

В конце концов, он решил провести остаток ночи в маленькой гостинице меж деревнями. Сняв пальто и обнажив королевскую голову, он укутался одеялом своей матери, тщательно следя, чтобы вышивка на концах не запуталась и ни за что не зацепилась. Он кинул хозяину три монеты и попросил одну комнату на двоих: для него и для его «жены». Но, когда я увидела эту комнатку, я побледнела, увидев одну кровать.

Но моё беспокойство было напрасным. Как только хозяин откланялся, Антон принялся складывать одеяло на полу, формируя подушку.

— Ложись, — хмуро пробормотал он.

Я смотрела на него ещё некоторое время, раздумывая, могу ли я спать на кровати, когда он, благородный и уставший принц, ютится на полу. Но, когда я заметила, как он улёгся прямо на деревянные полки, своим телом забаррикадировав выход, я поняла, что это не жест доброй воли — он просто мне не доверяет. Отвернувшись, я вытянулась и наконец-то радовалась тому, что ноги отдохнут. Но я всё ещё надеялась, что он заработает себе много заноз.

Что-то толкало меня в плечо, когда я заметила, что от света яркого солнца, комната стала серой.

— Юлия? — спросила я, откидывая руку от лица. В таком положении я обычно сплю.

— Нам нужно ехать, — раздался громкий недовольный голос принца Империи.

Потеря моей подруги будто обрушилась на меня с новой силой. А то, как он давил на меня, заставляло плакать. Но Антон не увидит мои слёзы.

— Одну минуту, — тихо прошептала я.

Его тёплая рука, до сих пор лежавшая на моём плече, исчезла. Его шаги удалялись, пока он не подошел к двери. Я же сделала несколько вдохов. Нужно было бороться с внезапно накотившим горем. Либо выдохнуть всё одним махом, либо снова спрятать в себе. Сейчас не время углубляться в чужие эмоции и терять себя. Когда я доберусь до дворца, там у меня будут собственные покои, где я и буду убиваться от печали в одиночестве.

Антон не сказал ни слова, хоть из моего горла и вырвался тихий всхлип, а эмоции взяли верх. Он стоял спиной ко мне и терпимо отнёсся к тому, что на сборы мне понадобилось несколько минут. Принц просто опустил голову, накручивая на палец нить из одеяла матери.

Наконец, я села на кровати, откинув на спину запутанную косу. Затем нашла в себе силы, чтобы подойти к двери. Антон же вдохнул, чтобы что-то сказать, но... не сказал. Он предостерёг меня: мне нужно контролировать эмоции, чтобы стать хорошей Прорицательницей. И ещё одну лекцию об этом я бы не выдержала. Я просто открыла дверь и вышла из комнаты.

Мы молча пришли к конюшням. Я сидела в санях, пока он не подтянул лошадей. Солнце только-только поднялось над горизонтом, когда мы преодолевали последний отрезок пути.

Мы ехали почти всю ночь, поэтому должны были добраться раньше.

— Мы доедем до Торчева к полудню, — сказал Антон.

Это были его последние слова, сказанные им вплоть до того, как над нами стали возвышаться стены столицы Империи Рузанин. Тройка уставших лошадей и два не менее измотанных путешествием пассажира ступили за ворота города императора.

ГЛАВА 7

Я смотрела на этот величественный город, и глаза сами собой увеличивались, как у ребёнка. Настолько удивлённой я была только тогда, когда ещё в детстве впервые увидела, как Ромска танцуют вокруг костра.

— Как я буду жить среди этих людей? — спросила я себя. — Как я стану одной из них?

Те же вопросы терзали меня, и когда я заметила высокого дворянина в лисьей шапке и вышитом пальто. У дамы же рядом с ним был подобный головной убор, но от него спускались нити жемчуга, заканчивавшиеся у подбородка. А за этой парой открывался вид на великолепный дворец в свете полуденного солнца. Но, несмотря на всё это, живот болел. Всё же, мне нужно было что-то большее, чем твёрдый сыр и немного хлеба из той сумки, которую отдали Антону. Но, возможно, мой голод просто разыгрался от того, что дворец напоминал большой торт.

Высокие арочные окна были будто засахарены, а края были отделаны разноцветной плиткой. Сеть замысловатых гравюр заставляла стены выглядеть словно глазуревыми, а на конце каждой башни, казалось, есть что-то круглое и сладкое.

В сравнении с этим, всё, что я когда-либо видела в империи, казалось унылым и тусклым. Прошло несколько мгновений, чтобы я смогла оторвать взгляд от замка. Только тогда я заметила ряды причудливых лавок с их резными навесами, интересно окрашенные дома. Но самым ужасным было то, что я начала чувствовать весь этот город. Нищий мальчишка с босыми холодными ногами; возмущённый и злой мужчина, выливший на улицу всё содержимое ночного горшка; усталость вешавшей на верёвку вещи беременной женщины; опасавшегося чего-то, но прятавшего свой взгляд ото всех присутствующих дворянина.

Чем глубже мы заходили в город — тем больше людей становилось. Они буквально наводняли улицы; они были везде, куда ни посмотри. Некоторые протягивали руки в ожидании милостыни, другие рассматривали свой товар из резной кости или меха мелких животных. Всматриваясь во все эти толпы людей, я чувствовала их, их отчаянье.

Но чувствовала ли я их всех? Или же я просто боюсь того, что случится, если я попытаюсь это сделать?

— Ты в порядке? — спросил меня Антон.

— Их просто слишком много, — моё тело дрожало так сильно, что пришлось схватиться за край так, что костяшки побелели.

— Ты не привыкла к толпам людей? Ромска же торгуют в городах.

— Нет, они прятали меня от всего этого, — я всплеснула руками. — Они передавали меня другим караванам или прятали в деревьях, пока не вернутся с работы.

Опыт показывал что-то подобное тому, что произошло в монастыре. В памяти вспыхнули картины прошлого. Когда мы пошли на рынок, чтобы практиковаться в способностях, сёстрам пришлось закрывать уши от того, как я кричала в порыве безумия.

— Почему? — нахмурился Антон. Позади него толпа была яркой и постоянно двигалась. — Что происходит, когда вокруг так много людей?

Где-то в толпе заплакал ребёнок. Звук был таким громким, что я невольно всхлипнула, зарыла лицо в волосы и прижалась к Антону. Для него это было так неожиданно, что он отпустил поводья, но тут же поймал их снова. Наша тройка шла медленнее, чем все эти люди.

— Я не могу этого сделать! — пробормотала я не слишком понятно — мои зубы стучали, но не от холода: я чувствовала тепло Антона. Где-то там есть кто-то, кому холодно. Их может быть много.

— Это же принц! — девушка моего возраста покосилась на Антона. Она посмотрела на меня и вопросительно изогнула брови, а в её ауре я почувствовала пятна ревности. На площади что-то разбилось, а затем люди принялись кричать, биться на кулаках.

— Хватит, — сказал мне Антон, напряженно сжимая губы в тонкую линию.

— Прости, — я поняла, то мои ногти впились в его кожу, выше колена. Я отпрянула.

— Наверное, она — новая Прорицательница, — глаза девушки стали шире, и она ткнула в меня пальцем. Её ревность смирилась трепетом. Её энергия колола мне кожу. — Принц привёз новую Прорицательницу!

Головы людей на площади стали поворачиваться ко мне, утих даже кулачный бой. Теперь я чувствовала не только девушку. Я чувствовала, как эмоции толпы сотнями ножей истязали мою кожу. И с каждым разом раны становились всё глубже.

Слёзы хлынули по щекам. Слишком много от меня ждут, слишком много людей на площади, слишком много эмоций, чтобы определить и успокоить.

— Пусть они перестанут, — я прижалась к Антону и взмолилась, едва разбирая свои же слова. — Я... Я не могу этого сделать.

Дорога, по которой мы должны были ехать, была перекрыта людьми, поэтому мы оказались в ловушке.

Его тревога, беспокойство, доходили до меня — я чувствовала это в тепле кожи под его рубашкой. Но он ощущал не так сильно, как люди вокруг.

— Не смотри на них, — он взял в руки вожжи и попытался медленно сдвинуть лошадей с места.

— Это не поможет, — я с силой закрыла глаза и почувствовала, будто внутри меня сотни пчёл, для которых улей уже слишком мал. Я не могу себя контролировать. Ощущаю что-то сродни тому, что произошло в ту ночь.

— Подумай о чём-нибудь другом.

Я представила себе Ильинов океан, на который часто смотрела с колокольни монастыря. Я думала, что все эти крики Торчева — это шум высоких волн. Прорицательница, говорила мне вода. Просто девчонка. Слишком маленькая девчонка. Вода достигала дна, закрадываясь в мои чувства: тёмные и необычные, горькие и опасные. Волны росли, вода поглотила меня, вытолкнула на поверхность, отбросила. Я не могу дышать.

— Соня, открой глаза, — рука Антона скользнула по спине, поддерживая меня. — Посмотри на меня.

Я уткнулась носом в пальто. Моё тело охватило безумие. Мне оставалось только смотреть на него снизу вверх.

— Думай обо мне, — он пытался казаться спокойным, но это было не так. Я чувствовала, что он волнуется сквозь ткань пальто. Он не верил, что я смогу. Я не верила, что смогу.

— Вас не достаточно, — сказала я.

— Нет, меня достаточно. Будь со мной, — он прижал меня сильнее. — Посмотри на меня. Думай только обо мне.

Сердце билось в бешеном темпе. Так сильно, что я не могла сосредоточиться. Позади Антона — сотни глаз. Становилось всё более людно, люди даже упирались в сани. Антон отпрянул от меня.

— Что ты видишь, когда смотришь на меня?

— Вы... — раздраженно ответила я.

— Так что? Какого цвета у меня глаза? — спросил он. У меня перед глазами было много белых пятен, поэтому я не могла различить точно или хотя бы вспомнить.

— Карие.

— Какой оттенок карего?

Хотелось зарыться в снег, убежать отсюда, исчезнуть, спрятаться от жителей города; от их наглости и любопытства, бесстыжего удивления; того, что они вмешиваются в мою жизнь. Но, откинув эти мысли, я посмотрела в глаза Антона. В ярком свете дня он выглядел иначе. Без тени луны, деревьев или тёмных кругов под глазами. Я увидела его в новом свете.

— Оттенка масла, — сказала я.

— Масла?

— Масла, — повторила я.

— Но масло не коричневое.

— Масла, когда оно кипит. Тогда оно становится тёмным и вкусным.

Его бровь поднялась в непонимающем жесте.

— Хорошо. А как выглядит мой нос?

— Это смешно, — я украдкой посмотрела на людей позади.

— Думаешь, что мой нос — смешной?

— Нет! — я повернулась к нему. — Нет, конечно же, нет.

— Мне говорят, что носом я пошел в деда.

— Разве у Вашего деда была родинка на переносице, практически касающаяся правого глаза?

— Нет.

— Но вы солгали, принц Антон.

— Расскажи мне о том, какие у меня волосы, — уголок его рта дёрнулся.

— Никогда в жизни ещё не встречала настолько тщеславного мужчину, — мой пульс не поддавался ритму. Сколько здесь людей? Кто из них знает, что я чувствую всех и каждого?

— Мои волосы, Соня, — он пытался сделать так, чтобы я сосредоточилась на своём задании.

— Мне нравится, что они растрёпаны ветром, — я сглотнула. — Уверена: как только мы достигнем замка, вы идеально их уложите.

— Кстати о дворце. Мы едем, как улитки и я не уверен, что от тебя останется хоть что-то, -

в его глазах появился яркий блеск. — Ты права. Здесь слишком много людей.

— Да... — о чём он думает? — Это то, что я пыталась сказать Вам всё это время.

Если бы только я могла читать его мысли. Я могла убедить некоторых из Ромска, что у меня дар и зарабатывала на жизнь, будучи «гадалкой», но, на самом деле, никаких мыслей я читать не умела. Но хотелось бы. Но какое это имеет значение сейчас? Я была очарована таким таинственным Антоном, с идеальной линией губ, которые когда-то делали его таким

суровым. Нас окружало огромное количество людей, но, несмотря на это, я будто попала в его ловушку. Как он это сделал? Как я смогла попасться?

— Обещаешь, что останешься в тройке, пока я кое-что сделаю? — спросил он.

— Вы меня бросаете? — на меня накатила волна тревоги.

— Нет, Соня, — его рука сжала мою, затем он отстранился. — Я просто хочу довести нас во дворец быстрее. Как тебе такая мысль?

Я кивнула, хоть и не была уверена. В мыслях всё путалось.

— Тогда у тебя есть ещё одна минута, чтобы подумать.

Он не сводил с меня взгляда, пока я не кивнула.

Он остановил сани около фонтана на площади, затем выпрыгнул из саней. Антон принялся распрягать одну из лошадей так, будто делал это каждый день. Я бы могла удивиться, но для этого была слишком истощена.

— Феликс! — крикнул Антон. Юноша с подстриженной бородкой и в красной шапке вышел из толпы. — Присмотри за этими лошадьми и тройкой. И верни их во дворец, если ты в состоянии.

Феликс кивнул, не задав ни одного вопроса и не потребовав деньги. Его чистые голубые глаза рассматривали меня при любом удобном моменте. После того, как Антон распряг лошадь, Феликс прошептал что-то принцу, но тот утвердительно ответил «позже».

В любой другой ситуации, я бы попыталась понять, как Феликс узнал Антона, как тот появился в нужное время в нужном месте и почему принц доверил ему лошадей и королевские сани. Но сейчас во мне было слишком много эмоций, из-за окружавших меня людей, мысли быстро перебегали с одной на другую.

Я пыталась понять, что они чувствуют, пока Антон передавал Феликсу тот самый лист бумаги. Антон пытался быть скрытным, но, когда они пожали руки, я увидела лёгкую белую вспышку, исходящую от руки Феликса. Я тут же вспомнила того человека, из дома, в котором он остановился. Человек, который дал Антону письмо, которое он только что передал Феликсу.

— Соня, — принц вернулся к саням и подал мне руку. — Ты готова?

Меня захлестнула волна паники. Я смотрела на столпившихся рядом людей. Выйди я из тройки, я стану к ним ближе, а, значит, и почувствую их ауру ещё сильнее.

— Всё хорошо, — убедил меня Антон.

Я глубоко вдохнула и потянулась за наволочкой, лежавшей у меня в ногах.

— Феликс принесёт и это, — сказал он.

— Я не могу... Там слишком ценная вещь, — я осторожно взглянула на него.

Приняв во внимание моё заявление, Антон кивнул. Он схватил свою сумку и высыпал пищу.

— Положи это сюда.

Я быстро свернула свои вещи и фигурку Фейи в сумку. Он же положил сверху одеяло матери и перекинул сумку через плечо, затем потянулся ко мне, обхватил меня за талию и помог спуститься. Когда он касался меня, я чувствовала, как становлюсь более спокойной. В любом случае, сейчас не тот момент, когда нужно спрашивать о том, кто такой Феликс. Чувства людей вокруг вот-вот взорвутся и я не смогу больше сдерживать всё это в себе.

— Дорогу! — Антон сказал это громко, используя всё богатство своего тембра. И народ не ослушался его приказа. Они расступались, но стали перешёптываться, но я пыталась не замечать их враждебность и удивление новой Прорицательнице.

Антон поднял меня и усадил на спину лошади, после чего запрыгнул и сам.

Я взяла кобылу за её длинную белую гриву, и мы ринулись вперёд — я вела лошадь к аллее, с которой люди, снова, по его приказу, разошлись. В переулках было так тесно, что наши колени цеплялись за стены лавок, но позже мы выехали на улицу, где уже было не так много людей. Меньше людей и управлять своими эмоциями легче. Я ухватила за Антона в надежде, что в скором времени людей и вовсе станет намного меньше.

— Все дороги сходятся на севере, а потом ведут к замку, — принц остановил лошадь.

Я кивнула, хоть и не понимала, зачем он это говорит. Мы и так уже на северном пути.

— Сейчас, — теперь принц держал меня не так крепко. — Я могу сказать, ты доказала, что можешь справляться с лошадьми.

Моё сердце забилося сильнее. Несмотря на ауру зевак, которые всё ещё меня осматривали, я глубоко вдохнула и сосредоточилась на теплоте кобылы. Сколько же лет прошло с того момента, как я в последний раз ездила на лошади. Кажется, больше, чем восемь месяцев, проведённых в монастыре. Сёстры не могли содержать ещё и лошадей, и нам не нужно было далеко ездить, поэтому Прорицательницы не могли чувствовать энергию животных. Мой дар противоречил природе. Но мне было всё равно. Верхом на лошади, я чувствовала себя как дома. Именно эти животные больше всего заслуживают того, чтобы люди общались с ними. Их ауры, казалось, призваны дополнять наши.

Я наклонилась вперёд и тихо утетила кобылу. Под её шерстью и моей рукой ощущалась усталость, которую я перенимала на себя. Казалось, она уже чувствовала, что конец нашего приключения близок, но не собиралась сдаваться. Её сила духа передавалась по рукам.

— Как её зовут? — спросила я у Антона.

— Райна, — он подвинулся ближе ко мне.

Я ослабила хватку. Мне было необходимо привести свою ауру в надлежащее состояние и не позволить себе посмотреть, прочувствовать всех тех, кто проходил мимо. Нужно было удерживать хотя бы тот хрупкий покой, который для меня обеспечил Антон.

— Райна не отдыхала уже несколько дней. Не хочешь пробежать быстрее?

Будто в ответ, кобыла заржала. Я сидела к принцу спиной.

— Хорошо, давайте пробежимся, — я щёлкнула языком и легко толкнула её в бок.

Лошадь поднялась на дыбы и руки Антона снова сжались вокруг моей талии, но я не чувствовала испуга Райны, как и тех, кто нас окружал. Конечно, так и было задумано — её реакция очистила нам путь. Воспользовавшись этим, кобыла рванула вперёд.

На моём лице появилась широкая улыбка. Мы нырнули под вывеску чьей-то лавки и помчались вниз, по извилистой улице. Мы ехали на большой скорости, поэтому я не успевала ловить эмоции людей, и мне ничто не угрожало, мысли можно было бросить на ветер. Дыхание же Райны превращалось в пар, её мышцы напрягались и вновь отдыхали. Я чувствовала, что Антон, как и я, расслабился. Он даже убрал руки с моей талии, хоть его давление и было для меня приятным.

Я наклонилась вперёд, стараясь держать ноги на безопасном расстоянии от тела лошади. Моё платье соскользнуло и, несмотря на серые чулки, оголяло ту часть ноги, которую оголять считалось неприличным. Откинув чувство позора, я снова толкнула кобылу и Райна понеслась вперёд ещё быстрее. Без веса саней и других лошадей, она легко маневрировала, чтобы не врезаться в расставленные тут и там тележки. Улицы расходились как ветки, иногда пересекаясь вновь, но Райна продолжала нести нас в северном направлении. Она точно знала, где её дом. Мы устремились вперёд. Снег за нами вздымался

волной.

Я представляла, будто мы идём на юг или восток, в Иллолу или Шенгли.

Я представила, что свободна.

И эта иллюзия рухнула, когда мы оказались у огромных ворот дворца. Их украшала резьба, сделанная из чистого золота, и напоминала цветущие лианы. Всё это создавало грань между городом и домом императора.

Узнав принца, один из стражей открыл замок и позволил войти. Мы галопом неслись по дороге из гравия, с ухоженными заснеженными изгородями по краям. Наверное, больше сотни стражей находились здесь и смотрели вперёд, ни на ком не задерживая взгляд. Они были одеты в форму цветов Рузанина — красного и золотого. За спиной у каждого был мушкет, а на поясе висели ножны с саблями. Мне хотелось узнать: скрывают ли за их одинаковым внешним видом одинаковые чувства?

— Не думай о них, — сказал Антон, когда понял, что я осматриваю одного из стражей. — Мы уже почти на месте.

Мои глаза поднялись на дворец. Вблизи он уже не выглядел как кондитерский шедевр. Скорее как зловещий замок, коим и на самом деле являлся. Милая клетка, внутри которой всё не так уж и мило.

Лёгкий блик сверкнул на свинцовом стекле на третьем этаже, будто луч солнца кто-то отражал зеркалом или драгоценным камнем. Антон выпрямился и поднял голову. Его руки застыли.

— Я должен идти, — сказал он и резко спрыгнул с лошади. Он опустил глаза, доставая из сумки одеяло матери, затем засунул под руку и направился к дворцу.

— Антон? — я смотрела ему вслед.

— Помни о том, что я тебе говорил. Отыщи в себе место, которое принадлежит только твоим чувствам, — он сделал паузу, остановившись в десяти футах от меня, но, повернувшись в пол оборота, всё-таки не посмотрел в глаза. Он посмотрел на верхнее окно. — Не потеряй здесь себя. Не с ним.

Прежде, чем я даже успела подумать об ответе, Антон ушел, его тёмно-синее пальто развивалось позади. Исчезло и всё, что происходило за прошедший час; вся моя уверенность. Я видела, как парень превращается в принца. Изменилась его походка, подбородок снова поднялся, а глаза сузились. Он вошел во дворец, не желая смотреть на меня никак иначе.

Я сгорбилась. Он выполнил перед братом свой долг — доставил самую старшую из Прорицательниц в целостности и сохранности. Теперь он должен чувствовать облегчение, ведь со мной покончено.

Ко мне подошел один из служащих и стал помогать с лошадью, а из открытых дверей хлынул поток горничных и других слуг. По их ауре можно было понять, что они удивлены новой Прорицательницей. Сдерживая себя, я даже позволяю им вести себя по витиеватой лестнице, несмотря на свой траур и то, что Антона нет рядом. Я больше не смогу прятаться за его пальто, меня может отвлечь только цвет его глаз.

Я ступила на порог просторного зала, где отделанные янтарём блестели полы, а четыре лестницы, увенчанные золотыми перилами, вели вверх. Потолок также не уступал по своему великолепию. На нём — семь богов Рузанина на своих семи скакунах, а в центре — алое солнце, символ Торчева.

Я выдохнула и снова вдохнула как можно больше воздуха. Мне хотелось отыскать то место, о котором говорил Антон. Место, которым больше никто не может завладеть, никто

не может украсть.

Я верила, что такое место существует.

ГЛАВА 8

Меня привели в спальню на третьем этаже дворца. Это большая честь, ведь на третьем этаже жили члены королевской семьи. То есть те, кто от неё остался: император Валко и Антон.

Я не могла чувствовать себя настолько важной персоной, чтобы быть настолько близко к императору, но, конечно, как его защитница, я должна была быть рядом. Скорее это походило на наказание, чем радость. Я не готова к такой ответственности. Хотя, когда я увидела, что «близко к императору» означает «на другом конце коридора», какое-то необъяснимое облегчение дало мои рукам разжаться, но через секунду они сжались вновь, ведь я посмотрела на это иначе. А достаточно ли я близко к нему, чтобы предупредить об убийстве, грабеже? И вообще, нуждается ли император в моей защите?

Роскошный красный ковёр катился от его комнаты и прямо до моей. Будто красный язык дракона, с орнаментом цветов по краям. Слишком длинный ковёр, а император — слишком далеко. Не удивительно, что Изольду казнили. Она была уже не молодой, так что могла не добежать по этому коридору до императора вовремя. И, что-то мне подсказывает, что я справилась бы не лучше.

Мои слуги проводили меня до покоев и поставили сумку на стол. Я была готова к богатству, которым дышал каждый угол, но в этом плане покои разочаровали, но, в общем, я была недовольной. Лучшие покои для меня — это кровать из земли, балдахин из листьев деревьев, ковёр из мягкой травы и потолок из ярких звёзд. Ромска научили меня ценить настоящую красоту, которой в комнате передо мной не было.

Бархатные диваны были в тон всему стилю комнаты, но выглядели жесткими и не уютными. На самом деле, ни одна вещь здесь не выглядела уютной. Казалось, каждая из них предназначена для одного — производить впечатление. На стенах были нанесены прекрасные орнаменты, а от обилия красного на стенах кружилась голова. К лакированным столам не хотелось даже прикасаться. Потому что это станет ещё одним пятном, которое придётся вытирать какому-то несчастному слуге.

Печь возвышалась до потолка, в углу комнаты, а плитки на ней были покрыты прекрасным рисунком. Я была рада тому, что здесь будет тепло зимой, но за счёт чего достигается такой аристократизм? Народ Рузанина обременён налогами, и, я надеюсь, большая их часть не пошла на то, чтобы обустроить дом императора, мой дом.

Слуги суетились вокруг меня.

— Она что, правда самая старшая из Прорицательниц? — шепнула одна другой, когда те разводили огонь в моей печи. Обе думали о моём возрасте. Конечно, они ведь привыкли к тому, что Прорицатели старше их на несколько лет, не говоря уже о том, что выглядели защитницы императора солиднее. Поэтому я подняла подбородок и сделала всё возможное, чтобы казалось, что я не завишу от той ауры, которую они излучают. Они не могли заметить мою руку за спиной, на большой палец которой я уже наматывала вылезшую нить из рукава. Ощущение пульсирующей крови внутри ногтя заставляло меня хоть немного отвлечься, чтобы не потерять весь свой вид и выставить себя полной дурой, не достойной этого места.

Двое мужчин пронесли в одну из комнат с резной дверью медную ванну, а затем появился ещё ряд мужчин, несущих вёдра с горячей водой. Некоторые их взгляды скользили по моему силуэту, а из-за их эмоций я чувствовала покалывание кожи и полный рот слюны.

Щёки горели. Я должна купаться со всеми здесь? Я привыкла делать это с девочками Ромска и будущими Прорицательницами, но в тот момент вокруг меня не собирались любопытные мужчины и даже мальчики, младше меня на несколько лет. Кто знает, какие традиции ждут меня в этом новом статусе?

Я вздохнула с облегчением, когда темноволосая жилистая женщина прогнала мужчин сразу же после того, как последний мальчишка занёс своё ведро. Он споткнулся о свои же сапоги и ещё раз удивлённо на меня посмотрел. Дверь закрылась, и я осталась с шестью девушками, которым женщина жестом приказала буквально столпиться вокруг меня. Они раздели меня, оставив только чёрную ленту на запястье. Я контролировала себя, чтобы не отражать их эмоций.

Слишком маленькая. Слишком худая. Слишком грязная. В голове я прокручивала варианты их мыслей, но, судя по их ауре, мои мысли были близки к правде.

— Меня зовут Ленка и я — горничная Прорицательницы. До тебя я служила Изольде, — жилистая женщина поджала губы, а небольшой приступ печали сковал моё тело. Скорее всего, они были подругами. Я сложила руки вместе, пытаюсь казаться спокойной, даже без одежды.

— Тебе нужно больше есть, — резко сказала Ленка, когда её взгляд задержался на моём животе.

И это я должна есть больше? Я в жизни не видела женщину, которая была бы такой же худой. Я видела все её кости. Даже её щеки были впалыми, казалось, храня отпечаток зубов.

— Да, об этом, — сказала я, глотая буквы. — Я не ем мяса.

Горничные обменялись многозначительными взглядами.

— Прости? — спросила она.

Я наступила одной босой ногой на другую.

— Я не ем мяса, даже рыбы. Поэтому, если в моей еде будет...

— Мы — твоя прислуга, — Ленка посмотрела на меня сверху вниз. — А не работники кухни.

Под моей кожей будто появились сотни игл. Она была раздражена, я нанесла вред её гордости и пренебрегла её способностями. Нужно было быстрее взять себя в руки, пока я не накинусь на неё, с её же ядом. Я не хотела заводить здесь врагов. Я думала о Даше с Кирой. Мне нужно было добиться успеха.

— Сейчас вы поможете мне принять ванну? — спросила я, прокручивая ленточку на запястье. У одной из девушек я заметила в руках халат.

Ноздри Ленки слегка раздулись. Она жестко кивнула, затем хлопнула в ладоши. Я не была уверена, приказ ли это для других служанок, но вместе мы ринулись дальше.

Я ахнула, когда мы вошли в мою спальню. Тут же всё величие исчезло. От пола до потолка всё здесь было коричневого цвета и деревянным. Места было достаточно, но здесь располагалась только ванна и странная коробка в дальнем углу, напоминавшая кровать.

Всё то время, пока горничные пробовали воду, наполняли её специальной солью и маслами, я смотрела на Ленку. Я провела с ней всего лишь несколько минут, а она же меня ненавидит. И она даже не скрывала этого. Но её отвращение не было неожиданностью. Даже среди терпевших меня Ромска нашёлся только один мальчик, Тося, с которым наша дружба длилась достаточно долго. Потому что я была странной девочкой, которую раз в пару месяцев передают от каравана к каравану, если её способности привлекают слишком много внимания. Ромска рисковали, укрывая Прорицательницу, ведь закон никогда не миловал

таких людей. Большинство сторонились меня, но только не Тося.

Я всегда с нетерпением ждала весну, только бы присоединиться к его каравану. Он был на три года старше меня и на две головы выше, но его аура была чистой, с ним было легко. Всё время, проведённое вместе — время смеха и приключений. Моя сила уменьшалась, когда я была с ним. Может, он просто был таким же шалуном, как и я. А ещё он был по-настоящему талантливым автором песен и даже научил меня читать. Тося был надёжнее, чем родной брат. Ромска говорили, что он у меня был.

Около ванной, я нашла стопку полотенец и обернулась одним из них, ведь вода была ещё слишком горячей, чтобы в неё входить. Сделав это, я решила лучше рассмотреть кровать в углу.

Кровать напоминала карету без колёс. Пока горничные раскладывали вещи и добавляли травы, я всё-таки не удержалась и подкралась к кровати, осматривая её, а затем и, открыв дверь, заглянула внутрь. Как же здесь мало пространства. Четыре стены, низкая крыша и матрац. Как я смогу здесь спать и дышать? Почему Изольда выбрала себе такую кровать?

Я просунула туда голову, но остановилась, когда заметила потолок внутри. Когти подрали древесину, краска была поцарапана так, что эти царапины были слишком глубокими. Кое-где даже можно было заметить высохшие капли крови. Даже прославленной Прорицательнице было что скрывать. Именно так она освобождалась от эмоций.

— Иди сюда, — Ленка хлопнула в ладоши. — У тебя нет времени отдыхать.

— Эта кровать будет моей? — я выскользнула из коробки, будто спаслась из гнезда гадюки.

— Уже скоро ты сама захочешь там спать, — тонкие губы Ленки изогнулись.

Я вернулась к ванной и вступила в горячую воду. Моё сердце стало бешено биться. Я не смела спросить, что имела в виду Ленка. Её предупреждения было достаточно.

Горничные принялись меня тереть. Они поднимали мои ноги и руки, дёргали за уши и даже трижды помыли волосы. Я и правда была настолько грязной? От пара веяло запахом можжевельника, но в скором времени вода стала холодной, и меня закутали в хрустящее чистое бельё. Затем на меня натянули корсет, с костями которого нужно было быть аккуратнее (я надевала корсет из уса кита раньше, и в тот раз мне не было приятно чувствовать то, как умер этот зверь) и платье медового цвета, с вышивкой на груди и на подоле. Платье должна была завершить накидка имперской Прорицательницы, но я отказалась от этой привилегии — он был сделан из меха. Когда я сказала это, щеки Ленки впали и, казалось, по коже на них можно распознать её учащенное дыхание, но я убедила её, что обязательно буду носить плащ, но только весной, когда на нём не будет меха.

Мои горничные принесли мой головной убор, увенчанный нитями жемчуга по бокам от лица, но и от него, к сожалению, для Ленки, я отказалась, так как он тоже был отделан мехом. Они пытались убедить меня несколько минут, ведь я должна соответствовать своему новому статусу, но я только отводила глаза в пол. Лучше я буду спать в камере пыток, чем наяву буду тратить свою жизнь на то, чтобы чувствовать смерть живого существа. Во всяком случае, на мне уже и так есть корсет. Некоторых шелкопрядов умертвляли для того, чтобы раскрыть их коконы, но, видимо, те, из чьих нитей было сшито моё платье, созрели и вышли самостоятельно.

— Теперь тобой займётся император, — развела руками Ленка. — Видят Боги: я сделала всё, что в моих силах.

Её беспокойство передалось и мне. Она напомнила мне сестру Мирну, которая

пыталась подготовить меня к моей судьбе. Но, благодаря моему упорству, ей это не удалось. Но тут совсем другое. Это был просто вопрос. Император Валко может и тиран, но, безусловно, от моей одежды не будет зависеть то, как он будет править Империей или как я буду ему служить.

— Будьте уверены: завтра же я скажу его Императорскому Величеству, что вы не приложили руки к моему позору, — раздражение Ленки наконец-то стало моим собственным.

— Думаешь, мы одевали тебя для ужина в собственной комнате? — она положила руки на свои выступающие костлявые бёдра.

— Я должна встретиться с императором сегодня? — мои рёбра были так затянuty, что, казалось, вот-вот проткнут сердце. Ещё немного — и у меня случится истерика.

— Ты же Прорицательница, — она раздраженно посмотрела в потолок.

У меня не было сил обижаться. К тому же, она была права. Не зря же меня торопили, и я даже не смогла присутствовать при погребальном обряде. Была ли я настолько опечалена грядущей встречей, чтобы игнорировать очевидное?

Шесть женщин стояли вокруг меня, а мои плечи казались тяжелыми не только от их усталости, но и от моей собственной. Они потратили столько сил для того, чтобы привести меня в порядок. Наверное, обуздать дикого жеребца проще, чем сделать это.

— Я распушу волосы, — объявила я. Собирая воедино все силы, которые у меня вообще остались.

Если бы только мой дар позволял чувствовать то, что чувствуют они ещё некоторое время спустя после того, как я уйду. Этим вечером мне нужна была защита. О Фейя, почему я открыла те монастырские двери? Почему не послушала сестру Мирну и Бэзила? Почему не послушалась хороших инстинктов, какими бы слабыми они ни были?

— Дамы при королевском дворе носят волосы в причёске, — ответила Ленка.

— Но я не дама при дворе. Я — Прорицательница Империи. И, если я не могу украсить свою голову головным убором, то сделаю украшением свои волосы, — мой голос звучал более гордо, чем голос императрицы, но на самом деле мне просто не хотелось прогневать императора тем, что на моей голове нет украшений.

— Хорошо, — Ленка изучила меня, и чувство спокойствия пронизало мою грудь. Она выпрямила спину. — Ты молода, так что, думаю, распущенные волосы будут уместны. На самом деле, император мог бы принять тебя лучше с таким эффектом девственности.

Две миленькие горничные переглянулись так, будто знали об императоре что-то, чего не знали мы. В животе появилось какое-то тепло, но я не могла разобрать: это исходит от них или же это я опасаюсь того, чем может закончиться этот вечер.

— Подойди ближе. Мы высушим твои волосы, — Ленка снова хлопнула в ладоши.

Она не упрекнула меня. Девушки просто разделили мои волосы на несколько частей и принялись держать их рядом с горячими плитками. Когда же волосы высохли, на них капнули немного репейного масла и расчесали, заставляя волосы лечь волнами, до середины спины. Может быть, Ленка просто хотела проверить меня. Как долго я смогу терпеть. И это продолжится до того момента, пока я не докажу, что во мне есть искра Изольды, её величие.

— Надеюсь, это не будет стоить мне головы, — я оглянулась на свою кровать и вздрогнула. — Или здравого рассудка.

Перед тем, как покинуть комнату, мне дали зеркало в золотой оправе. Та, кого я там увидела, была абсолютно другим человеком. Волосы на голове были чистыми и так

прекрасно расчёсаны, что я казалась непорочной невестой, которой не хватало фаты. Но внутри я чувствовала, что виновата, что я — убийца. Если бы Ленка знала, что я натворила.

Я сделала глубокий вдох. Внутри меня горело волнение, словно у девушки перед свадьбой. Передо мной — длинный коридор, порог церкви и отец, который ведёт к алтарю, а не к правителю Империи Рузанин.

Может, если мне очень повезёт, император Валко не будет таким, каким его описывают в сплетнях. Может. У них с его братом было что-то общее.

Я прижала руку к животу, напоминая себе, что Антон был так заботлив и галантен только потому, что ему нужно было привезти меня во дворец как можно быстрее, это был его долг. Без сомнения, с императором у них много общего. И это явно меня не утешит.

ГЛАВА 9

Я ожидала, что меня отведут в покои императора, но вместо этого Ленка провела меня двумя этажами ниже, на основной этаж дворца. Она должна была меня покинуть. Всё, что мне оставалось сделать — это окунуться в реку людей, которые направлялись к заднему двору. Несмотря на правила, Ленка и горничные всё равно сопровождали меня, и за это я была ей благодарна. Я не была готова к тому, чтобы меня захлестнула волна новых эмоций абсолютно неизвестных мне людей. Ленка держала меня за руку даже несмотря на то, что моя персона не была ей по душе, а мне только и оставалось, будто пиявка присосаться к её ауре, чтобы забыть о чувствах других людей. Моё сердце билось так сильно, что я стала бояться, что оно вырвется из груди. Подбородок я опустила, а глазами изучала пол. Хотелось верить, что император меня не заметит.

Всё же, распускать волосы было глупо. Теперь я чувствовала себя маленькой в сравнении с той судьбой, которая мне предстоит. Я должна быть покровительницей. Я должна позволить себе общаться с дворянами для того, чтобы понять, угрожают ли они императору, а не хвататься за юбку Ленки, которую я при этих мыслях отпустила. Я должна быть Имперской Прорицательницей, но сейчас моё тело дрожит. Угроза чувствуется везде.

Ауры знатных людей отличались от аур городских жителей. Не потому что их статус был выше, а скорее потому, что они были более раскованными в этой среде и более враждебными. Жизнь при дворе заставила их стать мастерами притворства. Тем не менее, того, что я почувствовала, хватило, чтобы к горлу подступил большой комок, который я тут же сглотнула. Сжав шею, я посмотрела назад, на Ленку и поёжилась от того, как на меня смотрели окружающие. Как я могу понять: точат зуб они на меня или на императора?

Сами же дворяне не обращали на меня особого внимания. Без накидки и головного убора, они не признали во мне Имперскую Прорицательницу. Высоко поднимая голову, они шли вперёд и исчезали за стенами большого зала.

— Соберись, дитя. Помни всё то, чему тебя учили, — Ленка сжала мою руку и заставила стать ровно.

Захотелось плакать. Чему меня учили? Пока другие Прорицательницы сидели в читальном зале монастыря и делали себе заметки о том, чем отличается чувство голода от алчности и желания, мы с Юлией использовали все свои чернила, чтобы играть в «крестики-нолики».

Я прикусила губу, подбородок опустился. Нет, я не буду думать о монастыре. Я не буду вспоминать последнюю ночь, когда видела его руины и чувствовала запах мёртвых.

Меня снова начало тошнить. Закрыв глаза лишь на секунду, я увидела безжизненное лицо Юлии, с ранами на ногах, на окровавленных простынях. В носу защипало, а, значит,

вот-вот и я расплачусь. Я должна плакать. Над теми, кого я убила, я пролила слишком мало слёз.

— Прекрати! — шикнула Ленка, толкнув меня в бок. В её ауре было больше чувства стыда, нежели беспокойства. Я стану публичным позором.

Я кинулась в тень одной из дверей большого зала. Здесь я могла спрятаться от дворян, но не от воспоминаний.

— Я устала от поездки. Пожалуйста... Я не могу сделать это сегодня. Я не могу идти туда.

— Ты не смеешь противиться своему долгу! — на её коже выступили глубокие морщины. Так, что она стала похожа на сестру Мирну. — Это не твой монастырь. Ты не можешь сказать, что тебе плохо и уйти в свою комнату. Ты пойдёшь к императору так, как будешь ходить каждый раз, когда ты ему понадобишься. А когда справишься, можешь залезть в ящик. Кровать сделана именно таким способом не просто так.

— Хорошо, — я почувствовала, как мой желудок превращается в камень, издавая неприятный звук, а под носом появляется пот. Ленка права. Я не могу убежать от этого. Я должна думать о Кире и Даше. — Просто дайте мне собраться с мыслями.

— У тебя нет на это времени. Иди туда и подай себя достойно! — в тени её лицо выглядело ещё более худым. Она резко вывела меня из тени и толкнула в большой зал, после чего исчезла.

Моё сердце стучало, будто залп ружья. Я пыталась стоять прямо изо всех сил, вдыхать как можно глубже. Серпантин аур дворян становился ближе и давил на меня. К этому присоединялись и воспоминания о горящем монастыре.

Подумай о чём-то ещё. Подумай о чём-то ещё.

Моё детство дома. Нет, не слишком чёткое воспоминание.

Запах волос моей матери. Розмарин и... не могу припомнить.

Подумай обо мне. Я вспомнила слова Антона, которые он мне говорил.

— Подумай обо мне, — сказал он, когда я чуть не потеряла контроль, находясь на площади, среди людей. Антон сделал то, что я не смогла сделать сама. Он отвлёк меня. Лучше. Он заставил меня стать самой собой.

Я подняла взгляд на массивный потолок в форме купола в большом зале. Думать об Антоне.

Потолок был окрашен в рубиново-золотые, синие тона, узоры переплетались между собой, словно ожившая вышивка. Я поняла, чего там нет. Масляно-карих глаз принца в зимнем свете Торчева.

Когда я сосредоточилась на Антоне, ауры знати стали спокойнее так, как обычно дирижер делает спокойнее музыку оркестра. Я удивлённо вдохнула. Это работает.

Я всё ещё смотрела на потолок, желая коснуться узоров, на которые падал свет люстр рукой; чтобы вспомнить прикосновения Антона и то, как он смог меня успокоить, просто положив руку на спину.

Выдыхая, я, снова обращаясь в пол, направилась глубже в зал. Два деревянных стола по разные стороны от входа, протянутые на всю длину, накрытые синей тканью с вышивкой вечнозелёных елей и ярких свеч.

Я представила Антона в профиль: как он управляет санями, как запрокидывает голову в восхищении, чтобы посмотреть на блики солнца в снегах на вершинах холмов, или когда лучи проникали через покрытые льдом ветви плакучей ивы.

Я сделала ещё три шага. Фарфоровые тарелки, кубки из хрусталя, золотая посуда, а сами вельможи сидят на стульях с высокими спинками, оббитых бархатом. Всему этому очарования добавлял струнный квартет. Некоторые придворные в полированных сапогах и кафтанах с золотыми пуговицами, даже вальсировали, вместе со своими женщинами, на головах которых были либо их дорого расшитые уборы, либо диадемы.

Я вспомнила, как Антон спрыгнул с лошади, как его пальто сверкнуло в лучах света, как он отвернулся от меня и, можно сказать, доставил в пасть льва.

Чары принца были разрушены. Вместо этого стала кружиться голова от того, какие чувства дворяне разжигали внутри меня. Вместо мук от голода — взгляд, полный жажды обжорства, обращенный на первое блюдо. Покалывание у меня под кожей — тёмная страсть. Их ненависть пряталась за улыбками. Я поймала взгляд женщины, которая была недовольна тем, что мужчина рядом, на которого она положила своё руку, оказался не тем, о ком она думала. Позади неё — двое перешептывающихся мужчин. У одного из которых глаза стали уже сразу после того, как он вдохнул немного нюхательного порошка из своего кулака. Неподалёку от меня седовласая женщина проводила рукой по возрастным пятнам на шее, всматриваясь в молочную, чистую кожу дам напротив.

Комната стала расплываться, а мне становилось всё хуже. Слишком много попыток использовать Антона как спасательный круг. Но ноги дрожали, мне нужно было сесть, хоть я и не знала, где мне это делать позволено.

Квартет перестал играть. Стоявшие ранее дворяне, встали, а дамы отпустили своих поклонников. Мужчины на углах, с бородами, обратились на третий стол, что стоял во главе комнаты. Двое слуг одновременно потянулись к ручкам из слоновой кости. Повинуясь чувствам, которые разливались у меня внутри, я, как ребёнок, спряталась за какого-то дворянина, который только-только опрокинул любимую чашку его матери.

Тишина длилась слишком долго. От этого моей голове стало определённо лучше. Стук каблуков. Император приближается? Ещё несколько таких постукиваний. Я пыталась отыскать внутри какое-нибудь новое чувство, которое станет искрой суровости, драмы или даже жестокости. Но тщетно. Ничего из этого так и не произошло. Теперь я даже не могу вспомнить, почему пару минут назад была в таком ужасном состоянии.

Я выдохнула всё, что накопилось внутри, как увядающий цветок. Всматриваясь в свою обувь, выглядывавшую из-под подола платья, я поняла, что пол сделан из тех же материалов, что и потолок. Почему мысли об Антоне действовали на меня как гипноз?

Мои веки стали тяжелее, а в задней части шеи появился дикий зуд. Когда я смогу сесть? Я на грани истощения. Выглянув из-за человека, я хотела понять, почему тишина так затянулась?

И поймала первый взгляд императора Валко.

Он был слишком молодым. Я знала, что он молод, но как-то не думала о том, что он почти одного возраста со мной. Император был старше Антона на год. Интересно, как это проявляется в их отношениях? После того, как моё удивление внешности успокоилось, я принялась изучать его лицо.

Холодные серые глаза. Брови были настолько тонкими, что, казалось, их нарисовали одним штрихом. Широкий рот был обрамлён параллельной линией снизу, а нос был по-настоящему аристократичным. На самом деле, лица подобные его собственному казались более суровыми только благодаря взгляду исподлобья. Но, в его случае, было что-то такое, что делало его более привлекательным, более кошачьим. Он выделял этого человека среди

всех присутствующих здесь.

Бояре шептались, что это доказательство того, что его родословная действительно благословлена богами.

Он разговаривал с другими людьми, давая им понять, что он выше их. Наверное, это были советники. Один из них, судя по форме, вообще был генералом. У Ромска была шутильная песенка о мужчине в генеральской форме, с золотыми погонами и другими его атрибутами. Император кивнул и что-то сказал ему в полголоса, не удосужившись даже посмотреть человеку в глаза. Но честь, которую оказывал монарх, разговаривая с ним, тут же заставила мужчину выпятить грудь. Дав же ответ, император не спеша поднял руку в заглушающем жесте. Генерал сразу же закрыл рот и расплылся в поклоне.

Когда генерал отвернулся, обсуждая со своими советниками что-то новое, император зевнул, едва сдерживая этот порыв. Он ни разу не посмотрел на тех, кто ожидал. По мере того, как советники продолжали приглушенно беседовать с императором, монарх водил большим пальцем по дорого обитому стулу. Ему было скучно. Я почувствовала это около минуты назад. Мне внезапно стало неинтересно, и это чувство точно принадлежало ему.

Я глубоко вдохнула. Его аура ясно выделялась из всех остальных в этой комнате, даже до того момента, когда он появился здесь. В конце концов, я не потеряю голову.

Я могла чувствовать себя более непринуждённо, поэтому просто окинула взглядом комнату. Помимо членов совета, около императора стоял ещё один человек. Антон. Какое-то внезапное тепло прошло сквозь мои ладони и стопы, когда я поняла, что он смотрит на меня.

Его волосы были зачесаны назад и очарование растрёпанных на ветру волос, которое я видела в нашем путешествии, исчезло. На нём был зелёный шелковый кафтан, а кожаный коричневый пояс был на бёдрах, полностью соответствовал по цвету его ботинкам. Я посмотрела на него, на его брови и сжала губы. Не нужно было считывать его ауру, чтобы понять. Что он недоволен. Он смотрел на мои волосы, моё платье и я почувствовала, будто на мне вообще нет одежды. Ещё хуже, чем тогда, когда Ленка и горничные оценивающе смотрели на моё тело. Наверное, мне следовало надеть мой плащ и головной убор. Ясно, что, не надев их, я совершила преступление. В них я могла бы скрыть намного больше.

Я отвернулась от принца, и, подняв подбородок, посмотрела на стену. На ней висело бра — самое обычное, что могло бы здесь быть. Но этот было увенчан алмазами.

В конце концов, император счёл, что разговор с советниками окончен. Валко сел, а за ним сели и все придворные. От их движений тафта шуршала, а стулья скрипели.

Моё сердце стало биться быстрее. Я вцепилась в юбку платья. Мне не хотелось привлекать к себе внимание, но, казалось, все места в этом зале были заняты. Все, кроме одного — кресла около трона императора. Он предназначался для Имперского Прорицателя?

Определённо. Идеальное место для того. Чтобы его защищать.

Я сделала три шага вперёд, но Антон покачал головой. Движение было едва заметным, но от того не менее понятным, отрицательным. Я остановилась. Его взгляд чётко твердил о том. Что я избежала катастрофы века.

Император Валко же не знал об этом. Он сделал глоток вина и лениво отставил кубок, беря его только за ножку. А я всё ещё не могла отыскать себе места.

Я осмотрела комнату. Люди, собравшиеся здесь, казались взрывом из жемчуга, перьев и пастельных цветов зимы. Как бы я ни старалась, отыскать свободное место не могла.

Глаза Антона расширились, и он склонил голову к левой стороне. Я нахмурилась, а он

повторил это снова. Я посмотрела в ту сторону комнаты, но стула там не обнаружила. Он взял вилку. И, протирая её, зубцами указал мне на левую сторону. Я пожала плечами.

Где? Я произнесла это одними губами.

Там! Он поджал губу.

Глаза императора сузились. Он посмотрел на своего брата. Потом — через два места от себя. Наконец, глаза его Императорского Величества всё же нашли меня. Я же прокляла каждого из семи богов, и, спотыкаясь в реверансе, посмотрела налево, где, наверное, должен был материализоваться стул.

Тучная женщина около меня пододвинула к себе тарелку и, будто по волшебству, на месте рядом появился стул. Я тут же села и положила на колени салфетку, надеясь, что румянец у меня на щеках — это всего лишь румянец, а не признак смущения. В конце концов, я обратила взгляд на возвышение.

Но император Валко не сводил с меня глаз.

Антон намазывал хлеб маслом так, будто это действие было верхом искусства. Взгляд императора прошёлся между нами, но даже тогда Антон не выдал, что знает меня.

Валко что-то шепнул советнику справа. Тот тут же быстро осмотрел толпу и остановился на мне. Затем, мужчина кивнул и что-то шепнул Антону, справа от себя. Это было похоже на какую-то игру, в которой они смеялись надо мной. Антон оставил нож в покое, пробормотал ответ, ни разу не посмотрев в мою сторону. Советник передал сообщение Валко и тот, подняв брови и снова посмотрев на меня, откинулся на спинку. То, что произошло, для меня было предельно ясным: он понял, что я — Прорицательница.

Он смотрел на меня, ни разу не моргнув. Смотрел, как человек, который ничего не боится. В отличие от него, я будто получила с десятков ударов плети от того, как остальные дрогнули и осмотрелись. Я напряглась, стараясь сосредоточиться на чём-то, помимо императора. Предательский румянец не желал уходить.

Слуга принёс мне порцию борща. Я взяла свою ложку, радуясь. Что хоть немного смогу отвлечься. Но как бы я не старалась сосредоточиться на мутной алой жидкости, я всё равно чувствовала его взгляд. Его аура не сливалась с моей, хоть я и могла сказать, что он любопытен, слегка раздражен и, прежде всего, ему уже не скучно. Как мило с его стороны. Я же оставалась наедине со своими эмоциями, и, что ещё хуже, понимала, что наступил тот редкий момент, я не могу ни слиться, не быть ослеплённой энергией другого человека.

Я привлекла к себе внимание и едва избежала того, чтобы не врезаться в локоть дворянина рядом. Я ела борщ, не думая о том, что нужно подождать, пока он остынет. Я ждала, пока Антон наконец-то на меня посмотрит. Я ждала, пока Валко перестанет на меня смотреть. Когда не осталось ни капли борща, я отставила грязную посуду и сжала руки под столом, только бы не начать их выкручивать.

Валко поднял два пальца и что-то прошептал подошедшему к нему слуге. Мужчина же взял мясо со стола императора, и, обогнув первый стол, направился ко второму, ко мне.

Мой желудок сжался, а губы превратились в тонкую белую линию. Наконец-то со щек исчезло покраснение. Моя кровь, похоже, стала сворачиваться. Все стали поворачиваться ко мне, пытаюсь узнать, что же там, на серебряном блюде. Вот так просто, император сделал то, чего я хотела избежать, а именно — привлечения внимания. И способ он выбрал самый худший. Сомневаюсь, что он останется доволен. Потому что я не ем мяса.

Слуга остановился прямо передо мной, а каблуки его сапог неприятно щёлкнули. Хотелось сползти под стол, рыть проход, прямо по рыхлой земле, пока я не попаду в лагерь

Ромска. Я могла бы спрятаться в лесу, с Тосей, с которым я всегда чувствовала себя в безопасности.

— Его Императорское Величество, Покровитель Империи и Великий Князь всей Империи Рузанин, отдаёт Вам своё почтение, Имперская Прорицательница, — сказал слуга.

Как только прозвучал мой титул, все тут же с интересом оживились. Будто стая птиц, все начали перешептываться. Но в скором времени всё затихло. Они ждали, что же я сделаю. На краю моего сознания появилось новое чувство. Я не буду это есть. Я взглянула на мясо. Инстинктивно, мой нос сморщился. Это было жаркое лебедя. Голова была целой и походила на чучело, набитое тушеным инжиром. Газа птицы были открыты. Он выглядел так, будто плакал.

Мои губы приоткрылись, так как пыталась подобрать правильные слова, чтобы вежливо отклонить это предложение. Всё, что мне удалось — это издать негромкий писк. Со свечи рядом со мной капал воск. Любопытство гостей окружало меня со всех сторон. Взгляд Валко по-прежнему остановился на мне. В комнате было тихо — никто не смел даже отложить столовые приборы.

Лоб мужчины блестел от пота. Он бросил нервный взгляд через плечо, на императора.

— Дитя, возьми мясо, а затем поклонись, — тучная дама рядом со мной прошептала это. Прикрываясь салфеткой.

Я сглотнула. Мой язык напоминал бумагу.

— Благодарю, — сказала я, не обращая внимания на женщину. — Но...

Он подал мне это блюдо, проигнорировав моё прошение. Мои руки стали липкими от пота. Возможно, если бы я сделала так, как сказала мне моя соседка, все продолжили есть и не обращали внимания на то, попробую я или нет.

Я медленно встала и опустила в реверансе. Мои распущенные волосы упали вперёд, к плечам. Как глупо с моей стороны думать, что этого императору будет достаточно.

Он кивнул мне в ответ, но его губы всё ещё были похожи на прямую линию.

Я снова села. Мне хотелось, чтобы дворяне снова докучали императору разговорами. Пусть Валко снова станет скучно.

Эмоции витали в воздухе. Гнев, зависть, любопытство. Все они опоясали мою грудь, будто ленты моего корсета. Я повернулась, умоляюще смотря на Антона. И он взглянул на меня, но на стол он положил свой кулак. Я пыталась найти его ауру, отыскать его эмоции и хоть как-то помочь себе, отыскать хоть какой-то выход. Почему он не может сказать своему брату, что со мной происходит, когда я ем мясо?

Но он не сказал. Когда его руки сжались сильнее, он кивнул, будто давая команду.

Я сгорбилась, чувствуя, как меня захватило разочарование. Он не был моим союзником. Пора бы уже наконец-то вбить это себе в голову. Я не могу смотреть на него так. Будто он меня спас, как это бывает в детских сказках.

Я присмотрела маленький кусочек и наколола его вилкой. Руки тряслись. Я открыла рот, лебединая плоть коснулась моего языка. Волна боли захлестнула меня, расцветая где-то чуть выше сердца. Я почувствовала, как кружится голова, как эмоции обрушились на меня как снег на голову. Эта боль, печаль, гнев. Всё это будто отрывало меня от земли. Я стала быстрее пережёвывать мясо, чтобы оно быстрее попало в желудок.

Удовлетворив своё любопытство, дворяне снова стали разговаривать о чём-то своём.

Валко усмехнулся. Я видела его лицо сквозь заплывшие слезами глаза.

Я не пророню ни одной слезы, пока ему снова не станет скучно, пока он не обратится к

генералу. Но кто-то сказал ему что-то новое, от чего император запрокинул голову и засмеялся. Мои брови сдвинулись. Он насмехается надо мной?

Он продолжал смеяться весь вечер; ещё долго после того, как я взяла в рот тот кусок. Я никогда не видела, чтобы человек так быстро переходил с одной эмоции на другую. Когда блюда были съедены, а ещё больше людей опьянели, к нам вышли шуты, и, как только они столкнулись лбами, выражая наигранное безумие, император засмеялся громче и зааплодировал. На его лбу и шее вздулись вены.

Но в некоторой части его беззаботность была неискренней. Я продолжала вытирать слёзы, поражаясь тому, как быстро первая аура, которую я почувствовала, так легко стала далёкой и непонятной. Я не могла разделить его радости. Его мать только умерла, её похоронили буквально только что. Почему он не подавлен, хоть я и чувствую какую-то тоску? Может, это моя собственная тоска?

Лебединая плоть будто попала в кровь и влияла на мои чувства. Как я могу смеяться также беззаботно, как и император, когда знаю, что там, в монастыре, были сожжены Прорицательницы, которых я заперла? Я действительно думала, что, если Валко может выдавить из себя улыбку, то и я могу сделать также?

Тогда я поняла, что, скорее всего, император не хотел смеяться. Это была маска. Маска, чтобы скрыть свою печаль. И, возможно, он обманывал специально, чтобы меня озадачить. Простая девушка теперь была Имперской Прорицательницей. Человеком, который намного важнее, чем все те стражи, которые стоят там, за окном.

Я почувствовала, что становлюсь спокойнее, что могу наконец-то повелевать своими эмоциями. Я ухватила за это чувство. Я больше не смотрела ни на Валко, ни на Антона. А позже, когда император покинул нас, и я собралась уйти отсюда прочь, принц преградил мне путь, наконец, признав, что я всё-таки существую. Его боли сошлись на переносице, будто у него что-то болело. Всё, о чём я могла думать — так это о том, как он бросил меня на крыльце дворца, как не сказал ничего, когда слуга поднёс мясо, подаренное императором.

— Соня... — начал Антон, не чётко понимая, что хочет сказать.

— Простите меня, Ваше Высочество! — я сделала вид, будто удивлена и впервые за день его вижу. — Я не знала, здесь ли вы или не существуете в этом мире вовсе.

— Ты должна понять, что... — его глаза сузились, будто от обиды, он выпустил тяжёлый выдох.

Я отвернулась, прервав его. Мне не хотелось слышать, как он оправдывается, почему он не мог сказать, что мы с ним знакомы.

Я вышла из зала, не оглядываясь назад.

ГЛАВА 10

В ночь после того, как от меня ушли горничные, я стояла между прихожей и своей комнатой, выбирая, где бы лечь. Кровать-ящик казалась чудовищем, который готов меня съесть. Можно было разместиться на одном из диванов. Но тогда в позолоте и украшениях этой комнаты я задохнусь так же, как и в стенах моей кровати. В конце концов, я собрала одеяла и подушки, расстелила на полу под окном. Возможно, зимние облака рассеются, и я посмотрю на звёзды.

Достав из ранца фигурку Фейи, которую давала Юлии, я поставила её на подоконник и помолилась. Не потому, что верую. Просто моя подруга была бы этому рада. Печаль от смерти лебедя до сих пор пульсировала во мне. Но стоило поблагодарить это чувство. Эта агония подняла меня над аурами дворян, над любыми мыслями об Антоне или императоре.

Именно поэтому Прорицательницы в монастыре для освобождения выбирали именно боль, именно поэтому потолок кровати Изольды был расцарапан. Ничто так не избавляет от эмоций, как физические страдания.

Я погладила концы черной ленты, повязанной вокруг моего запястья. Юлию должны похоронить завтра. Сестры и все остальные. Я скучаю по ним. Сердце будто отбивало похоронный ритм.

На основании фигурки были капли крови. Я держала её осторожно, чтобы не касаться её. Хотя именно сейчас я бы не сопротивлялась. Оставаясь на коленях, я накрыла запёкшуюся кровь подруги.

Меня пронзила ослепляющая боль. Я вскрикнула и содрогнулась, касаясь холодных досок спальни. Я всматривалась в узоры на стенах, и они расплывались — чувства пронизали моё тело. Отдохнув, я стиснула зубы и снова коснулась капель крови.

Я хныкала и тряслась, но всё равно не отпускала. Боль Юлии стала отступать, превращаясь в эйфорию, только тогда я отпустила. На мою бровь опустилась капля пота, когда рука схватилась за идола в третий раз.

Я повторяла это снова и снова, углубляясь в самые тёмные уголки смерти подруги. Если бы я коснулась этой крови достаточно раз, я бы почувствовала частичку боли каждой из Прорицательниц и сестёр, когда они умирали.

Звёздный свет мне увидеть так и не удалось. Через несколько часов я лежала в позе звезды, со слабым дыханием и замедленным сердцебиением. Руки и ноги дрожали, имитируя то, как Юлия теряла кровь. На моих глазах появились слёзы, когда я коснулась Фейи снова. Она упала на пол, на расстоянии вытянутой руки. Мои пальцы дрожали, я почти добралась до неё, чтобы ещё сильнее очернить свои видения. Я едва дотянулась до богини, но она откатилась от меня ещё дальше. Мои глаза закрылись.

Мои сны не о Юлии. В них — моё предательство императора. Я иду на плаху, а Кира стоит на крыльце дворца, одетая в накидку и головной убор Имперской Прорицательницы. Топор падает вниз, к моей шее. И всё, чего касается мой последний взгляд — это сумерки и синее пальто Антона, развивавшееся на ветру, когда он отвернулся от меня.

Меня разбудил лёгкий стук в дверь. Облака стали мягкими, по-утреннему серыми и полными. Кажется, будет снег. Я потеряла голову, будто это как-то могло избавить меня от ужасного сна.

Как только стук повторился, я приподнялась на локтях.

— Входите.

— Имперская Прорицательница, я принесла вам завтрак, — дверь приоткрылась. В проёме показалось лицо девушки, старше меня на год или два.

Я присела. От того, что я ворочалась всю ночь, моя сорочка была вся в складках.

— Меня зовут Соня, — Мне не нравилось, когда меня называли, как подобало по статусу.

В знак согласия, девушка присела. Я смотрела на неё; на то, как её уставшие, но добрые глаза осматривали мои покои. Я даже прониклась к ней симпатией.

Она открыла дверь шире, её губы изогнулись в робкой улыбке, но я понимала, что это не всё. Энергия лилась по моим рукам и ногам так сильно, что я забыла и о больной из-за ночи на полу спине, и о своём горе. Эту девушку переполняла жизнь. А я пила эту энергию, как путник, пересекавший пустыню Абдара.

— Я Пиа, — сказала она, войдя в комнату. — Твоя служанка. Но я уверена, что ты уже

знаешь об этом.

— Я могу считать ауру, но не то, о чём ты думаешь, — я вспрыснула и не могла с этим ничего поделать. Её счастье проходило через меня.

— Я имела в виду свою форму, — она тоже хихикнула, затем указала на свою одежду как на доказательство, которое могли распознать все дворяне. И для тех, кто когда-либо прислуживал. Для меня же единственным отличием в её одежде от моих слуг был только синий фартук вместо серого и иначе убранные волосы.

— Боюсь, я многого не знаю о дворцовой жизни, — призналась я. — Не говоря уже о том, что какая горничная делает, или какую одежду носит. Ленка вчера чуть не откусила мне голову, когда я рассказала ей о том, чего не ем.

— Ну, с этим я могу помочь, — она покачалась на каблуках. — Она — и соль, и прокисшее молоко. От идеи натянуть на неё улыбку я уж давно отказалась.

Её рука скользнула к шпильке, скалывавшей её волосы.

Я наблюдала, как Пиа это делает. Что-то в ней напоминало Юлию. Но, скорее всего, это просто была моя надежда на то, чтобы завести во дворце друга. Одного друга было достаточно в монастыре. Одного друга было достаточно в караване Ромска.

— В твоей гостиной чай и сладкая булочка, — одёрнув фартук, намного стесняясь меня, она кивнула, указывая на дверь, тем самым подталкивая меня. — Ленка придёт через двадцать минут.

Я встала и откинула одеяло.

— Ты здесь спала? — она подняла брови. Я нахмурилась, когда её взгляд пал на кровать-коробку. — Так?

— Давай-ка, для начала, всё подчистим. Ленка считает, что спать в этой кровати большая честь, — она фыркнула, затем взяла мои одеяла и подушки. Девушка протолкнула постель в небольшую дверцу. — Ты же не хочешь, чтобы, из чувства мести, она удавила тебя в корсете?

— Ты уже знаешь об этом? — я последовала за ней, в прихожую, где был обещанный самовар и булочка. На лакированном, блестящем перламутром подносе.

— Здесь слухи распространяются слишком быстро. Не каждый день к нам приезжает новая Прорицательница. Или просто девушка, которая осмелится предстать перед императором в не слишком затянутом корсете, — она усмехнулась. — Да, я не могла дожждаться, чтобы с тобой познакомиться.

Я почувствовала, как на щеках расцветает румянец.

Мне было приятно, что Пиа так открыто ко мне относится, но я сомневалась, что кому-то ещё из дворян мои чудачества покажутся настолько же захватывающими.

— Что ещё ты слышала? — сидя на диване, я ела булочку и ждала, пока она нальёт мне чаю.

Пиа наклонила самовар, но, когда моя чашка была наполовину полной, она остановилась, осматривая дверь. Будто Ленка может зайти в любой момент.

— Это правда, что тебя сюда привёз Антон, на белом коне? — она закусила губу.

— Да, — осторожно сказала я. — Но, вообще, это была кобыла.

— Это было очень романтично? — она вздохнула и опустилась рядом со мной. Так я понимала, что между нами было не слишком много формальностей.

— О чём это ты?

— Мне сказали, ты приехала с ним, на коне, — её глаза наконец-то посмотрели в

мои. — Он красивый, правда? И у него такая трагичная история.

— Драма? — я подняла чашку. Она говорила о потере матери?

— Знаешь... Знаешь, как он воспарил духом, когда подумал, что однажды будет править Рузанином?

— Что? — я чуть не подавилась чаем. Я охватила рукой горло от того, что начала задыхаться. — Валко не старший брат?

— Старший, — она пододвинулась ближе. — Но росли они отдельно. Тогда императора Айзиа пытались убить, покорить. Чтобы защитить свою династию, он отправил принцев в разные концы Империи, далеко от Торчева. Валко тогда было всего-то шесть, а Антону — пять.

— Но почему нельзя было сделать так, чтобы они были вместе?

— Для того, чтобы, если одного наследника убьют, второй уж точно остался в живых, — она пожала плечами так, будто это было логично.

— Но почему Антон подумал, что будет править? — я уставилась на неё. Почему-то моё сердце стало биться быстрее. — Оба наследника живы.

— Нет. По Рузанину ходил слух, который подхватил и Антон. Уже много лет люди империи думают, что, когда Валко везли в тайное поместье, его раскрыли и убили, — глаза Пиа стали большими, как мои блюда для чая.

— Это невозможно, — я пыталась найти в её ауре хоть один намёк на шутку.

— На его месте оказался другой мальчик, — восхищённая, но вместе с тем напуганная историей, она коснулась моей руки. Её энергия усиливалась и пульсировала в моих венах.

— Подожди... Я хорошо знаю эту историю. Подмена принца?

У Ромска была такая песня. Её мне пел Тося. Но она была о событиях, которые происходили в Рузанине, когда империя была ещё молодой. Я даже не думала, что это правда.

— Говорят, убийство было фальшивкой. Чтобы защитить старшего, чтобы в дальнейшем на него даже и не думали нападать.

— Но в тот момент Антон думал, что стал единственным наследником, — я начинала понимать, о чём она говорит.

— До тех пор, пока отец не умер и появился Валко. Тогда Антон и понял, что натворил его отец.

Я поставила чашку на стол и откинулась на спинку, пытаюсь осмыслить всю историю. Этой историей Император Айзиа дал ясно понять, что жизнь Антона не ценнее жизни Валко, и, пока все потенциальные убийцы пытаются отыскать Антона, Валко, истинный наследник, оставался в целости и сохранности.

Я думала о времени, проведённом с Антоном, и помнила, как он печалился каждый раз, когда говорил о брате и как становился суровее, когда речь заходила о почившей императрице. Наверное, они проводили вместе слишком мало времени. Как часто она могла бы приезжать к нему?

— Вот такой несчастный принц, — она откинулась рядом со мной.

— Как все могут быть уверенными в том, что Валко — не самозванец? — я ворошила юбку ночной рубашки и от того она вся покрылась складками.

— Никто не уверен. Вот почему его жизнь под угрозой, вот почему его чуть не убили. Пусть в этот раз умерла его мать. Вот почему ты так важна. Всегда, когда он чтит мнение дворян, дворяне говорят, что он — настоящий сын Айзиа, выглядит как отец: те же брови,

такая же уверенность. Но, когда с дворянами тяжело... а это бывает часто, — она шепотом добавила именно последнее. — Они говорят, что принца подменили.

Дверь открылась. Ленка вошла без стука, но остановилась, когда увидела нас с горничной, полулежащих на кровати. Пиа тут же вскочила и поправила косынку.

— Это что такое? — Ленка нахмурилась, рассматривая Пиа. Затем обратилась ко мне. — Ты закончила со своим завтраком?

Я пожала плечами, но уже оцетинилась от ауры раздражения.

— Слишком долго, — сказала Ленка. — Я должна подготовить тебя и тут же отправить к императору.

Я переглянулась с Пиа. Голова всё ещё кружилась от всего сказанного.

— Можешь забрать поднос назад, на кухню, — главная горничная приказала Пиа сделать это, после чего хлопнула в ладоши пару раз. Пиа с сожалением посмотрела на меня. — Иди.

Я уже готова была закатить глаза, но вместо меня это сделала эта девушка. Я пыталась закрыть рот, подавляя порыв смеха. Ей правда нужно уходить?

Когда она вышла за дверь, её энергия покинула моё тело. Я снова почувствовала боль от утраты Юлии, а в животе что-то скрутилось в преддверии того, что мне снова придётся присутствовать рядом с императором.

Пока Ленка выкладывала моё платье, чулки, нижнее бельё и тапочки, мой взгляд блуждал по такой прекрасной прихожей и такой обычной спальне. Изольда оставила в ящике очень странный след. Настолько же загадочный, насколько и рассказ о подмене принца. Может, Изольда поняла то, к чему не могли прийти дворяне: Валко и есть Валко, но он — не настоящий правитель империи? Чувствовала ли она в нём столько лжи, чтобы доказать что-то?

Самым сложным был вопрос, а смогу ли я?

Я проводила дни в тени императора, а затем был ещё один и ещё, за ними следовали недели, и я боялась того, что я могу стать причиной слухов, ведь так мало говорю. Но... как легко меня забыть. Валко тоже был не заинтересован во мне, хоть я и съела тот кусок мяса.

Дворяне последовали бы примеру императора. Новость о новой Прорицательнице была мимолётной. Всё, что мне нужно было делать — это ожидать встреч за встречами, еду за едой, сидеть в углу и пытаться не заснуть. Апатия Валко просачивалась в меня, как болезнь, а его и моя усталость делала мою походку более тяжелой. Я даже не скрывала этого. Если бы он не был старшим сыном Айзиа, он бы пытался это скрывать.

Из-за смерти вдовствующей императрицы, я искала угрозу во всех дворянах, а не те чувства, когда они проигрывали слишком много денег в кадриль или когда молодые жены герцогов бросали на императора заинтересованные взгляды. Их глаза выглядели либо как кошачьи, либо как глаза щенят. Они заставляли меня стиснуть зубы или даже вздохнуть. Но ничего из этого не могло ответить на мой вопрос: кто желает императору смерти? Конечно, если бы кто-то этого хотел, я бы тут же это почувствовала. Я бы кричала или делала хоть что-то, что было бы интереснее моего повседневного времяпровождения. Казалось, ничто не может меня беспокоить. Аура Валко была настолько равнодушной, что, мне казалось, он слишком сильно пытался держать себя в узде. А поздно ночью, когда я не могла спать или выносить прикосновений к идолу, я нашла другие способы, чтобы поддерживать свои страдания.

В полночь, я ходила по коридорам дворца, как делала это в монастыре, когда Юлия

болела, и у меня не было никого, кто составил бы мне компанию. Пока я проводила время здесь, в Торчеве, аура императора помогала мне не думать о гибели Прорицательниц в монастыре. Но ночью я оставалась наедине со своей агонией раскаянья. Если бы я была честна с собой, то моя душа была бы такой же спокойной, как и у императора. Может, мы с ним могли бы создать из наших аур щит, который никто из дворцовой знати не смог бы пробить. Во всяком случае, он удерживал меня от мысли свернуться в калачик в зале каждый раз, когда я обедала с дворянами в большом зале. У меня была возможность отведать мяса ещё раз, но пока что я ею не пользовалась.

Те двадцать минут за завтраком, которые я проводила с Пиа, помогали мне просыпаться каждое утро и засыпать, зная, что на следующий день я точно её увижу. Она была как солнечный свет, как глоток чистого воздуха, как бесконечный праздник. И вскоре, я поняла, почему. Она влюбилась.

Она всегда смотрела за дворцовым стражем с соломенными волосами. Стражем, который охранял меня. Он находился за пределами комнаты всегда, когда нужно было сопроводить меня к императору. Всякий раз, когда он широко улыбался Пиа, она скользила по полу, словно по замёрзшему льду на коньках. И её чувства заставляли мою голову кружиться также, как она кружилась у неё. Настал день, когда я заставила её признаться ему в своих чувствах, но она только засмеялась.

— А я думала, когда ты догадаешься. Я думала, ты ещё в первый день это рассмотрела!

— Я просто знала, что у тебя хорошее настроение. — я улыбнулась. — А ещё не знала, что его зовут Юрий.

— Когда он со мной говорит, я так рада, что обжигаюсь на кухне, — на её щеках появился румянец, она стала наматывать локон на палец.

— Он к тебе приходит?

— Никогда! Кук закидает его углями. Но я становлюсь такой глупой, когда вспоминаю каждое слово. А как он на меня смотрит.

— Ты безнадежна, — я бросила в неё подушку.

— Да я хотя бы это признала, — она хихикнула и прижала подушку к груди. — Ты же не хочешь со мной говорить об Антоне.

Я закатила глаза. Она всё ещё думает о том, что между мной и принцем что-то есть, хотя на самом деле мы не общались уже очень давно. Каждый раз, когда мне приходилось с ним сталкиваться, даже случайно, даже если он находился на другом конце коридора, он был напряжен и искал любой повод, только бы быстрее уйти. Это не имеет значения. Я бы сделала также, если бы я не чувствовала что-то. Я старалась не обращать внимания на тревожное урчание в желудке при каждой встрече. Но это чувство определённо не исходило от него. Как я могу заставлять его нервничать, если он едва меня замечает?

Хуже всего было, когда Валко потребовалось присутствие брата. Как я узнала, Антон был наместником над Перковым, юго-западной провинцией, граничившей с Баяковыми горами, отделявшими Империю от Эсценгарда. И, хоть Антон и был наместником, на самом деле его титул не значил ровным счётом ничего. Он был скорее советником в делах этой маленькой, но важной части Империи. Я думала, Валко завещал ему эти земли для того, чтобы публично показать свою щедрость, чтобы в Антоне никто не видел будущего императора.

Иногда братья встречались, чтобы обсудить войны на границе, беспорядки с крестьянами-зачинщиками, нескончаемый период голода и что можно сделать, чтобы

помочь людям. В этот раз я сидела с ними, но внутри всё сворачивалось, словно пружина в неисправном механизме, готовая вот-вот лопнуть. Напряжение ощущалось всегда, но я не могла понять, существует оно между ними или же между мной и Антоном. Когда я случайно задела его плечом, он задрожал. По моему телу проходило тепло, пока он не откашлялся, глубоко вдохнул и отодвинул стул настолько далеко, насколько позволяло пространство. Его рука дважды окунулась в карман кафтана, будто он что-то от меня скрывал.

Я вспомнила то письмо о кануне Морвы и о том, что его он передал тому голубоглазому парню по имени Феликс. Это произойдёт весной, за ночь до празднования в честь богини плодородия.

Что планировали Антон и Феликс? Участвует ли в этом тот дворянин с аметистовым кольцом или ему требовалось только передать письмо? Знал ли об этом император? Учитывая то, как сильно Антон пытался скрыть от меня содержание письма, сомневаюсь, что император тоже был в доле. Но предупредить императора разве не мой долг?

Мой взгляд скользнул к Антону. Мы должны были выдержать долгое заседание совета, но в его ауре не было ни намёка на скуку. В нём чувствовался огонь, который подбадривал меня каждый раз, когда я думала, что засну. Он вытянул руку над картой и его брови сдвинулись к переносице, придавая ему более серьёзный вид. Антон указывал на Баяковы горы, жители которых страдали от голода и Черной Смерти больше всех. В прошлом эта болезнь унесла не только жизни многих воинов, но и жизнь самого императора Айзиа. Принц предложил направить туда запас армии Торчева, чтобы укрепить границу с Эсценгардом. Кроме того, сделать так, чтобы министерство сельского хозяйства обсудило с крестьянами какие культуры можно вырастить в таких плохих условиях, как лучше бороться с вредителями, которых в последние годы было в изобилии, и, главное, как правильно удобрить почву так, чтобы она снова могла питать выращиваемые злаки.

Слушая Антона, я задавалась только одним вопросом: а могу ли я выдать принца его собственному брату? Кажется, для Рузанина он делает намного больше, чем Валко, который большую часть заседания провёл рассматривая реку Цзиншань, ставшую границей между его империей и Шенгли — восточной империей, богатой нефритом и изумрудами. Его взгляд задержался на этой реке, а меланхолию последних недель сняло как рукой. Теперь его аура заставляла мой желудок урчать, будто от голода.

Антон ушел от темы крепостничества и опёрся костяшками на стол. На его лоб упала прядь, напоминая о том, как в пути его волосы развивал ветер. Я спала в одной комнате с этим человеком. И, когда я задремала в тройке, он положил на меня одеяло своей матери.

Будет ли это государственной изменой, если я не предам его?

Я смотрела на принца так, как и в тот день, в тройке, когда он помог мне смирить волнение аур людей на площади. Я не могла оторвать глаз от его профиля. Едва заметные тонкие морщины в уголках глаз говорили о том, что он всё-таки иногда смеётся, а небольшая родинка на переносице. Казавшаяся несовершенством, была моим любимым местом на его лице. Каким-то образом она делала его моложе, скорее как парня, нежели как мужчину, который играл немаловажную, но навязанную ему политическую роль.

Искра непонятого чувства мелькнула в моём животе и окутала теплом меня всю: от пальцев ног до кончиков ушей. Лучи солнца проходили сквозь облака и отражались на лице принца почти незаметной радугой. Пылинки летали вокруг него так, будто были золотом.

— Империя поработила крестьян. Они остаются крепостными уже более пяти веков, — сказал Антон. — За последние пятьдесят лет число крепостных увеличилось до четверти

населения. Это не только бесчеловечно, но и представляет для нас угрозу бунта.

Казалось, Антон потерял нить повествования, когда понял, что я наблюдаю за ним, от чего мой позвоночник выпрямился и стал ровнее, чем стрела. Тепло внутри снова разошлось по всему телу, будто огонь, который невозможно было приручить или остановить. Он чуть нахмурился, уголок его губ дрогнул, но он откашлялся, понимая, что теперь на него обращен взгляд Валко.

Замирая, я посмотрела на императора, пытаюсь отыскать в его взгляде хоть что-то нежное, но его палец отодвинулся от реки. Я сглотнула.

— Повтори-ка, как тебя зовут, — он обратился ко мне. Все его советники повернулись ко мне, будто только что поняли, что я нахожусь в этой комнате.

— Соня Петрова, — руки скользнули по бёдрам.

— И как тебе здесь, Соня? Нравится?

— Иногда, — я моргнула. Солнечный свет слепил глаза.

Он рассмеялся. Его смех прозвучал, будто сходявшая со спокойных гор лавина. Я же в ответ только слегка улыбнулась, понимая, что впоследствии прогону его весёлость прочь.

— Я беспокоюсь о тех, кто остался в монастыре, — сказала я, делая первый шаг. — Крестьяне из окрестных деревень недовольны. Возможно... — я посмотрела на Антона.

— Возможно, тебе тоже стоит присоединиться к обсуждению, — Валко снова рассмеялся, но на этот раз улыбка на его лице продержалась дольше. — Да. Да. Давайте обсудим этот вопрос со всех сторон, — он смеялся, положив руки на стол.

Я сжала губы, разрываюсь между тем, что он чувствует. Я его насмешила? Или просто разбудила? Может, он и правда хочет позаботиться об Ормине?

— Нечего обсуждать, — сказал Антон. Он сложил карту.

— О чём вы? — в моей груди появилась искра гнева. Я отошла, чтобы лучше его видеть. — Вы обещали...

— Монастырь был отстроен, а еда для крестьян была отправлена ещё до весны, — его голос был тихим, мышцы его челюсти были напряжены. Принц сел и убрал все бумаги. Наклонившись, чтобы положить их на пол, он пробормотал то, что было адресовано только мне.

— Я же пообещал, что сам прослежу за тем, чтобы всё было выполнено.

Значение этой фразы было более чем понятным — «Не сейчас, Соня».

— Я ничего об этом не помню, — взгляд Валко метнулся между нами. — Это было сделано без моего согласия?

— У меня не было причин тебя беспокоить, — Антон поправил пуговицу на своём кафтане.

— Но Ормина не в твоих владениях, — сказал Валко.

— Ты послал меня в Ормину для того, чтобы я привёз Прорицательницу, — Антон тяжело выдохнул через рот. — Будучи там, я не мог не видеть того, что там происходило. Как ты и просил, я всего лишь облегчил тебе задачу, решая простое дело самостоятельно.

— Мои Прорицательницы — это не просто дело.

— Они не твои, — Антон стиснул зубы. — Во всяком случае, не должны быть.

Их ноги разделяло всего-то расстояние в три пальца. Комната наполнялась энергией.

После хлёсткой речи принца, все замолчали. Глаза советников смотрели то на Антона, то на Валко. Внутри меня же поднялся вихрь напряжения. Мои мышцы напряглись, а руки и ноги дрожали. Напряжение поникало всё глубже и становилось всё ужаснее. Солнечные

лучи проникали сквозь витражи, вновь делая Антона прекрасным и светлым. В отличие от Валко, лицо которого казалось темнее, ведь на нём отражалось большое малиновое пятно.

Я вспомнила всё то, о чём предостерегал меня принц. Антон описывал Валко как ветреного, бессердечного мужчину. И всё это я чувствовала в нём сейчас. Императору в последнее время было скучно, но, во всяком случае, он казался стабильным и безопасным. Оставаясь рядом с императором как Имперская Прорицательница, я останусь в живых. Но я могу умереть, находясь рядом с тем чудовищем, что растёт внутри Валко.

Что заставило Антона сорваться с цепи? Что заставило сделать это меня?

Я прикусила язык и отпрянула. Моё тело тряслось от ярости императора.

— От чего же, скажи на милость, — Валко говорил спокойно. — Им не быть моими?

— Я только хотел сказать, — Антон смотрел на мои плечи, затем переключился куда-то чуть выше моих глаз. Он говорил осторожно, чётко понимая, что он идёт по тонкому льду. — Что им нужно предоставлять выбор, служить тебе или нет. Я уверен, что большинство из них с удовольствием бы приняли роль Имперской Прорицательницы.

— Выбор? — Валко снова засмеялся. — Почему каждая женщина, каждая девушка должна хотеть быть рядом со мной больше всего в этой жизни? Почему «выбор» значит «устроить схватку за такой приз»?

Принц посмотрел вниз и сложил руки на столе. Давление внутри меня трещало, как в камине. Он сдерживал себя как мог.

— Соня, — Валко обратился ко мне всё тем же ненастоящим спокойным голосом. Его серые глаза сияли, как у волка. — Будь у тебя выбор, ты служила бы мне?

Моё сердце выбилось из ритма. Как же мне ответить? Гнев охватил меня. Хотелось наброситься на него и сказать, что, если бы не он, я бы была далеко на юге, переживая с Ромска зиму или с матерью, которую я едва знала. Или с отцом. Или с братом. Мои мышцы напряглись от злости.

Я резко вдохнула, ведь была готова атаковать Валко тем, что готовить Прорицательниц именно так, как это водилось, было несправедливо, но я вовремя сдержала себя. Невинные лица Киры и Даши будто смотрели на меня сквозь всё расстояние между нами. Я не хочу быть грузом, который ломает ветку. В прошлом, из-за влияния аур других людей, я сделала много ошибок и причинила слишком много вреда. Я поклялась, что буду сдерживать себя ради Киры и Даши. Если я разгневаю Валко, это может стать причиной того, что меня казнят? Но я не хотела проверять то, насколько жестоким он может быть. Слезы, которые ещё не лились по щекам, затуманили взор. Я пыталась заткнуть себе рот, только бы не сказать что-то, за что потом меня можно будет осудить, но аура императора слишком запутала меня.

— Не втягивай в это и её, — сказал Антон.

Рот Валко растянулся в широкой довольной улыбке. Он поймал брата на чём-то, а вот на чём, я понять не могла.

— Может, ты хочешь, чтобы это были твои Прорицательницы? — сказал Валко. Антон покачал головой, но император продолжал давить. — Может, ты хочешь стать императором вместо меня?

Я насторожилась. Это был тот момент, о котором предупреждал меня принц. Момент, когда Валко атакует. Я схватилась за стул, готовясь к сильному удару.

— А что тогда это было? — император встал так быстро, что его стул упал назад. Он указал пальцем в стол так, будто там всё ещё лежали карты. — Ты хотел показать, что

понимаешь больше меня? Ты хотел произвести впечатление на моих советников? Показать им, что бы ты мог сделать, будь у тебя моя власть? Мне жаль, что ты думал, что твоя жизнь была бы другой, но право быть императором даровано мне с рождения! — изо рта вылетела слюна, так сильно он кричал. — Я — старший сын императора Айзиа. И только я был рождён для того, чтобы править! — он ткнул пальцем в свою грудь. — И я жив!

Никто в комнате не смел пошевелиться. Ноздри Антона раздувались, таким злым он был. Но его взгляд не отрывался от стола.

— Ты хотел занять моё место? Это ты убил нашу мать, надеясь, что умру я?

Для Антона этого было достаточно. Он вскочил, чтобы ответить на обвинения брата.

— Остановитесь! — я стала между ними, пытаюсь контролировать свои эмоции. Ведь они оба были разгневаны. — Принц Антон не причинил вреда императрице!

Валко обнажил зубы. Он был полон решимости обвинить Антона в преступлении, которого тот не совершал. Я боялась, что он найдёт какие-нибудь ложные доказательства и казнит принца.

— Вы должны мне поверить! — сказав это, я толкнула императора назад, ведь он хотел взять брата за воротник. Его гнев смешался с удивлением. Конечно, он не привык к тому, чтобы кто-то прикасался к нему так свободно. — Я могу это доказать.

— Невозможно, — фыркнул он.

— Когда мы ехали из Ормины в Торчев, Антон привёз с собой одеяло, принадлежавшее вдовствующей императрице. Шерстяное, с зелёными краями и вышитыми цветами. Вы видели такое?

— Оно было с ней в тот день, когда её отравили, — Валко кивнул. Его взгляд пал на Антона, будто это было доказательством его вины.

— На вышивке была кровь, — сказала я. — Через неё я почувствовала то, как она умирала.

— О чём это ты? — брови Валко сошлись на переносице.

— У меня есть дар... или проклятье... Так или иначе, я могу чувствовать то, что существо ощущало перед смертью, если коснусь к их плоти, волосам или крови.

— Мясо, которое я предложил тебе тогда, на банкете... — его глаза сузились.

— Да, — я почувствовала, что его аура становится более стабильной. Мне нужно было удерживать его в таком состоянии. — А ещё мех на моей накидке и головном уборе. Поэтому я никогда не ношу их.

— Их смерть отражается на тебе? — он спросил это даже с нотой сочувствия, что заставило меня промолчать несколько секунд.

— Да, — тихо ответила я.

— И ты чувствовала боль моей матери?

— Да.

Его взгляд опустился на пол. Позади меня, Антон положил свою руку на моё предплечье, но я сопротивлялась, хоть его прикосновение и даровало успокоение моему сердцу. Мне нужно концентрироваться. Я осторожно убрала его руку, не отводя взгляда от императора.

— Вы были рядом с Вашей матерью, когда она умерла? — спросила я.

— Да, — ответил Антон. — Как и я.

— Тогда то, что она чувствовала, относится только к вам, — я понимающе вздохнула. — В ней не было печали, и никого из вас она не обвиняла. Она не была удивлена тому, что кто-

то стал предателем, она не хотела и мести, — мой голос дрожал от волнения. — Её последние минуты были насыщены такой сильной любовью, которой я не испытывала ещё никогда.

Снаружи свистел ветер, и под его напором дребезжало стекло в окнах. Витражи формировали картину герба: расцветающие розы внутри красного солнца. Символ династии Озеровых, их семьи. Дышать стало намного легче. И император, и Антон опустили головы. Их гнев утих.

Советник Ильин-старший, с сединой в бороде, но на удивление молодыми глазами, нарушил молчание.

— Прости меня, Имперская Прорицательница, но то, что императрица Катерина любила своих детей, не отменяет того, что кто-то мог стать её убийцей. Она могла об этом и не знать.

Я бросила на него взгляд, пронизанный ненавистью. Он сказал это специально, чтобы у Валко снова возникли подозрения? Зачем ему это? Учитывая всё, что я слышала, этот старик мог бы подлить яд в чашу. Или кто угодно из присутствующих. Только сейчас я начала понимать, какие тайны скрывает двор, и какая роль в нём мне отводится.

Я пыталась ощутить ауру советника Ильина, пытаюсь понять, что чувствую, как я реагирую на то, что он говорит. В моей голове вспыхнула боль, она же чувствовалась и в бедре. Всё, что чувствовал старик — это усталость и терпение, подходившее к концу. Ничто даже не намекало, что он виновен.

— Принц невиновен, — решительно сказала я. Я надеялась, что так смогу его припугнуть, в какие бы игры он не играл. Но, в мастерстве скрывать свою ауру, он мог бы превзойти всех в этом замке.

— Почём нам знать? — спросил советник так. Будто я была ребёнком.

Я лишь подошла ближе к Антону.

— С этим человеком я провела два дня. Два дня с того момента, как умерла его мать. У меня была не одна возможность заглянуть в его ауру также, как и сейчас есть возможность заглянуть в вашу. Принц Антон не убивал императрицу, он не хочет причинять императору вреда. Ничто из того, что он делает, не направлено на то, чтобы забрать у брата корону.

Слова будто сыпались из моих уст бесконечным потоком, вне зависимости от того, знала я правду или нет. Я не была уверена в том, что правильно ли я делаю, защищая Антона. Но почему-то я чувствовала, что он должен жить. Никто не сможет лишить его жизни.

— Вы можете думать, что я молода, — сказала я. — Но я — Имперская Прорицательница и вам нужно понять, что моим словам нужно доверять.

Кажется, шестым чувством я уловила пораженный и гордый взгляд Антона. Губы советника Ильина сомкнулись, и ему больше не хотелось меня дразнить. Император, принц и я расселись на свои места, в то время как остальные делали вид, что работают и ничего ужасного не произошло. Обсуждение продолжалось. Они рассматривали вопрос об иммигрантах из Абдары и налога на импортируемый товар. Напряжение между двумя братьями всё ещё чувствовалось, но, во всяком случае, было не таким сильным.

Остаток заседания я провела под строгим взглядом императора. Я задавалась вопросом, какой он видит меня сейчас? Как новую угрозу трону? Или же, как новую союзницу Антона? От его взгляда, в котором смешалась боль от ожога и охлаждения льдом, моё сердце билось быстрее, будто вылетая из груди. Но я больше не была девочкой, о которой забыли, которую отодвинули в угол.

Император заинтересовался мной, к лучшему или к худшему. И только время покажет, сделала ли я ошибку, выйдя из укрытия.

ГЛАВА 11

— Они думают, я сумасшедшая, — Пиа сунула в рот последний кусочек шарлотки. Мы обе сидели на полу моей прихожей, чтобы не проронить ни одной крошки на мои бархатные диваны. Вместо этого крошки сыпались на мою ночную рубашку и её фартук. Она удивила меня своим ночным визитом, когда я только-только хотела прикоснуться к статуе Фейи.

— Я уверена, это не так, — я слизнула кусочек яблока с пальца.

— Нет же! Ты не поймёшь. Даже мать Юрия умеет читать. Её муж научил.

Пиа вот уже полчаса пыталась рассказать о том, что волею неудачи судьбы, в один из своих редких выходных, она встретила родителей Юрия. Видимо, отец парня был репетитором в Торчеве, преподавая трём дочерям одного дворянина. Старшая из них была возраста Пиа и была влюблена в Юрия. Её отец же пообещал, что заплатит за парня, чтобы тот получил титул полковника пехоты. Вот тогда он сможет претендовать на руку его девочки, что для скромных родителей Юрия было отличным предложением. Но сам парень был непреклонен в своих планах, хоть и был уверен в том, что в Пиа они увидели только лишь горничную-замарашку.

— Нужно было принести целый пирог, а не часть, — она соскребла с тарелки остатки.

— Если бы они могли, — я сжала её руки, вместе с тарелкой. — Чувствовать хотя бы десятую часть того, кто ты на самом деле, они бы точно благословили тебя на женитьбу.

— Да чихать я на них хотела. И тебе советую. Хотя, может, будь у них хотя бы часть твоих способностей, они бы разглядели во мне не просто безграмотную девку.

— Девку? — я засмеялась, наклонив к ней голову. — Ты имеешь в виду...? Вы с Юрием...?

— Да нет же! — сказала она, быстро отводя глаза. Её аура стала теплее, а на моих, как и на её щеках, стал появляться румянец.

— Ты врёшь, — я изучала её, стараясь сдержать усмешку.

— И не думала! — она отстранилась, и я больше не могла касаться её руки. Из-за разорванной связи, наша связь ослабела, но мне хотелось прижать колени к подбородку и обхватить их руками. Она явно что-то скрывала.

— Ты знаешь, что я чувствую то же самое, что чувствуешь ты, — я пошевелила пальцами в воздухе так, будто совершала обряд тёмной магии.

— С тобой дружить невозможно, — каким-то образом она хихикнула, но вместе с тем и раздраженно простонала. Ямочки на её щеках стали глубже. Она по-дружески толкнула меня в плечо. — От тебя ничего не скроешь.

— Друзья не скрывают секретов, — ответила я так, будто это был один из законов мирской мудрости. — А если и скрывают, то вместе. Друзья делятся секретами.

Она снова застонала и уронила лицо в ладони. Её радость уступила место трепету.

— Обещаю, что никому не скажу.

— Хорошо. Этого Юрий от тебя никогда не должен узнать, — она подняла голову, покрасневшие щеки.

— Ты имеешь в виду... не он? — я нахмурилась.

— Понятия не имею, чем приглянулась Валко, — Пиа покачала головой.

— Валко? — моя челюсть отвисла. Я не ослышалась? — Его Императорское Величество Валко? Император Рузанина, Валко?

— Несколько месяцев назад, — она подняла брови, чувствуя слишком глубокую вину. Она сморщила нос. — Сомневаюсь, что он даже имя моё запомнил. Надеюсь, что нет, — взяв свою тарелку, она собрала остатки сахара на палец и облизала его. — Нет, нужно было принести больше.

Я считала её эмоции. Мои ладони покалывало — значит, она беспокоилась, но моё сердце билось в обычном ритме. Это не неразделённая любовь.

— Так... ты ничего к нему не чувствуешь?

— Я люблю Юрия, — торжественно, будто молитву, произнесла Пиа.

— И ты никогда ничего не чувствовала к Валко? — я не знала, почему хочу это знать. Возможно, моя новая роль заставляла меня защищать его. Это то, что я чувствовала? Я хочу защищать его?

— Я уважаю его, как любой человек в замке должен уважать императора. Вот так я к нему отношусь. Так же, как и ты, — она пожала плечами.

Я пустила крохотную слезу в складку ночной рубашки. Как я отношусь к императору? Он высокомерен — и это факт. Кроме того, равнодушен к другим и определённо похотлив. Я видела его в зале заседаний, сегодня. Конечно, он искал кого-то такого же солнечного, как Пиа.

— Тогда почему ты отдала себя Валко? — это было всё, что я могла сказать вместо того, чтоб потянуть руку к её запястью и почувствовать её пульс. Если бы моё любопытство превозмогало, я бы уже дотронулась до её руки, моё сердце стало бы биться быстрее, я бы стала накручивать на локон палец.

— Отдала себя? — Пиа расхохоталась. — Соня, это был поцелуй!

— Ты имеешь в виду... это всё, что между вами было? — меня захлестнуло чувство облегчения, а мышцы уже не напрягались.

— Это только один раз! Я себе пообещала! — она кивнула. Кусая губу. Она стала наклоняться вперёд, будто сейчас должно было произойти самое страшное в её жизни признание. — Ты знаешь, я люблю Юрия, но даже он меня с таким упоением не целовал. Ты даже не представляешь, каково это, когда ты задыхаешься от его поцелуя, когда всё его внимание только тебе, не иначе как ты стала равной ему по статусу. Уж не знаю, что бы произошло, не появись рядом Ленка!

— Не удивительно, что Ленка решила пройтись, — я фыркнула. — Если бы ты сказала Валко «нет», то стала бы самой презренной женщиной в этом дворце. Да и даже император не может иметь всё, что пожелает.

— А ты бы ему отказала? — Пиа изогнула бровь.

Мой пульс стал сбиваться. Наверное, сладости уже растворились в крови.

— Конечно.

— Хмммм....

Послышался лёгкий стук. Три раза, быстро и подряд. Глаза Пиа расширились. Ленка вернулась? Она же уже одела меня на ночь и расчесала. К тому же, она никогда не стучала — в прихожей нет замка.

Стук раздался снова, но немного громче и чаще. Я стояла, остолбенев, а Пиа стала собирать посуду так быстро, как только могла. Ленка будет в ярости, если узнает, что она ко мне приходила. Хоть по этому поводу правила и не существовало. Но, когда я коснулась двери, внутри меня пульсировала энергия, не принадлежавшая моей горничной.

Как только Пиа поставила всю посуду на поднос, я приоткрыла дверь и уставилась в

щель.

У меня перехватило дыхание. Это был Антон. Он стоял прямо за моей дверью, его лицо терялось в свете двух подсвечников снаружи. На нём не было кафтана, но его сапоги всё ещё были на нём, а ночная рубашка была неаккуратно заправлена в штаны. Его волосы были растрёпаны так, будто весь прошлый час он перебирал их руками. Я никогда не видела его таким печальным, таким человеческим.

— Можно войти? — спросил он. Его голос звучал естественно, казался по-настоящему аристократическим. С низким тембром, которым, кажется. Невозможно шептать.

Я колебалась, моя рука стала перебирать ленты на вырезе ночной рубашки. Это прилично: запускать мужчину в комнату, когда я одна? Тем более мужчину, который всё ещё злился на меня. Но тогда, в зале, я была не одна. Я оглянулась на Пиа, на лице которой уже сияла широкая улыбка.

— Антон? — сказала она одними губами. Я закатила глаза.

— Пожалуйста, Соня, — сказал принц. Когда я снова обратила на него внимание, он посмотрел на дверь в покои императора. — Впусти меня. Я должен с тобой поговорить.

Боль на его лице отзывалась у меня в сердце, и мне ничего не оставалось, кроме как смиловаться. Я застонала от разочарования, ведь я жалею его. Впрочем, это не остановило меня — я разрешила ему войти. Он прошёл мимо меня, закрыл дверь и только потом заметил Пиа.

— О, прошу прощения, — он дал ей понять, что ему неудобно говорить при ней. Я пыталась сдержать смех. Он оправдывается перед горничной? Она заставила его волноваться?

— Уже уйду, — ответила она, расплываясь в реверансе. Антон открыл ей дверь. Она в свою очередь проводила меня заманчивым взглядом, поднимая и опуская брови. Но Антон закрыл дверь.

На этот раз глаза закатила я.

Принц продолжал расхаживать туда-сюда по моей прихожей. Он вытер пот с подбородка и запустил руку в растрёпанные волосы. Я стояла в центре комнаты, босиком на ковре, чувствуя, как под сорочкой трепетало сердце от того, как он пытался поправить причёску. Его взгляд блуждал по полу, по предметам вокруг, но не падал только на меня.

— Зачем вы здесь? — спросила я. Теперь, когда аура Пиа исчезла, аура Антона поглотила меня. Мои нервы были на пределе; я не знаю, сидеть мне или стоять. Я хотела только одного — спрятаться в своей спальне, но заставить себя уйти не было сил. Почему принц так растерян?

Он подошёл к моей печи и всмотрелся в пламя в камине. Он вдыхал очень быстро, а пальцы сжимались в кулаки. Мои эмоции были настолько разными, что я не могла понять, что я чувствую наверняка.

— Антон?

— Как ты можешь быть такой глупой? — он повернулся ко мне, но не смотрел в глаза, только на ночную рубашку.

— Что я сделала? — я вздрогнула.

— Ты никогда не должна защищать меня перед Валко, тебе понятно? — он рассмеялся, ущипнул себя за нос и пнул ногой камин.

Мои губы приоткрылись в изумлении. Я не могла понять его гнев.

— Я сказала только то, что знала наверняка. Или же вы мне соврали?

— Да тебе бы самой стоило бы беспокоиться о своей жизни! — его голос стал громче и мой тоже подражал ему, зараженный его эмоциям.

— А Вам — о своей! Император обвинил Вас в убийстве, в измене. Как он мог обвинить в этом принца.

— Но я не убивал свою мать.

— Я верю Вам! Но хочу, чтобы поверил и Ваш брат. Я хочу, чтобы вы жили мирно, — тяжесть настоящего зимнего снегопада обрушилась на меня. Антон наконец-то посмотрел на меня, его гнев стал утихать. Его лицо выражало абсолютную беспомощность и глубочайшее горе. Увидев это, я навсегда простила его за то, что он меня игнорировал. Зачем он пришёл сюда? Неужели, он переживает за меня?

— Соня, разве ты не видишь? — сказал он. — Мы с братом никогда не будем жить в мире. И даже ты не сможешь что-то изменить.

Огонь за решеткой трещал, а искры вспыхивали в воздухе. Я обняла себя, но это не потому, что мне холодно. Я чувствовала боль. Несмотря на то, что я чувствовала беспокойство принца, я понимала, что стесняю его. Я пыталась сделать так, чтобы его эмоции не влияли на меня. Но это оказалось невозможным. Когда сегодня он был там, в зале заседаний, я увидела, как он величествен, как предан Рузанину. Он стал бы прекрасным императором, хоть одна такая мысль и уже была предательством. Часть меня хотела быть такой же благородной, такой же преданной Империи. Так что, несмотря на мою горечь, он пришел ко мне в покои ночью, чтобы сказать, что он разочарован мной. Его слова обжигали.

— Почему ты здесь, Антон? Почему ты сказал, что я должна беспокоиться о своей жизни?

Его глаза, не отрываясь, смотрели на меня. В них было тепло и мягкость, яркость свеч. Он приблизился, и моё сердце стало биться быстрее в тоске, в муках того, что он разочарован мной. Принц остановился в полуметре от меня. Я немного покачалась на ногах, не зная, что мне выбрать: сделать шаг назад или потянуться вперёд, окунаясь в вихрь его эмоций.

— Мой брат жаждет власти, — сказал он. — Прежде всего, власти надо мной.

Я изо всех сил пыталась понять, что он имеет в виду. Его эмоции были непонятными: они колебались от тёмных, и по-настоящему мужских, до хрупких, как сосновые иглы. Но он выжидал.

— Как это относится ко мне? — спросила я. Мои руки всё ещё обнимали тело, пальцы сжимали локти.

Брови Антона напряглись в каком-то даже страдальческом выражении. Мой желудок сжался и будто загорелся, будто я съела что-то горькое и хотела добавки. Необъяснимым образом мой взгляд пал на его губы. Во мне разливалось тепло. К шее и лицу прилила кровь, а мой самоконтроль был сломан. Я посмотрела в его карие глаза. Глубокие, полные бесконечной тайны глаза.

Это чувство принадлежит мне или в этом мне помог он? Или я влюбилась в принца, которого постоянно разочаровываю и раздражаю? Я искала его взгляд. Может, он по-прежнему считает меня проклятьем, которое он так неохотно забрал из монастыря?

— Валко сказал, чтобы ты пришла в его покои, — жилы на его шее оставались напряженными, он сглотнул.

— Почему? — спросила я. Мои нервы остыли, но руки всё ещё дрожали, а сердце колотилось в тревоге. Я вспомнила о том, как Пиа рассказывала о поцелуе и о том, как он

неотразим, как она не могла остановиться.

— Мой брат жаждет власти, — повторился Антон. Его слова говорились шепотом. Таким, каким раньше он не шептал никогда. Его глаза казались потерянными, беспомощными. — Ты не должна защищать меня, Соня.

— И он заставил тебя позвать меня к себе? — я стала задыхаться, пытаюсь понять, что это значит.

— Да, — он покачал головой, будто хотел соврать, но не мог.

— Чего же он от меня хочет? — я попятилась назад, будучи ошеломлённой таким заявлением. Я — самая молодая из Прорицательниц, которых вообще видел этот двор. Возможно. Что, если Валко использует меня для плотских утех? Волна тошноты подступила к горлу. Антон не отвечал.

— Скажи ему, что мне плохо, — приказала я.

— Этот ответ его не остановит.

— Я здесь не для этого! — я развернулась так, что моя сорочка закружилась, обнажая лодыжки. В моих словах проступили рыдания. — Я и так даю ему достаточно.

— Значит, не позволяй ему взять больше, — его рот тут же закрылся.

— Как? — в отчаянье, мои ладони прижались к вискам. — Как я могу отказать императору?

Лица Киры и Даши появились у меня перед глазами. Такие они делали, когда хотели убежать далеко и никогда не вернуться. Я не могла не исполнить свой долг, но от всего услышанного становилось гадко.

— Ты сделала то, что я тебя попросил? — спросил Антон. — Нашла ли ты место внутри себя, которое принадлежит только тебе?

— Это не так просто, — я пожалала плечами. Паника душила меня.

— У тебя есть сила, Соня! — он схватил меня за плечи. — Я видел это, когда ты пришла на помощь подруге там, в монастыре, когда ты отказалась от меха, когда колебалась с принятием мяса в зале, полном прожорливой знати. Страсть Валко — вещь очень сильная. Но ты можешь защитить себя.

Антон поднял брови, наклонился ближе, будто пытаюсь успокоить:

— Наверное, мальчики Ромска тебя целовали? Что ты тогда делала?

— Отвечала на их поцелуи! — раздраженно развела руками я.

Черты его лица будто стали темнее, отражая... искру ревности? Но он слишком быстро спрятал свои чувства, чтобы я нащупала его пульс или ауру и поняла, что же заставляет его себя так вести.

— Послушай меня, — сказал он, стараясь держать свой гнев в узде. — Я верю в тебя. Ты можешь казаться скромной, но тебе точно нужно прочертить грань ваших отношений.

— Ты предупредил меня насчёт своего брата, — я тяжело выдохнула. — Ты веришь в него достаточно, чтобы уважать меня, если я буду сдержанной?

— Если я не верю в него в этом смысле, то отказываюсь верить в него вообще, — он не ответил на мой вопрос прямо, но я поняла, что он хотел сказать. Он хотел верить в Валко хоть немного. Не имеет значения, каким бы был его ответ. Его ответ не отменяет того, что у меня нет выбора — нужно покориться просьбе императора.

— Я пойду, — напугано сказала я, понимая, что Антон чего-то не договаривал. Вечером мне что-то угрожает? Я думала о том, что, скорее всего, он имел в виду то, что я стану другим человеком, если Валко ко мне привяжется. И я решила убедиться в том, что этого не

произойдёт.

— Помни, что я тебе сказал, — принц вздохнул. Его руки ещё лежали у меня на плечах. — Скромность, но твёрдость характера. Постарайся, чтобы этот вечер был коротким, оставайся более приземлённой. Думай о чём-нибудь другом, но не о нём.

Пустыми глазами, я посмотрела на Антона. Хотелось, чтобы он пошел за мной. Он отвлёл меня от толпы людей на площади. Он же оставался моим шансом на то, что он отвлечёт меня и от своего брата.

— Когда попрощаешься с ним, — продолжил он. — Постучи три раза в мою дверь. Так я буду знать, что ты в безопасности. Я не приду сюда снова и не буду тебя снова беспокоить.

Я кивнула, как кивнула бы девушка, отправлявшаяся на виселицу.

— Возьми это, — Антон наклонил голову, чтобы вынуть что-то из своего кармана. Это был старый ключ.

Он положил ключ в мою ладонь и положил свои пальцы на неё. У меня внутри вспыхнуло чувство, будто я слишком сильно хотела защитить его. Он так сильно хотел защитить меня? Мне хотелось почувствовать спокойствие, но как я могла это сделать, если Антон не может предотвратить встречу с императором?

— Эта комната когда-то принадлежала моей двоюродной тётушке, — продолжал он. — Палаты соединены между собой, но об этой все забыли. В комнате рядом с твоей — балетный зал. Но он больше не используется. Если сегодняшнего вечера Валко будет мало, ты можешь пойти туда. Возможно, он захочет прийти к тебе в покои. В будущем. Скорее всего, он больше не будет использовать меня, чтобы ты точно пришла к нему. Он может явиться сам.

Я чувствовала вес ключа; то, как руки Антона легли поверх моих. Внутри меня ощущалось тепло его прикосновения, его беспокойства за меня.

— Я никогда не видела этой двери, — ответила я.

— Она прямо за твоей кроватью. Не думаю, что даже слуги о ней знают.

А знала ли Изольда? Я оглянулась на открытую дверь в спальню.

— Мне нужно идти, — сказал он. — И тебе нужно торопиться. Валко нетерпелив, это не в твою пользу, — принц сжал руку. Я резко выдохнула, когда он отошёл, направляясь к двери.

— Подожди, — я подошла ближе. Антон повернулся ко мне. Я прижала ключ к груди. — Ты сказал, что нужно постучать трижды.

— Да.

— Я не знаю, где твои покои, — я замялась.

Свеча возле него будто собиралась затухнуть, а свет от неё плясал в его глазах.

— Через две двери, — тихо ответил он. — Ближе к покоям императора.

Я кивнула. Мои пальцы покалывало, но я сильнее сжала ключ. Всё это время он был так близко. Он казался ближе, даже несмотря на то, что нас разделяли две двери, покои и один балетный зал. Осознание того, что принц находится недалеко, заставляло меня успокоиться, ведь мне угрожал приступ паники.

— Я не лягу спать, пока ты не постучишь, — сказал он. — Я постучу в ответ трижды, чтобы ты знала, что я услышал.

Он сглотнул и опустил глаза, избегая встречи с моим взглядом. Меня охватил прилив сложных чувств, переплетавшихся с сильным теплом.

— Да защитит тебя Фейя.

Его слова звенели у меня в ушах, вместо того, чтобы пройти насквозь. Это то, что он сказал мне вместо «прости меня».

ГЛАВА 12

Я шла вперёд по длинному коридору, мои ноги ступали по красной ковровой дорожке, раскинувшейся по всей длине. Когда я проходила мой взгляд задержался на двери Антона. Я заставляла себя идти вперёд, не нарушая ритм походки. Чем раньше я с этим покончу, тем лучше.

Передо мной была дверь покоев Валко, украшенная позолотой, рельефной резьбой семиконечного солнца. Верховный Бог, Зорог, стоял будто в лучах света, с одной короной на голове, а с другой — в руках. Вторую корону украшали семь рубинов. Эта предназначалась для настоящего императора, выбранного богами, принявшего эту судьбу от отца. Валко носил эту корону.

Я волновалась, пытаюсь держать своё дыхание в обычном ритме. Он был просто человеком. Нет. Он просто парень, с самыми обычными чувствами, свойственными смертным людям. Чувствами, которые не должны меня окупать.

Я постучала в дверь, затем свела два края моего халата вместе. Мне не следовало приходить к нему в одной сорочке, а Ленка держала все мои платья в неизвестной мне комнате, в другой части дворца. Единственный предмет одежды, который мне довелось найти — это моя накидка Имперской Прорицательницы. Перед тем, как накинуть её, я отстегнула мех, даже несмотря на то, что ощущение смерти животных омрачило меня, а безмолвными криками я выражала моё чувство к этим зверям. Это — цена, которую я заплатила за то, чтобы хоть что-то придавало мне дополнительную защиту от императора.

— Заходите, — отозвался изнутри Валко.

Повернув защёлку, я проскользнула внутрь.

Мои губы приоткрылись в страхе. Роскошь моей прихожей казалась нищенской в сравнении с покоями императора. Все три части покоев можно было рассмотреть, разделялись только разными куполами и колоннами, поддерживавшими их внизу.

В комнате справа была золотая ванная. Её окружали экзотические растения, будто это был естественный водоем. Вода была так глубоко, а сама ванна такой широкой, что император мог бы плавать в ней на спине.

В комнате слева стояла огромная кровать с массивным балдахином. Полупрозрачные шелковые вуали, будто шторы, свисали вниз. И всё это было таким прекрасным.

В центре же сидел Валко. В этой части своих покоев он принимал неофициально. Посередине стоял деревянный черный лакированный стол. Вокруг него было множество тонированных подушек всех цветов и размеров. Их было больше пятидесяти, наверное: какие-то нужны были для того, чтобы на них сидеть, другие же — для того, чтобы опираться на них, а третьи были такими маленькими и так дорого украшенными, что не могли приносить какой-либо пользы вообще.

Такая обстановка меня удивила. Я ожидала, что его покои будут обставлены типичными для рузанинских домов кушетками или диванами, но император сидел на полу, как это принято в землях Абдары. И такая неформальность умирала мою панику. Он сидел на самой большой подушке, малиновой, бархатной, с золотыми кисточками. Если бы не она, я бы предположила, что он — мой друг Тося, развалившийся около костра и рассказывающий о том, что, когда он поёт свою новую песню, сердца девушек Ромски разбиваются. Но это был не он, хоть улыбка Валко и очень сильно напоминала моего друга.

На голове императора не было короны, его мягкие волосы были зачёсаны назад. На нём была сорочка с V-образным вырезом, слегка оголяя мышцы на его груди, подпоясанная черным кушаком. Во мне вспыхнула вспышка тепла, но всё же я заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Неужели все могут так просто попасть в Ваши покои? — спросила я, после чего вспомнила о том, что нужно добавить. — Ваше Императорское Величество.

Это был первый раз за всё моё пребывание здесь, когда разговор первой начала я. Надеюсь, это не прозвучало неуважительно. Я всего лишь хотела задать тон вечеру, чтобы Валко не вообразил слишком многое. Император, возможно, и улыбался мне, но его аура была радостной только слегка. Помимо радости, он был чем-то озабочен. Моё горло пересыхало, как и его.

Он улыбнулся тому, как я бросила ему вызов. Я слишком поздно поняла, что не расплылась в реверансе.

— Никто не приходит сюда, если я не захочу, — уверенно ответил он, после чего стал приближаться. — К тому же, мне нечего бояться. У меня есть ты.

Я знала, что в этой комнате мы одни, но я не представляла, что наедине со мной он будет таким. Днём, когда он занимался своими повседневными делами, мы всегда были в окружении хотя бы одного человека.

— У Вас нет ни одного стража, который проверял бы, кто к Вам приходит? — я отступила и прижалась спиной к двери. Я пыталась говорить легко, чтобы он не замечал того, как моё тело буквально кричит о страхе. — Я могу Вас предупредить, но, знаете, науке сабли или мушкета я не обучена.

Он подошел ближе. Я задержала дыхание и завела руки за спину.

— Расслабься, Соня, — его улыбка стала такой широкой, что в уголках глаз показались морщинки. — Свита Императорской Гвардии либо в бараках, либо в комнатах рядом. Если они услышат шум, они будут здесь. Во всяком случае, были бы. Я отпустил их. Сегодня, — он шептал это слишком заговорческим тоном. — Стены покоев тонки, так что они служат хорошо. Но сегодня у нас с тобой будет разговор тет-а-тет.

— Очень хорошо, — сглотнула я.

— Рядом со мной тебе неудобно? — он наклонил голову. Слова Антона тут же всплыли в памяти. Скромность, но твёрдость характера.

— Да, — призналась я. — Меня учили, что никогда нельзя оставаться в одной комнате с мужчиной, тет-а-тет, после полуночи.

Нет, меня такому никогда не учили. К тому же, пару минут назад я была один на один с твоим братом.

— Хммм... — глаза Валко сузились. — Разве я просто мужчина?

— Нет, — я опустила взгляд, делая скромный вид. — Вы, мой император, посланы нам богами, благословлены высшими силами. Вы не из тех мужчин, которые будут очернять честь дамы.

Это прозвучало слишком? Все, что я могла делать — это пытаться провести границу в наших отношениях. Я посмотрела на него и сделала голос более высоким, чтобы казаться ещё невиннее. — Я знаю, что могу доверять Вам.

Он искал мои глаза буквально пару секунд, после чего разразился смехом. Изменение в его ауре было таким быстрым, что я даже не успела заметить.

— Что тебе там о моём приглашении наплёл Антон?

Я удивлённо смотрела на него, не желая выдавать принца.

— Ну и Соня, — он вернулся к своей подушке. — Я ведь только хотел, чтобы ты подала мне отчёт о прошедших неделях. Я должен был сделать это раньше, сразу же по твоему приезду в Торчев. Прости, я был в трауре по моей матери, — при этих словах, его смех прекратился. Он откашлялся, ближайшие несколько минут раскладывая свои подушки, пряча от меня своё лицо.

Я проследовала за ним до лестницы. Но затем колебалась. Тяжесть его чувств давила на мою грудь, и, наблюдая за императором, я обняла себя. Его печаль была настоящей. Он страдает своей потери также сильно, как и я от своей.

Он сел на подушку и посмотрел в свои руки, затем одарил меня улыбкой. Она была такой же, как и всегда, хоть печаль и накладывала на неё определённый отпечаток. Император положил подушку справа.

— Садись.

Мой пульс забился сильнее, когда я спустилась по лестнице и опустилась рядом с ним. Я просто хотела увидеть в нём того, кто очаровал Пиа или того, о ком меня предупреждал Антон. Ничего из этого мне не открывалось. Несмотря на этот факт, я старалась закрыться от него, чтобы аура императора не слилась с моей. Все эмоции были моими собственными, хоть в нём сейчас и было много энергии и я не знала, в какой момент она изменится. Не стоило забывать о тех перепадах в настроении, которые происходили с ним в зале совета. И ещё более тревожным было то, его аура может меняться без заметных изменений на лице.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Прошу прощения за столь поздний час, — он поднёс спичку с самовару и из-под него, из-за находившихся там еловых шишек, стал литься успокаивающий аромат. — Мои дни наполнены утомительными делами, поэтому по ночам страдаю бессонницей. А, возможно, это просто моё упорство: не желаю видеть свою лицо с утра. Или просто хочу выделить хоть немного времени не кому-то, а именно себе.

— Всё в порядке, — ответила я. То, что у нас было хоть что-то общее, расслабляло. — Я не ложилась. У меня тоже проблемы со сном.

— Правда? — он дунул на свечу и ладан запах сильнее. — Ну, да, естественно, ведь внутри тебя так много аур других людей.

Мне удалось выдавить лёгкую улыбку. Я чувствовала, что он пытался понять меня. Но, по сути, сделать этого не мог. Этого не поймёт никто. Никто не поймёт, как я себя чувствую после того убийства.

— Это больше, чем ауры, — сказав это, я сжала губы. Не хотелось признаваться даже самой себе, что весь путь сюда в мыслях была только Юлия или то, как я покинула Киру и Дашу, сестру Мирну хоронить мёртвых.

Валко ожидал, что я скажу что-то ещё, но, когда осознал, что я не скажу ничего больше, ответил:

— Мне очень жаль, что твой переезд сюда был трудным, — он положил руку на мою. — Если это — та причина, по которой ночью ты не спишь.

Пол лёгким прикосновением его пальцев, я почувствовала его ауру. Такую же спокойную и подбадривающую, какая была у Антона. Император... сочувствовал мне. В нём тоже была щемящая печаль и сожаление, как и у меня. Даже несмотря на то, что он не знал о моей тёмной истории.

— Я хорошо понимаю, что такое «трудный переезд». Когда я был ребёнком, по пути к

тайной усадьбе, которая должна была стать моим домом, был убит невинный мальчик, только бы моя жизнь была в безопасности, — продолжал Валко на одном дыхании. Он провёл рукой по волосам и тяжело выдохнул. — Уверен, ты знаешь мою историю.

Я кивнула, вспоминая, что Пиа говорила о подмене принца.

Император отпустил мою руку и посмотрел на свой большой палец.

— На самом деле, это сложно: чувствовать угрызения совести, живя в прекрасной усадьбе и зная, что обязан жизнью тому, кто умер ради тебя. Боль не ослабела, когда я взошёл на престол — стало только хуже. Выбор, который я сделал, убил больше людей, причинил больше страданий. Это — другая сторона правления Рузанином: кто-то должен пожертвовать собой, чтобы большинство выжило, — он сложил руки и посмотрел на меня с грустной улыбкой. — Но от этого спать по ночам не легче.

Его взгляд задержался на моём лице, но он не видел во мне девушку, он видел во мне друга.

— Я рад, что отыскал наконец того, кто меня понимает, — сказал он. На секунду он стал маленьким мальчиком, чуть старше меня, на плечи которого взвалили целую империю и все её проблемы.

Возможно, Антон недооценивает Валко. Он не мог знать его хорошо, ведь росли они порознь. Наверное, то, что нужно было императору — это верный друг, которого у него никогда не было.

— Я понимаю Вас больше, чем Вы думаете, — ответила я. — Мне тоже пришлось занять моё место, пережив чью-то смерть.

Когда эти слова слетели с моих губ, я поняла, что сказала, а глаза расширились от удивления. Я не могла поверить, что призналась в этом. Я посмотрела на чёрную ленту на запястье. Чувства ли это императора, которые распустили мой язык или я просто поняла, что могу разделить с кем-то хотя бы часть той боли, которую пережила.

— В том, что Изольда не защитила мою мать, нет твоей вины, — сказал Валко.

— Я не о ней. В монастыре всполохнул огонь, — я продолжала говорить, несмотря на то, что что-то внутри подсказывало, что этого лучше делать не стоит. — И я его разожгла. Это был несчастный случай, но от этого моя вина не слабеет. Так что многие Прорицательницы были бы живы, если бы я была более послушной.

Укротить себя. Быть скромной, но уверенной. Я зарыла руки в мою ночную рубашу.

— Вы пригрили Имперскую Прорицательницу с запятнанной репутацией, вместо чистой девушки.

Меня окатило волной стыда: от ушей и прямо до шеи. Я хотела спрятать это, но никак не могла отвести взгляда от Валко. Я тщетно пыталась отыскать на его лице хотя бы намёк на потрясение или отвращение. Я хотела найти в себе хотя бы намёки на упрёк с его стороны, проявлявшийся в губах, глазах, стиснутых зубах или урчания в животе. Но нет — стыд был моим собственным. Он стал исчезать по мере того, как сердце Валко снова приобретало обычный ритм. Его грудь поднималась, когда он вдохнул достаточно воздуха. Он успокаивался.

— Знаешь, что сказал мне отец перед тем, как отправить из замка навсегда? — он смотрел на меня несколько мгновений. О чём он думал?

Я нахмурилась и покачала головой.

— Возвращайся императором или не возвращайся вообще, — Валко снизил голос, будто пародируя угрожающий тон императора Айзеа, после чего удрученно усмехнулся. — Я

уверен: отец сделал это для того, чтобы я поддерживал в себе желание вернуться в Торчев со всем величием, будучи готовым стать императором, потомком династии. Но, тогда я думал, что так он хотел показать, что в моей жизни нет места неудаче.

— Это ужасно, — пробормотала я, хоть моя тревога и смешивалась с жалостью к нему. Он говорил это только для того, чтобы отдалиться от моей исповеди?

— Слава Богам, у меня была и мать, — продолжал он, мягко, с нежностью улыбаясь. — Она дала мне более обнадеживающее напутствие: живи, не оглядываясь слишком далеко назад или заглядывая слишком далеко вперёд, — он вздохнул. — Как видишь, не следуя ни тому, ни другому совету. Как и ты, прошлое заставляет меня бояться, а насчёт будущего сомнений у меня слишком много. Иногда мне даже думается, что я проживу жизнь, так и не достигнув собственной судьбы, — он приблизился, будто пытаюсь удержать мой взгляд в ловушке. Он продолжал со всем тем пылом, который хотел до меня донести. — Сюда нас привела кровь невиновных людей. Но, как думаешь, мы совершили худшее в их жизни преступление? Может, они были просто недостойны тех мест, на которых сейчас стоим мы? Может, нам лучше думать о сегодняшнем дне и жить сегодняшним днём?

Он положил руку мне на плечо, обнадеживающе и только слегка сжав его. Мне стало так уютно, будто кто-то накрыл меня тёплым одеялом.

— То, что произошло в монастыре, печально. Но я не сожалею о том, что здесь оказалась именно ты, Соня. И я не хотел бы, чтобы на твоём месте был кто-то другой.

Я смотрела на него удивлённо. На его лицо падал свет, придавая его серебряным глазам особую красоту, глубину, которой я раньше я заметить не могла. Я сглотнула, пытаюсь сдержать слёзы. Хотелось открыть рот и поблагодарить императора, но я не знала, что сказать. Что я могу ответить на такую его милость и сострадание? Спасибо? Слишком коротко, банально. По правде говоря, я не смела выразить свою признательность. Скорее, я бы разрыдалась.

— Я — не брат, — сказал Валко. — Он судит людей по одной ошибке. А мне знать лучше. Люди выше своих ошибок, — его рука двигалась всё ближе и ближе к моему лицу. Во мне проснулось странное чувство, когда он слегка задел мой подбородок. — Это то, на что стоит рассчитывать, если хочешь рассчитывать на людей. И вперёд идут только те, кто сильнее, — он посмотрел на меня несколько секунд, после чего убрал руку.

Сидя чуть выше его, я сглотнула, стараясь бороться со своими эмоциями. Я хотела найти хоть какую-нибудь причину, чтобы понять, что недостойна доброты Валко. Мне нужен повод, чтобы точно знать, что Антон не будет в курсе моего тёмного прошлого.

— Я... хм... Я не чувствую угрозы со стороны дворян, — начала я, стараясь правильно подобрать слова для своего должностного доклада. — У меня были сомнения насчёт советника Ильина, ведь он так говорил о смерти Вашей матери. Но, я считаю, он безвреден, скорее, просто раздражает больше, чем остальные, — я заломила пальцы, не зная, что ещё можно было бы добавить. — Я должна приходить каждый день, оповещая Вас о чувствах господ? Вы хотите знать больше?

— Честно говоря, нет. Надеюсь, ты бы сказала мне, если бы поняла, что кто-то точит на меня зуб, — он улыбнулся так, будто думал, что я не скрываю своих чувств к нему, затем пододвинулся ближе, сгибая колени. — Когда же ты поняла, что родилась Прорицательницей?

— Простите? — я моргнула дважды.

— Извини уж, но я больше не хочу обсуждать то, как кто-то из дворян на меня злится. Я

знаю, это то, зачем ты сегодня здесь, но... — он засмеялся так, что даже в его ауре появился яркий свет и чувство невесомости. После этого Валко пересел на свою сторону, устраиваясь удобнее на своей подушке. — Я хотел узнать больше о тебе.

Я пыталась отыскать искренность в его ауре. И, всё же, он говорил правду — я тоже откинулась на подушку, совершенно не напрягаясь.

— Мне было пять лет, когда я точно поняла, что у меня дар, — сказала я. — Ночью я проснулась, чтобы предупредить родителей. Тогда вор крался через поле, чтобы забраться в дом.

— Интересно, — поднял брови Валко.

Я пожала плечами, хоть и не чувствовала чего-то особенного. История была правдой, но это было так, будто её мне передали как слух. Я не могла вспомнить даже родной дом, лица родителей, будто мою память пропустили сквозь сито. Это историю мне рассказали Ромска. Они говорили, это им когда-то рассказала я.

— Твой дар... — император покачал головой. — Я часто думал, почему же боги не награждают им императоров Рузанина.

Десятки свеч располагались на столе, а в комнате было так светло, что даже приступы не могли откинуть свою тень на его лицо.

— Скорее всего, Боги знали, что слишком много величия — это не благословение, — рискуя, сказала я.

— Хочешь сказать, твой дар — проклятье.

— Думаю об этом. Часто.

Он снова засмеялся, и, откинув голову, вновь залился смехом. Император так заразительно смеялся, что и я не смогла сдержать улыбку. С того момента, как я прибыла в Торчев, так легко мне было только с Пиа.

— Люблю тебя, Соня Петрова, — сказал он. — Надеюсь, мы проведём много лет вместе.

— И я на это надеюсь. А ещё, надеюсь, переживу Изольду.

— Обещаю, переживёшь, — Валко поморщился. — Если не будешь бегать за мной с выпученными глазами, болтать без умолку и пахнуть уксусом.

— Не буду жаловаться, — я засмеялась. — Пока над моими губами не появятся усы, а на подбородке — борода.

Он вспрыснул с таким сильным смехом, что меня буквально затопило его тепло. Но это не от стыда. Просто мне льстило то, что моя шутка ему понравилась. Я чувствовала покаяние вины, ведь он обсмеял мою предшественницу, но всё равно это было прекрасно. С ним я была рада чувствовать себя смешной, даже если мы говорили о таких серьёзных вещах. Как когда-то, когда мы с Юлией высмеивали Надю перед сном.

Его взгляд скользнул к моей руке. Там, где я теребила оторванную нить своей накидки. Он придвинулся ближе и взял ткань в руку, чтобы осмотреть внимательнее.

— Я вырвала мех, — увидев, что он вот-вот задаст вопрос, сказала я.

— И ради этого ты коснулась смерти?

— Я не хотела, чтобы Вы видели меня в одной сорочке. Кроме того, хотела выказать вам уважение, — я кивнула. В общем-то, не вся правда, однако, похоже, этот ответ его удовлетворил. Я откинулась на подушку, дым самовара действовал очень успокаивающе. Я даже и подумать не могла, что в присутствии императора смогу чувствовать себя настолько спокойно.

— Для тебя, Соня, я введу новый образец одежды, — Валко подпёр подбородок рукой. — Я хочу, чтобы Эсценгард увидел тебя во всей красе и для этого мех тебе не потребуется.

— Спасибо, — я задрожала. — Мы отправимся в Эсценгард?

Я поеду через горный перевал вместе с императором. Час назад эта задача показалась бы мне самой сложной, учитывая, что с этой частью суши у Рузанина были недопонимания. Но теперь перспектива путешествия буквально заразила меня.

— Нет, — ответил он. — Эсценгард приедет сюда. Во всяком случае, поступят они именно так после того. Как получают письмо, — Валко указал на запечатанное письмо на столе. — Антон думает, что с этими разговорами еде и войскам выглядит умным. Но у меня есть план получше.

— Что за план? — внутри меня появилось непреодолимое чувство абсолютной легкомысленности.

— Брак, Соня. Я собираюсь сделать предложение мадам Дофин Валуа, племяннице короля.

— Это же прекрасно! — ответила я. Его энтузиазм был слишком заразительным, а я слишком любила свадьбы.

— Скоро снег станет таять и послы смогут пересечь горы, чтобы приехать в Торчев. Тут мы обсудим приданое, политику и прочие детали. А после, весной, мы с Дофин сыграем свадьбу.

Я вздохнула. Весенняя пора всегда прекрасна. Улыбка Валко стала спокойнее. Его рука скользнула по моей пряди, оказавшейся на его подушке.

— Соня, ты такая красивая.

Дыхание перехватило. Мне нужно было быть осторожнее.

— Надеюсь, я могу это говорить и ты не будешь в обиде, — добавил он.

Его приглушенное самолюбие принесло облегчение в каждую клеточку тела. Теперь я не беспокоилась о каждом шорохе. Кажется, здесь было так безопасно, что я могла заснуть.

— Конечно, — легла, повернувшись на его сторону. Так мы были ближе. Внутри себя я почувствовала томление и это заставило меня пододвинуться ещё на пару сантиметров. Он не боялся моей тёмной стороны — она была ему интересна. Он принял меня такой.

Через несколько мгновений, я всё же позволила себе посмотреть на него. Его глаза — океаны с серебряно-голубой водой. Кажется, я чувствовала их холод.

Он повернулся. Так резко, что наши лица оказались в паре сантиметров друг от друга. Его дыхание было сладким, как смородиновый чай. Мне было печально, ведь часть своей жизни он должен был завещать стране, женившись на девушке из Эсценгарда и заключив с ними союз. И я понимала: это далеко не то, чего он по-настоящему хочет.

Он неуверенно протянул руку, нежно проводя пальцем по моим губам. В свете множества свеч, его лицо казалось таким красивым и открытым. Он заставил моё сердце биться быстрее. Если бы я поцеловала его, всего-то один раз, это показалось бы подарком, который один друг дарит другому перед собственной свадьбой.

Аромат еловых шишек заставлял глаза с упоением закрываться. Моя аура пульсировала также, как и аура Валко, в абсолютном единстве. Я могла поделиться с ним своим тайным желанием; желанием, которое у нас оказалось одним на двоих; желание, на пути которого стояли преграды наших жизней.

Это желание было таким сильным, что я должна была его воплотить. Он заставил

напрячься каждую мышцу в моём теле, каждая клетка молила меня о том, чтобы я поддалась. Не в силах держаться больше ни секунды, я прильнула к его губам, преодолевая расстояние между нами.

Он закрыл глаза, губами прижимаясь к моим. Удовольствие от этого поцелуя, от того, с каким рвением он впился в мои губы, будто душило меня. Я обвила руки вокруг его шеи, касаясь пальцами горячей кожи. Его руки скользнули по моей рубашке, в поисках талии. В его ауре вспыхнуло какое-то тёмное, до этого неведомое мне чувство. Его тело дрожало и я, не зная почему, дрожала вместе с ним. Я целовала его, становясь менее сдержанной, освобождаясь от оков, потакая лишь той тяге друг к другу, которая так внезапно вспыхнула в наших телах. Это было слишком прекрасно, чтобы останавливать себя, чтобы стыдить себя, чтобы корить себя, чтобы вспомнить о том, что такое «пристойно». Я с головой окунулась в Валко. Только на мгновения я вспомнила, кто я. Но, может, стоило принять себя? Возможно, такую себя, раскрепощённую, я подавляла в себе слишком долго.

Что-то в моей голове застучало трижды. Я пыталась не обращать внимания, но они возвращались. Тройное постукивание и молчание. Три постукивания и молчание.

Это был знак, который я кому-то должна была подать.

Но зачем?

Валко не прерывал поцелуя. И я этого не хотела. Что-то во мне стало разрушаться. И почему-то я боялась, что это произойдёт. Я никогда не думала о разрушении, когда меня накрывала волна подобных диких чувств. Я больше не хотела бороться за то, чтобы быть такой, какой меня создала природа.

Тройное постукивание.

Я схватила Валко за затылок, становясь к нему ещё ближе.

Стук, стук, стук.

Он взял меня за талию и резко перекинул на себя. В этом безумии я чувствовала себя свободной. Здесь я свободна от преследований. Здесь я свободна от империи.

Стук, стук, стук.

Но Валко и есть империя. Он принимал законы; законы, которые ставят владение прорицательницами в рамки закона. Законы, которые заставили моих родителей отдать меня, заставили меня лишиться всего, кроме какого-то несчастного кусочка меня, который никто не сможет отобрать.

Быстрое шипение смешалось с назойливым звуком свистка. Мои глаза распахнулись. Самовар закипел.

Я снова напряглась, отстранившись от Валко. Мои губы горели, а желудок болел слишком сильно. Трижды постучать в дверь Антона. Я чувствовала, как всё внутри скручивается от боли.

Я не могла утонуть в этих чувствах к Валко. Даже сейчас, когда у меня появился настолько чёткий шанс убежать от моей реальности, а желание было настолько сильным, что всё тело дрожало. Как я могла потерять себя? Как я могла оказаться очернённой настолько? Ведь не так давно из-за своего рвения спасти крестьян, я сожгла монастырь и Прорицательниц.

— Спасибо, благословенный Богами император, — сказала я, осторожно поднимаясь на ноги. Его волосы растрепались, от чего он казался настоящим мальчишкой. И, наверное, мне просто хотелось утешить одинокого мальчишку. — Желаю Вам счастья в вашем браке.

— Соня, не уходи, — он сел на подушках. Его взгляд блуждал по комнате, пока он не

заметил самовар. — Выпей со мной чаю.

— Завтра мне нужно будет вставать рано, — я покачала головой. — Мне нужно хорошо выспаться, чтобы служить Вам. Я не могу относиться к своему долгу безответственно.

— Только одна чашка!

— Спокойной ночи, — я быстро присела, затем выбежала из комнаты, слыша, как вслед он кричал мне «подожди!».

Я бежала вдоль коридора, пытаюсь как можно плотнее закрыться халатом. Слёзы наворачивались на глаза. Мне удалось остановиться только когда я добежала до своей двери. Но, всё же, я оглянулась на дверь Антона. Я прижалась к двери. А ладонью — к резьбе. Сколько он ждал? Сколько Валко держал меня в объятьях?

Я постучала в дверь трижды так же удивилась, когда дверь тут же открылась. Антон всё ещё не снял сапоги, хоть его рубашка казалась более мягкой, а волосы — слишком растрёпанными.

— Ты уже должен спать, — не ожидая увидеть его, пробормотала я. Это лучше, чем рассказать, какая я слабохарактерная глупышка, со слабым сердцем и абсолютно непотребным даром Прорицательницы.

— Что-то случилось? — он смотрел на меня как-то даже безразлично, замечая и растрёпанные волосы, и халат в складках. — С тобой всё хорошо?

— Всё хорошо, — я улыбалась, но на моих глазах появились слёзы.

— Он тебя ударил? — он поднял брови.

— Нет, конечно же, нет, — я вытерла слёзы, пальцами дрожащей касаясь губ. Антон ждал, понимая, что всё не было так хорошо. — Мы целовались. Вот и всё. И я не знаю, как это произошло.

Вздохнув, он опустил взгляд. Я была так растеряна, что не знала, это вздох облегчения или разочарования. Я не могла чувствовать.

— Мне жаль, — слёзы вновь катились из моих глаз. Почему я плачу? Почему я так оправдываюсь перед принцем? Неужели, мне и правда не всё равно, что он думает обо мне? Я только и умею, что подводить его и нести позор на свою голову. До него мне слишком далеко.

— Думаю, брат останавливаться на поцелуе не хотел, — он наклонил голову.

— Да, — снова вытерла слёзы, понимая, что не смогу признаться, что начала первой.

— Но ты вовремя остановила его, так?

Я выдохнула и кивнула.

— Тогда я буду верить, что ты справилась замечательно. И тебе не нужно извиняться, — на его лице появилась радостная, ободряющая улыбка.

Я смотрела на Антона, пытаюсь понять, правильно ли я его расслышала. Он коснулся моей руки, её тепло эхом пронеслось у меня в животе.

— Спи спокойно, Соня, — его рука оставалась на моей некоторое время, пока он не убрал её и не закрыл дверь. Я не успела пожелать ему спокойной ночи.

Забежав назад, в свою комнату, в оцепенении, я тут же легла в жуткую ящик-кровать. Я слишком устала, чтобы спать на полу. Мне хотелось приложить руку к следам от ногтей Изольды, сделать их глубже только от того, что в голове всё ещё звучали его слова: буду верить, что ты справилась замечательно.

Я убрала руку от потолка своей кровати. Слишком много всего произошло. Сон настиг меня слишком быстро.

ГЛАВА 13

На следующее утро, Пиа не пришла ко мне с самоваром и подносом. Когда я спросила об этом у Ленки, она ответила, что Пиа наказана — явилась на кухню не вовремя. Кук заставил её чистить один из каминов. Хотя мне и было жаль, что моя подруга не пришла из-за такого задания, я всё-таки облегчённо вздохнула. Во всяком случае, мне не придётся отчитываться перед ней о том, что ночью от меня хотел принц, да и император тоже.

В тот же вечер, сразу после обеда, меня призвали. В большом зале, Валко развлекал дипломатов из Шенгли и Абдары. Я пыталась понять, что же чувствуют иностранцы, чтобы понять, какие отрицательные эмоции они могут скрывать. Но все мои чувства могли касаться только Валко.

Он сидел рядом со своими советниками, возвышаясь на своём кресле, часто переводя взгляд на меня. Я мяла рукав платья, пытаюсь распознать что-то в его ауре. Может, это необычное чувство внутри меня значит, что я просто нервничаю от того, что мы находимся в одной комнате? Или, может, это просто какой-то неизвестный мне порыв? Я коснулась шеи и сглотнула. Скорее всего, всё это было лишь от чувства стыда за то, что произошло прошлой ночью. Насколько это трудно для императора: после этого относиться ко мне только как к Имперской Прорицательнице?

Я посмотрела на пустой стул слева от императора. Антона не было видно до обеда. Принц думал о том, что я поцеловала его брата? Злился ли он на меня?

После последнего блюда, когда гости уже веселились, Валко жестом подозвал меня к себе, оставаясь в своём кресле. Моё сердцебиение стало слишком быстрым, когда я поднялась на помост, но присела на колени, чтобы не быть выше, чем император.

— Ваше Величество, — сказала я, вспоминая Киру и Дашу. Надеюсь, он всё ещё может относиться ко мне любезно.

— Как настроение у дипломатов? — он покрутил кольцо на пальце.

Я посмотрела на двух мужчин: один из них, из Шенгли, был в шелковых одеждах, с символом изумрудного дракона, другой же, из Абдары, надел на голову высокий тюрбан, а на его ногах были туфли с загнутыми вверх носками. Зря я не обращала на них особого внимания. Теперь, стоя к ним также близко, как и Валко, со своим даром, из-за его ауры, я совсем не чувствовала их.

— Они... хм... довольны. Им понравилась та еда, которую вы им подали и они не могут дождаться, когда появится танцующий медведь.

— Я хочу, чтобы они чувствовали себя так настолько долго, насколько это возможно, — Валко кивнул, приняв мой отчёт, который я придумала чуть ли не только что. — Они не будут рады, когда узнают о моём брачном союзе с Эсценгардом.

— Да, Ваше Величество. Я дам Вам знать, когда это произойдёт.

— Соня. Ты хорошо спала прошлой ночью? — его взгляд скользнул по моему лицу, в глазах промелькнула искра.

— Да, — я не хотела шептать это, но воздух оставался в лёгких, будто в клетке.

— Рад слышать, — его губы изогнулись в улыбке.

Мы замолчали, хоть я и чувствовала его тёплую энергию. Всё, о чём я могла думать — это тот поцелуй. Я вспомнила вкус смородины, его губы, сладкий аромат еловых шишек, исходивший от горячего самовара. Внезапно, мне захотелось, чтобы мы остались наедине.

— Будешь рядом, когда появятся танцоры? — спросил Валко. — Я хочу...

— Да, — шепотом ответила я.

— Я хочу, — его усмешка стала более хитрой к концу предложения. — Чтобы ты рассказывала мне об изменениях в аурах дипломатов.

— Да, — снова сказала я, чувствуя, как щёки становятся красными.

Я оставалась рядом с ним, пока не пришли танцоры. На некоторых были медвежьи шкуры, а другие были одеты, как охотники. Когда музыка началась, я всё ещё была в своём положении, около императора. Ритм танца становился быстрее, а все придворные и дипломаты смотрели на охотников. Это и не удивительно — они стали подталкивать медведей копьями, даже иногда перепрыгивали через животных, когда ритм становился напряжённым. В один из таких моментов рука Валко коснулась моей шеи. Он слегка задел моё платье, проведя рукой по позвоночнику. Я выдохнула. Моя голова кружилась так сильно, что на коленях руки сжались в кулаки.

Танец закончился слишком быстро. Император убрал руку. Он встал и зааплодировал, как раз в тот момент, когда охотники склонились над своей добычей. Не сказав мне ни слова, Валко покинул помост, отдав предпочтение компании дипломатов. Сидя у его кресла, я дрожала, пытаюсь понять свои собственные чувства. Всё то, что во мне сейчас, принадлежит мне или же внезапному порыву императора к его Имперской Прорицательнице? Он больше не спрашивал меня о дипломатах. Замечательно. Потому что настоящего ответа у меня не было.

После того, как всё закончилось, мне не хотелось идти в свои покои. Я взяла яблоко с банкетного стола и побрела на улицу, прямо в конюшню. Воздух, который я выдыхала, превращался в пар, но, всё же, ветер не превращал мои кости в лёд. Это было межсезоньем: зима плавно переходила в весну.

Я переходила от стойла к стойлу, любуясь лошадьми, пока не остановилась у стойла красивой белой кобылы, с тёмным, напоминавшим по форме звезду, пятном на лбу.

— Здравствуй, Райна, — сказала я, протягивая яблоко. Она заржала в ответ, схватив зубами яблоко и пережёвывая его. Я погладила её гриву свободной рукой.

— Я скучаю по тебе, — я уткнулась носом в её гриву. Аура была спокойной, мирной. Я закрыла глаза, пытаюсь уловить её запах, её силу, её грацию.

Запутанные в чувствах к Валко мысли слишком быстро переметнулись к Антону. Я чувствовала его руку на своей талии, когда мы ехали по городской площади, во дворец. Я слышала голос принца, когда он говорил со мной, о том, какие у него волосы, глаза. Всё для того, чтобы я думала о нём, чтобы не путалась в чувствах толпы. Ты справилась замечательно, сказал он мне вчера.

Райна доела последний кусочек. Обеими руками я обхватила её шею, буквально касаясь её тепла. Мне хотелось остаться здесь на всю ночь, в безопасности, в компании её спокойной ауры.

Я вздрогнула, когда услышала несколько громких, низких мужских голосов. Райна тоже отшатнулась, топнула копытом.

— Всё в порядке, девочка, — прошептала я, поправляя накидку. В скором времени Райна успокоилась и я наконец-то смогла услышать, что обсуждали эти люди.

— Он скоро приедет. Феликс занимается всеми приготовлениями, — послышался один из голосов, сопровождавшийся цоканьем. С ними была лошадь. — А как ты съездил к Николаю? Он всё ещё верит?

— Он думает, что сможет убедить и герцога Краева, — ответил второй голос, он был чуть выше.

Пока они говорили, я старалась. На цыпочках, как можно тише, я пыталась подобраться к выходу. Голоса приближались, хоть и по-прежнему они разговаривали в тишине. Хотелось почувствовать их ауру, но она была недостижимой. Я слишком сильно пристрастилась к ауре Райны.

Откуда-то издалека раздался громкий смех. Я выглянула: группа охранников направлялась за слугами, прямо во дворец.

— Иди к ним. Ты должен быть с ними, когда они войдут, — сказал первый, пытаюсь шептать, хоть его голосом подобного проделать было невозможно. В его речи слышалось волнение, спокойным он точно не казался. Оба мужчины стояли в конюшне, в тени, поэтому их лица было разобрать слишком трудно. — А я останусь с лошадьми.

Когда человек с более высоким голосом принял поводья. Я забралась под ограду одного из стойл.

— Тссс, — шепнула я, похлопывая коричневого жеребца.

Ведя двух лошадей, около стойла появился Антон. Я хотела что-то сказать, но моё горло будто душило любые попытки. Он не слышал меня. Я отошла к самому тёмному углу стойла. Удушье мучило меня ещё пару минут, пока он находился рядом, потом же отступило.

Что со мной? Почему я прячусь? Антон определённо что-то скрывал и, скорее всего, уже давно убедил меня скрывать его тайну. Я чувствовала, что он решился на что-то, о чём явно император знать не должен. Я стала Имперской Прорицательницей. Принц знал, что я должна докладывать императору обо всём, что чувствую.

Я вспомнила о разговоре, который просто подслушала. Антон упоминал некоего Феликса. Я помнила это имя. Тот самый голубоглазый парень; тот самый, которому Антон отдал тройку на площади. Но кто такой Николай и что имел в виду Антон, когда сказал, что тот человек всё ещё верит в какую-то идею?

Это касается того письма, которое Антону передал тот таинственный человек с аметистовым кольцом? Полночь и Канун Морвы — вот и всё, что я знала. Но до Кануна Морвы ещё неделя. Что там задумал Антон?

Я подождала, пока дверь дворца закроется за Антоном, после чего подобрала платье и кинулась к главному входу.

— Просто прогуливалась по саду, — сказала я охранникам, уже вопросительно поднявшим брови. Прогуливалась. Без пальто, по холоду. Слегка улыбнувшись им, я спешила внутрь, минуя янтарное лобби и три из четырёх лестниц, ведущих на третий этаж, где я должна была перехватить Антона.

Удача. Он вошел в свои покои через минуту после того, как я закрыла за собой дверь. У меня осталось время отдышаться, вытащить из волос сено. Но сердце билось так сильно, будто я на своих собственных ногах оббежала весь Торчев. Я положила руку на ручку двери, будто собираясь выйти. Пусть эта встреча будет случайной. Пусть всё выглядит более правдоподобно и не искусственно. Прошлой ночью мы немного сблизились, постепенно становясь друзьями. Он может прийти ко мне, доверить свои секреты.

Антон шел по коридору, но замер, увидев, что из своих покоев вышла я. У него был красный от мороза нос, а руку он положил на пальто, готовясь расстегнуть его и снять. Я вдохнула, пытаюсь отыскать в себе искру надежды.

— Добрый вечер, Антон, — я отпустила дверную ручку и расплылась в улыбке. Во мне колосся каждый нерв от того, как же он близко. Я стала загибать пальцы.

Он медленно подошёл ко мне, всё также теребя застёжку на пальто. Он не знал, куда

деть свои руки. Как и я. Я понимала, что связана обещанием разобраться в своих чувствах, но теперь его образ омрачился той секретностью, с которой он тайно разговаривал с кем-то в конюшне.

Я нахмурилась. Как он смел скрывать свои эмоции? Должен же кто-то его читать! Хотя я едва могу отличить и понять свои собственные чувства, что уж говорить о ком-то другом, тем более об Антоне. Всё, что я могла почувствовать в принце — это то, что он нервничал. Мне хотелось упрекнуть его в такой скрытности, и, наверное, именно поэтому я не могла почувствовать большего. Может, это нервничаю я?

— Как ты? — спросила я. — Я думала, что увижу тебя за ужином, вечером.

Он раздвинул губы. Скрипнула дверь. Я обернулась — из комнаты рядом с императором вышли двое охранников. Когда же я вновь повернулась к принцу, его лицо изменилось. Он был на чём-то сосредоточен, но черты лица стали будто каменными. Мы одновременно вдохнули слишком много воздуха, слишком надолго задерживая дыхание. С помощью этого вдоха, его аура закрылась от меня, закрывая и его самого. Моя голова стала болеть, я ощущала спокойствие, но внутри всё немело. Я вдохнула слишком много воздуха.

Антон ускорился, просто пройдя мимо, делая вид, будто не заметил меня.

Я удивлённо моргнула. Что только что произошло? Он использовал трюк с вдохом только для того, чтобы отвлечь меня? Видимо, ему известно, что если он успокоит все свои эмоции, прочитать их для меня будет невозможной задачей. Мне оставалось наблюдать за тем, как он кивнул охранникам.

Всё ещё концентрируясь на своей ауре, не позволяя ей быть другой, Антон зашел в свои покои и даже не посмотрел в мою сторону.

Я откинулась к стене, пытаясь бороться с тем, как только что мне отказал принц. Я могла свыкнуться с мыслью о том, что он не посмотрел мне вслед. Но, мне казалось, что вчера ночью между нами что-то изменилось. Я думала, он заботится обо мне на самом деле. Мне никогда не приходило в голову, что он будет применять какие-то уловки, чтобы держать такого любопытного, наделённого даром, человека, как я, как можно дальше от себя. Но, всё же, он сделал это. Можно было по пальцам пересчитать тех, кто хотел иметь со мной хоть какие-то отношения.

Я закрыла глаза, пытаясь утихомирить боль в голове тем, что тёрла виски. Какая же я дура, если подумала, что, только появившись здесь, могу рассчитывать на то, что принц встретит меня как подругу, с которой он не виделся несколько лет; что он будет похож на Тосю, который ушёл от Ромска и добрался сюда просто для того, чтобы пожелать мне спокойной ночи.

Я пнула дверь. Она открылась передо мной, а, когда я вошла, за мной и захлопнулась. Я ходила взад-вперёд по прихожей, сжав руки в кулаки. Сколько ещё раз я буду переживать это: верить, что для Антона я смогу стать больше, чем той, кого он был обязан привезти, а потом становиться частью вот таких моментов? Он бы никогда не свернул со своего пути, обернулся, улыбнулся или сказал «привет». Я не нужна ему, он не обязан мне доверять. Настоящими друзьями нам никогда не стать.

Я остановилась, положив руку на грудь. Всё, чего я от него хочу — это быть друзьями? Хочу ли я этого и от Валко?

Во всяком случае, с императором я чувствовала себя нужной, ценной, хорошей. Он тоже хотел, чтобы я стала его другом.

Со стоном разочарования, я провела пальцами по волосам. Я осмотрела свою спальню.

На меня смотрела только деревянная статуэтка Фейи, стоявшая на своей подставке, на подоконнике. Я не хочу больше думать, не хочу пытаться понять, что я чувствую. Сглотнув, я вошла в комнату и схватилась за статуэтку с брызгами крови Юлии.

На следующее утро, Пиа снова не пришла ко мне с подносом и завтраком. На этот раз, Ленка не была точно уверена, что моя подруга делала на этот раз. Всё, что она сказала — это о новом наказании за то, что «сделала то, что не входило в круг её обязанностей».

Так как императору до вечернего заседания понадобится я не могла, я поспешила в библиотеку, и, взяв оттуда несколько книг со сказками (учитывая и ту о безрукой служанке), отправилась на кухню. На плитках тут и там были куриные перья, а на деревянных столах были следы крови свиньи. Пиа не было нигде. Я осторожно кралась по комнате и вздрогнула, когда мясник отрубил кусок сырого мяса и красные брызги разлетелись вокруг.

— Ты не видел Пиа? — спросила я маленького мальчика, ошпыливавшего курицу. Её шея свисала со стола. Я не подходила слишком близко — боялась соприкоснуться с ней.

Мальчуган посмотрел на меня. Его глаза расширились, судя по всему потому, что он увидел имперскую прорицательницу своими глазами.

— Её отправили доить коров, — ответил он, сдув с губы прилипшее перо. Он украдкой посмотрел на повара, затем перешел на шепот. — Прошлой ночью она пирог стащила.

Я еле удержалась, чтобы не засмеяться. Стащила пирог? О, Пиа.

прогуливаясь по улице, я всё-таки отыскала Пиа там, где мне и сказал мальчик. Она сидела на низком табурете, волосы были заправлены в чепец. Она согнулась рядом с большой коровой, выдавливая из её вымени молоко в наполовину полное железное ведро.

— Простите, — я положила подбородок на изгородь, как в конюшне. Пиа же покосилась на меня, в солнечном свете её глаза были тёплыми и красивыми, как мёд. — Тут похитительница пирогов не пробегала? Она немного выше меня и красивее, а ещё по уши влюблена в Юрия.

Пиа засмеялась, но потом стала более серьёзной. Она вздохнула и покачала головой. Я сгорбилась — её аура была слишком печальной.

— Это не смешно, Соня. Я украла пирог, чтоб с тобой поделиться, а Кук меня поймал. И вот теперь, на ближайшую неделю, быть мне дояркой. От стыда умру, если родители Юрия узнают. Это унижительно! Хватит и того, что они уже знают.

— Так что вчера произошло? — я прислонилась к забору. — Почему ты опоздала на работу?

— Проспала, — она выдавила ещё пару струй молока, потом слегка усмехнулась. — У Юрия был свободный вечер. Мы гуляли по реке.

Я кивнула, стараясь держать рот на замке. Не буду говорить, что император отпустил всех стражников. А ещё я не хотела, чтобы Пиа знала, что я целовалась с Валко. Слишком много новостей, они определённо перевешивают моё: «друзья делятся секретами».

— Юрий сказал, что мы сыграем свадьбу, если он поднакопит денег, — Пиа продолжала, но улыбки на лице уже не было. — Его родители и поддерживать нас не хотят. Они и правда думают, что он образумится, женится на аристократке.

— Но он же не передумает, да? — спросила я, хоть и знала ответ.

— Соня, — Пиа отпустила вымя коровы и повернулась на табурете ко мне, чтобы видеть меня. — Два года тоже нужно прожить.

Я чувствовала, как болит её сердце, и какие у неё холодные руки от вымени. И то, что она в отчаянье от того, что не может сделать то, что так желает.

Она фыркнула и провела пальцем под глазом.

— Прости, у тебя сумасшедшая подруга, — несмотря на печаль, её удалось выдавить улыбку. — А теперь я хочу слышать все подробности. Зачем к тебе Антон явился? Вот чего я пирог украла.

— Во-первых, я не хочу говорить о принце, — я прижала руки с книгами к груди.

— Но...

— Пиа, я ему не интересна, — она нахмурилась, но я продолжала. — Во-вторых, для того, чтобы меня навещать, пирог красть совсем не обязательно. Ты же понимаешь, что в нашей дружбе это не главное. И последнее. Надеюсь, приходишь ты ко мне будешь в любую свободную минутку, потому что у меня к тебе предложение, — она подняла бровь. А я — стопку книг. — Я собираюсь научить тебя читать.

Её глаза округлились. Она одарила меня самой красивой улыбкой, какую я только видела в своей жизни.

— И прежде, чем ты подумаешь, что я слаще медовых оладий, я должна тебе сказать, — мой желудок заурчал от чувства вины. — У меня есть мотив.

— Какой? — её глаза озорно сузились. — Я должна буду хранить втайне от принца Рузанина то, какие сжигающие чувства ты к нему проявляешь?

— Нет, — надеюсь, по моему взгляду она всё поняла абсолютно точно. — Мне нужна твоя помощь. Мне нужно практиковаться. Наверное, ты заметила, что училась я не так уж и долго. И мне правда не хватает практики, чтобы моя голова осталась на моей шее.

— А шея у тебя красивая. Думаю, принц того же мнения.

— Пиа.

— Хорошо, буду ночью, — она засмеялась.

После того, как наша сделка была заключена, через сад я направилась к конюшне. Солнце поднималось, облака уже надвигались на небо, а воздух нагревался. Я утопала в хрустящем снегу. Зимы в Рузанине были такими длинными, что иногда казалось, что другого времени года не существует. Но я верила в лучшее, и мне нужно было поблагодарить Пиа. Мы могли помочь друг другу, а, если я стану с ней практиковаться, то и рядом с Антоном и валко буду чувствовать себя безопасно. Во всяком случае, лучше бороться со своей неуверенностью так, чем постоянно сжимать статую Фейи, как я это делала.

Когда вошла в конюшню, я посмотрела на ноги, утопавшие в соломе. Райна всё также коротала дни в своём стойле. Я протянула ей руку и она тут же коснулась её, даже несмотря на то, что там не было яблока.

— Когда же у тебя будет возможность побегать?

— Её вообще не часто выводят. Бедная кобыла, — ответил кто-то. Я развернулась, но удивилась, понимая, что голос принадлежал императору. Он стоял буквально в шаге от меня, позади, будто шел по пятам, за мной.

— Что вы здесь делаете? — он вопросительно поднял брови, и я вздрогнула, поняв, что только что сказала. — Простите меня, Ваше Императорское Величество. Вы удивили меня.

— Я думал, моя аура должна была тебе хоть что-то сказать, — он подошёл ближе, до самой ограды Райны.

— Иногда, Ваша аура слишком похожа на мою, — я коснулась своей щеки, которая ожидаемо покраснела. — Поэтому её слишком трудно отличить.

— Тогда я не единственный нуждаюсь в небольшой утренней прогулке? — его губы изогнулись в улыбке. Он был одет в обычное серое шерстяное пальто, сохраняющее тепло.

— Нет, не единственный, — я улыбнулась.

Мы одновременно касались лошади. Резкое сердцебиение — первое предостережение моего тела перед тем, как Валко коснулся моей спины. Его пальцы медленно спускались вниз, по линии позвоночника.

— Мне больше нравилось. Когда твои волосы были распущенными, — сказал он.

— Вам? — вздрагивая, я вдохнула.

— Да. То, какими они были, когда я впервые тебя увидел, — он взял в руку прядь моих волос, спускаясь по ней вниз. — То. Какими они были, когда ты меня поцеловала.

Руки дрожали так сильно, что я решила прятать их, поглаживая гриву Райны.

Император медленно прошёлся по моей косе. Его прикосновение было лёгким как пёрышко. И это заставило мою кровь вскипеть самым притягательным теплом.

— Почему ты ушла тогда? — спросил он.

— Я не могу слушаться своего долга, — я убрала руку от гривы, вцепившись в ограду.

— Не верю в это, — он подул на волосы за моей спиной. Пальцами он проводил по моим волосам, будто расчёсывая их. — Я никогда себя не чувствовал безопаснее, чем рядом с тобой. Соня, почему ты ушла?

Я закрыла глаза. Его аура стала смелее, а вместе с ней становилась смелее и я. Мне удавалось держать ручку засова ограды. Моя грудь поднималась и опускалась в попытках набрать как можно больше воздуха.

— Я не могу... не контролировать себя. Когда я не делаю этого, случаются очень плохие вещи, — я задержала взгляд на чернильно-черной ленте на запястье.

Валко откинул мои волосы, его губы остановились у моего уха. Несмотря на холод вокруг, я горела.

— Может, это случается потому, что ты слишком редко даёшь себе свободу, — он опустил к шее, оставляя длительный, тёплый поцелуй. Мои колени задрожали. Ещё немного — и я поддаюсь тому тёмному началу, которое было во мне. Но этого не случилось — император отвернулся, направляясь к выходу.

— Если тебе так нравится эта лошадь — она твоя, — кинул он.

Я пыталась стать на ровные ноги, отойти от этого внезапного жеста и такого неожиданного подарка.

— Но... — я пыталась говорить, даже несмотря на то, что запуталась в своих чувствах. — Мне негде на ней ездить.

Посмотрев на меня через плечо, он улыбнулся. В его глазах вспыхнула искра хитрости, будто он точно знал, что это производит на меня впечатление.

— Да, — ответил он. — Но представь, сколько удовольствия принесёт тебе тот факт, что она — твоя собственность.

ГЛАВА 14.

Шли дни, и я становилась более уверенной в своей роли Имперской Прорицательницы. Я практиковалась каждый день, каждый день общалась с Пиа, на случай, если Валко снова вызовет меня и погрузит в ту атмосферу, в которой мы были тогда. Но всё, с чем мне приходилось к нему являться — это случаи в духе «Кук недоволен императором, так как охотники вот уже третий день не могут подстрелить хорошего оленя» или «охотники негодуют. Скорее всего, это потому, что им нужно ехать слишком далеко просто для того, чтобы достать императору его любимое мясо».

Ничего слишком важного. Никаких серьёзных угроз. Мне не хотелось признаваться Пиа,

что всё, что я могу замечать — это синеватые прожилки в серых глазах Валко. Или рассказать ей о том, что, когда он смотрит на меня в зале, я чувствую себя нужной.

Ключ, который дал мне Антон, я держала под одной из рыхлых досок, в своей комнате. Я ждала той самой ночи, когда мне придётся его использовать, когда намёки Валко станут слишком навязчивыми. Самое сложное для меня — это определить: а навязчивы ли эти намёки?

Его безразличие исчезло, а вместо этого появились новые, яркие и смелые эмоции. Эти чувства были настолько сильными, что я отвлекалась от того, что наделала в монастыре. Я отвлекалась от всего. Его эмоции даже сделали залы, переполненные вельможами, более приятными, переносимыми. Аура Валко была самой сильной из всех. И, когда моя собственная находилась в дисгармонии, я пыталась отыскать мелодию его чувств и то, как они раскрывались внутри меня со страстью и одновременно отчуждением. Я цеплялась за его ауру и держалась так долго, как только могла. Только тогда я могла заснуть, не касаясь статуи Фейи или следов от ногтей Изольды.

Если заседания совета проходили слишком долго и становились скучными, император подзывал меня к себе, чтобы я сидела ближе. Под столом, под атласной скатертью, на моей ладони он чертил только ему известные узоры. Моё дыхание становилось прерывистым, а сердце билось, будто по наковальне. Оно хотело открыться Валко. Казалось, каждый раз, когда император касался меня, в его ауре бушевал шторм. Он отпускал меня, прежде чем я могла прислушаться к здравому рассудку. Иногда его «приступы нежности» казались мне лишними, даже если до этого я не чувствовала его ауру несколько дней. Иногда я думала о том, чтобы поднять дощечку и достать ключ.

Ночью, обходя коридоры замка, я всегда задавала себе одни и те же вопросы. Могу ли я потерять себя? Позволю ли я себе когда-нибудь ещё раз потерять себя?

Когда ответа не было, когда мёртвое лицо Юлии снова появлялось перед глазами, я оказывалась у двери Антона, пытаюсь отыскать его ауру, её тонкие нити. Я представляла его и глубоко вдыхала, как когда-то вдохнул он, чтобы очистить свой ум и тело от чувств, чтобы препятствовать мне, моему дару, в последнюю нашу встречу.

Но, когда ответ находился, я подходила к двери императора. Откроет ли он её? Может ли он ощущать биение моего сердца? А то, что биение моего сердца сопротивляется ему?

Валко не был таким диким, как Ромска, его не делали таким крестьяне. То, что он жаждал власти — чистая правда. Но он принял всё, что предлагалось вместе с этим: скучные обеды с дворянами, долгие часы споров с советниками и те брошюры, разбросанные по городу, которые утверждали, что он всего лишь ребёнок и его голова слишком мала для короны.

Хоть он и был молод, он, казалось, был рождён для роли императора. Он понимал, что в политике тоже необходимо очарование, что, если дворяне снова сердятся, необходимо вернуть их благосклонность, а женам герцогов стоит льстить и дарить тайные улыбки, которых они жаждали. Казалось, никакой попытки погубить императора или же смерти вдовствующей императрицы никогда и быть не могло. Слухи о том, что Валко — самозванец, утихали с течением времён года. Жизнь при дворе оказалась сложной игрой. И Валко знал, как играть. Но это не означало, что он был манипулятором всегда и везде.

Часто, когда вес его короны его слишком отягощал, когда дворяне снова начинали роптать, он приходил ко мне, в конюшню, где стояла и Райна. Иногда император не прикасался ко мне, не разговаривал. Но иногда он садился на стул в дальнем углу и

жаловался на происходящее в его жизни. Должен ли он так часто развлекать дворян? Подозревал ли Ильин о том, что «наследника подменили»? Но ведь если Валко вырос подле Императора Айзеа, он должен был научить его править так, чтобы не обмануть ожиданий?

В один из таких обычных дней, Валко молчал, отдыхая после очередного разговора по душам, обо всех его печалях. Последний раз, погладив Райну щёткой по гриве, я посмотрела на императора. Он прислонился к доскам, лениво теребя между пальцев соломинку и слишком пристально на меня смотря. Когда наши взгляды встретились, он улыбнулся.

— Ты поняла, о чём, я Соня, правда?

— Это мой долг, — я опустила руки на платье.

— Нет, я не об этом. Я о том, что ты должна знать, что я чувствую.

— Я чувствую то же, что чувствуете Вы, Император, — после сказанного, во мне вспыхнуло слишком сильное любопытство, которое грозилось перерасти в головокружительную страсть, которую я обычно чувствовала и в ауре Валко.

— Я вообще не об этом, — его усмешка стала сильнее. Он отпрянул от деревянных балок. — Ты понимаешь, что я чувствую, даже если меня рядом нет. Я влияю на тебя.

Я сглотнула. Он хочет сказать, что меня тянет к нему? Может, он хотел, чтобы я призналась?

— Не задавалась ли ты вопросом, что бы было, если бы тебя вырастили твои родители? — в его серых глазах появился блеск, но он вовсе не был тревожным. Скорее таким. Будто кто-то сделал великое открытие. Он говорил мягко. — У меня, например, такой вопрос возникал. А мы ведь... похожи.

Моё дыхание стало более прерывистым. Как же хорошо он меня знает. Любопытство внутри будто продолжало цвести, будто принося весну в каждый зимний уголок.

— Так и есть, Ваше Величество, — я улыбнулась так, будто забыла о том, почему росла не с родителями.

Той ночью мы с Пиа снова практиковались в чтении, а я снова пыталась учиться, чтобы контролировать свою способность, свой совершенно неподвластный контролю ум. После того, как мы позанимались и письмом, она листала книги со сказками, рассматривая иллюстрации. Я же должна была отгадать их, основываясь только на том, что она чувствует. Я чувствовала, как её пульс участился от страха. Она смотрела в книгу, затаив дыхание. Мне показалось, это история о замёрзшем мальчике, который оттаял, только лишь познав настоящую любовь, но это оказалась сказка о женщине с костяной ногой, которая поедала заплутавших в лесу детей.

Неудивительно, что я не могу понять, что сама чувствую.

После этого урока, я как всегда гуляла по коридорам. Мой взгляд задержался на двери в покои Валко. Я щелкнула костяшками, думая, что можно было бы прочесть его эмоции сквозь дверь, но меня остановил взгляд верховного бога, Зорога. Он смотрел на меня прямо с вырезанного на двери барельефа. Он знал, что я сделала в Ормине, что я пролила кровь невиновных, что теперь это преступление запятнало моё имя. Он знал, что я сделала это, закрыв сестёр и Прорицательниц в том крыле. Я хотела так поступить. Вот почему Валко думал, что мы похожи. Может, из-за своего желания я потеряла контроль и поддалась чувствам крестьян? Может, я и знала, что случится, ворвись они в монастырь.

Может, моя тёмная сторона хотела, чтобы Прорицательницы умерли?

Я согнулась. Внутри было слишком пусто, а боль буквально прогрызала мой желудок. С каждым днём она становилась всё сильнее.

Моя рука отпрянула от двери. Я должна вернуться к себе. Мне хотелось снова коснуться статуи Фейи, как можно быстрее. Но, как только я настигла дверь Антона, мои шаги замедлились. Внутри я почувствовала его энергию. Но я не могла постучаться в его дверь, как и в дверь Валко. Император ответит, он будет говорить со мной. Но его брат — никогда.

Однажды, в дождливый весенний день, я сидела в зале заседаний и смотрела, как в свете витражей по ним стекает вода. Мне не хотелось вздыхать или проявлять хоть какие-то эмоции, когда рука императора снова легла на моё колено. Сейчас он был увлечён мной сильнее, чем несколько дней назад; его пьянящие эмоции циркулировали у меня внутри. Они буквально умоляли, чтобы я бросилась на него, даже несмотря на то, что вокруг нас было много мужчин. К счастью, Антона не было рядом. Иначе он увидел бы, как я восхищаюсь его братом. Сомнения нет — нам нужно разорвать всякие отношения. Куда мне до него?

— Соня, что думаешь о моём предложении? — спросил Валко. За окном моросил дождь, стекая по гербу династии Озеровых. Я оторвалась от созерцания, чтобы ответить ему.

— Предложение? — он имеет в виду предложение Дофин Валуа? Я не часто вспоминала о том, что он должен на ком-то жениться. Не хотелось думать о том, что кого-то другого он будет целовать так же, как меня. Тем не менее, я знала, что он ожидает, когда дипломаты придут с окончательным решением Дофин.

Рука Валко оторвалась от моего колена, его ноготь прошёлся по моей спине так быстро, что я задрожала. Я даже стиснула зубы. Только бы на щеках не проступил румянец. Я не могу позволить ему играть со мной, когда в скором времени у него будет свадьба с другой девушкой.

— Моя дипломатическая миссия в Шенгли, — пояснил он, улыбаясь. Его взгляд пронизал меня. Кажется, он пытался понять, что я чувствую, о чём думаю.

— О, да, конечно, — я пыталась собрать все свои мысли. Он никогда не спрашивал о том, что я думаю по таким вопросам. Он вообще никого в таком случае не спрашивал. Но у меня было своё мнение о ситуации. После десятилетнего мира, Эсценгард снова стал воевать с границей, Шенгли. Теперь же, с помощью брачного союза, он хотел подготовить Шенгли осаду, после чего сделать их частью своей империи. Нас не разделял горный хребет, поэтому вторгнуться на их территорию было куда проще. Кроме того, там находилось множество драгоценных камней, а армия была настолько мастерски дисциплинированной, что могла стать полноценной ширмой между нами.

Советники обсуждали с Валко свой последний план целый час. Они называли его «планом привлечения большего богатства в Рузанин» или, как они выразились, «планом распространения культуры на восток, чтобы защитить себя от угрозы». И теперь все они. Напустив маску толерантности, ожидали моего ответа. Но на самом деле они негодовали. Их гнев скручивал мне желудок, однако, чувства, будто кто-то протыкает меня ножами, не было. Значит, они не опасны. И, после долгих недель молчания, я решила высказаться.

— Я думаю, вы обманываете себя, если думаете, что это приведёт к расцвету империи, — начала я. — Я видела, как радуются люди даже в бедности, не доминируя друг над другом, — я ссылалась на Ромска, но не думаю, что император был в курсе этой части моей истории. — Рузанин способен процветать и без грабежа соседей, особенно если учесть то, что соседи славятся своей историей и способны защитить себя. Иногда ведь они даже пытались нас покорить. Зачем идти на риск? Я считаю, что Империя может поддерживать себя внутренними силами.

Дождевые капли стекали по стёклам. Несколько секунд все молчали. Я сглотнула,

чувствуя биение своего сердца. Я пыталась почувствовать ауры людей в комнате. Некоторые из них насмехались: и правда, моё предложение едва ли пришлось бы императору по вкусу. Единственное, что он сделает — это улыбнётся. Но края его рта сжались, паучьи пальцы замерли на моей ноге. В нём бушевало множество знакомых и незнакомых мне чувств, но эмоция восхищения заставила меня увереннее развернуться на стуле.

Антон спокойно стоял прямо у входа в зал, своего взгляда он не отводил от меня.

Валко обратил внимание туда же, куда и я, только тогда заметив своего брата. Принц же отвернулся от меня слишком поздно:

— Ваше Императорское Величество, — он откашлялся и поклонился. — У меня для Вас письмо.

— Не сейчас, — Валко повернулся к своим советникам.

— Свободны, — сказал он им.

Они принялись собирать документы, бросая на него любопытные взгляды. Я тоже поднялась.

— Не ты, Соня, — он рассматривал свежее пятно чернил на своей манжете.

Я прикусила губу, возвращаясь на место, но, не отводя глаз от Антона. Пока советники быстро покидали комнату, принц переводил взгляд то на меня, то на императора. Его рот искривился. Между двумя братьями повисло ощущение неудобства — каждая мышца в моём теле казалась лишней.

Когда в зале остались только я и Валко, император вывел Антона из зала за руку и захлопнул двери. Пытаясь удержать учатившееся дыхание, он расстегнул верхние пуговицы. Его боль сплелась с моей собственной. Пытаясь казаться абсолютно спокойным, он вернулся ко мне.

— Встань, — сказал он, заложив руки за спину.

Я сделала, как он приказал. Мои колени тряслись, а желудок явно мог разразиться молниями. Валко был в ярости, но сейчас он мог её сдерживать. Фейя, сделай так, чтобы он сдерживался до последнего.

— Соня, как давно ты при дворе?

— Три месяца.

— А как давно я унаследовал престол? Нет... — он попытался исправить. — Как долго мне уготовано править Рузанином?

— Всю свою жизнь, мой Император, — мой голос дрогнул.

— Всю свою жизнь, Соня, — глубоко вдохнув, ответил он. — Даже раньше. До того, как я родился. Сами Боги нарекли меня правителем. Неужели я не достоин носить эту корону на своей голове в самый тёмный для своей империи час?

— Мой Император, вы спросили моего мнения, — тучи надо мной сгустились.

— Я думал, что моя Прорицательница, — за окном блеснула молния. Его лицо стало пунцовым, а жилы стали выделяться на фоне кожи. — Я думал, что моя наделённая талантом защитница, поддержит меня! Да ты хоть представляешь, сколько я это планировал? А ты, по секундной прихоти, подняла меня на смех перед всеми советниками! — я отпрянула, боясь, что он меня ударит. Но вместо этого он просто положил руки на бёдра. — У тебя есть, что сказать?

Моё тело тряслось от того, что теперь мне хотелось его ударить. Я встала, пытаюсь бороться со своей собственной яростью. Прежде, чем он убьёт меня, прежде чем я потеряю контроль. Он хотел извинений, но он их не получит. Даже если заберёт Дашу, даже если

сюда приедет Кира, даже если я сама буду казнена. Во мне подогревалось безумие, и только оно придавало мне решительности. В душе я понимала, что, по его просьбе, я должна была высказать своё собственное мнение. То, что я почувствовала в ауре Антона, подтвердило мои домыслы. Император не собирался повесить меня потому, что однажды я предала его ожидания.

— Соня, ты вообще не думаешь обо мне, правда? — он спокойно расправил плечи. Грозовые тучи отступали.

Мои руки сжались. Думаю ли? Слишком ли глубоко пустила корни моя любовь? Насколько сильно я его уважаю, откидывая всё моё влечение?

А он думает обо мне? Он собирается заключить брак. И, тем не менее, я мечтала о том, чтобы он позвал меня к себе ещё раз или же постучал в мою дверь. Должна быть причина, почему я всё ещё не использовала ключ от балетного зала. Может, я и правда чувствовала к нему что-то?

Валко смотрел на меня слишком долго, не желая уступать. Прежде, чем я успела ему ответить, он ринулся ко мне, и, приблизившись, резко коснулся моих губ своими. Он снова прижимал меня к себе так, как это происходило и в прошлый раз.

Резкий порыв его страсти столкнулся с моей нерешительностью. Я старалась держаться уверенно и холодно, чтобы понять, что же на самом деле я к нему чувствую. Но он углубил поцелуй, касаясь более грубо, запустив в мои волосы руку, толкнув меня на острый угол стола. Только тогда я издала крик боли.

— Не хочу вам мешать, но письмо нужно прочитать срочно.

Антон.

Восстанавливая возбуждённое томное дыхание, Валко отстранился, взглянув на меня исподлобья. Он не хотел, чтобы я смотрела на его брата в дверях.

— Быстро рассказывай, в чём дело, — сказал император, не оборачиваясь.

— Эсценгард получил Ваше письмо, — Антон говорил монотонно, будто бури ярости, запертой у него внутри, и не бывало совсем.

Я напрасно пыталась выпутаться из рук императора. Я не могла увидеть принца, чтобы понять, точно ли аура ярости исходит именно от него. А что, если Антон подслушивал за дверью? Почему он беспокоился? Он ясно дал понять, что и думать обо мне не станет.

— Более того, — продолжал принц. — Люди из Эсценгарда уже на пути к нам. Их посланник выехал вслед за письмом и прибудет через два дня.

Валко удовлетворённо выдохнул. Его гнев превратился во что-то яркое, будто солнце в пасмурный день. Его не смущало то, что за окном всё ещё моросил дождь. Он снова поцеловал меня, но на этот раз глубже, дольше, не обращая внимания на своего брата. Или же он делал это ради того, чтобы как раз брат и увидел.

Смущённая тем, что рядом с нами находился принц, я чувствовала императорский упрёк. На секунду захотелось, чтобы моё тело превратилось в камень. Внутри меня же было огромное множество чувств: сильные, буквально громкие и страстные, тёмные, словно полночь. Я пыталась успокоить свой предательский ритм сердца.

Валко, похоже, не замечал моих чувств. Он оторвался от губ, с удовлетворённой улыбкой убирая волосы с моего лица.

— Что я тебе говорил? — сказал он, целуя мой нос. — Боги благословили мой план. Моя империя будет простираться от моря до моря, — он слегка похлопал меня по руке. — Соня, иди и отдохни. Тебе сейчас это так необходимо. Потому что я хочу, чтобы ты была

внимательнее, когда сюда придёт посланник Эсценгарда.

Боясь, что хоть одно моё слово или даже неправильный вдох сломает тонкую грань тьмы где-то внутри меня, всё, что я смогла сделать — это кивнуть.

Утешало лишь то, что он отвернулся, давая мне посмотреть на Антона. Наши взгляды встретились. В его карих глазах чётко виднелось страдание, будто у него была открытая рана, становившаяся глубже каждый день. Я чувствовала его боль в своей груди. Я не могла понять, почему ему больно? Как это возможно? Он не виделся со мной неделями.

— Иди, Антон, — Валко жестом указал брату. — У нас много работы.

Адресовав мне последний взгляд, полный страдания, принц оставил меня стоять одну, в одиночестве, в этом зале совета. Рука Валко всё ещё была на моей спине. Нас окружала тишина, только дождь за окном всё ещё бил по окнам. Он смывал все ауры, кроме моей собственной.

Я больше не могла этого вынести.

Позже, этой ночью, я подняла деревянную доску и взяла ключ.

ГЛАВА 15

Я попыталась сдвинуть свою кровать с места. Она казалась очень тяжёлой, но скользила на удивление хорошо. На её ножках были колёсики, а пол был достаточно скользким, поэтому работа облегчалась. Как и говорил Антон, за ней оказалась дверь. На ней была выцветшая алая краска с золотыми вкраплениями, дверь едва доходила до моих плеч, будто сделанная для маленькой девочки. Для сестры. Скорее всего, двоюродной тётки Антона. Она была из первых Озеровых, которые восстанавливали этот дворец для своей семьи.

Я открыла дверь, затем нырнула внутрь. Это был зал для балета — я поняла это по сосновым полам и лакированным дубовым панелям. Все украшения, коих было не так уж и много, были под слоем пыли, огромные зеркала на стенах, а станки крепились к ним. Я подняла свечу, всматриваясь в едва заметное под слоем пыли отражение. Наверное, Изольда не знала об этой комнате. Возможно, никто не знал. Кроме Антона.

Этот зал слишком сильно напоминал мои покои, будто близнец. Может, моя комната была чем-то вроде гримёрной, из которой выходили актёры и играли для королевской семьи. Я представила, как девушки, будто призраки из прошлого, юркали в мою комнату для того, чтобы переодеться или напудриться для выступления.

В этом зале, в отличие от моих покоев, не было двери в главный коридор. Зато была другая, такого же размера, как и первая, вот только на ней были изображены лаванды и ромашки.

Я закусила губу, сжимая ключ в руке. Антон сказал, что этот балетный зал соединён с моей комнатой. Есть ли ещё такие же? Может, все комнаты связаны и ведут в покои принца? Но, судя по всему, эта дверь с лавандами — не его. Слишком уж она близко. Сколько тайных комнат разделяют нас?

Я пошла в самый конец зала, пытаясь отыскать безопасное место. Мне нужно было спрятаться от Валко. Его внимание становилось всё более неприятным, нетерпимым с каждым днём. Мне нужно было что-то сделать, чтобы он прекратил это делать, чтобы это никогда больше не повторялось. Прошёл ещё час, прежде чем я нашла выход. Нужно было рассказать об этом Антону. После того, что он испытывал сегодня, в зале совета, думаю, он готов помочь мне.

Осознавая, что делаю, я схватила кровать и закрыла ею стену с красной дверью. Так Ленка меня не найдёт, даже если обыщет всю комнату. Я встала, осмотрела весь балетный

зал, всё также удерживая ключ в руках. Я вошла в дверь с ромашками.

Вокруг кое-где были разбросаны и детские игрушки, они будто спали под толстым слоем пыли. Лошадь-качалка, глиняные свистульки и марионетки. Даже матрёшки были выстроены по величине, в ряд. А стены... на них оживали сказки Рузанина. Вот и безоружная служанка, которая только и хочет, что спасти своего сына из колодца, а вот и Морозко, предупреждает невежливого ребёнка о том, что произойдёт.

И вновь ни одна дверь не вела в общий коридор. Только одна-единственная дверь, которая ведёт в чьи-то покои.

Когда я приближалась, сердце стало бешено колотиться. Дверь с елями и заснеженными вершинами, с пейзажем заходящего солнца. В эту мог пройти человек повыше. Открыв её, я оттолкнула комод, закрывавший мне выход. Опочивальня за ним была прекрасной, в зелёных, освежающих тонах. На стенах — гобелены с пышными лесами, ручьями, зелёными травами.

В этих покоях не было ничего, что меня бы смущало. Мебель и оконные стёкла были только слегка припорошены пылью, будто их не протирали всего лишь три месяца, а кровать с кремовыми одеялами так и манила к себе. Она стояла напротив стены. Стены, в которой есть дверь, которая выходит в общий коридор — яркий луч света пробивался через щель в ней. Но я продолжала осматриваться. Накинутое на изголовье кровати из кедра, висело махрово-зелёное вышитое одеяло, которое в нашу с ним поездку брал с собой Антон. Скорее всего, это его покои? Нет, скорее всего, его матери.

Валко точно должен был знать об этом скрытом месте, но тогда... Почему же Антон дал мне ключ, открывавший комнату, в которой я буду в безопасности, если его брат определённо знает? Но, если бы этот зал не был бы нужным, по приказу Валко, двери были бы заколочены, а дверь закрыли бы шкафами. Нет. Антон не отправил бы меня сюда, если бы не был уверен в том, что тут безопасно.

Я глубоко вдохнула, рассматривая оставшуюся, последнюю из дверей. Она была тёмно-синей, с серебряными звёздами.

Антон. Наверное, когда-то это была его комната. Каждая из них была прекрасной по-своему, но я уверена, что он выбрал бы именно эту. Зная его, я могла предположить, что именно её.

На цыпочках, подбираясь к покоям, я почувствовала, как слабо пульсирует его аура. Он спит?

Я поставила свечу на маленький столик, туда же положила и ключ. С тихим щелчком, я открыла дверь.

Воздух, насыщенный влагой, проникал под мою сорочку. Медная ванная, на подобие той, что приносили мне в комнату в момент купания, была прямо передо мной. Рядом, стоял табурет с выжатой мочалкой.

— Соня?

Я вздрогнула от голоса Антона так сильно, что волосы откинулись за спину. Он встал со стула рядом. На нём были только штаны, грудь всё ещё была мокрой, а волосы около шеи и на висках сворачивались от того, какими мокрыми были. Вцепившись в ночную рубашку, я пыталась заставить себя глубоко дышать. Нужно было рассуждать здраво. Я удивила его тем, как зашла в его покои. Хотя я и не думала, что смогу удивить его таким способом.

Как бы я ни старалась, но взгляд отвести от него мне не удавалось. Я не могла строить из себя скромную девочку, которая опускает глаза вниз. По моим венам разливалось

возбуждение. Трудно было сказать, что Антону всего лишь девятнадцатый год, особенно этого не скажешь по его телу. Несмотря на то, что аура его казалась уязвимой, его тело определённо было сильным.

С дрожью вдохнув, я расправила плечи и спросила в первую очередь саму себя, зачем я пришла сюда? Я не стала дожидаться, пока Антон натянет рубаху, хоть он и кинулся к изголовью кровати, хватая её.

— Антон, Валко и правда твой брат? — спросила я, даже не дав вступления.

— Что ты имеешь в виду? — он нахмурился. Надевая рубаху. Белая ткань цеплялась за всё ещё влажные участки кожи. Я щёлкнула пальцами. — Вечером к тебе навещался император?

— Я всё ещё не могу понять. Он точно твой брат? — снова спросила я.

— Да, он мой брат, — свеча на письменном столе освещала его лицо, кидая тень на скулы и впадины вокруг глаз.

Будучи неуверенной, я подошла ближе. На столе лежала книга с бледно-синим переплётом, но, заметив, что я пытаюсь рассмотреть хотя бы название недописанного письма, он быстро закрыл книгу и положил на бумагу. Антон, наверное, что-то писал, когда я зашла к нему. В ауре принца появилась скрытность, покалывавшая мои руки. Я почувствовала, как он снова проделывает трюк с дыханием, чтобы скрыть от меня все свои эмоции.

— Ты уверен? — я попыталась вдохнуть по собственной воле, а не из-за окутавших его чувств. — Я была маленькой, когда родители отослали меня к Ромска. Ни лица мамы, ни лица папы, я вспомнить не могу. Как же ты можешь быть уверенным в том, что Валко — тот самый мальчик, которого ты видел в детстве?

— Уверена в этом была моя мать, — Антон отошёл от стола и скрестил руки на груди.

— А как могла быть уверенной она? У Валко были какие-то отличительные черты? Родинки? Шрамы?

Рука принца потянулась к предплечью, его палец прошёлся по пятну под белой тканью. В моём животе же что-то затрепетало. И я точно не знала, что это было и почему.

— Нет, родинок у него нет, — Антон пристально наблюдал за тем, как я реагирую. — А моя мать... Она по очереди посещала нас, когда отец ей это позволял. Но она не говорила мне, выжил ли мой брат.

Печально выдохнув, я зашагала от него прочь. Свет свечи отбрасывал тень на леса на гобеленах, тёмно-синие тона комнаты.

— К чему всё это? — Антон подошёл ко мне.

— Иногда мне хотелось бы, чтобы Валко был самозванцем, — я покачала головой, пытаюсь собрать все мысли воедино. — Тогда ты бы смог занять его место.

— У меня нет желания быть императором, — Антон остановился.

— Я не верю, — я подошла поближе, чтобы в темноте видеть его глаза, чтобы более ясно чувствовать его ауру. Его внимание становилось пристальнее с каждым моим шагом.

Он сглотнул, расправив плечи.

— Ты сам делаешь так, чтобы это место стало твоим, — сказала я. — Я слышала то, что ты говорил в зале совета. Я вижу, как сильно ты любишь свою империю, сколько ты можешь сделать ради неё.

— Но я принц. Я — второй по очереди и это не даёт мне права претендовать на трон, — сказал Антон. — Ни у кого в этом мире нет такого права.

Я пыталась отыскать его чувства, проникая сквозь эмоции, которые он придумывал, чтобы я не чувствовала его. Я пыталась понять, что чувствую я сама. Мне пришлось прийти сюда только для того, чтобы узнать, как помешать Валко. Мне сложно было понять, чувствует ли он какое-то ко мне влечение. Однажды, я могла бы покориться всей той тьме, что была во мне заключена. Я могла бы потерять рассудок, не сдерживать себя, нанося вред всем окружающим.

Антон не был похож на меня, он не был таким, как Валко. Принц был достаточно осторожен в своих эмоциях и пытался их успокаивать. Он не пытался давить на меня, но и делал так, чтобы я не могла влиять на него. Империя могла доверять ему всецело.

— Но что, если... — я повернулась к двери, окрашенной в тёмно-синие оттенки. Мне казалось, что нас кто-то подслушивал. Потому что то, что я собиралась спросить, было весьма опасным. — Что если ты продолжишь настаивать на том, что Валко — самозванец? Как много людей тебя поддержат?

Взгляд Антона быстро скользнул к письменному столу.

— К сожалению, императрица уже не с нами, и она не сможет подтвердить, её это сын или нет, — я решила добавить это так учтиво, как только могла. Мне не хотелось позорить мать принца, но я предательски напряглась, как только эти слова были сказаны. В нём что-то вспыхнуло.

Он подошёл ко мне ещё ближе, медленно, его тяжёлые шаги эхом тяжести отзывались и во мне.

— Соня, будь осторожнее, — его низкий голос дрогнул. — Твои слова звучат как измена. Если Валко узнает об этом, ты лишишься головы.

— Я не лишусь своей головы, если он окажется самозванцем, а корону будешь носить ты, — я подняла голову выше.

— Подумай о том, что ты говоришь! — он схватил меня за руки, чуть ниже плеч, его взгляд буквально впился в меня. — Ты — его защитница. Если мы и правда докажем это, он будет казнён. Ты сможешь с этим жить?

В горле пересохло так сильно, что я не могла сказать ни слова. Да, у меня был план, но в нём не было шага, который включал бы в себя смерть императора. Мне не хотелось, чтобы произошло именно это.

— Ты уверена, что это чувствуешь именно ты? — спросил Антон. — Советники Валко находятся не так уж и далеко. Они были в зале в течение нескольких часов, обсуждая грядущую встречу посла. И, думаю, ты не была приглашена только из-за своего поведения. Но в своих суждениях ты можешь быть не одинока. Возможно, некоторые члены совета тоже не рады союзу с Эсценгардом.

Я тряхнула головой. Я и подумать не могла о том, что могут сотворить советники. Из-за сегодняшнего, их негодование может быть направлено на меня? Как Имперская прорицательница, я обязана предотвратить любую напасть, которая могла бы выпасть на долю императора. Это была моя работа. Но я слишком сильно полагалась на свою интуицию. Она говорила мне, что никакой опасности нет. Во всяком случае, я не чувствовала чего-то такого же, как и в детстве, когда к нам пытался пробраться вор.

Но что, если во дворце угрозы были сильнее, чем чувства от какого-то вора? Может, Антон прав? Может, мои стремления, даже в Зале Совета, принадлежат кому-то другому? Ещё никто, и я в том числе, не вывел на чистую воду того, кто хотел отравить императора, но вместо этого убил императрицу. Возможно, это кто-то из совета, в нескольких метрах от нас.

Но, когда мы были в зале совета, всё, что я заставила их почувствовать — это неловкость, но не угроза.

Неужели, они практиковались в том, чтобы скрывать от меня свои ауры? Антон проделал для этого один трюк. Они поступили также? Советники должны были уже привыкнуть к тому, что рядом обязательно есть Имперская Прорицательница. Может, среди них был и предатель, человек, отравивший императрицу, чьё мнение по поводу Эсценгарда отличалось от общего мнения. Возможно, он был недоволен многим, и это длилось уже не одну неделю.

Я положила руку на живот, опуская глаза. Нужно было переосмыслить то, что пришло сейчас мне в голову, то, на что меня натолкнул Антон. Что, если мы с ним не одни в своей неприязни? Хотя мне и казалось, что это моё настоящее чувство. Большинство молодых Прорицательниц не могут отличить одно от другого как минимум лет до двадцати пяти. Мне предстояло бы ещё десять учёбы. А девочки в монастыре учились с детства; дольше, чем я.

— Это не ответ, — сказал Антон, заглушая мои мысли. — Мы найдём другой способ отвлечь от тебя Валко. Учитывая приезд посла, он уже на пути к свадьбе с другой.

— Я боюсь не только за себя, — покачала головой я. Мои руки сжались в кулаки. — Антон, я чувствую опасность. И это мои чувства. Я была на стольких заседаниях, а собственного, готового и точного мнения, сложить не смогла.

— Ты и не должна, но...

— Ты слышал, что сегодня сказал твой брат? — прервав его, я подняла голос. — Он хочет вторгнуться в Шенгли! Наши люди и так страдают от голода. Слишком много потерь, чтобы ещё и вести войну. Мы не сможем противостоять их армии. Валко лишает людей любой надежды и духа, не говоря уже о сотнях жизней. Он делает это просто для того, чтобы расширить империю! И ему всегда будет мало.

А ещё я понимала, что Валко не будет сыт и браком. И, когда его беспокойство будет расти всё больше и больше, он снова обратит внимание на меня.

Принц затих. Готов ли он меня поддержать?

— Антон, за тобой люди пойдут, — я умоляюще посмотрела на него. — Я это знаю. Ты можешь править и ты бы никогда не прибег к такой жестокости только для того, чтобы получить власть над всеми. Если ты станешь править, Рузанин будет цвести.

— Не искушай меня, Соня, — его хватка смягчилась, а во взгляде появилась мольба. Я раскрыла рот от удивления. Он говорил так, будто не он может приказывать мне, а я полноправно могу им управлять.

— Не искушай меня, Соня, — эхом звучало у меня в голове. Его запах мускуса и сосны окружал меня со всех сторон. Он был таким сильным, что мои колени задрожали. Может ли быть так, что его слова были «с двойным дном»? Мог ли он действительно... его влекло ко мне также сильно, как и меня к нему? Я смотрела в его тёплые карие глаза.

От этого откровения, моё дыхание перехватило.

Я хотела Антона.

Я беспокоилась о нём сильнее, чем могла бы признать.

Мы смотрели друг на друга, наши сердца бились в одном темпе, но моё, кажется, пульсировало всё сильнее и сильнее. Под давлением его нежного прикосновения, под ночной рубашкой, мои руки тряслись. Я даже забыла о том, что мы спорили. Всё, что я могла осознать — это то, как сильно меня к нему тянет; к его силе, и благородству, которого мне так не хватает. Наверное, теперь я поняла, почему отрицала свои чувства так долго. Кто я

такая, чтобы принц, борец за отмену крепостного права, за обеспеченность провинций, мог проявлять хоть какие-то чувства к такой запятнанной девчонке, как я?

Его глаза были обращены к моему лицу, внутри него боролись противоречивые чувства. В этот момент я для него желала большего, чем просто императорского трона. Я хотела, чтобы его руки скользили по моей спине, чтобы он касался меня. Я дрожала. Он так близко. Несколько капель воды всё ещё оставались на его губах.

— Я научился принимать то, что некоторые вещи никогда не будут моими, — сказал он.

— Тогда время разучиться, — наши пальцы соприкоснулись, когда я стала к нему ближе.

Он часто сглатывал, его сердце билось слишком часто. Внутри меня расцветала новая эмоция, которой в нём я ещё никогда не чувствовала. Странное любопытство. Почему я была так уверена, что это принадлежит ему? Его рука спустилась вниз, по белой ткани моей ночной рубашки, затем нежно прошла по коже запястья. Принц поднял рукав, до локтя. Моё дыхание участилось.

Несколько мгновений, он смотрел на мою руку. Внутри его затопило разочарование.

— Что произошло? — я не понимала, что его разочаровало, но в моей груди появилась тянущая тупая боль.

— Ничего. Я слишком устал, — он рассмеялся, опуская руку. Антон потёр глаза, затем подошёл к тёмно-синей двери. — Нам нужно сказать друг другу «спокойной ночи».

— Ты подумаешь о том, что я тебе сказала? — я держалась за свою руку, которая заставила его отпрянуть.

— Нет, — его губы стали прямой линией. — И я попрошу больше никогда не поднимать этот вопрос.

Мои глаза раскрылись от удивления. Что произошло с Антоном? Минуту назад он готов был подарить мне тепло и нежность. На секунду я даже подумала, что мне достанется поцелуй. Что я сделала, чтобы он так ко мне относился?

Неужели я и вправду не стану для него достаточно хорошей? Или он не хотел касаться меня потому, что Валко уже заявил свои права на меня?

Я закрыла рот, пытаюсь бороться с чем-то более сильным — моим упрямством.

— Так будет всегда, правда? — я сложила руки на груди. — Наши отношения будут проще, или ты будешь избегать меня каждый день так, будто я переносу чуму.

— Я хотел бы, чтобы всё изменилось, Соня, — его пронзила боль. — Ты должна в это верить.

— Но почему всё это не может измениться? — я прикусила губу. — Хотя бы здесь? Без императора, стражи и советников. Почему мы не можем быть друзьями?

Антон должен был понимать это, давая мне ключ. Рано или поздно, я должна была открыть ту комнату, должна была найти все эти покои. И его в том числе. Должно быть, он этого хотел.

— Я допускаю такой ход событий, — тихо ответил он, всматриваясь в свои ноги. Чтобы не казаться уязвимым, он быстро натянул улыбку. — Но в будущем, надеюсь, стучать ты научишься. Слава Богам, ты не зашла на несколько минут раньше.

Я покрылась краской, от ушей до пяток. В моей голове слишком уж реалистично восстал образ того, что я не увидела.

— Тебе нужно уходить, — сказал Антон. На этот раз это звучало нежнее. — Скоро тут будут слуги. Они должны убрать сразу после того, как я приму ванну.

Я кивнула. Наконец-то мне стало спокойнее. Так или иначе, отходя к двери, я кинула последний взгляд на письмо. Из-под книги с бледно-синим переплётом виднелась часть незаконченного письма. Оно было адресовано Николаю Роставу.

Это имя было мне знакомо. Не тот ли это Николай, о котором я слышала в конюшне? Принц спрашивал, по-прежнему ли Николай верен своим идеалам.

— Соня, — аура Антона снова обросла какой-то скрытностью, будто он не хотел, чтобы я слишком долго задерживалась рядом с письмом. — Тебя не должны здесь найти.

Его рука лежала на двери. Я снова кивнула, понимая, что сейчас не время засыпать его вопросами. Когда я отошла от стола, прошла под его рукой, то почувствовала сильный прилив тоски. Свободной рукой он тянулся ко мне, чтобы наши ладони соприкоснулись. Он хотел меня, как и я его. Я обернулась, осматривая его сверху вниз.

— Твой ключ, — сказал он. Его голос... казалось, он говорил, не используя воздуха.

— Спасибо, — я почувствовала, как на ладонь лёг прохладный металл. Наверное, на моей шее уже стал появляться румянец. Пока он не упомянул ключ, у меня было непреодолимое чувство того, что он хочет меня поцеловать. Но, возможно, это просто моя фантазия. И, всё же, руку Антон не убрал.

— Если хочешь... Если тебе так спокойнее, можешь спать в соседней комнате, прямо рядом со мной, — его взгляд казался тяжелым, но моё лицо горело только от одной мысли, что я смогу ночевать вот так, рядом с ним. Но он откашлялся. — Только не забудь утром возвращаться в свои покои. Иначе тебя начнут искать.

Он убрал руку. Я слегка качнулась, покидая его комнату, но, ступив всего лишь два шага, обернулась:

— Я не хотела его целовать, — резко сказала я.

— Что, прости? — его брови поднялись.

— Сегодня, в зале совета, я не хотела целовать твоего брата, — по какой-то необъяснимой причине, я чувствовала, что говорю, будто приказывая.

— Я знаю, спустя несколько секунд, ответил он.

Я кивнула, ощущая, что он понял то, чего я не могла сказать: иногда мне и правда очень хотелось. Когда Валко дразнил меня поцелуями, он никогда не давал мне чего-то большего. Часто, он просто хотел меня запутать. Например, в тот момент, когда я пыталась бороться с демонами своего прошлого, когда аура дворца не давала мне заснуть по ночам.

По большей части, я сопротивлялась ему, и, почувствовав боль от того, что край стола упёрся в меня, я была рада, что сопротивлялась. Но, несмотря на решительность, несмотря на завесу истинных мотивов императора, которые с каждым днём становились всё тоньше, я чувствовала лёгкий привкус железа. Правда была в том, что мне всё ещё хотелось его внимания.

— Спокойной ночи, — сказал Антон. Украдкой вдохнув, я ответила. Мне не хотелось его оставлять. Я пыталась бороться со своими чувствами к нему, но это было также бессмысленно, как и отрицать то, чего я хотела от Валко. Но я привязалась к Антону по другой причине. Если бы принц остался со мной, я бы смогла стать добрым человеком. Возможно, однажды я была бы даже прощена за всё то, что я наделала. Может, только после этого он сможет доверять мне, рассказывать о своих секретах.

Чтобы закрыть дверь, рука принца соскользнула с петли, заставляя рукав сползти. Там, на предплечье, показалось какое-то пятно. Возможно, след от чернил. Моя рука стала щипать на том же мест.

Дверь закрылась. Я осталась стоять в тёмной комнате, погружённая в его тайны и мои к нему чувства.

ГЛАВА 16

Следующие два дня весь дворец пребывал в полном безумии. Слуги готовились к прибытию посла. Валко постоянно метался по двору. Его глаза казались сумасшедшими, будто действие опиаты только-только стало его отпускать. Он ходил из комнаты в комнату, проверяя по своему списку, всё ли готово. За ним носилась и свита, в числе которой была и я. Я отставала. Их энергия поднималась во мне. Я чесала руки, ёрзала на месте. Мне не хотелось ничего, кроме как лезть вон из кожи, идти и командовать людьми в коридорах.

Может, в том, чтобы прятать недостатки своей работы, я преуспевала. Во всяком случае, никто не обращал на это внимания. Эти люди были сконцентрированы на себе и своих обязанностях. Даже император ни разу не обернулся в мою сторону — он был занят тем, что раздавал приказы. Мне хотелось надеяться, что Антон прав: Валко забудет обо мне, как только вступит в брак. Если бы только брак был гарантирован. В письмо было сказано, что посол прибудет, чтобы обсудить брак с мадам Валуа, но не более. Поэтому Валко делал всё, только бы угодить ему.

Император хотел, чтобы всё было превосходным. Он хотел, чтобы всё удовлетворяло требования посла Эсценгарда. Люди там были более изощрёнными, чем мы. Даже несмотря на то, что Империя Руанин была больше в четыре раза, а её культура была более древней.

Когда Валко отдал приказ о том, что все дворяне обязаны сбрить свои бороды для того, чтобы соответствовать эсценгардской моде, я чувствовала, как удивлению аристократов не было предела. Я заметила кое-что. До того, как приказ был выдан, Антон оставался гладко выбритым, но, после указа брата, отрастил небольшую, едва заметную щетину.

В ночь прибытия посла, был запланирован бал. Для того чтобы мужчина мог хоть немного отдохнуть после длительной дороги, император попросил вельмож явиться на бал раньше, не опаздывая.

Наконец, настал день бала. Но преддверие праздника заставляло меня только вздрогнуть. Я чувствовала страх и самую настоящую панику. Одна мысль о том, что мне придётся находиться в комнате, от стены до стены наполненной пирующими людьми, пугала. Это — проверка того, как я смогу справляться со своими способностями.

В то утро, когда Пиа пришла ко мне с подносом, она только и говорила о том банкете, который император устраивает для посла. До вечера, он не сможет встретиться с послом, Флокаром де Бонпре, он хотел, чтобы гостя кормили лучшими деликатесами, которые только можно найти в Рузанине.

К счастью, в этот день я встала рано. Во дворце все так суетились, что мне не оставалось ничего, кроме как встать, выйти из зала и снова закрыть красную дверь кровати. Я спала там уже две ночи. Но я не могла беспокоить Антона. Не посмела бы. Его аура была такой близкой, но такой закрытой. Как долго он будет скрывать свои эмоции за этим трюком с вдохом? Что было в том письме, под синей книгой с бледным переплётом? И, самое интересное. Что произойдёт этой ночью? Не думаю, что несколько месяцев назад он точно знал, что визит посла совпадёт с Кануном Морвы. Мероприятие, которое не только пугало меня количеством людей, но и обилием блюд, из-за которых, судя по всему, я останусь голодной.

— Что ты имела в виду, когда сказала, что не принесла мне завтрак? — спросила я у Пиа. Мой живот превратился в ноющий комок нервов. Некоторые люди воздерживались от

еды, если им это было нужно. Я же хотела поесть. Мне так хотелось есть, что, вытащи Пиа из кармана мясной пирог, я бы тут же его съела, даже несмотря на его ауру.

— Ни одна дама не ест перед баллом, — она удивлённо на меня посмотрела. — Я принесла специальный чай. Он на травах. И он точно выведет из тебя всю жидкость. До танцев.

— Зачем мне это? — я нахмурилась.

— Танцевать?

— Нет. Становиться хуже инжира.

— Ну, да, расскажи мне ещё, что никогда не была на балах, — она засмеялась.

— Да, ты права, в монастыре балы были каждый день. Каждая из Прорицательниц кружилась в танце с сёстрами, — с Пиа я ещё никогда так не говорила, но поделаться ничего не могла. Еды не будет? В моём теле не останется ни капли воды? Неудивительно, что женщины падали в обмороки.

Моя горничная смеялась так сильно, что руками стала держаться за бока. Я же слишком поздно поняла, что шутила о тех, чьи мёртвые тела оставила в монастыре, в Ормине. Опустив взгляд, я посмотрела на статую Фейи на подоконнике.

— Там будут все дворцовые дамы. Они хотят хорошо выглядеть, — сказала Пиа. — Как думаешь, сколько ночных горшков во дворце? Сколько горничных будут затягивать дамам корсеты?

— Я не надену корсет, — я откинулась на спинку стула.

— Нет. Но ты обязана прийти на балл, чтобы тебя увидел император. А этот бал уж точно продлится до полночи, — она пыталась уверить меня в своих словах, а затем протянула мне мой чай. — Поверь мне. Потом ещё и спасибо скажешь.

Сделав пару глотков, я поморщилась. Пиа же довольно улыбалась. Она откинулась к спинке, приобняв вышитую подушку.

— Юрий сегодня будет охранять зал, — мечтательно протянула она. Пиа играла с подушкой, теряясь в фантазиях. — Он будет в своей форме. Как же он будет смотреться в отглаженной форме. Всё бы отдала, только бы надеть шёлковое платье и закружиться с ним в танце.

— Ты хотя бы его увидишь, — забыв о голодном желудке, я коснулась её руки. Даже если бы не было настолько грандиозного праздника, император всё равно обеспечил бы дворян угощением. А угощение без горничных не подать.

— Это хоть что-то, правда же? — я знала, что за эти несколько дней, из-за суматохи, они с Юрием общались мимолётно. Они оба были так заняты, что, даже если удавалось пересечься, уже считали это за удачу.

— Надеюсь, — она вертела в руках оторвавшуюся нитку.

Моё сердце прониклось меланхолией в её ауре. С того момента, как мы начали проводить уроки чтения вместе, к Пиа вновь вернулась её жизнерадостность. И она радовалась больше, когда ей удавалось правильно передать гласные или согласные буквы в алфавите. Более гордой я ещё не была никогда. Тося тоже был бы горд за меня. За то, что моя ученица так хорошо справляется с чтением. А ведь именно он когда-то стал единственным из Ромска, кто захотел научить меня читать. И теперь я учу Пиа. Она даже справилась с целой страницей сказки о неуклюжей горничной. Без моей помощи.

— Представь, как удивится Юрий, — сказала я. — Когда ты сможешь прочитать ему сонет о любви. Или, того лучше, написать собственный.

На её лице появилась весёлая, дразнящая ухмылка. Я вздохнула. Было бы хорошо, если бы мы с ней могли поменяться местами. Тогда мы обе были бы счастливы. Она могла бы быть в центре внимания, а я смогла бы прятаться за её юбкой.

Пытаясь поднять ей настроение, я попыталась её воодушевить.

— Там будут сотни гостей, будет сумасшедший переполох. Сомневаюсь, что кто-то заметит, что одна служанка и один страж ускользнут на пару минут. Там должен быть какой-нибудь пустынный коридор. И вы сможете станцевать хотя бы один танец.

Эти слова подействовали. Пиа повернулась, её глаза засверкали, а на губах появилась яркая улыбка.

— Соня, ты просто чудо! — она чмокнула меня в щёку. На коже проявились небольшие ямочки. — Ты заслуживаешь ещё один лишний час наших тренировок. Может, ты даже выиграешь.

Она намекала на наш любимый способ стремиться улучшить наши способности. Теперь она могла не просто рассматривать иллюстрации, а читать отрывки текста про себя. Я же постоянно пыталась угадать, что происходит, различая только её эмоции и изменения в ауре. — Давай будем верить, что когда мы засядем за книги в следующий раз, Владимир Грозный не утопится в собственной рвоте.

— Эй, это ты виновата! — я подняла руки. — Наестся пирожных перед тем, как начать урок, было плохой идеей.

— В этом и опасность быть слугой. Да и были они с фундуком. Гадость! — она пожала плечами, затем поднялась. — Пойду работать. Ленка не должна поймать меня такой радостной, — Пиа закатила глаза. — И, если уж мы вспомнили о таких делах... Допей чай до конца.

Я застонала так, что она захихикала. Пиа же скользнула к двери:

— Я найду тебя в зале, на танцах, вечером. И ты меня узнаешь. Я буду лучиком любви, — заявила она, смеясь над собой. Она послала мне воздушный поцелуй и провальсировала прямо до двери.

Я вяло улыбнулась, поддаваясь влюблённости и счастью в её ауре. Было так хорошо, что даже второй плоток чая не мог испортить моего настроения. Зато это удалось Ленке. Она пришла сразу же после того, как ушла Пиа.

Я уже приготовилась к долгим часам замечаний и насмешек, но, на удивление, этого не произошло. Не было даже её обычного раздражения. Она казалась ослабевшей, и вообще было интересно, как её голова всё ещё держится на шее-спичке. Ничего не сказав, она подняла меня, а, когда послышался хлопок, вошли остальные горничные, с коробками, перевязанными серебряными лентами.

— Что это? — настороженно спросила я.

— Новая одежда, — с гордостью в голосе сказала Ленка. Её ноздри раздулись. — От самого Его Величества Господина Лорда Императора.

Я сгорбилась. Этой ночью Ленка должна была быть гордой за меня. На меня, единственную, ответственную за всё, Имперскую Прорицательницу.

За три часа до балла, в моей спальне появилась медна ванная. Кожу покалывало от того, как в последний раз меня в ней оттирали. Внимание горничных ко мне напоминало внимание к невесте в день свадьбы. Но они так медленно прихорашивали меня, добавляли масла и моющие средства, что приходилось стиснуть зубы. За стенами моей комнаты подготовка идёт полным ходом. Паника последних минут перед торжеством. Шесть

горничных должны были ждать меня, никуда не уходить. Когда я понимала, что они могли бы пригодиться в каком-нибудь другом месте, то чувствовала себя смешно. Я думала о вдовах на границах Рузанина, которые растят своих сыновей только для того, чтобы отдать их в солдаты. Другой участи для них и быть не может. Пока я со всеми этими мыслями погрузилась в себя, мне уже подстригли ногти, напудрили лицо и добавили на губы красного.

Подарок императора мне понравился — на нём не было меха. Более того, сам Валко, по словам Ленки, настоял, чтобы мне не надевали корсет, как в прошлый раз, на пире. Он-то точно знал, что в последнее время на моей талии не было «костей и лент». Его рука и правда часто блуждала по моей спине. Впрочем, корсет обеспечил бы мне ещё одну защиту, скрывшуюся под атласным платьем. Но разве он захочет прикоснуться ко мне в этот вечер, когда он слишком озабочен предстоящим браком? Он был бы глупцом, если бы попробовал.

Я провела рукой по собственным рёбрам, на которых не было ни грамма жира. Несмотря на то, что у Валко и правда было много оснований забыть обо мне, я не могла успокоиться. Я не могу ответить ему отказом. Потому что в тот раз, когда мы впервые поцеловались, начала всё я.

Когда Ленка стала надевать на меня платье, я собрала все свои силы, всё своё мужество, в кулак. Однажды Антон сказал мне, что я хорошо противостояла его брату. Я могла бы поспорить с его словами. Я могла бы сопротивляться собственным желаниям.

Следующее украшение — высокий головной убор, вышитый шелком, напоминавший корону, но только плоскую, около пятнадцати сантиметров над моей головой. Вниз свисали нити жемчуга. Возможно, император думал, что так будет безопаснее для меня, что моллюски не умирали, когда у них забирали их драгоценности.

Но он ошибся.

Жемчуг был и на моей одежде.

Жемчужины были вшиты в узоры моей накидки, а, если она оставалась за спиной, на поясе можно было увидеть паутину белых камней, окруживших талию.

В отличие от того, что я чувствовала, когда касалась крови покойной императрицы, боль от жемчуга была тупой. И, всё-таки, я чувствовала эхо страдавших при жизни устриц. Я выдохнула. Их боль осталась у меня в груди. Во всяком случае, с их помощью я смогу сегодня оставаться сосредоточенной. Лучше не отвлекаться от одного, чем распыляться на ауры знати.

Во дворце обедало множество дворян. Ко многим из них я уже даже привыкла. Но сегодня всё будет иначе. Сегодня будут присутствовать не только они, но и все чиновники собственной персоной. Я слышала, как советник Ильин говорил. По его словам, будет не меньше семисот человек.

Их будет так много. Мне страшно. Пока я думала об этом, Ленка и остальные горничные накручивали мои волосы, обвивая пряди вокруг раскалённого железа. Локоны прядали вниз. Так пожелал император. В скором времени, мои служанки управились с моей причёской. Но я напоминала себе не более, чем куклу императора.

Я посмотрела на себя в зеркало, в золотой оправе. Можно было отправиться в балетный зал и там рассмотреть себя в полный рост, но эта комната всё ещё оставалась в секрете. К тому же, мне не хотелось видеть себя ниже тех семи рубинов на воротнике. Они соответствовали тем семи, что были закреплены на короне императора.

— Я могу идти? — Спросила я. Мне совсем не хотелось, чтобы служанки меня

подталкивали. Они приводили меня в порядок целых три часа, но мне казалось, что это длилось целых десять.

— Конечно. Твой страж уже ждёт тебя, чтобы сопроводить, — сказала ленка, смотря на меня со всей своей гордостью. Казалось, в её глазах возродилась Изольда.

С ней мы направились к двери. Она сжала губы в одну тонкую линию, понимая, что за дверью нет никого.

— Юрий! — прошипела она.

Страж, покоровший сердце Пиа, стоял около открытой двери в покои Антона. Услышав своё имя, он вздрогнул и обернулся к нам. Дверь покоев принца наглухо закрылась.

— Эй, бездельник, иди сюда, — она несколько раз хлопнула своими костлявыми руками.

У Юрия была красивая, слегка розовая кожа и казалось, что румянец на ней присутствует всегда. Теперь он украшал его подбородок, и даже уши. Молодой человек сбежал вниз по коридору и нервно встал, как вкопанный, прямо перед нами.

— Примите мои извинения, — он отвесил мне небольшой поклон. Для меня, он делал это впервые, и я надеялась, что такого больше не произойдёт. Мы всегда общались неформально.

Ленка ещё переживала из-за того, что слишком сильно напудрила мой подбородок, но быстро попросившись со своими служанками, я и Юрий направились вниз по коридору, а затем — по одной из нескольких лестниц, ведущих на нижний этаж. Аура стража была слишком напряжённой, и от этого мне было сложно дышать, что уж говорить о том, что было трудно сказать хоть слово. А я хотела спросить, почему он общался с принцем. Тем не менее, я держала рот на замке. Юрий общался со многими во дворце, даже с императором. Так почему Антон не мог войти в число этих людей? И, всё же, я не могла удержать своё любопытство. Кажется, Юрий был раздражён тем, что что-то задержало его возле двери принца.

— Сегодня ты выглядишь очень красивой, — наконец сказал он.

— Спасибо, ответила я, косясь на него. Не то, чтобы я думала, что он не искренний, но, кажется, он пытался меня от чего-то отвлечь. Он замешан в плане Антона, что бы ни произошло ночью, в Канун Морвы? Почему принц посвящает в свои тайны даже свою прислугу, но не меня?

После первой же фразы, страж постоянно о чём-то бормотал себе под нос: то о том, что количество охраны увеличили, то о своих впечатлениях, то о Флокуа де Бонпре, который прибыл из Эсценгарда чуть ли не со всей своей свитой. Пиа сказала, что понятия не имеет, где будет: либо на кухне, либо станет разносить еду гостям.

Его нервная болтовня продолжалась ровно до того момента, пока мы не добрались до двери в зал. Эта была не так огромна, двойная, по обеим сторонам от которой стояли слуги в ожидании дорогих гостей.

Что-то внутри меня трепетало от ожидания. Я думала, что на этом празднике всё будет намного хуже, ведь столько аур. Я сомневалась, что мне хоть в чём-то повезёт.

— Ты точно увидишь Пиа, — сказала я, когда Юрий должен был меня покинуть. Я улыбалась, и мне было так хорошо, что я даже не могла себя сдержать. — У неё для тебя сюрприз. На складе. Хоть и сомневаюсь, что это произойдёт в полночь.

Меня подкосил сильный толчок удивления и страха. Внутри появилось сильное беспокойство, но почему, от чего, я объяснить не могла.

Может, это было и жестоко, но я не могла больше оправдывать Юрия. Он подтвердил все мои опасения. Он в сговоре с Антоном. Даже несмотря на балл, то, что они планировали несколько месяцев назад, должно было свершиться. Я даже не отбрасываю того, что тем таинственным человеком, с которым общался принц тогда, в конюшне, был именно страж.

От таких неожиданных эмоций я присела, хоть Юрий и подумал, что это — поклон на прощанье. Покинув его, я отправилась в банкетный зал. Возможно, я и обязана весь вечер провести с императором, но я выясню, что задумал Антон.

ГЛАВА 17

В бальном зале всё было в свечах. Огромные яркие люстры нависли под потолком, канделябры рядами выстроились на столах и подоконниках. Подле них — лампы, заполнявшие стены. Цвета Империи Рузанин пронизали всё пространство: они были на шелковых полотнах, праздничных столах, занавесе, да и, в общем, везде, где только это было возможно.

Эти цвета, алый и золотой, украшали и место императора. На его помосте был красный бархат, будто мягкий ковёр, всё теми же цветами был украшен и его кафтан, а обивка высокого трона ничем не отличалась по цветовой гамме. Его корона переливалась золотом, по диагонали, от плеча к плечу, была протянута малиновая лента. Ещё немного золота было и на его вышитой подушке, лежавшей около него, на соседнем престоле. Создавалось впечатление, будто это место должно было занимать его животное. Почему-то я думала, что это место предназначалось мне.

— Добро пожаловать, Соня, — как только Валко увидел меня, его рот расплылся в улыбке. Он говорил моё имя как никто другой. Он сказал это как тогда, в его покоях. Но там, за дверью, всё ещё ждали гости. Я потёрла руки о юбку, пытаясь избавиться от тревоги. Сколько ещё гостям ждать?

— Ваше Императорское Величество, — присев в глубоком реверансе, я выждала немного, прежде чем сесть на место рядом с ним.

— А эта одежда тебе идёт, — сказал он, рассматривая меня. — Сегодня ты выглядишь потрясающе.

— Благодарю, — ответила я, надеясь, что в моём голосе нет волнения. И, всё-таки, сердце стало биться сильнее, а на щеках выступил румянец.

— Перестань, — приказала я себе. Я не хочу внимания Валко. И я не отвечу, если вдруг он его проявит.

— Займи же своё место, — он указал на престол так, будто это было высшей наградой Рузанина.

Я пыталась сосредоточиться на ауре жемчужин, что было сил. Я пыталась сосредоточиться на чём угодно, только не на чувствах Валко. Потому что, если его аура станет переплетаться с моей, я снова потеряю контроль.

Ступив на помост, я присела рядом с ним. Когда я хотела положить руку на подлокотник, моя кисть коснулась его руки. И этого хватало. В груди появилось тёплое, нежное чувство, а с ним — оттенок печали и сожаления. Поэтому я повернулась к императору, будто передавая ему зашифрованное послание.

— Если бы ты была племянницей короля Эсценгарда... — мягко сказал он.

Я моргнула. Моё сердце стало стучать чуть быстрее, как и его собственное. Он был бы таким же, если бы был не наследником империи, а обычным деревенским парнем? Тогда он был бы совершенно один, и я бы не сопротивлялась так сильно.

— Это традиция. Я танцую с каждой леди высшего класса, — он сглотнул, волнуясь. И, судя по тому, что я принялась выворачивать свои пальцы, его и правда нельзя было назвать спокойным. — Но, признаться, был бы рад, если бы мог подарить этот танец тебе.

— Танцевать с Имперской Прорицательницей — это тоже традиция? — я посмотрела на парадный вход. Бояре вот-вот должны были прийти.

— С этого момента — да, — он положил свою руку на мою. Коже на шее тепло зацепало. — Ты станцуешь сегодня со мной. Соня, обещай.

— А что с дипломатом? — мои ладони чесались. Я чувствовала, что слишком сильно нервничаю. Эти ощущения принадлежат императору? Или всё-таки мне? — Не расстроит ли его такой Ваш ход?

— Я успокою его. Как-нибудь, — Валко махнул рукой так, будто рассеять напряжение было так просто.

— Простите меня, Ваше Величество, — я наклонила голову. — Вы приложили так много усилий, чтобы этот брак состоялся. Вы действительно этого хотите, правда?

— Мне нужен этот союз, Соня, — с его лица исчезла улыбка. Ревность, которую он испытывал пару дней назад, снова вернулась. — Это слишком важно. Я хочу быть не слабее моего отца, который правил до меня. Наша династия обязана распространять культуру, религию, образ жизни нашей империи по всему миру, чтобы наш народ жил лучше, — он говорил так, будто я была его советником. — От этого зависит будущее Империи Рузанин. Мы должны стать больше, прежде чем кто-то захочет на нас напасть. Мне нужно завоевать Шенгли, — он указал на свой сапог так, будто это была карта. — И мне нужна сила Эсценгарда, чтобы я мог противостоять армии Шенгли.

Непреклонность и страсть валко текли по моим венам. Мне было страшно. Он был также сильно озабочен этим планом вторжения, как и Антон. И, всё же, я не могла понять, почему он может рискнуть всем этим из-за меня.

— Если есть риск разорвать союз, — спросила я его осторожно. — Почему Вы просите меня станцевать с Вами?

Его взгляд блуждал по мне, он всматривался в мои глаза. Его настроение переменялось, как только он коснулся пряди моих волос. Волос, которые я, по его просьбе, распустила.

— Потому что я хочу, чтобы ты была рядом, — сказал он, покачав головой, будто знал, что этот ответ неверный. Будто он хотел объяснить это самому себе. — Я не знаю, что мне готовит каждый новый день. Твоё присутствие успокаивает меня. Я чувствую себя в безопасности, — он нахмурился и закусил губу. — Нет, даже больше. Ты знаешь обо всём, что я чувствую. Ты знаешь кто я и принимаешь меня таким. Ты — единственная, кто в этот вечер будет со мной.

В груди появилась сладкая боль. Мне хотелось погладить его по щеке, успокоить, шептать, что всё будет хорошо.

— Пообещай, что станцуешь со мной, — он поднёс палец к губам. Ало-жёлтая комната казалась блеклым, размытым пятном. Я чувствовала ауру Валко всё сильнее и сильнее. Я не чувствовала ничего, кроме сплетения наших аур.

— Обещаю, мой Император.

Он наклонился ко мне ближе, я тянулась к нему. Мы одновременно закрыли глаза в ожидании поцелуя, но тут двери открылись.

В зале появился концертмейстер. Валко слишком быстро отстранился, отпустил мою руку и сел на середину трона. За считанные секунды он преобразился в достойного

императора с гордо поднятой головой и королевским взглядом. С его внезапно появившимся величием в моей груди появилась и тяжесть. Я выровнялась, стараясь даже на своём небольшом престоле выглядеть ему под стать.

На противоположной стороне зала, стал собираться оркестр. Они рассаживались и настраивали инструменты. Через считанные секунды, концертмейстер взял в руки бумагу и указал музыкантам, заставляя оркестр играть полонез. Внутри меня снова появилась эта тяжесть. Это происходит прямо сейчас. Они приближались. Все семьсот гостей.

Концертмейстер был так взволнован, что дважды уронил бумагу. Моё сердце колотилось в трепете. Я тянулась к жемчужинам на своём головном уборе, только бы отвлечься от всех тех эмоций, которые должны были меня окружать.

— Надеюсь, когда они будут входить по одному, тебе станет лучше, — пробормотал Валко, не отводя взгляда от парадного входа. Наконец, концертмейстер принялся объявлять первых гостей.

— Что вы имеете в виду? — я нахмурилась, но из-за беспокойства разум отказывался думать, как подобает.

— По традиции, мы с тобой должны были бы замыкать колонну и появиться последними. Но тогда в зале будет слишком много людей. И тебе пришлось бы бороться со всеми аурами сразу. А в этом случае ты сможешь рассмотреть каждую ауру по очереди.

— Вы хотите сказать, что устроили это... — украдкой, я удивлённо посмотрела на него ... ради меня?

Во мне проснулось странное покалывание. Я думала, что Валко хочет произвести впечатление гостеприимного хозяина, впуская дипломата последним.

— На балу присутствуют мои самые пылкие сторонники и худшие враги. О, это настоящий рецепт самого опасного блюда. Разве не в моих интересах сделать так, чтобы моя Имперская Прорицательница не подвергалась слишком сильному давлению?

— Да, конечно, Ваше Величество, — я уселась на стуле, немного смутившись его самонадеянности. Если дело заходило о политике, то он оценивал себя слишком высоко.

— Это то, что я сказал своим советникам, — уголки его рта едва изогнулись в улыбке. Так он выглядел ещё моложе, ещё прекраснее. — На самом же деле, Соня, я просто хочу, чтобы комфортнее было тебе.

Наконец, Валко отвёл взгляд от двери. Теперь он смотрел на меня, с настоящим теплом и даже любовью. Лёгкое покалывание снова появилось в моей груди, распространяясь по всему телу: от головы до пальцев рук и ног.

Я улыбнулась в ответ, затем резко вдохнула, когда церемониймейстер вновь объявил очередных гостей.

В дверях появлялись маршалы, государственные служащие, военные офицеры в лучшем своём обмундировании, дипломаты из Шенгли и Абдары со своей свитой, придворные Рузанина всех чинов, герцоги и герцогини, графы и графини, бароны и баронессы.

Как и говорил Валко, то, что гости заходили по одному, и правда, облегчало мою ситуацию. Я должна собрать в кулак всю свою силу, чтобы проявить её в нужный момент. Вдохнув, я вспомнила о том, как много мы тренировались с Пиа, чтобы я была готова к этому пиру. Я вспомнила всё, что знала.

Сначала я пыталась прочувствовать тех, кто присягнул Рузанину на верность. Все эти люди были разодеты в алые и золотые одежды, но от одежды императора они отличались достаточно сильно. В аурах некоторых мужчин, помимо недовольства от сбритых бород, я

чувствовала неприятные эмоции от того, что их шеи болели. Стало быть, все они брились неумело.

Но я могла чувствовать больше, чем всего лишь это.

Теперь, когда я могла отвлечься от ауры императора, меня окутали новые эмоции, упавшие на меня с новой силой.

Я смогла сконцентрироваться только на одном из баронов. Несмотря на то, что он опирался на трость, он танцевал как девчонка, которой хотелось, чтобы молодой хозяин заметил её новое платье. Я вздрогнула, когда две герцогини обменялись неприятными взглядами. Желудок сжался, когда одна из дам положила руку на свой собственный. Стало быть, действие чая. Многие же дворяне с трепетом и ужасом смотрели на меня, наблюдая, как я сижу выше всех, на почётном месте, которое до этого момента никогда не принадлежало Имперской Прорицательнице.

Один за другим, гости подходили к трону императора и кланялись ему, отдавая долг чести. Я же боролась с тем, чтобы всё, что было во мне, не вырвалось наружу.

— Сложно угадать, что произойдёт этим вечером, — тихо сказал Валко, чтобы это было услышано только мной. — Расскажешь мне, как иностранные дипломаты относятся к дипломату Эсценгарда и как он относится к ним. Во дворце мы улыбаемся друг другу. Но не забывай: на границах всё ещё идёт война.

— Я не подведу Вас, мой Император, — мой голос звучал так спокойно и собрано, как звучал церемониймейстер, объявляя каждого гостя. И, всё же, внутри меня что-то билось всё сильнее и сильнее, готовясь выйти на поверхность. Я чувствовала себя, будто чайник, из которого вот-вот выльется чай. Скорее всего, императрицу убили в этой самой комнате.

Я снова сжала в руке жемчуг. Я вся дрожала. Как я смогу это сделать? Как я смогу и контролировать себя, и охранять императора? Я с трудом сглотнула и стала рассматривать прекрасно одетых людей. Их было гораздо больше, чем крестьян у ворот монастыря.

— Мы находимся слишком далеко от пограничных войн, — напомнила я себе. — Все эти люди пришли на празднество. Они в хорошем настроении. Они — не голодающая толпа. Мне нечего бояться.

Пытаясь уговорить себя, я поймала себя на мысли, что рукой прошлась по чёрной ленте на запястье. Я и думать забыла о жемчужинах. Вспомнив о монастыре, я тут же вспомнила и обо всём, что там происходило. Казалось, приведения Прорицательниц собрались вокруг меня. Я вспомнила о том, что говорила Надя. «С тобой что-то не так».

— Ты уничтожила меня, — так бы сказала Юлия, если бы у неё были силы хотя бы пошевелить губами. В числе призраков был и мёртвый крестьянин. Как он был рядом, как его кожа покрывалась волдырями, как он обуглился, как умер из-за меня.

Я простонала, рассматривая гостей в зале. Я заметила даже стражей, стоявших прямо за ними. Они были дисциплинированными, организованными. У каждого входа, у каждого окна. И я чувствовала каждого.

После некоторого затишья, церемониймейстер вновь стукнул жезлом. Я ощущала, что откинулась на спинку. Создавалось впечатление, будто волосы тянут меня назад.

— Его Императорское Высочество, принц Антон Озёров.

Я тут же повернулась к парадной двери. В сиянии свеч стоял Антон, в чёрно-золотом кафтане, который был сшит точно по его фигуре. В его эмоциях не было точной определённости, но брови слегка нахмурились. И такая суровость делала его ещё прекраснее.

Внутри меня стало разливаться тепло. Я не единственная в этом зале, кто может

симпатизировать принцу. Но в одном я уверена: это тепло принадлежит только мне, это чувство моё.

В моей ауре появилась необъяснимая уверенность, любые другие эмоции оттеснялись на второй план. Уходили и призраки моего прошлого, страхась того чувства, что так сильно грело грудь. Я вдохнула, стараясь держать себя, соответствуя нормам приличия.

— Мой брат привлёк твоё внимание? Я угадал, Имперская Прорицательница? — сказал император, как только последние дворяне из дома Дионович отдали честь Его Величеству и побрели к своим местам. Валко слегка улыбался, но я чувствовала, как его ревность скребётся у меня внутри.

— Только потому, что он одет в чёрно-золотой кафтан, а не в ало-золотой, как остальные дворяне, — сказала я как можно естественнее, пожав плечом.

— Ммм, — взгляд Валко метнулся от меня к Антону. Его чувства внутри ранили ещё сильнее. — Он всегда из своего появления делает представление.

— Да, мой Император, — ответила я, хоть и считала, что Антон — мятежник и он выше всего этого. Император не имеет ни малейшего представления о том, что произойдёт сегодня, в Канун Морвы. В общем-то, как и я сама.

Я взглянула на Антона только однажды. Не получив ответа, перевела взгляд на оркестр. Я пыталась сосредоточиться на музыке, пыталась не думать о принце. Это дало свои плоды. Даже скребущие внутри чувства Валко утихли.

Через минуту после того, как принц был представлен гостям, люди стали громче. Их энергия стала сильнее, она была определённо презренной. Они знали, кто зайдёт следующим.

— Его Благородие, господин Флокруа де Бонпре, — объявил церемониймейстер. Антон отошёл от двери, не удостоив императора чести, как это следовало бы сделать по этикету, и проследовав на своё место. Вместо него рядом с церемониймейстером появился дипломат.

Кажется, мода Эсценгарда диктовала монохромность и лаконичность, так как его одежда была исключительно серых оттенков: шёлковый жилет, пышные галифе, чулки, а туфли на каблуках были украшены атласными бантами. На воротнике и манжетах красовались кружева; парик, собранный сзади в хвост, был сильно припудрен.

Он двигался вперёд, ведя за собой также одетых эсценгардцев. Но все они остановились, как только дипломат достиг трона и поклонился. Его рука будто «кувыркнулась» в воздухе.

— Мсье Бонпре, — император встал и улыбнулся, разговаривая с мужчиной на ужасном эсценгардском, с диким акцентом. Это заставило меня улыбнуться, но, всё же, я сдержалась. — Добро пожаловать в Торчев, сердце Рузанина.

Флокар осмотрел зал так, будто он был самым настоящим городом. Я вспомнила, как сама впервые оказалась в подобном помещении. Но ничего схожего в его взгляде я не заметила. Он был ослеплён тем, как много света здесь. Возможно, ему потребуется монокль.

— Весьма приятно, — сказал он достаточно низким тембром. По тому, как он выглядел, я ожидала услышать скорее звон колокольчика. Но, несмотря на такую внешность, я смогла заметить и широкие плечи, и накачанные икры, и крупные вены на руках. Кроме того, он, судя по ауре, требовал уважения. Я чувствовала, что даже Валко, несмотря на ровное дыхание, побаивался этого человека.

— Прошу Вас, займите своё место, — сказал он Флокару. — Должно быть, вы устали.

Валко подозвал пару слуг, и они тут же поставили серебряного цвета кресло около престола, на свободном месте. Я сдала руки в кулаки. Мне пришлось ещё раз подняться и

сесть выше. Я чувствовала себя отвергнутой.

По залу покатилась волна внутреннего возмущения. В этот вечер Валко нарушил протокол дважды: позволив мне сидеть рядом с престолом и пригласив иностранца к нам присоединиться, восседая выше всех.

Но император не обращал внимания на все эти предрассудки. Я в свою очередь позволила этим эмоциям отойти на второй план. Мне нужно было задействовать всё своё мастерство, накопленное за последние несколько недель, чтобы поддерживать внутри себя хотя бы шаткий баланс.

После того, как дипломат занял своё место, Валко подал слуге знак и тот тут же поднёс два бокала на серебряном подносе. Один из них взял Флокар, другой же схватил Валко. Когда он поднял его, настроение музыки оркестра стало более резким. Посмотрев на зал, я поняла, что у всех гостей есть напитки и они ожидают тоста императора. Я повернулась к прислуге в надежде взять кубок, но их подносы пустовали.

— Дамы и господа, гости Рузанина и из дружественных нам соседних земель! — голос Валко отражался от мраморных полов. Он широко улыбнулся. — Я не стану томить вас долгой речью. Я знаю, зачем вы здесь. Вы хотите праздновать! Так пейте же со мной и да начнутся танцы!

Люди закричали в унисон, опрокидывая свои бокалы. Бодрая энергия быстро промелькнула вверх, по моему позвоночнику. По повелению палочки дирижёра, инструменты музыкантов изгалялись в ритме эсценгардского вальса. Мои ладони загорелись с тем чувством паники, которое у меня возникло. Не подумав, я пообещала императору станцевать с ним. Даже несмотря на то, что единственный танец, который я знала, да и вообще танцевала в своей жизни — это танец с юбками, у Ромска. Наклонившись вперёд, я следила за тем, как танцуют пары, как они вращаются, какой ритм отбивают ногами, что происходит с их руками. Я пыталась это запомнить.

Валко, снова занявший своё место, сделал лёгкое движение. Я напряглась, ожидая, что в этот раз он снова поднимется и пригласит меня на танец. Однако он только сместился ближе к Флокару. Я была разочарована — между ними завязалась деловая беседа. Как же быстро император позабыл обо мне. В любом случае, это и к лучшему. Учитывая то, как много свидетелей здесь сегодня, его ухаживания могли бы стать весьма опасными для нашей репутации. К тому же, я должна была сосредоточиться на более важных вещах.

Снова всматриваясь в танцующих дворян, я изучала их, наблюдала за тем, как вспыхивают их чувства, когда рядом с ними оказываются интересные им люди. Мне приходилось всматриваться в их ауру глубже, чтобы понять, что скрывается за этим. Я всё ещё держалась за жемчуг, чтобы меня отвлекало хоть что-то, чтобы я не заражалась их эмоциями, чтобы я концентрировалась только на чувствах иностранных дипломатов.

Что-то внутри меня сжалось, когда я увидела их. Как и подозревал Валко, они оставались недовольными. Их взгляды были прикованы к трону и тому, как он общается с де Бонпре. Конечно, они уже сделали выводы и о будущей сделке, и о самом Валко.

Я сосредоточилась на членах делегации, пытаясь заметить каждое их движение, каждое подёргивание глаза, каждую деталь. Так мне было проще настроиться на то, что они чувствуют. Надёжнее было бы установить контакт с помощью касания, но, я думаю, Валко не будет благодарен мне, если весь вечер я буду ощупывать его гостей. Поэтому мне пришлось смириться с тем, что я смогу лишь наблюдать. И, всё же, связь с ними завязалась в прочный узел, даже несмотря на то, что, если я буду слишком сильно сконцентрирована, это

может вызвать у них плохое самочувствие. Я продолжала. Так или иначе, как бы послал это не нравилось, это было достаточно безопасно. Во всяком случае, не смертельно.

Немного расслабившись, взглядом я отыскивала Антона, перед этим рассмотрев всех танцующих людей. Принц вёл себя предприимчиво. Если он и обязан присутствовать на балу, то распорядится временем мудро. Он обсудит проблемы своей провинции с любым вельможей, который мог бы выделить спасительную сумму денег. Возможно, именно в этом и заключалась суть его схемы с Кануном Морвы.

Пытаясь отыскать Антона, я заметила и Пиа рядом с одним из банкетных столов. Она многообещающе подмигнула, наполняя чей-то кубок крепким напитком. Нашла ли она время, чтобы побыть с Юрием наедине? Я ждала, что она посмотрит на меня снова, и я смогу указать ей на стража. Он стоял в другом конце зала. Но её взгляд был весьма печальным.

Перед ней встал какой-то дворянин и закрыл её от меня. Он взял серебряный кубок и что-то добавил в напиток. Свет падал на его аметистовое кольцо. Я глубоко вдохнула. Кольцо на его мизинце.

Он — тот самый мужчина, который передал Антону письмо в тот раз? Человек с запиской о Кануне Морвы?

Мужчина обернулся, будто чувствуя, что я смотрю именно на него. Этому достаточно худощавому, с копной волнистых волос мужчине, было не больше сорока лет на вид. Из-за своей одежды, он напоминал цветок с коричневыми лепестками. Если бы мы встретились случайно, я бы не обратила внимания ни на что — только на слишком задумчивый взгляд. Он потягивал свой напиток, его глаза кого-то искали, и он точно знал, кого.

Когда я поняла, кто это был, моё сердце ушло в пятки, прямо к моей атласной обуви. Антон танцевал. Антон, человек, который не обременяет себя протоколом, танцевал. Торжественно, принц положил руку на дамскую талию, зажимая вторую руку в её протянутой руке. У неё были рыжие волосы, на лице выступал румянец, но самое прекрасное — её грация: она буквально скользила по мраморному полу.

Во мне проснулось что-то горькое и тёмное, а по венам побежало резкое тепло. Кто она? Кто эта женщина, с которой он танцует? Почему он обращает внимание на неё? Почему он не смотрит на меня? Почему не обращал на меня внимания, пока я не оказалась в его комнате?

Я стиснула зубы, чувствуя, как на лице появляется самодовольная улыбка. Антон мог танцевать со столькими партнёршами, со сколькими бы захотел. Неужели он думает, что и правда так сможет отвлечь меня от того, зачем он действительно здесь появился? Если это так, то он неправ. Потому что теперь я точно знаю: в сговоре с ним и дворянин с серебряным кубком, и Юрий. То, как мужчина выискивал принца в толпе и само его кольцо были достаточно подозрительными вещами, чтобы включить их в список доказательств.

Я стиснула зубы, хоть мой внутренний голос и молил меня о том, чтобы я подошла к Антону, чтобы сошла с престола, чтобы помешала ему. Но мне нужно было оставаться спокойной. Если бы я отошла хоть немного, император тут же отвлёкся бы и стал за мной следить. Я не хочу, чтобы он подозревал меня в том, о чём я ещё сама не знаю. Как бы меня это не раздражало, мне приходилось смотреть часами на Антона, Юрия, того дворянина. И ждать. Скоро наступит полночь. Его Антон думал, что сможет уберечь меня ото всей этой дворцовой политики, то он ошибался. Я не наивная девочка, не простушка. Я не та, кого он мимолётно пытался спасти от страданий. Почему он не может быть со мной на публике?

Почему мы выясняем отношения только за закрытыми дверями?

Дипломат смеялся над шуткой Валко, и я немного приблизилась к ним, пытаюсь услышать её конец. Он рассказал её Флокару, однако не поделился ею со мной. И мне было досадно. Очередной брат Озёров, который решил сделать вид, будто меня не существует. Я знала, что это смешно. Я не должна жаловаться на то, что чувствую себя брошенной, но я ничего не могла с собой поделать. Я была Имперской Прорицательницей, но, кроме этого, я оставалась девушкой. Девушкой, которую, пусть и против её воли, но наряжали целый день; девушкой, которая в жизни заводила слишком мало друзей. И, как и любая гостья этого бала, девушкой, которая хотела быть замеченной. Девушкой, с которой будут разговаривать и которой подарят обещанный танец. Вместо этого я сидела на троне, рядом с императором, будто в ловушке своего собственного одиночества. В тот момент как все остальные гости были абсолютно свободными. Они веселились и делали всё, что им заблагорассудится.

Мои печаль и обида росли как на дрожжах, кажется, уже начиная гноиться. Хотелось уничтожить в себе любые девчачьи мечты. Когда я посмела подумать о том, что я такая же, как и они? Я — Прорицательница. У меня нет ни прав, ни свободы. К тому же, я не заслуживаю счастья. Если Ромска ошиблись и Боги существуют, однажды, за всё то, что я сотворила, я окажусь в глубокой-глубокой яме под всем этим миром. И я это заслужила. Я — часть тьмы.

Моё сердце забилося в медленном, мучительном ритме. Я посмотрела на синие, тонкие вены на запястье императора. Я представила, как их разрезает острый край лезвия. Так, как делала Юлия, чтобы облегчить свои страдания. Их кровь была бы такого же цвета, как рукава Валко и ковёр под его ногами.

Вальс закончился, а вместе с ним в прошлом остались и мои мысли. Я стала дышать чаще. Мне хотелось, чтобы я больше не вспоминала об этом, чтобы вина, кровь, смерть, всё это ушло навсегда. Может, мне не стоит мучить себя во время бала? Неужели я не могу подождать, чтобы потом остаться наедине со своей фигуркой Фейи?

Пытаясь отыскать способ отвлечься от самой себя, я зацепилась за ауру Валко, продолжая подслушивать его разговор с Флокаром де Бонпре.

— Когда мадам Валуа приедет в Торчев, её визит не будет незамеченным, — сказал Валко. Он взмахнул рукой перед собой так, будто рисовал картину. — Она будет ехать в карете, запряженной десятью прекраснейшими лошадьми. Её будут сопровождать лучшие конницы, самые благородные лорды Рузанина. Перед ней весь путь будет устлан лепестками роз, а ворота во дворец откроются с мелодией сотен волшебных колокольчиков.

Я была удивлена тому, что сказал император, но его слова и правда меня отвлекли. Его брак с Долфин и правда уже оговорен? Так скоро? Заседание совета вместе с дипломатом было назначено завтра днём. Я ожидала, что это будет оговорено завтра, а не сегодня.

— Долфин просто обожает, когда к ней проявляют так много внимания, — сказал Флокар, закидывая ногу на ногу, как это было модно в Эсценгарде. Он облокотился на спинку и жестом подозвал слугу, чтобы тот обмахивал его лицо. — Хотя пристрастие к белым лошадям с тёмными пятнами на шкуре, я точно разделю с ней. Имеются ли у Вас такие лошади?

— Конечно же, — Валко наклонился, чтобы посмотреть на Флокара. В его ауре было так много лжи, что она текла по моим венам. Император понятия не имел где достать таких лошадей. Они были типичным явлением для Эсценгарда, и я почувствовала, что дипломат понимает эту ложь.

— Ромска торгуют такими лошадьми на Орельхельме, каждое лето, — сказала я, чувствуя, что должна поддержать Валко. Будто это могло бы ему помочь.

Брови Флокара поднялись. Я слишком поздно поняла, что, подслушивая их разговор, нарушила этикет. Он прищурил один глаз, рассматривая меня. Я же чувствовала, как мои щёки горели. Надеюсь, это относилось не к Валко. Надеюсь, он не смущается и не стыдится, если я открываю рот. Если же это так, позже он перекинется со мной парой слов. А может и не только слов. После того поцелуя у меня до сих пор болела спина.

Император поднял голову, чтобы посмотреть на меня. Я посмотрела на его шею. Такая же длинная, как и у Нади была когда-то, когда я заперла её в восточном крыле монастыря. А что, если часть меня хотела, чтобы Надя умерла? Мы с Юлией часто представляли, как кто-то душит её, как её мёртвые глаза смотрят вверх. Мы с ней шутили об этом. Но я должна была понимать, что рано или поздно эти мысли овладеют мной настолько, что я решусь на что-то кровавое и безумное. Тогда я не представляла, скольких жизней мне это будет стоить.

— Что молодая Прорицательница может знать о цыганах? — я вздрогнула, когда Флокард стал говорить. — Разве ты не провела всю жизнь в монастыре, в Ормине?

Моё сердце стало биться чаще, когда я попробовала прогнать поток ужасных мыслей. Я не могла смотреть Валко в лицо. Я боялась, что в моих глазах он увидит боль. Мне потребовалось время, чтобы вспомнить о том, о чём мы разговаривали. Я сказала дипломату, где Ромска торгуют лошадьми.

— Мой брат имел дело с лошадьми этой породы, — ответила я. — Он писал мне письма.

Ложь. У меня был старший брат, но он умер, когда абдаряне напали Бовален, мой родной город, пять лет назад. Во всяком случае, так рассказали мне Ромска. Сама я не помню ни этого, ни даже лица брата.

Некоторое время, он изучал меня. Его взгляд остановился на том месте, где я прижалась плечом к трону императора. Он посмотрел на Валко так, будто он должен был едва ли терпеть такую со мной близость. Возможно, такое с людьми вроде меня, терпеть ему было запрещено.

Стыд и тьма вновь поглотили меня. Я старалась держать рот на замке изо всех сил, только бы ничего постороннего, выражавшего мои чувства, не вырвалось.

В конце концов, Флокард поджал губы и поправил кружева на своих рукавах.

— Надеюсь, ваши законы строги к цыганам, — отметил он, обращаясь к императору. — Они отвратительны. Всегда просят, всегда переезжают. Настоящая чума культурного мира. Вот почему Эсценгард приложил немало сил, чтобы уничтожить их. Несколько лет назад, когда их стало слишком много.

— Как печально для вас, — выплюнула я. Теперь он был ужасен. Желчь в голосе поднялась так быстро, что я забыла и думать о своих воспоминаниях.

— Это и правда было печально, — не обращая на мою злость внимания, Флокард вздохнул и покачал головой.

Я царапала ногтями ладонь, ощущая ложное сострадание.

— Но, для поддержания порядка, королевство... или же, позволю себе сказать, империя, — добавил он, посматривая на Валко. — Монархия должна быть готова к разным решениям, если они послужат благому будущему. Даже если придётся уничтожить цыган или... упразднить блудодеяние, — сморщив нос, он посмотрел на меня. — Широко известно, что эсценгардские дамы ценят в партнере, прежде всего, верность.

Я отпрянула, поняв, что меня смутили и оскорбили. Он намекал, что это я здесь блудница? О каких деяниях Прорицательниц в Эсценгарде я не в курсе?

Я вдохнула, чтобы сказать ему, что его идеалы — это убийства, что я думаю о нём и его «благом будущему». Но тут Валко резко встал.

— Могул и я показать Вам нашу казну, господин де Бонпре?

Флокуар моргнул, но быстро оправился от удивления, а я не скрывала своего. Что император сделал? Он защищает меня?

— Спасибо, — сказал дипломат, встав и выпрямив всю свою одежду, поправляя затем свои кружева.

Я потянулась к ногам, моё тело ныло от одной только мысли, что я должна провести с ними ещё час. Это всё, что я могла сделать, чтобы сдержать свои чувства и не выцарапать ему глаза.

— Соня, ты останешься здесь, — голос Валко был твёрдым. Он сжал мою руку, когда я попыталась подняться вместе с ними.

— Но, — сказала я, посмотрев на дипломата. — Я ваша защитница.

— Значит, защищай меня отсюда, — император стиснул зубы. Он отвернулся и спустился с возвышения, на котором находился его трон. Флокуар печально улыбнулся мне, затем последовал за императором.

Я скрестила руки на груди, наблюдая за тем, как спускается де Бонпре, изо всех сил сдерживая своё кипящее бешенство. Человек, смотрящий сквозь пальцы на «убой скота». Бездушный щёголь. Я вспоминала все ругательства, которые только знала. Я готова была лопнуть. Почему Валко сердится на меня за то, что я его «оскорбила»? Его речь перед началом банкета заставила меня чувствовать себя кем-то почитаемым. Почему он не защитил меня, когда Флокуар буквально назвал меня девкой?

Когда Валко и де Бонпре приблизились к парадному входу, оркестр смолк и дворяне поклонились императору. Несколько рузанинцев и эсценгардцев последовали за ними. Я ходила взад-вперёд. Во всяком случае, император будет защищён. Не то, чтобы я волновалась. Может, так даже и лучше. Учитывая то, какие мысли меня одолевали, может, будет лучше, если Валко окажется дальше от меня.

Когда последний страж из окружения Флокуара покинул зал, я обернулась на девушку-эсценгардку, которой лет было почти столько же, сколько и мне. Вместо серых шелков, которые надели на себя её земляки, она отдала предпочтение чёрному платью, которое совершенно не шло к её коже землистого цвета. Печали образу добавляли и запавшие глаза, унылое выражение лица. Единственное, на что можно было полюбоваться — это прекрасный каштановый оттенок волос. Если бы она улыбалась и показала хотя бы искру жизнерадостности, она была бы очень красивой девушкой.

Как бы я ни старалась считать её эмоции, как бы я не пыталась сосредоточиться, мне не удавалось угадать, почему она здесь, с дипломатом. Но, как только она шагнула к порогу зала, она окинула меня взглядом. Волосы на моих руках поднялись, её любопытство было абсолютно точным отражением моего. Её энергия была слишком знакомой. Она ворвалась в меня и будто расшатывала клетку, пытаясь освободиться.

Именно тогда я осознала, кем она была. Я поняла, почему не могу понять её чувств, также как и чувств Даши, Киры, когда они были в монастыре в Ормине.

Она была такой же Прорицательницей, как и я.

ГЛАВА 18

Я ахнула. Эсценгардка посмотрела на меня, затем скрылась с глаз долой. Мои мысли были слишком громкими, я пыталась понять всё то, что только что почувствовала.

Прорицательниц было слишком мало. Как девушки, способные чувствовать весь спектр эмоций других людей, мы притягивались друг к другу, будто в нас текла одна кровь. Это давало мне надежду, что в монастыре я отыщу друзей. Но я выделялась даже среди них. Я была слишком странной, слишком необычной. Я коснулась ленты на запястье. У меня было слишком черное сердце.

Я ринулась к краю помоста, чтобы последовать за девушкой, но опустилась назад, на своё место, когда поняла, что не могу. Она должна была сопровождать Валко и Флокара по пути в казну. Мне же император приказал оставаться на месте. Я села на своё место также грациозно, как жаба восседает на грибе.

По мере того, как возобновились танцы, я гордо подняла голову, вспоминая о своём долге Прорицательницы. Наблюдая за балом, я смогу отвлечься, пока эсценгардка не вернётся. У меня к ней так много вопросов. Она служит Флокару — дворянину, не члену королевской семьи. Интересно, это правда, что в её стране Прорицательницы не принадлежат двору? Они и правда, продаются как рабы, но за самую высокую цену? Я слегка усмехнулась. Здесь так часто хвалят культуру Эсценгарда. А что по поводу замечания де Бонпре о блюде? Может, эта девушка тоже попала в такие сети? От одной мысли об этом, я вздрогнула.

Глазами я отыскивала в зале Антона. Он танцевал. Снова. На этот раз, с ним была девушка с волосами цвета вороньего крыла. Кажется, она была из Рузанина, но из-за янтарных глаз и приподнятых их уголков, можно было подумать, что она из Шэнгли. Принц думает о том, что чувствуют Прорицательницы? Наша судьба в Рузанине и правда была ужасной.

— Ты не могла стать свободной, как бы не старалась, — сказал мне однажды Антон. Он говорил так, будто понимал, что Империя несправедлива. Как и я. И он знал, что всё будет именно так. А несправедливость эта привела меня к тому, что я стала Имперской Прорицательницей.

Я ещё раз попыталась сосредоточиться на своих обязанностях, важно это или нет. Не имеет значения. Если я не справлюсь со всем тем, что на меня возложили, Даша и Кира будут вынуждены занять моё место.

Я решила сделать всё возможное, чтобы защитить императора. Я окинула взглядом людей внизу, пытаясь осознать, что они ощущают. Моя защита пала и теперь все чувства знати набросились на меня, будто кошки. Я откинулась к спинке и моя рука тут же потянулась к жемчугу. Это помогло мне вернуть хотя бы долю своей защиты оставить только небольшую брешь, чтобы исполнять свои обязанности. Первые, на кого я обратила внимание — это иностранные дипломаты. И, так как Валко отсутствует, я имею полное право покинуть трон и оказаться в гуще людей.

Представители Шэнгли перешептывались между собой. Я чувствовала их раздражение, но сейчас оно было не таким сильным, как раньше. Посланники Абдары же разговаривали, перемешивая в своих кубках водку. Заманчиво, но пила даже дама. Для этого она приподняла ткань, закрывавшую её нос и губы. Когда я пыталась понять, что же она чувствует, мои ощущения были нечёткими. Может, они пили за здоровье нашей империи.

Проверив дипломатов, я прошла немного дальше, в другую часть зала, где превосходно проводили время вельможи Рузанина. Как и дипломаты, они тоже были слегка одурманены напитком. Я успокоилась, понимая, что они абсолютно безопасны для

императора. Но неподалёку появился очаг беспокойства, и я сама не заметила, как снова отыскивала Антона.

Танец за танцем, я наблюдала за ним. Сжимая свои рёбра, я представляла, будто в его руках не одна из тех девушек, а я. Я сравнивала себя с каждой из них. Все они буквально купались в его внимании. Возможно, я преувеличила. Но, во всяком случае, по моим подсчётам, в его руках оказалась вот уже девятая. И эта девятка для меня казалась сотней. Антон ни разу не заговорил с тем дворянином с аметистовым кольцом, ни разу не перекинулся словом с Юрием. И ни разу его взгляд не остановился на мне, даже несмотря на то, что Валко ушёл. Его глаза наблюдали только за дамами, которые были перед ним.

Их яркая одежда, будто слилась воедино, а ауры соединились в такой божественной идиллии, что я понимала: такого мне никогда не достичь. Я чувствовала, будто эти двое ополчились против меня. Она знала, как сделать так, чтобы на лице принца появилась улыбка, как беседовать с ним мило и поддерживать разговор, как наклониться так, чтобы его рука легла прямо на её спине.

И терпеть это я больше не в силах.

Когда мелодия оркестра достигла наибольшего напряжения в самом конце, я подошла к Антону также, как и те девушки. Его партнёрша была на порядок младше, поэтому она вежливо ему поклонилась.

— Не хочешь станцевать со мной? — когда она ушла, я обратилась к принцу. Моя речь была настолько спутанной и не поддающейся канонам солидности, что окружающие меня дамы стали хихикать. Но я подняла голову, показывая, что настроена решительно.

Он нахмурился, пригладил ткань кафтана, затем посмотрел не на меня, а на мой нос. Этот же трюк он использовал, когда мы ехали сюда на тройке. Это и правда, хорошая уловка, чтобы делать вид, будто между нами расстояние намного больше.

— Соня, Прорицательницы не танцуют. Не в Торчеве.

— Танцуют. Мне пообещал танец сам император.

Принц выглядел слегка раздосадованным. Мой желудок сдался, будто я выпила прокисшее молоко. Я надеялась, я верила, что это заставит его ревновать. Также сильно, как и эти девушки заставили меня ревновать его.

— Тогда тебе стоит беречь свои силы, — сказал он, пытаясь уйти от меня как можно более культурным образом. Он кивнул нескольким вельможам рядом. Они о чём-то громко разговаривали.

Я бросилась вперёд, догоняя его. Нет, он не может вот так просто отделаться от меня. Ауры заигрывавших с ним дам буквально текли по моим венам. Они усиливали мои собственные желания, они придавали мне смелости.

— У меня достаточно сил для двух танцев, — объявила я, в спешке приподнимая платье, чтобы не споткнуться. На самом деле, мне было не так хорошо. Даже несмотря на то, что я стояла на одном месте, моё сердце билось в бешеном ритме, а дыхание участилось. И я понимала, что это всё — действие чая. Я будто пиявка присосалась к аурам женщин, стараясь поддерживать себя. Съем что-нибудь позже. Сейчас мне нужно разобраться с Антоном.

— Рад, что ты хорошо себя чувствуешь, — он налил себе в кубок немного водки. — Я же уже чувствую усталость.

Я сжала руки. Ещё не полночь. Из-за этих танцев он не уйдёт с бала. Может, он даже не уйдёт, когда настанет время. Он может повернуть своё дело именно здесь.

Я подавляла своё желание обнять его, будто нищий на площади. Всё, чего я хотела — это один танец. Более, того, я чувствую, что заслуживаю этого. Я заслуживаю этого шанса станцевать с принцем, заслуживаю шанса показать в присутствии стольких людей, что достойна его компании. Если бы он подарил мне хотя бы один танец, я могла бы надеяться на что-то большее. Или, даже лучше — научиться управлять своей тёмной душой.

Антон сделал большой глоток, осматривая танцующие пары. Его губы сжались в одну тонкую линию.

— Его здесь нет, — сказала я, имея в виду императора.

— Я знаю, повременив, ответил Антон.

— Дворяне заметят, что мы обмениваемся знаками. Даже, если мы не разговариваем, — я сложила руки на груди. — Хотя я и уверена, что из-за музыки нас никто не услышит. Во всяком случае, не из этой части зала, если ты беспокоишься только об этом.

— Соня, что тебе от меня нужно? — Антон вздохнул. В моей груди, в области сердца, появилось сильное покалывание. Он не сводил с меня глаз.

Я замаялась. Чего я хочу? Что между нами происходит? Может, его чувства оживают, только когда весь дворец спит, и мы закрыты от этого мира? Это только моя фантазия или Антон и правда, иногда заботился обо мне, а не просто защищал от влияния своего брата?

— Всего лишь танец, — ответила я.

— Нет. Ты хочешь больше, чем танца. Ты даже не понимаешь, чего хочешь ты на самом деле. Я знаю тебя. Ты отражаешь чужие чувства, не свои собственные. Отпусти их.

Мой рот приоткрылся. Во мне вспыхнул гнев, и я хотела выдохнуть его вместе с тем, что чувствовала. Но более сильная, безразличная часть меня хотела отыскать в его словах тёплый скрытый смысл. Но он отталкивал меня.

— Я не зеркало, Антон. И меня нельзя разбить на сотни осколков, как стекло. У меня есть собственные чувства. Ты сказал мне слишком много. Разница между тобой и мной в том, что я не прячу свои эмоции. И часть меня, которая принадлежит мне, может показываться сквозь эмоции других.

— Ты не можешь знать всей правды о человеке, зная лишь о его эмоциях, — говорил он, защищаясь.

— Но на них-то я точно могу положиться, — пошутила я. — И ты прячешь больше, чем свои эмоции. Ты скрываешь свой потенциал. И ты бы осознал, что это, если бы принял себя, — он не ответил, поэтому я стала говорить тише, даже несмотря на то, что здесь нас всё равно никто не мог услышать. — И так ты мог бы сделать больше, чем любой житель Империи.

— Соня, тише! — он поставил свой кубок на стол так резко, что остатки выплеснулись. — Пожалуйста, иди.

На моих глазах показались слёзы разочарования. Я просто пыталась показать ему, как я вижу ситуацию. Я развернулась, чтобы уйти от него, сесть на свой трон. Но Антон прошёл мимо меня. Он пригласил на танец другую, даже несмотря на то, что кадрили подходил к концу. От моей кожи буквально шёл пар. Сквозь дымку своей ревности, я приняла безумное решение. Я уверена в этом. Я осмотрелась в зале, пытаюсь отыскать кого-то. И не просто кого-то, а того человека с аметистовым кольцом. Он сидел в углу, смеясь и беседуя со знатью.

— Ваше благородие, — я присела и поприветствовала его, как того требовали обычаи.

— Имперская Прорицательница, — его глаза округлились. Мужчины рядом же

переглянулись. Внутри меня появилось что-то похожее на панику. Неужели, я заставила их нервничать? Нервничали это все они или только нужный мне человек?

— Вы знакомы с его Императорским Высочеством принцем Антоном? — спросила я.

Бабочки внутри забились сильнее. Мужчина бросил взгляд в толпу, пытаясь отыскать принца, однако я не обернулась, чтобы узнать, отыскиали ли он его.

— Каждый дворянин с ним знаком, — с улыбкой ответил он, хоть она и не была широкой.

— Ну, — я сомкнула глаза. — Мы с принцем заключили небольшое пари. Он посмел сказать, что я не настолько решительная, чтобы подойти к баронам и пригласить самого прекрасного из них на танец.

Я попыталась догадаться, каков у этого человека статус. Если брать во внимание его хорошую одежду и манеру поведения, он казался по статусу выше, чем другие дворяне в этом зале.

Мужчина усмехнулся, и крылья бабочек внутри забились медленнее.

— Даже так? — он посмотрел на меня. — Боюсь, я не могу согласиться.

— Да ладно, Николай, — один из молодых людей похлопал его по плечу.

— Николай? — спросила я. Я вспомнила о письме Антона, и написанное там имя сверкнуло у меня в голове. — Николай Ростов?

— Собственной персоной, — пожал плечами он.

— Позвольте мне угадать. Вы отказали мне потому, что вы граф, а не барон?

— Вы меня разоблачили, — его усмешка расширилась. Подходя ближе, он добавил. — Хотя, если бы Антон захотел нарушить правила, я бы с радостью помог Вам выиграть пари.

— Боюсь, что он этого не сделает, — я всплеснула руками. — Если вы знаете принца, то знаете и то, что своими принципами он пренебрегать не будет. Я должна найти кого-нибудь другого. Чуть менее притязательного.

Дворяне позади графа Ростова сразу же оживились. Я одарила их улыбкой и развернулась, направляясь к своему трону.

Я не хочу приглашать на танец кого-то ещё. Думаю, сегодня в этом зале достаточно дам, которые захотят станцевать со всеми кавалерами. К тому же, подсказав мне, Николай дал мне ещё один кусочек загадки Антона. Чем больше доказательств я найду, тем скорее принц поделится со мной своими планами и тем быстрее поймёт, что мне можно доверять.

Дойдя до своего места, я повернулась лицом к залу. Там, в дальнем углу, я увидела то, чего ожидала увидеть весь вечер — Антон сосредоточил всё своё внимание на мне.

И довольным его точно назвать нельзя было.

ГЛАВА 19

Я думала это к лучшему. Пусть принц немного помучается. Я надеялась, что он видел, как я разговаривала с Николаем и теперь точно знает, что я не буду сидеть, сложа руки. Я не забыла ту часть письма, которую успела прочитать так давно.

Я подняла голову и отвернулась в первую очередь от Антона. Так я ощущала некоторую власть. Пусть это и смешно, но я чувствовала себя потрясающе.

На пьедестале не было никого, кроме меня. Какое-то необъяснимое тёмное чувство, будто змея, извивалось внутри меня. Я пыталась выдохнуть, изо всех сил старалась избавиться от этого чувства, но оно овладевало мной ещё сильнее. Я снова посмотрела на Антона. Ему ли это принадлежит? Так как я и правда заиклилась на его ауре. Но ни разу до этого я не чувствовала настолько сильного волнения.

Музыка стихла. Дворяне вновь столпились у парадного входа в ожидании. Валко и Флокар вновь вошли в зал. Они и правда были в казне слишком долго, после чего я задалась вопросом о том, какого же размера наш эрарий? Сколько богатства в замке?

Когда за ними ринулись и охранники, я увидела, что Юрий немного отстаёт от остальных. Через пару минут появилась и Пиа, слишком быстро подбегая к одному из столов. Когда она взглянула на меня, от улыбки на её щеках появились ямочки. Она буквально светилась. Кажется, она всё-таки смогла станцевать с Юрием. Во всяком случае, одной из нас сегодня точно повезло.

Всматриваясь в толпу, я пыталась отыскать ту эсценгардку, но девушки с запавшими глазами и каштановыми глазами не было нигде.

Во мне проснулось ещё одно чувство, горькое и вязкое, как дёготь. Приближаясь, император вторгался в мой разум, просачивался в моё сердце. Ненависть к себе, которую я чувствовала до его ухода, теперь ударила с новой силой. Я снова стала думать о крови Юлии, о смерти Нади, о том крестьянине, который умер только из-за меня.

Есть ещё множество способов умереть. Удушье. Голод.

Что бы я чувствовала, если бы вот так держала подушку у чьего-то лица? Кто мог бы подпустить меня к себе так близко, чтобы мне это удалось?

Может, император?

Я медленно накручивала на палец прядь волос, наблюдая за ним. Перед глазами будто туман, будто темнота просачивалась в меня через глаза. Сегодня вечером я могла бы постучаться к Валко в дверь. Пусть он меня поцелует, пусть не только поцелует, пусть зайдёт дальше. И, пока он будет спать у меня на руках, я могла бы украсть его последний вдох.

Направляясь ко мне, он тепло улыбнулся. В его взгляде была гордость. Сомнений нет: его встреча с Флокаром была успешной, причём, настолько успешной, что он был готов простить мне все мои проступки. Я уже представляла его горячие пальцы на своей коже. Что, если все эти чувства я захочу уничтожить?

Дворяне пали на колени, когда император пересекал зал, направляясь прямо к трону. Я ограничилась реверансом: в такой близости было не этично его игнорировать. Сейчас не время думать о моих намерениях. Он и сам скоро о них узнает.

Я привстала и посмотрела на него из-под ресниц. Вкус его смерти на моём языке казался сладким сахаром.

Благоразумные мысли тут же стали появляться у меня в голове. Когда император обидел меня настолько, что я должна желать ему смерти?

Дав лёгкий жест рукой слуге, Валко приказал оркестру вновь заиграть их музыку, а дипломату тот час же принесли кубок водки. Он обхватил его большой рукой, и хитро улыбаясь, выпил до дна.

Увидев то, как он улыбается, я почувствовала, как во мне снова извиваются змеи того самого чувства. От союза с Эсценгардом Рузанин только выиграет. На наших восточных границах не будет войн, их армия пополнит нашу. А сам Валко сможет вторгнуться в Шенгли со всей этой силой, даже несмотря на то, что это решение является не самым мудрым.

Но что от сделки с нами получит Эсценгард? Мы окружены с трёх сторон, а у них есть море. И, тем не менее, пограничные войны наносили вред и нам, и им.

Змеи, всё ещё сидевшие внутри, заползли под рёбра, сжимая мои лёгкие.

Это правда, Рузанин менее укреплён, но, всё же, наша казна была больше. Да, наше

богатство едва ли помогало бедным людям или же объединяло жителей империи так, как например культура Эсценгарда, которой все так гордились. Тем не менее, они были достаточно богатыми и без нас. Но я знаю наверняка: жажду жадности они не утолят никогда.

Отпив немного из следующего кубка, Флокар поднял глаза, но теперь только для того, чтобы посмотреть на зал. Сейчас его взгляд был радостнее, чем при первой встрече. Он взвесил всё, что ему довелось увидеть. Может, мы в его глазах и дикари, но золота у нас достаточно.

Тем временем, змеи добрались и до моего сердца.

— Я готов танцевать! — широко улыбаясь, объявил Валко. Эта речь предназначалась не только нашим ушам, но затем он обратился исключительно к де Бонпре. — Надеюсь, что и вы воспользуетесь возможностью узнать наших рузанинских красавиц. И я займусь тем же. Надеюсь, теперь у вас будут доказательства того, что мадам Валуа достанется не только ловкому танцору, но и человеку, способному хранить каждое её хрупкое украшение.

Флокар кивнул, но его глаза сосредоточились на мне, в ожидании следующего хода императора. Однако когда Валко выбрал одну из дам первого ранга и вывел к танцующим парам, дипломат расслабился. Тем не менее, напряженной оставалась я. Я пыталась обнаружить в его ауре что-то ещё. Казалось, это моё самое важное задание.

Но я старалась так сильно, как только умела. И, всё же, пока император танцевал вальсы, менуэты и менял партнёров, я не могла найти доказательств того, что тьма во мне принадлежит именно Флокару. Каждый раз, когда мои зубы сжимались, а нервы были на пределе, казалось, он просто скучает. Да и его брови не двигались каждый раз, когда я вспоминала о тех жутких образах из моего сознания.

Может, стоило уже наконец-то признать, что во всей моей позорной истории и в том, что мои барьеры ослабели, во тьме, заключённой во мне, виновата именно я.

После окончания контрданса, Валко распрощался со своей партнёршей и направился ко мне, затем, взяв за руку, слегка провёл по ней большим пальцем. Его след горел, будто поцелуй. Что-то в моей груди стало дрожать. Будто цветок, готовый завянуть от того, что у него слишком мало света. И, всё же, он ещё жив.

— Ты готова исполнить обещание, имперская Прорицательница? — сказал он. Нет... Он просил. Будто в нём внезапно заговорил слишком вежливый молодой человек. Он спрашивал меня также спокойно, как и я спрашивала Антона. Цветок внутри меня, кажется, вновь стал распускаться.

Те незначительные мелочи, которые я чувствовала в поведении Флокара, становились всё более заметными. Он сузил глаза и смотрел только на нас. Что-то мне подсказывало, что я не должна танцевать с императором именно сейчас. Мне нужно сосредоточиться на своих обязанностях. Но я не могла. Я не могла отказать Валко так же, как мне отказал Антон.

— Я готова, Ваше Величество, — я присела. Моя рука до сих пор была в его руке. Несмотря на ту темноту, что была во мне, несмотря на мои подозрения о Флокаре, я хотела, чтобы этот танец состоялся. Я хотела наконец-то побыть обычной девушкой.

Валко поцеловал мою руку, заставляя де Бонпре напрячься. Но, не обращая на это внимания, император вёл меня в гущу танцующих дворян. Он отвёл меня немного назад, чтобы у нас было больше места, но, тем не менее, для меня воздух был всё ещё слишком плотным, чтобы свободно дышать. Валко взял меня за талию, затем вытянул одну руку и мы закружились в вальсе. Я не знаю, почему мои ноги дрожали. То ли от того голода, который я

чувствовала, то ли от того, сколько совершенно разных аур танцевали вокруг.

— Мой император, мне бы не хотелось смущать Вас, — сказала я, спотыкаясь от ритма танца. Не так. — Но я никогда не училась танцевать.

— Расслабься, положишься на меня. Я поведу, — он усмехнулся так, будто то, что я сказала, было самой очевидной вещью в этом мире. Повиновавшись ему, я почувствовала, как мы, словно по волшебству, закружились в круге танца. Я чувствовала себя элегантной принцессой, нога в ногу следуя за Валко. Он смотрел на меня постоянно, как бы сильно мы не кружились. Свет ярких свеч кидал блики на его серые глаза.

Как же он добр со мной. Как терпелив.

— Нет, — часть меня, погруженная во тьму, заставила исчезнуть все хорошие мысли. — Он думает, что я слаба и ему это нравится. Ему нравится быть сильнее меня.

Мы всё ещё продолжали танцевать. Я боролась со своим головокружением, навеванным не только движениями, но и аурами гостей; их любопытными взглядами на то, как Имперская Прорицательница танцует в паре с императором. Но головокружение, будто лёгкую утреннюю дымку, развеяла тьма внутри. Вместо радостных и любопытных людей — вид яда, острых ножей, множества верёвок и стекающей перед глазами крови.

Думай, Соня, думай. Тьма не может полностью принадлежать мне.

Вскользь я обратила внимание на разодетого в дорогие одежды Флокара. Эсценгардец беззаботно опёрся на локоть, но, на самом деле, беззаботным это не выглядело. Он смотрел на меня. Я представляла для него угрозу, но сама я не могла понять, почему.

Валко вновь закружил меня в танце, заставляя отвлечься от де Бонпре и переключиться на Антона. Он беседовал с самой разодетой на этом балу женщиной. Бой часов. Через пятнадцать минут настанет полночь. Я представляла, как принц нетерпеливо стучит по полу сапогом.

Мы описали круг возле графа Николая Ростова и его друзей-дворян. Когда раздался бой, его улыбка дрогнула. Я чувствовала, как паника графа бьётся внутри меня невольной бабочкой.

Ближайшие три круга я пыталась отыскать Юрия, но его не было в зале, как и Пиа. Что, если они решили провести вместе ещё немного времени? Юрий вернётся сюда для того, чтобы присоединиться к Антону? Или же каждый, кто задействован в этом плане, будет действовать в одиночку, выполняя свою роль?

Я вновь задалась вопросом. Где же эсценгардская Прорицательница? Может, она скользнула внутрь через оркестровую дверь? Но её не было нигде: ни в рядах эсценгардцев около престола, ни в углах зала, где сосредотачивалась прислуга.

Валко развернул меня вновь. Но теперь мои колени затряслись. В помещении появился новый человек. Его шелковый коричневый, скорее всего даже не принадлежавший ему, кафтан совершенно не отвечал требованиям сегодняшнего этикета, сидел на нём не слишком хорошо. В отличие от дворян Рузанина, у него была борода. Даже несмотря на то, что своим указом император приказал всем бриться. Это Феликс. Феликс, простолюдин. Человек из города. Человеку, которому Антон передал тройку и письмо. В тот день, когда мы впервые прибыли сюда вместе.

Как же он смог попасть на бал?

— С тобой всё хорошо? — спросил Валко, снова заметив, что я отвлеклась.

— Да, — дыхание перехватило, но я отвечала. — Как оказалось, я не такая прилежная ученица, какой бы мне хотелось быть. Даже с таким хорошим учителем.

Он держал меня крепче, ближе к себе и аккуратно прокручивал, когда это было нужно. Но паника Николая внутри меня становилась всё сильнее. И, тем не менее, меня тошнило. Всё же, нужно было вовремя поесть.

Мне понадобилось время, чтобы снова отыскать Феликса. Он подошел ближе к двери, затем своими уверенными голубыми глазами внимательно рассмотрел весь зал, особенно те его части, где стояли Антон и Николай. Наконец, сжав кулаки, он резко отошёл влево.

В тот же момент Николай зевнул. Он коротко поклонился своим друзьям, и, пересекая зал, направился к выходу, к Феликсу.

Это происходит. Независимо от того, каким был план, это происходит сейчас, не позже. И они в сговоре. Юрий уже ушел — после того, как они с Пиа отлучились, в зале он не появлялся.

В ожидании, моё сердце билось всё сильнее. Я посмотрела через плечо Валко, на Антона. Я хотела подождать, когда он ринется за остальными, а затем последовать за ними. Я окинула его взглядом ещё раз, когда Валко резко меня развернул. Тем не менее, я старалась, чтобы император ничего не заподозрил. Ещё несколько минут принц беседовал с той напыщенной дамой.

— Уходи, — молча умоляла я Антона. Мне нужно было увериться в том, что он скоро уйдёт так же, как и его сообщники. Мне нужно, чтобы Антон понял, что я умнее, что я могу присоединиться к его альянсу. А я действительно могу. Я знаю об этом. То, что он делал, не могло быть не благородным. Я ни минуты в нём не сомневалась. Возможно, это шанс получить то, что от рождения ему не было даровано.

Мне казалось, я вот-вот лопну от ожидания, и, скорее схвачу его за руку и выведу из этой проклятой комнаты. Но, всё же, он сам закончил разговор. Спустя несколько па танца, я заметила, что она женщина попрощалась с ним и присела на своё место. После этого, я продолжала. Он остановился у банкетного стола и сделал несколько глотков водки, делая вид, что не заинтересован в бале. Затем, он, наконец, вышел из комнаты.

Во рту пересохло. Ноги стали ватными.

Меня захватили головокружительные повороты вальса. Я ещё сильнее ухватилась за плечо Валко. Ещё немного — и меня настигнет обморок. Не сейчас.

— Я ошиблась, Ваше Императорское Величество, — сказала я, восстанавливая дыхание. Мне нужно было заставить его поверить в то, что мне очень плохо. Ещё немного — и я не смогу понять, что во мне происходит: голод, собственная тревога, чьи-то эмоции или тьма, что разрасталась во мне. — Мне не слишком хорошо. К такому быстрому танцу я не привыкла.

— Приказать принести воды? — Валко стал кружиться медленнее, после чего постепенно остановился и завершил наш с ним танец.

— Нет, мне просто нужно перевести дух, — сказала я, но не слишком печально. Он не должен волноваться. — В моей комнате есть лекарство.

— Я прикажу прислуге принести его.

— Нет, мне нужно побыть в одиночестве. Здесь слишком много аур. Покой, вдали от гостей, будет способствовать моему выздоровлению, — несмотря на то, что мне, и правда, было не слишком хорошо, нужные слова прозвучали тут же. — В скором времени я снова к вам присоединюсь.

Я присела, а затем выбежала. Нужно было торопиться и выскользнуть до того, как он попросит меня остаться. Я — единственная рузанинка, которая не может оказаться

уволенной. Если я не уйду сейчас, я могу потерять след Антона.

Большинство стражей были в зале, но нескольких можно было заметить и у двери. В просторном холле было пусто, его освещали только тусклые свечи. Я пыталась рассмотреть каждый из коридоров. Антон, зачем убегать так быстро?

— Вы не видели, куда направился принц? — спросила я. — Император желает говорить с ним.

Глупая ложь. Но, всё же, голова работает лучше, чем тело. Если бы Валко, и правда, этого хотел, он бы послал слугу, а не Императорскую Прорицательницу. Тем не менее, других предлогов у меня не нашлось.

Возможно, они подумали, что я сошла с ума, но не показывали этого. Я не могла уловить этого в их аурах. Моя собственная была слишком затуманенной той тьмой, что была внутри. Сердцебиение становилось всё сильнее и сильнее с каждой секундой.

— Туда? — страж нахмурил черные брови и указал вправо.

— Нет, — вмешался его сосед. Зеленоглазый блондин мычал себе под нос. — Туда граф Ростов пошёл.

Они разделились?

— Вы знаете, куда пошёл принц? — спросила я его.

— Да, — криво улыбнулся он.

— И вы мне скажете? — я с нетерпением стиснула зубы.

Он осмотрел меня так пристально, что на секунду мне показалось, будто я голая. Судя по комментарию Флокара, в Эсценгарде Имперских Прорицательниц ни во что не ставят.

— Le dauphin négligé пошёл по этому коридору, — он кивнул в сторону левого.

— Le dauphin négligé, — повторила я. Я не могла сойти с места. То, как охранники обозвали Антона, заставило мои ноги прирасти к половицам. — Что это значит?

— Брошенный Принц, — он облизнул губы, а его улыбка растянулась от края до края.

— Брошенный Принц? — нахмурилась я.

— Так его в моей деревне называют, — кивнул охранник.

— Монтпанон. К востоку от Баяковых гор.

— Вы имеете в виду, что принц жил в Эсценгарде? — несмотря на объяснение, понятнее не стало. Но почему мой желудок ноет так, будто я должна вот-вот упасть на пол?

— Все об этом спорят, — он опёрся на одну ногу. Он пожимал плечами так, будто хотел рассказать о чём-то, что является неизбежной частью его жизни. — Я могу сказать, что да. А крестьяне Рузанина со мной поспорили б. Из-за этого даже драки бывают.

— А вы знали, что он — принц? — спросила я, всё ещё пытаюсь собрать всю разгадку воедино. Смысл Антону воспитываться в условиях полной секретности, если об этом знает вся деревня?

— Нет, — признался он. — Пока он не уехал, а его брата не короновали. Но я знаю: король был в курсе. Нам дали приказ, чтобы Манор не пострадал. Побоища не протекали в черте города. Они обходили его, будто реки лежащий камень.

— Король думал, что защищает будущего императора, — сказала я. Наконец я всё поняла. Dauphin. Наследный принц. Возможно, король решил, что сможет заключить мир с сыном Айзеа. Но, когда на трон взошёл Валко, а Антон остался «брошенным принцем». Эсценгардцы не наградили его счастливым прозвищем.

— Как я понимаю, король не был в восторге от того, что Валко остался жив, — я могла зацепить чувства стража. Это могло наложить тень на имя короля.

— Кто знает, — страж выпятил нижнюю губу, как это часто делали эсценгардцы. — Могу сказать только то, что после отъезда принца, мы взяли Манор и выговора за это нам никто не сделал.

Я сделала шаг назад. Казалось, будто меня настиг ледяной ветер, разрывая все обычаи времени года. Сила его ауры охладила меня. Мой живот снова заныл.

Я пыталась осознать всё то, что рассказал мне страж. Почему именно эти слова заставили меня реагировать так? Если бы король Эсценгарда не защищал Антона, тот был бы уже мёртв. Может, это та тьма, что находится внутри меня? Может она заставляет считать подозрительным даже то, что таковым не является? Или жизнь Антона, и правда, в опасности?

Стражи насторожились. Скорее всего, я показалась им слишком пытливой Прорицательницей.

— Спасибо, — быстро пробормотала я охраннику и зашагала по направлению к левому коридору. Убедившись, что им меня уже не увидеть, я пустилась бежать. Мои ноги уже слабели, я вот-вот могла упасть, но, всё же, я продолжала бежать.

Всё то, что я только что узнала, встало в один ряд с той тайной, что от меня скрывал Антон. Самый известный из своего альянса. Конечно же, он направился туда, где были люди, едва ли с ним знакомые. Я остановилась, осматриваясь. Коридор впереди расходился в две стороны. Если бы я спустилась по лестнице, то попала бы прямо к дверям зала совета. Естественно, Антон туда не направился бы. Но, по лестнице вверх, находилась библиотека. Это то место, где в ночь балла уж точно никто задерживаться не захочет.

Не имея больше идей, я отправилась к библиотеке. Я ринулась вперёд слишком быстро — мой головной убор упал на пол, а, поднимая его, я слегка коснулась жемчуга. Он задел мою кожу. Тут же я прочувствовала печальную, предсмертную песню устриц и их агонию от того, что люди решили забрать у них самые ценные их драгоценности.

Страдала ли также императрица, которую разлучили с её детьми? Что переживали мальчики, которых разлучили с родителями, которых заставили убежать?

Как то, что они росли порознь, изменило их?

А король Эсценгарда? Когда Флокар вернётся домой, что он расскажет в своём отчёте об императоре Рузанина, которым должен был стать Антон?

Удар. Снова боль в желудке, будто меня кто-то ударил, но на этот раз всё было слишком сильно. У меня закружилась голова.

Флокар.

Тот, кто говорит от лица короля. Человек, явившийся сюда с готовностью исполнить просьбу Валко даже несмотря на то, что с Эсценгардом у Рузанина разногласия.

Я чувствовала жадность дипломата. Он хотел владеть нашим богатством. Он знал, чего хочет его король. Но с кем из братьев он хотел бы, чтобы Эсценгард заключил союз? И с кем из братьев он готов был покончить самым нечестным образом?

Змея внутри меня обрела зубы, пытаясь утолить жажду крови. Я опёрлась на стену.

Внутри Флокара была настоящая тьма, как и в некоторых его людях. Перед тем, как наступит утро, Валко должен быть мёртв.

ГЛАВА 20

Я следовала инстинкту, бросаясь назад, обратно, к Валко. Как только я себя не называла. Неумёха. Слепая. Не достойная. Я оставила Валко наедине с Флокаром, причём дважды. Оставалось только молиться о том, чтобы дипломат не подмешал императору в

кубок что-то до того, как они отправились к казне. Он мог умирать уже сейчас, и нет в этом мире ничего, что я могла бы сделать ради его спасения.

Я пренебрегала своими обязанностями. Со мной теперь всё решено и меня похоронят рядом с Изольдой. Даша и Кира будут призваны к дворцу и пойдут в могилу, за мной. На моих руках будет ещё больше крови.

Я снова остановилась, пытаюсь понять, куда я попала. Как оказалось, возвращаться было намного быстрее. Я оказалась недалеко от главного входа, и мне предстояло идти как раз туда. В боку снова закололо, но я заставила себя идти вперёд.

Мой разум затуманился, реальность стала искажаться. Я старалась дышать глубже, но сердце билось всё быстрее и всё, что я могла заметить — это две мраморные колонны. Значит, я уже в двух шагах от парадного входа. И остановиться я смогла только тогда, когда поняла, что ещё немного — и упаду в обморок. Но это ещё не всё. Я чувствовала, что в мою ауру вторгся Антон, «брошенный принц». После того рассказа, он предстал предо мной в ином свете.

Что, если и Антон, и Юрий, и граф в сговоре с Флокаром? Что, если они все хотят убить Валко только ради выгодного союза с Эсценгардом? Конечно, Антон бы скрыл от меня такие подробности. Сомнений нет: он понимает, что я не могу предать Валко. Если он не будет убит, а я окажусь в круге тех, кто знал об этом плане, меня бы казнили. Но, в любом случае, уже скоро я отправлюсь на плаху. За то, что рассмотрела опасность слишком поздно.

Я добежала до колонны и только тогда остановилась, переводя дыхание. Я смотрела вперёд, на коридор, который должен был привести меня в библиотеку. Антон действительно убьёт своего брата или просто будет наблюдать за тем, как это случится?

Когда я сказала о том, что он должен быть императором, я не имела в виду того, что для этого нужно устранить Валко. Что, если своими словами я только дала ему поддержку в таком смелом решении?

Я обвиняла принца в том, что у него нет той стойкости, которая нужна правителю. Я назвала его трусом.

Но на самом деле больше всех боялась именно я. Я — трусиха. И, я готова принять его, если бы это означало, что император останется в живых.

Я вдохнула ещё больше воздуха. Мне хотелось вернуться туда, в зал, хотелось предупредить Валко об опасности. Как оказалось, я не готова к той ответственности, которая была на меня возложена.

Я завернула за угол и приготовилась бежать. Но, только я ступила ускоренным шагом, как столкнулась с кем-то, кто сломя голову неся ко мне. Она выбила из рук мой головной убор и нити жемчуга ударились о мрамор пола. Я хотела потянуться за ним, но девушка схватила меня за руку.

— Имперская Прорицательница? — спросила она. В её голосе был слышен сильный акцент.

— Что ты делаешь? — я перевела взгляд на эсценгардскую Прорицательницу. По моим венам текла паника и я понимала, что она принадлежит ей. В темноте я видела белки её глаз. Свою руку от моей она убирать никак не хотела.

Благодаря тому, что у Прорицательниц связь намного крепче, чем у обычных людей, я поняла, что мои догадки не были беспочвенными: де Бонпре использовал её. И способов это сделать у него было больше, чем я могла себе представить. Я почувствовала внутри неё некоторый намёк на его подлую ауру. Лёгкий, но в то же время ощутимый, будто она совсем

позабыла о том, как отпускать чужие ауры.

— Ne lui fais pas confiance! — выпалила она.

— Прости?

— Не доверяй ему! — она наклонилась ближе ко мне.

— Кому? — чувство моего беспокойства стало сильнее.

— Соня? — меня позвал мужчина, находившийся в двух шагах от меня, ниже по лестнице. Эсценгардская Прорицательница же дёрнула мою руку и скрылась в темноте также быстро, как и её аура.

— Подожди! — прошипела я, но это было бесполезно. Она исчезла.

— Это ты? — он преодолел расстояние между нами. На этот раз я смогла узнать и его, и его особенную ауру.

— Валко? — впервые я назвала его по имени. Но извиняться не стала. Я была слишком рада тому, что это он, а не кто-то другой.

— Ты уронила, — он вышел из тени, на его лицо падал свет от люстры, а в руках он держал мой головной убор.

— Я споткнулась и упала, — я кивнула. Мне не хотелось рассказывать о том, что я общалась с Эсценгардской Прорицательницей. Она явно не хотела, чтобы император её увидел.

Валко не задавал вопросов и просто принял мою отговорку. Мне казалось, его мысли заняты чем-то более важным. Он отошел со мной к двери, и, положив моё украшение на стол, заговорил вновь. Он повернулся ко мне, и я почувствовала, что в его ауре что-то изменилось.

— Я беспокоился о тебе, — сказал он, пытаясь отыскать моё лицо. — Тебе лучше?

Я покачала головой, не зная, с чего стоило бы начать. Мне всё ещё было не по себе от встречи с Прорицательницей. Она хотела предупредить меня о Флокаре? Или она почувствовала опасность, исходившую от Антона? Впрочем, разве это важно? Оба могли быть замешанными в чём-то ужасном.

Я снова попыталась начать разговор, я пыталась сказать хотя бы слово о том, что задумал принц, но слова застряли в моём горле. У меня не было никаких тому доказательств, а одного моего слова было достаточно для того, чтобы он пострадал, или, того хуже, был отправлен на плаху. Я не могу отправить Антона на верную смерть так же, как и Валко.

Император ринулся ко мне. Мы были так близко друг к другу, что наш губы могли вот-вот соприкоснуться. Я вдохнула, чувствуя, как начинаю дрожать.

— Ты тоже это чувствуешь, Соня? — он изучал моё лицо.

— Что?

— Это, — ответил он. — Сильную связь между нами.

Его пальцы оплели мои запястья, затем скользнули вдоль шелка моего наряда. Голова закружилась, меня окутала волна упоения происходящим.

— Я чувствую это, — прошептала я. Как можно было этого не чувствовать? Его аура была слишком сильной, а я была ослаблена тем, что не съела ни крошки. Нет. Я ослаблена только тем, что меня влечёт к нему. Я наклонилась ближе к нему, предвкушая, как его губы коснутся моих.

Но, всё же, я вовремя отстранилась. Меня пугала я сама и та темнота, что поднималась внутри меня. Я боролась против неё, пыталась собрать свои мысли воедино. Валко был в опасности, и предупредить его — моя обязанность. Но, не упоминая Антона. Но можнс

рассказать лишь о Флокаре.

— Что случилось? — император погладил меня по лицу так, будто я была ребёнком. Он был со мной таким терпеливым и нежным. Но почему? Почему этой ночью он готов заключить брак с другой?

— Мы не можем, — я отторгла его руку. — Флокар.

— Это всё? — он засмеялся. — Ты переживаешь о том, что подумает дипломат?

— Ваше Величество, вы в опасности.

— Флокар знает, что я не люблю Долфин. В своей жизни я её не видел ни разу. Любовь — это не то, ради чего монархи заключают браки. Монархи ищут её... в других местах, — он снова подошёл ко мне, но так быстро, что я не смогла сопротивляться. Он поцеловал меня. Так быстро, но так обжигающе сладко, что внутри меня вспыхнул огонь, и мне понадобилось несколько минут, чтобы оторваться от его губ.

— Пожалуйста, послушайте, — сказала я, услышав шаги, доносившиеся из зала. Кто-то собирался выходить. Поэтому я потянула Валко глубже, в коридор. Дальше следовали четыре двери, которые, наверное, вели в комнаты служащих. — Я чувствую тьму внутри.

— Соня, это не тьма, — он усмехнулся. Император одарил меня лёгким, дразнящим поцелуем. — Это избавление от всего того, что нас подавляет, это жизнь, в которой мы можем познать друг друга глубже, это настоящая слава, — он так уверенно говорил о том, что мы с ним сможем быть рядом, несмотря на статус, о том, что сможет покорить всю империю. — Вместе мы разделим признание и славу. Мы родились для того, чтобы свершить великое. Всё это, и правда, сложно выдержать.

Я нахмурилась, изумлённо смотря на него. Он и правда думает, что я родилась с настоящим даром? Разве это дар? А дар ли то, что меня должны были отобрать у родителей, чтобы я жила в монастыре на берегу моря? Он ничего не знал ни о моей жизни, ни о том, как Ромска привязывали меня к деревьям, когда я кричала от того, как сильно на меня влияли ауры остальных людей. Он даже не знал о том, что моих родителей убили просто потому, что у них родился «одарённый ребёнок», которого они должны были отдать до того, как у них его заберут насильно. Он и понятия не имеет о том, какой сложной может быть жизнь.

Валко не мог меня понять. Но, с другой стороны, могла ли я понять его? Каково это: жить во лжи так долго и делать вид, что тебя не волнует то, что тебя объявили мёртвым. Когда мать приезжала к нему, она рассказывала об Антоне? Сколько лет Антон горевал о брате? И, после всего этого, было ли ему неприятно от того, что во всём дворце шепчутся о том, что он всего лишь самозванец.

Несмотря на то, что у нас с Валко не было слишком много общего, того, что являлось таковым, хватало. И это заставляло меня чувствовать жалость.

Я позволила ему снова себя поцеловать. Мне нужно было сказать о Флокаре, но только не сейчас. Я не могу причинить ему ещё больше боли и страданий. Мы спрятались ото всех, кто мог бы причинить ему вред. Спустя столько лет несчастья, он может находить красоту даже в своём богатстве и власти. И я могла бы сдаться на милость тех чувств, которые я ощущала к нему.

Наш поцелуй углубился, а его дыхание стало прерывистым. Он держал моё лицо так, будто я могла вот-вот ускользнуть, только он ослабит хватку. Свечи мерцали в подсвечниках, заставляя предметы вокруг отбрасывать тени. Внутри меня вновь воспаряла тьма, но я старалась управлять ею, отдавая императору всю себя.

— Соня, стань моей повелительницей, — сказал он. — Раздели со мной мою жизнь. Я

могу отдать руку другой, но моё сердце будет твоим.

Я почувствовала, как по моему телу разливается тепло, а по спине бегут мурашки. Я ощущала себя в невесомости, будто плыву по воздуху.

Повелительница. Это слово обрело новый смысл. Это звучало, как почётное звание.

После стольких лет моей жизни, после того, как мои родители отдали жизнь ради моей свободы, это то, кем я должна стать? Что-то внутри жгло так сильно. Может, мои родители были неправы? Может, принадлежать империи не так уж и плохо?

— Скажи да, — Валко подталкивал меня на это так, будто мы собирались бежать, будто он сделал мне настоящее предложение.

Образ благородного признания стал рассеиваться. Он разлетался, как порезанный художником холст. В моём разуме стали возникать более важные вопросы.

Почему сейчас для Валко я на первом месте? Может, он внезапно вспыхнул ко мне чувствами только потому, что увидел, что Антон заинтересован во мне или я в нём? Император решил ухаживать за мной только потому, что им движет соперничество с братом?

Но как нас воспримет его Эсценгардская невеста? Примет ли она нас и наши отношения? Мне стоило лишь один раз посмотреть в прекрасные серые глаза императора, чтобы понять, что то, чего он хочет, не случится с нами никогда.

— Ваше Величество, я думаю, у вас сложилось неправильное мнение об эсценгардцах, — я была на грани уже несколько раз, поэтому знала, как далеко мне стоит заходить. Я не смогу стать любовницей Валко до того момента, пока его женой будет оставаться Долфин. — Главное для них в браке — это верность. И для них нет разницы, есть любовь или нет... И, я не думаю, что вы поступите, как того требует этикет монархов.

Послышался язвительный смех. Валко и я стали осматриваться вокруг, но, заметив тень Флокара в коридоре, остановились. Я понимала, что он уже давно подслушивает. Я пыталась ощутить его тёмную ауру внутри меня, но это было слишком сложно. Воспользуется ли он моментом, чтобы убить императора? Убьёт ли он и меня?

— Ваша Имперская Прорицательница весьма проницательна, — он сделал шаг вперёд и на его лицо упал блик света от свеч. Такое освещение делало его изнеможённым. Он больше не казался тем чопорным джентльменом, которым его можно было счесть по одежде. — Но, полагаю, в этом и состоят её обязанности.

— Господин де Бонпре, это не то, о чём вы подумали, — Валко в спешке пригладил волосы. Со своей работой по уничтожению авторитета императора я справилась отлично.

— А я думаю, более чем, — он сморщился, едва посмотрев на меня. — Я возвращаюсь в Эсценгард завтра же утром.

— Нет, вы поняли неправильно, — удивление императора было таким сильным, что буквально ударило мне в грудь, а в рёбрах создавалось чувство, будто кости друг к другу кто-то приварил. — Я весь принадлежу Долфин и союзу с Эсценгардом.

— Долфин — моя крестница! — не выдержал Флокар.

Я моргнула. А знал ли об этом Валко?

Дипломат крикнул это так громко, что на шумиху, кажется, кто-то откликнулся. В зале стали отодвигаться стулья.

— Она стала аристократкой не для того, чтобы быть осквернённой вами! — продолжал он. — Может, Ваша империя и богаче, но то, что позволено в вашем этикете плачевно. Я надеялся, что в подобных позорных отношениях не замешан хотя бы монарх, но я ошибался.

Мы не падём до того, чтобы заключать союз с борделем, — его взгляд, полный насмешки, остановился на мне. — Такие как ты в нашей стране продаются за бесценок. И, если дворянам не придётся твой талант по вкусу, ты сгниёшь в болоте, как и вся твоя порода; будешь молиться о том, чтобы за твой дар хоть кто-нибудь подкинул тебе хоть монету. Но, знаешь, часто денег не дают вообще. Вот такой судьбы достойны рузанинские Прорицательницы.

Я была поражена этой наглостью. Может, он и испытывает беспокойство за свою крестницу, но это не оправдывает того, как он относится ко мне. Я не могла сдерживать ярость. Я стала штормом.

— Не относитесь ко мне так, будто вы лучше! — набросилась я на него. Теперь я точно была уверена — та девушка говорила о нём. — Вы тоже не безупречны. Когда я увидела вместе с вами Прорицательницу, я почувствовала признаки того, что с вами она явно не счастлива. Как Вы смеете осквернять честь императора, когда у самого нет никакого уважения ко всему человеческому.

Лицо Флокара стало пунцовым, а бровь дёрнулась. Я смотрела на то, как его разъяренное лицо становится ещё ярче. Я подписываюсь под каждым своим словом. И, думаю, Валко был бы со мной согласен. Ведь это именно тот, кто обещал мне обожать меня всю жизнь... но этого человека со мной рядом больше не было. Я почувствовала это, когда тепло в моей груди стало отдаляться и исчезать. Будто над моим сердцем всё поросло ледяной коркой.

— Вы правы, — сказал Валко Флокору, будто не слышал ни единого моего слова.

Я не знала, что делать. Я ожидала, что он промолчит, но я никак не думала, что он согласится с дипломатом. Он так сильно хотел союза с Эсценгардом, что позволит унижить меня и мою гордость после того, как сам напал на меня?

— Это в последний раз, — выдавил он из себя. — Она больше не сможет меня искусить. Мне стало тяжело дышать. Я чувствовала, как только что он ударил меня.

— Боюсь, меня это не удовлетворит, — губы Флокара скривились. Его глаза смотрели на меня, будто метая кинжалы. — Я требую, чтобы она покинула это место. Кроме того, Вам стоит отказаться от должности Имперской Прорицательницы.

— Отказаться? — возмутился император. — Вы понимаете, что она мой верный страж, моя важнейшая охрана, а не просто гадалка?

— В Торчеве достаточно стражей, чтобы вести войны на границах. Тем более они смогут защитить одного человека.

— Флокар, кажется, вы заходите слишком далеко. Скорее всего, вы всё ещё не отошли от поездки. Почему бы Вам не отдохнуть и не обсудить это снова, завтра утром?

— Нет. Это моё последнее слово. И, если вы серьёзно относитесь к решению о браке, своё решение вы примите просто.

Валко стоял неподвижно, будто статуя. Его брови нахмурились так сильно, что опустились почти к глазам. Он боролся с нерешительностью и гордостью. Флокар казался упрямым. А меж ними оставалась я.

Я должна была хотеть этого. Я должна хотеть того, чтобы Валко освободил меня. Если это случится, я не буду балансировать на грани жизни и смерти, а империя больше не будет клеткой для Прорицательниц. Даша и Кира смогут вырасти как обычные дети.

Но почему, зная обо всех этих прелестях, об этой свободе, я всё ещё шёпотом молилась, чтобы Валко оставил меня во дворце? Антон хотел этого? Если я уйду, то никогда об этом не

узнаю. Или же император сам не прочь выгнать меня? Нужно ли мне остаться и узнать, что он на самом деле чувствует ко мне? Иногда они так глубоки, а иногда — мимолётны. Я не могла забыть о том, как он не обращал на меня внимания за два дня до приезда Флокара, но то, как он заступился за меня, когда де Бонпре обвинил меня в блуде, давало мне надежду.

Если я уйду из дворца, куда мне идти?

Валко тяжело вдохнул, в тот момент как я пыталась дышать как можно более размеренно.

— Мне она нужна, — сказал он, сжимая руку в кулак. В его ауре появилось какое-то неопределённое чувство стыда. — И она остаётся.

— Тогда мы с вами вынуждены попрощаться, — Флокар изогнул тонкую бровь. Его глаза стали кошачьими. — Я уеду с восходом солнца и оставлю любые надежды на наш с Вами союз.

С яростью льва, он двинулся прочь, стуча каблуками.

Валко стал ходить взад вперёд. Наблюдая за тем, как дипломат отдалялся, он принялся рвать на себе волосы. Я вспомнила, как император чётко указывал на Шенгли и то, как он готовился к приезду эсценгардцев. Войны на границах прекратились бы. Ради этого он отдал всё. Но почему?

Но, видимо, этого было не достаточно.

Как только Флокар отдалился, император ударил рукой о стену. Его эхо отразилось в зале.

— Проклятье, Соня! — я вздрогнула. Его аура изменилась так быстро, что я едва успевала за её изменениями. Последовал второй удар. На этот раз звук из зала был громче, и это было не эхо. — Видишь, что ты натворила?

— Я высказала ему всю правду, — я выпрямилась, решив не расплываться в реверансе.

— Да только то, как ты с ним говорила, было оскорбительно, — он рассмеялся и потёр глаза ладонями. — Ты хоть сама понимаешь, какие у тебя здесь права?

— Вы предпочли Эсценгарду меня! — его чувства будто обдавали кислотой всё внутри меня. Я напряглась, чтобы он не видел, как я дрожу. — Это не моя вина.

— Что? Выходит, виноват я? — закричал он. Тьма, преследовавшая меня весь вечер, казалось, вновь проникла в меня вихрем. — Ты появилась в моей жизни, и ту животную дикость, которую ты принесла с собой, я не могу сдерживать. Я не знаю, что мне сделать: всего лишь коснуться или поглотить целиком.

Я не могла говорить. Он только что обвинил меня в том, что именно в нём вспыхнуло какое-то безрассудное желание? Он помнит то, что я ему рассказывала? То, что из-за меня в монастыре в живых остались только три человека?

— О, да, дистанцию у Вас держать и правда получается.

— Ты права. Ты — чёрт в теле женщины, — его ноздри раздувались, он смотрел на меня, будто пантера на дичь. — Тебя прислали сюда, чтоб убить меня?

— Рассказывайте, — клянусь Богами, свой язык я не могла держать за зубами также хорошо, как и он. — Если смотреть так, то я добилась своего.

Он схватил меня за плечи, затем швырнул в стену. Голова ударилась о камень, и я почувствовала, будто меня ударили кнутом. Всё, что я могла увидеть сквозь туманную пелену — это яркое свечение в двери, исходившее из зала. Можно было позвать на помощь, но я была смелее этого. Я повернулась к императору и посмотрела на него с хитрой улыбкой.

— Знаешь, а покончить с тобой ещё не поздно, — пальцы Валко скользнули по моей

ключице, а затем — по шее. Его касание — и пульсирующая кровь отбивает дробь в голове.

Моё рваное дыхание. Глубоко внутри меня кто-то кричал, кто-то молил, но я не хотела слушать. Я была увлечена тем, как император искушает меня тем, какие страдания его гложут. Я вспоминаю о том, что всё ещё связывало меня с монастырём. Юлия. Может, смерть — это то, чего я так давно хотела. Жертва ради искупления.

— Сделай это, Валко. Положи моим страданиям конец.

Дверь отворилась. На пороге стоял Антон, а позади — призрачные фигуры других людей. В руках Антон сжимал крестик.

— Ты моя! — Валко до сих пор думал, что мы одни. Стоя к брату спиной, он злобно улыбался. Его, будто когтистые лапы оказались на моём лице. — И никто не вправе приказывать тебе покинуть меня. Не Флокар. И уж тем более не ты сама.

Он резко дёрнул меня вперёд, когда наши губы соприкоснулись. Тьма внутри вновь дала о себе знать. Значит, её источником всё это время была я? Я отвечала на его поцелуи. Мне казалось, будто мои зубы превратились в клыки, а язык стал раздвоенным, как у змеи. Мы не чувствовали любви, никто из нас не хотел быть нежным друг с другом.

Я чувствовала, как губы Валко оказались на моей шее. Но я чувствовала и взгляд Антона. Я видела его смутно, будто сквозь стену проливного дождя. Я не могла дотянуться до его ауры, не могла её ощутить и всё, что мне было доступно — это его глаза. Печаль. Боль. Но не та боль, что была в Валко и которой я поддалась. Это было что-то похожее на одиночество. Боль, будто он исчез из этого мира и я не могу повернуть время вспять.

А исчезла ли я? Стала ли я тем зеркалом, которым пообещала себе не становиться? Неужели я могу отражать только безумие этого мира?

Мои руки дрожали. Я пыталась бороться, толкая императора в грудь.

— Остановитесь, — я оттолкнула его. Я не исчезла из этого мира.

— Ты не можешь быть и тем, и другим, Соня, — его глаза сузились, а лицо горело от страсти. — Только не со мной. Ты не можешь быть и беззащитной овечкой, и демоном. Я знаю, кто ты.

— Вы не знаете, кто я, — я стиснула зубы, чтобы сдержать свои эмоции.

— Не отрицай то, что я знаю наверняка! — он снова ударил меня. Я чувствовала, как стена оказалась у задней части головы. Шпага Антона покинула ножны, отдавая в свете свеч ярким бликом. Я покачала головой. Он не должен вмешиваться. Если принц захочет, но не сможет убить брата, Валко его казнит. И, даже если Антон борется за правду, в одном я была уверена: я не могу дать императору умереть. Даже после всего этого.

— Ты будешь уважать меня! — кричал он.

Найди внутри это место и ухватись за него.

Вот оно, это место. Та небольшая частичка меня, которая воспротивилась императору и отвергала его. Он схватил меня за запястья и будто прибил к холодному камню. Голова болела от очередного удара, а желудок урчал от голода. Я вот-вот была готова сдаться.

Место внутри меня было слишком маленьким. Только не он. Снова.

Сквозь прерывистое дыхание, я чувствовала свои же рыдания. Я была слабой, мне едва удавалось держать себя в руках. Нужно было выплеснуть эмоции. Это нужно было каждой Прорицательнице. Кровь Юлии, слёзы Киры, волосы Даши. Надя кусала себя. Изольда, без сомнения, освобождалась с помощью заноз, которые попадали ей под ногти. Всё это объединяло одно: боль.

В ушах было отчётливо слышно моё сердцебиение. Я пыталась сосредоточиться на том

маленьком, крошечном пространстве во мне. Меня мучило собственное тело, но я старалась успокоиться и дать отпор своим же страданиям. Я сосредоточилась своим теле. Что болит сильнее? Мне нужна была боль. Прямо сейчас. Я искала эту боль. Я хотела зацепиться за неё.

Пульсирующая боль от ушиба головы. Железная хватка Валко. Голод в желудке. Огонь в горле, заставлявший меня задыхаться.

Всё, что я могла делать — это хныкать. Большого нужно и не было, хоть я и не была уверена, что это поможет. Боль поможет освободиться от влияния императора, но моё тело от его власти это не освободит.

— Ты уважаешь себя? — спросил Валко надрывающимся голосом. Я чувствовала его внутреннего зверя, чувствовала то, что боли, как оказалось, недостаточно. Мне нужно ещё.

— Конечно, да, — его губы были слишком близко. Его аура отдавала эхом вместе с чувством голода. С тем, как он хотел доказать мне свою власть. Моё дыхание граничило с удушьем, а сердце билось слишком сильно. — Как и я, Вы были ребёнком. Как и меня, Вас отлучили от родителей и от всего того, что вы знали. Как и я, Вы были брошены, когда вам нужна была любовь. И Вы по-прежнему нуждаетесь в этом. Но это не то чувство. Это не любовь.

Он отстранился, осматривая меня, пытаясь уловить что-то в моём взгляде. Я сказала много лишнего. Он освободил одно из моих запястий, в готовности ударить меня. Антон же уже был готов воспользоваться своим кинжалом. Он был достаточно близко, чтобы в один прыжок оказаться рядом. Нет, я не могу позволить принцу убить брата. Я не позволю ему страдать от бремени убийства так же, как я.

— Что бы в этот момент подумал о Вас тот мальчик, которым Вы когда-то были? — судорога свела его лицо, его поднятая рука застыла, но он не спешил её опускать. — Сегодня мы, и правда, многое потеряли. Эсценгард, Шенгли. Всё это из-за меня и поэтому сейчас Вы в замешательстве. Но вы спасли меня, — если бы я могла назвать это настоящим спасением... — Наверное, только так я могла бы сказать Вам, что для того, чтобы достичь власти, не нужно расширять границы от моря до моря. Чтобы достичь власти, Вам нужен только Рузанин. И, в противном случае, Рузанин — это та цена, которую вы бы за свои желания заплатили бы.

Я чувствовала, что мои слова его задели, однако гнев всё ещё кололся под моей кожей. Если я не буду действовать осторожнее, его настроение переменится, и тогда Антон точно пустит в ход свою шпагу.

Мне нужно сделать что-то большее, чем просто искать способ выплеснуть энергию. Если это место внутри меня было таким крошечным, что я не могла оттолкнуть тьму, оно было достаточно большим, чтобы впустить его. Если бы я позволила себе стать единой с его аурой, я смогла бы сделать больше, правда? Могу ли я почувствовать всё то, что он хочет сделать со своими руками? Почувствую ли я, что у него на сердце? Что происходит в его голове? Смогу ли я, наконец, убедить его?

— Ты не можешь знать, что мне нужно, — дыхание валко отдавало зноем. Его колено оказалось прямо у моей ноги, прижимая меня к стене.

Каким-то чудом я почувствовала внезапную перемену его настроения, когда его рука опустилась. Я окунулась в это место внутри себя, оставляя его открытым. Валко пронизал мою ауру, всё то, чем я обладала. Он стал единым с моими чертами характера, с моим телом. Змеи уползли прочь. Они не принадлежали императору. У него была собственная тьма.

Будто лекарство, я вновь попыталась проникнуть в него через ту связь, которая между нами появилась. Я чувствовала то, как сестра Мирна заботилась о Юлии в лазарете, руки Ромска, когда она гладили меня по голове, чтоб мои кошмар прошли, улыбка Тоси, которая помогала мне понять: моя жизнь не так безнадежна, как я о ней думала.

— Они думают, что я не достоин, — внезапно признался император. Валко сглотнул, его подбородок дрожал.

— Кто? — мягко спросила я, наблюдая за тем, как глаза Антона расширились. Если бы он, и правда, признался своему брату в слабости?

— Мои советники... Антон... Народ моей империи, — Валко сдавленно выдохнул. Он отпустил меня, его руки сами опустились вниз. Его глаза блестели от слёз. Голос императора звучал не как у сильных мира сего. — Они думают, что я умер ещё ребёнком, а ими сейчас правит самозванец. Разве не видишь? Я должен показать им свою мощь. Я должен доказать, что я могущественнее, чем мой отец.

— Я знаю, каково это, чувствовать себя недостойной. Я понимаю Вас, — ответила я, переплетая его ауру с моим сочувствием. Несмотря на то, что запястья всё ещё горели, я взяла его за руку. — Валко, позволь мне стать той, кто утолит твою боль. Это лучше, чем любовница, — я поцеловала его руку, пытаюсь донести ему что-то другое. Прелесть дружеских отношений. — Позволь мне быть твоей провидицей. Позволь показать мне то, каким ты можешь быть.

Он смотрел на меня, превращаясь в живой маяк. Его гордость пала. Он сжал мою руку и плакал, как мальчишка. Я чувствовала, что освобождена, что все свои эмоции я накапливала только для этого момента. Несмотря на то, каким ужасным он был сегодня, моё сердце болело за него. Я прижалась к его голове, заставляя себя наполняться его горем.

Когда я встретила с Антоном взглядами, по моим щекам уже катились слёзы от горя Валко. Принц убрал в ножны свою шпагу. Он больше не смотрел на меня так, будто я исчезла из этого мира. Потому что я не была такой. И это открытие было самым интересным выводом, который каждый из нас мог сделать.

Я не разрывала связи с императором, но с ней я чувствовала и ауру Антона. Так я подтвердила свои догадки: блики в его глазах означали надежду.

По спине пробежались мурашки. Я не знаю, что сулит мне эта надежда. Тяжкое бремя, наконец, упало с плеч императора. С такой силой надежды, как у Антона, я могла бы однажды простить себя и смыть кровь со статуи Фейи.

Принц молча вернулся в зал и закрыл за собой дверь, но его чувства всё ещё оставались достигаемыми. Он верил в меня. И эта вера окутывала меня плащом, который я никогда не смогу снять. Я закрыла глаза. По щеке снова покатались слёзы. Я спрятала лицо за Валко, за мыслью о другом виде искупления.

ГЛАВА 21

Той же ночью я взяла свечу и пошла к красной двери, от неё — к двери с лавандой, затем вставила ключ в ту дверь, которая была расписана вечнозелёными елями. Подол моей ночной рубашки тянулся по пыльным половицам. В последнее время я часто бывала здесь, прежде чем вернуться в комнату с гобеленами.

Теперь я могла стоять на ногах. Пиа принесла мне печенья и чашку хорошего чаю. Кажется, она говорила о том, как им с Юрием удалось станцевать, но сегодня я была ужасным слушателем. Связь с Валко высосала из меня всю энергию. В тот вечер мы с императором уже не возвращались в зал. После того, как заплакал у меня на руках, он

поцеловал меня в руку и проводил до моих покоев. Затем, отправился в свои. Один. Без госпожи. Я коснулась лба, затем — груди, где было сердце так благодаря богиню Фейю за эту роль. Постепенно, она становилась для меня больше, чем просто напоминанием о смерти Юлии.

Провернув ключ в двери с елями, я почувствовала яркий проблеск энергии. Я приближалась к комнате Антона. Я искала любое напоминание о тьме внутри себя, пусть это были бы только мысли об убийствах. Но нет. Только смесь ожидания и надежды. Я открыла дверь.

В это же время, из комнаты с гобеленами открылась дверь. Это Антон. Одетый в ту же одежду, что и на балу, он стоял на пороге комнаты, держа в руках свечу. Его мягкие волосы падали на скулы и ко мне снова пришли воспоминания о том, как ветер развивал его волосы тогда, когда он гнал тройку к замку.

— Ты не постучал, — передразнила я тех дам, которые на балу имели свойство притворяться холодными, но тут же захотела ударить себя за это. Он мог подумать, что я не хочу его видеть. Я не могла быть уверенной. Я была слишком увлечена собственной аурой. Она не была тёмной. Какой угодно, но только не полной тьмы.

— Прости, — Антон посмотрел на мою ночную рубашку, будто понимая то, насколько нелепыми были обстоятельства нашей встречи. Но это не то, что его удерживало. Он сделал ещё один шаг навстречу ко мне. — Просто хотел увериться, что с тобой хорошо.

— Теперь ты наконец-то обратил на меня внимание, — сказала я, пытаюсь сделать свою речь весёлой, но всё же осадок от того, что произошло на балу, оставалось. Я схватила свечу обеими руками. Его энергия пульсировала во мне так горячо, что оторвать от него взгляд было невозможно.

— С твоей головой всё в порядке? — сказал он, приближаясь, будто любопытный зверь.

Я пожала плечами. Не хотелось говорить, что она болела каждый раз, когда я делала резкие движения, а, когда Ленка раздевала меня, мне приходилось держаться за изголовье кровати, чтобы не упасть.

Моё дыхание стало прерывистым, когда я почувствовала, как принц положил свою руку на мою, пытаюсь приблизить свечу к моему лицу. Его кожа была тёплой. Он давил на мои пальцы, но это давление было нежным, хоть я и понимала, что освободиться от него я не смогу. Принц смотрел мне в глаза, затем стал рассматривать, будто лекарь. Я пыталась сдерживать себя всеми силами, только бы не смотреть на его губы. Что со мной? За эту ночь я поцеловала недостаточно Озёровых?

— Можно? — осознав, что с моими глазами всё хорошо, он потянулся к моей голове, но осёкся.

Моё сердце билось в ритме трепетного ожидания, но я кивнула. Его рука осторожно коснулась головы; там, где у меня была большая шишка.

— Головокружений нет? — спросил он.

— Нет.

Да. Я не могла точно знать: происходит это из-за травмы или из-за того, что ко мне прикоснулся Антон. Я повернулась, чтобы ему было удобнее достать мою шишку. Мне нужно было всего лишь податься немного вперёд — и щекой я упёрлась бы в его плечо. И, всё же, я заставила себя повернуться и снова посмотреть в его глаза. С шишки, его рука скользнула мне на лицо, и теперь мы смотрели друг на друга. Я помню, как однажды назвала цвет его глаз цветом кипящего масла.

— Со мной всё хорошо.

Он поймал меня как раз в тот момент, когда я покачнулась. Нет. Он сделал больше. Он поднял меня на руки и вынес через дверь с елями, через красную дверь, прямо в мои покои. Увидев, что он хочет опустить меня в мою кровать, я тут же пришла в себя.

— Я не сплю здесь, — призналась я. — Не спала ни разу. С того момента как ты сказал мне, что я могу оставаться в комнате с гобеленами.

От удивления, он посмотрел на меня даже как-то странно, но затем его аура озарилась свечением удовлетворения. Она заполняла меня, проходя через мои руки и ноги, касаясь даже головы. Не говоря ни слова, он повернулся и занёс меня назад, через красную дверь, в комнату гобеленов.

— Это смешно, — краснея, возразила я. — Я в состоянии ходить.

— Тише, Соня, — он откинул одеяло и положил меня на бок, не забывая о шишке на голове. Несмотря на то, что сил во мне уже было не так мало, я откинулась на подушки. Честно говоря, я не была уверена в том, что моя травма была бы такой сильной, не будь я в тот момент такой голодной. Я была слишком истощённой.

— Эта ночь была слишком долгой, — сказал Антон.

Я заметила, как он касался меня. Все его движения были скованными, он не давил на меня больше, чем требовалось. Как бы мне хотелось, чтобы он лежал со мной рядом, дал мне завернуться в одеяло, будто в кокон и спать рядом с ним, греться его теплом. Я дала Валко всё, что могла. Но теперь мне самой нужен был кто-то, кто сделает со мной что-то подобное.

— Я не такая глупышка, как ты думаешь, — сказала я.

— Прости? — встав с постели, он замер.

— Я не забыла о кануне Морвы. И я знаю, с кем ты встречался. Граф Ростов, Феликс, Юрий. Вы были в комнате Пиа? Юрий украл у неё ключ? Или она разрешила вам войти?

— Пиа не с нами, — принц поместил свечу на прикроватном столике. Мягкий свет падал на щетину на его подбородке.

— Но того, что это было в её комнате, ты не отрицаешь.

— Разве не видишь, как я тебя оберегаю? — с невесёлым смехом, он провёл рукой по волосам. — Это потому, что ты... С тобой всё сложно.

Я нахмурилась, накручивая уголок одеяла на палец. Что он имел этим в виду? Я молила богов о том, чтобы они дали мне способность отличать его ауру от моей собственной. Моё чувство взаимно? Это то, что он имел в виду, когда сказал, что я отражаю те чувства, которые не являются моими собственными? Неужели он думает, что его любовь не взаимна? Или он не чувствует ко мне совсем ничего? Я верила, что это сейчас не имеет значения. Даже если он меня захочет, он никогда не поддастся. Я знала, что принц весьма скрытен. Не было танца — не будет и поцелуя. Тогда почему каждый раз, когда мой взгляд был направлен на него, его же брат смотрел на принца с негодованием?

— Ты думаешь, что я слаба, — сказала я.

— Почему ты так говоришь? — Антон наклонился ближе. В его ауре метнулась искра гнева.

— Ты всегда видел, как я оказывалась в лапах Валко. Ты снова и снова видел то, что он делал со мной; то, что я позволяла ему с собой делать. Ты сказал, что он сделает из меня котлету, — я покачала головой, желая зарыться под несколькими слоями одеял. — И ты был прав.

— Хватит! Пожалуйста, не говори о том, что я к тебе чувствую и что я о тебе думаю! —

от него стало исходить что-то большее, чем просто гнев. Я не могла сказать, что это такое. С рычанием разочарования, он добавил: — Ты видишь, как ты себя ведёшь? Ты знаешь, что сделала этой ночью?

— Сделала так, чтобы император потерял всякую надежду на союз с Эсценгардом.

— Рузанину не нужен Эсценгард. И в этом твоей вины нет.

— Я чуть не стала любовницей императора.

— Но не стала.

— Я оставила его одного, — пожала плечами я.

— Ты оставила его одного в момент злобы. Таким я его не видел ещё никогда. Ты оставила его одного, когда твоя жизнь была в опасности. И, когда я уже был готов убить своего брата, ты смогла его успокоить. Ты сделала это, Соня, — руки Антона сжались в кулаки. — Объясни мне, как у тебя это получилось.

— Я... — моё сердце трепетало. Я не могла понять всего того, что говорил принц, на что намекал. Он выглядел печальным и злым, но этот гнев не был таким сильным. Он мог его контролировать. Я не чувствовала ничего подобного чувствам Валко, когда тот приложил меня к стене. — Я открылась ему. Полностью. Я нашла... связь между нами, и я использовала её, чтобы убедить императора.

— Ты смогла бы сделать это снова? — Антон кивнул, но в глазах виднелись сотни мыслей, которые он пытался понять.

— Не уверена, — я подумала о том отчаянье, которое понадобилось мне, чтобы обуздать эмоции императора и то облегчение, когда я спасла свою собственную жизнь, когда спасла императора от собственного брата.

Наклонившись ко мне, Антон схватил меня за плечи. Это был не первый раз, когда Озёров хватал меня за плечи, но, в отличие от брата, я не чувствовала ничего, кроме его рук.

— Послушай, Соня. Ты не слабая. Ты — самый сильный человек, которого я когда-либо знал. Не многие могут отказать Валко. И они не умеют оставаться хладными к его влиянию, как ты. Твоя сила — настоящая. Она бесценна. И, готов поспорить на судьбу Рузанина, ты сможешь показать свою мощь снова.

— Что ты имеешь в виду? Я моргнула, чувствуя, как его мантия вот-вот упадёт на меня, и тогда я проникнусь чувствами животных, из которых она была сделана. Но что он просит меня сделать?

— Я считаю, что ты больше, чем просто Прорицательница. Ты особенная.

— Что? — это слово напоминало отчаянную мольбу. Я жаждала узнать эту тайну. Чем я могу стать? Хотелось быть чем-то иным, нежели приносящей боль и смерть всем, кого я знала и любила. Я искала эмоции Антона, но только запуталась в собственных.

— У меня кое-что для тебя есть, — на его губах появилась усмешка.

Я озадаченно наблюдала за тем, как поднялся и прошёл в свою комнату, а затем вернулся с книгой. Придвинувшись ближе, он сел. Когда пламя осветило обложку, я увидела эту книгу. Это была та самая книга, с бледно-синим корешком. Книга, на которую я кинула взгляд в последний раз, когда видела Антона. Но теперь я могла рассмотреть обложку, будто она была настоящим сокровищем.

«Плач Богов», Тося Пашков.

— Тося? — недоумённо спросила я. — Тося из Ромска? Тося, который был мне как брат?

— Поэт Тося, — кивнул Антон, подтвердив, что эти двое — один и тот же человек.

— Ты знаешь его? — спросила я, когда он уже хотел вернуться в свою комнату. Я никак не могла поверить в то, что жизненные пути моего высокого вольномыслящего друга и мрачного принца могли хоть где-то пересечься. И когда Тося начал писать стихи? Насколько я знала, он только сочинял песни.

— Прочитай книгу, Соня, — Антон отступил. — И не позволяй своей душе быть с ним.

— Ты всё ещё не сказал мне, что делал сегодня вечером, — я раздраженно сжала челюсть и положила книгу на кровать.

— Читал.

— Я почувствовала тьму. Ты знал о заговоре? О том, что кто-то хотел убить императора?

— Убийство не решит проблему. Мы заставим их это увидеть, — медленно кивнул он. Антон остановился у двери. В нашей общей ауре появился фрагмент неожиданности.

— Мы?

— Прочитай. Эту. Книгу.

Когда он закрывал за собой дверь, в его глазах всполохнула искра свечи. Вопросов у меня стало ещё больше, а ответов я так и не получила.

Я посмотрела на край книги Тоси, затем поднесла ближе и книжный корешок треснул.

ГЛАВА 22

В книге Тоси Рузанин был птицей, белым голубем. Её создали Боги и дали ей столько небесного простора, чтобы она смогла вдоволь налетаться и столько земных уделов, чтобы её дети не жили впроголодь. Не имело значения, кто из детей был старше, а кто — младше, не считаясь с тем, кто из них милее сердцу, кто мужчина, а кто — женщина, каждый из них был благословлён на то, чтобы обладать землёй в равенстве.

Услышь мою песню, о детях моих.

Крылья открой, первородство прими.

— Ты уже прочитала? — спросил Антон на следующую же ночь. На этот раз я снова пришла в комнату с гобеленами, но сперва постучала.

Я закатила глаза. Конечно же, нет. Она не казалась слишком толстой, но вчитывалась я в каждую строчку. Так много я не читала ещё никогда. Иронично, но чтению меня учил именно Тося.

— Тося был из каравана, в который меня передавали каждую весну, — чтобы отметить место, где закончила, я указала самой себе на него пальцем. — Он был для меня семьёй. Он пел мне песни и читал сказки. Он заставлял меня смеяться, когда я была уверена, смеяться не смогу больше никогда.

Его образ всё ещё оставался в моей памяти. У Тоси было продолговатое лицо, которое немного напоминало лицо Валко. Он весь казался «продолговатым». Его нос, его пальцы, и даже его ноги. Его аура тоже была продолговатой. Настолько, что её шлейф заставлял меня убегать от реальности достаточно долго.

— Как ты узнал о нём? — спросила я у Антона. Тося был умным, но бедным, как и любой Ромска. У него никогда не скопились бы средства на публикацию книги своих стихов, если бы у него не было покровителя. Может, этим покровителем стал Антон? Как пути Тоси и Антона пересеклись?

— Ты не единственная, с кем Тося водит дружбу, — улыбаясь, сказал Антон.

— Когда вы могли встретиться? — спросила я у Антона. Я сразу же подумала о деревне, недалеко от того места, где жил и рос принц. Ромска разбили лагерь на восток от Баяковых

гор, когда им было необходимо обзавестись новыми лошадьми? — Как?

— Спокойной ночи, Соня. Продолжай читать, — дверь с картиной ночи на ней, закрылась. Я же кинула ему вслед подушку, и, застонав, снова открыла книгу.

Валко не выходил из своих покоев вот уже пять дней. Он делал это специально, чтобы не увидеть Флокара и его иностранную свиту. Но я сомневаюсь, что дипломат позволил бы этому случиться. Мне было жаль эсценгардскую Прорицательницу, которая была обязана сопровождать де Бонпре. Я упустила возможность освободить её от лап обидчика. Но, всё же, за эти пять дней я смогла отдохнуть от своих обязанностей, так как император отказался и от заседаний совета, и от ужинов с дворянами. Слуги же во дворце, после окончания балла, снова окунулись в свою рутину. Вместе с этим, спокойствие настигло и меня. В городе проводились небольшие гуляния в честь богини плодородия, Морвы, некоторыми уставшими от суматохи балла дворянами.

В один из этих спокойных дней, я написала письмо сестре Мирне, спрашивая, как там Даша и Кира. Ленке я позволила немного укоротить свои длинные густые волосы, а Пиа — в один из своих ночных визитов принести закуски и рассказать о том, что испытывал Юрий, когда на днях предложил ей выйти за него. Но его родители не были в восторге от мысли о том, что им придётся принять в семью прислужку.

— Но это до поры, пока они не увидят, что я тоже читать умею, — бодро сказала она.

— Ты говорила, что хочешь заняться арифметикой. Потом, — я улыбнулась, но потом пожала плечами. — Вот тут помочь тебе не смогу.

Она смеялась, читая мне последнюю страницу сказки о безрукой девушке, у которой, когда ей понадобилось вытащить собственного ребёнка из колодца, волшебным образом отрасли руки.

Каждый день я уделяла несколько часов тому, чтобы отправиться в комнату с гобеленами и продолжить читать книгу Тоси. Свернувшись на кровати калачиком, я не могла оторваться от его книги.

Трон — то земля, где властитель сидит,

Много их есть, не один он сидит.

На пятую ночь, одна из тех свеч, которые, с момента получения книги, заменяли бесчисленное количество раз, превратилась в огарок. Она давала последние светлые огоньки света. В ту же ночь принц постучался, затем — открыл дверь.

— Я ещё не закончила! — сказала я, усевшись на кровати.

Он прикрылся дверью, прежде чем в неё угодила моя подушка. Рассмеявшись, я юркнула вниз, но тени на стенах расплылись, и свеча погасла. Остальное — завтра. Если повезёт, Валко не выйдет из покоев и завтра.

Но нет. На следующее же утро в моих покоях, хлопая, появилась Ленка и сказала, что император требует моего визита. Он хотел, чтобы мы вместе прошли по дворцовому саду. Мне стало не по себе. Как это оказалось просто, избегать внимания Валко всё это время. Даже мой синяк уже успел почти что зажить.

Мы встретились в фойе, около большого зала. Его одежда была достаточно мрачной: оливково-зелёная накидка поверх серой рубахи и таких же штанов. Ленка же настроения императора не подметила — я была одета в светло-желтое платье и лавандовую накидку, подчёркивавшую мою талию. Я чувствовала себя смешной, как если бы он был в одежде из монастыря, а я — разодетой девушкой Ромска. Но, если Ленка хотела, чтобы я затерялась в многообразии цветов императорского сада, ей это удалось.

Я посмотрела на его переносицу, затем присела в реверансе. Точно также действовал Антон, чтобы как-то раз отдалиться от меня. Поняв, в каком настроении находится император, я почувствовала себя неудобно. Я всё ещё помнила, каким беспомощным он казался в моих руках и предсказать то, каким он будет со мной сейчас, не представлялось возможным. Он захочет доказать своё превосходство или тот инцидент станет основой нашего доверия? В его ауре я, на удивление, чувствовала сдержанность. Мне пришлось выдохнуть, чтобы хоть как-то успокоить себя.

— Прогуляемся? — он протянул мне руку, и, не видя альтернативы, я согласилась.

Двое слуг открыли двери, ведущие к саду с другой стороны дворца. Песни птиц раздавались отовсюду, а я наконец-то почувствовала первый глоток весеннего воздуха после долгой зимы. Тюльпаны и нарциссы тут и там росли на небольших клумбах, среди живых изгородей из переплетающихся кустарников. Создатели сада же будто сделали настоящий лабиринт из дорожек для таких прогулок, как сегодня. Я закрыла глаза и почувствовала, как моего лица коснулось солнце. Даже не хотелось думать о том, что мне придётся возвращаться назад.

Открыв глаза, я поймала задумчивую улыбку Валко. Хотелось верить, что он остаётся таким же спокойным, как и был утром.

— Кажется, ты чувствуешь себя, как дома, — сказал он.

— Да, вы правы, — ответила я, вспоминая о тех растениях, которые мне довелось видеть. Жизнь среди Ромска научила меня тому, что такое дом. Но, наверное, я снова сказала что-то неправильно. Император приблизился, а моё сердце колотилось так сильно, что я едва сдерживала себя, чтобы не вздрогнуть. Я держала руки ближе к телу, чтобы, в случае его приставаний, я могла отбиться.

Мы шли по дороге, выложенной плитами, за нами — несколько охранников из его свиты. Около деревьев танцевали бабочки, создавая впечатление, будто всё хорошо, но всё, что я чувствовала — это притворство, которое я смогла на себя натянуть. Я не знала, смогу ли почувствовать себя желанной императором снова. Казалось, мой язык приклеился к нёбу. Я не знала, стоит ли мне расслабиться, ведь всё ещё не могла понять, чего от меня хочет Валко. Я молилась, чтобы эта прогулка не стала ещё одной попыткой заставить меня стать своей любовницей.

Мы шли по мосту, через ручей. Он был одним из притоков реки Азанель, протекавшей через Торчев. Приток же впадал в небольшой пруд, расположенный в тени беседки, на открытом воздухе. Из-за мраморных колонн, она походила на небольшой храм. Валко жестом указал мне на одну из лавок. Стражи остались снаружи.

Я сжала руки на коленях, осматривая пруд, где лениво плавали рыбы. Солнце поднялось выше. В конце концов, император начал разговор.

— Соня, я думал о том, что ты сказала мне.

— Да? — скорее всего, он имел в виду ту ночь, когда я сказала ему слишком многое. Я нехороший человек. Ты не знаешь меня. Это не любовь.

— Ты пообещала мне показать то, каким я могу быть, — его слова звучали так, будто он обдумывал их достаточно долго; так, будто в них проявлялось больше смирения, чем раньше. Но он смотрел в свои руки. — Ты сказала, что с меня довольно.

— Да, — он, и правда, меня слушал? Неужели он действительно считает, что Рузанин не должен протянуться от моря до моря?

— Дипломат сказал то, что поразило меня. Он сказал, у нас в Торчеве достаточно

людей, чтобы остановить пограничные с Эсценгардом войны.

Я попыталась считать эмоции Валко. То же самое можно было сказать о многих потребностях империи. Здесь, во дворце, под золотым куполом, мы пируем вдоволь, за этими стенами живут голодающие люди. Они нуждаются в помощи. Они платят налоги, в тот момент как дворяне от этого освобождены. Простые люди — опора Рузанина, но их призывают на войну, они платят слишком много из собственного кошелька, из собственных хлебов, при этом взамен получая слишком мало.

— Да, это правда, мой император. Мы можем тратить намного меньше. И, будь у нас больше средств, мы могли бы сделать это, — энтузиазм, которым я так внезапно прониклась, стал постепенно наполняться сомнениями. — Я не уверена, что говорю правильно.

— Для чего мне нужен Эсценгард?

— Чтобы завоевать Шенгли, — что-то внутри меня стало нарастать. — Но Вы согласились с тем, что Рузанину достаточно того, что у него уже есть.

— Да! И если у нас достаточно сил для того, чтоб остановить пограничные войны на западе, — он встал и принялся ходить по территории, сопровождая жестами чуть ли не каждое слово. — Почему, в таком случае, не отправить эту силу на восток, где военные, в случае необходимости, могут одержать победу над этими варварами?

— При всём уважении, Ваше Величество, — я вздрогнула, вспомнив о том, как Флокар назвал нас дикарями. Как же это удобно: считать себя более цивилизованным, чем твои соседи. — Вряд ли можно назвать народ с превосходными знаниями медицины и астрологии варварами, чего стоит то, как они умеют воевать. У Шенгли есть своя собственная культура, собственный верховный Бог. Не думаю, что, объединившись с ними, мы сможем достичь мира.

— Дело не в мире! А в нас. Мы должны утвердиться на этих территориях. Этот мир создали наши Боги и тысячи лет назад эта территория разделённой не была. Нефрит, леса с безграничным количеством деревьев, всё это должно принадлежать только Богам, создавшим это. Шенгли поработали эти края слишком долго, и теперь мы обязаны исправить это упущение. Если мы завоюем их, они будут на нашей земле, рыть наши шахты, строить наши крепости. Такие же сильные, как Торчев.

Валко поднял несколько камешком и стал кидать их в пруд, но они перелетали на другой берег пруда.

— Соня, я вижу тот день, когда мощь Рузанина станет безграничной. Настолько, что мы пойдём к Баяковым горам и завоюем Эсценгард. Теперь я всё понял, — он повернулся ко мне, показывая свои яркие глаза. — Вот почему я был рождён для того, чтобы взойти на трон. Вот почему я родился первым. Можешь представить больший дар Богам, чем мир, ставший одной империей, принесённой к их алтарю? И всё это сделает только лишь один император, чья слава будет греметь по всему миру.

В моём желудке, будто ниоткуда появилась желчь. Она поднималась до самого горла. В моей голове тут же всплыли строчки из стихов Тоси. Их смысл казался прекраснее, чем то, что говорил мне Валко.

— Но что, если Боги создали всех нас братьями и сёстрами? — братья не ищут славы в честь своего перворождения, они не поднимаются вверх на спинах рабов. Я прекрасно знаю, что предлагает нам жизнь, когда у нас нет выбора. — Что делать, если Боги хотят, чтобы каждый из нас сам выбрал свой путь?

Например, как это делали Ромска, у которых и вовсе не было религии. Или как Юлия,

вера в Фейю которой принесла такой блаженный покой. Или, может, как люди из Шенгли, которые поклонялись не семи Богам Рузанина, а своему собственному, единому.

— Да, всё так! — Валко потянулся ко мне. — Одна семья, под одними Богами.

— Как в такой семье кто-то может быть лучше или хуже? — покачала я головой.

— Так должно быть. Иначе в мире воцарится хаос. Мудрецы должны править, а младенцам нужно показать путь. Правильный путь.

— Значит, для Вас я — младенец? — И кто же эти дети в его понимании? Шенгли? Эсценгардцы? Крестьяне Рузанина? А я?

— Ты — моя Имперская Прорицательница, — он был ошарашен моим вопросом, и это я чувствовала в его ауре. Можно было услышать, как он думает. В его мыслях — «Почему она этого никак не может понять?» — И я не могу не зависеть от тебя.

— Как во время сбора урожая хозяин зависит от крепостного, — пошутила я.

— Разве это имеет значение? — его брови нахмурились. — Мы пресытимся этими плодами вместе в любом случае.

— Но вы всё равно получите избыток, — император настаивал на том, что мне это нужно. Но с ним мне равной не стать никогда.

— Я думаю, я знаю, почему ты сердисься, — он выждал немного, затем кинул в пруд последний из камней. — Потому что, Соня, ты не можешь выйти за меня.

— Я не говорила о браке, — мои глаза расширились. Будто я горела желанием сочетать свою родословную и его.

— Ты и так дала мне понять, что ты не желаешь быть моей любовницей, — он был прав. Я прикрыла рот. На замок. — Боюсь, выше этого твой статус поднять я не смогу.

Я закрыла глаза. Конечно же, он думал, что статус его любовницы будет на порядок выше, чем то, кем я являюсь сейчас.

— Мы беспокоимся друг о друге, как бы то ни было... Правда? — спросил он.

— Да, — я беспокоилась о том ребёнке, которым он был в душе. Ребёнком, который никогда и никого не просил возвышать его до императора. По правде говоря, я не была уверена, как сильно о нём беспокоюсь. Я не была уверена в том, какие из моих чувств принадлежат мне, а какие — только эхо его собственной ауры. Или моя забота о людях Рузанина — это не отражение его желания расширить империю?

— И этого мне достаточно. Ты, моя провидица, бальзам для моей души. Соня! — он поцеловал мою руку, и его аура снова стала яркой, наполненной жизненного тепла. Он мягко улыбнулся. — Ты так много сделала для меня. И ты была права. Ты показала мне то, кто я. Благодаря тебе я прозрел. Я понял, что происходит. Посмотри же, что я вижу! — он развёл руки, показывая пруд так, будто он представлял мне свой собственный мир. Свою всеобъемлющую империю.

Он снова стал ходить около меня, говоря всё больше и больше, кидая камни всё дальше и дальше. Он рассказывал о том, что мы могли бы сделать с богатствами Шенгли, как нужно снизить возраст призыва, чтобы в армии оказалось больше людей. По его словам, мы могли бы строить большие порты, которые будут крепко стоять. Все его маниакальные идеи заставляли меня трястись. Я чувствовала, будто под кожей ползают тысячи насекомых.

Он становился монстром. И благодарил за это меня.

Я держала рот на замке и не осмеливалась сказать больше, ведь он не слушал. Во всём, что я ему рассказывала, он находил какой-то свой смысл, подходивший его понятиям о славе.

Я всего лишь выжидала время. Я не могла разделить хотя бы искру его энтузиазма, так как у меня не было даже этого. Если бы это сделала я, это не играло бы роли. Валко был настолько захвачен мыслями о своей великой империи, что моя поддержка ему уже не была нужна. Во всяком случае, изначально я предполагала, что он позвал меня сюда именно для этого. Так как за то, что причинил мне боль, он так и не извинился.

Только сейчас я поняла, что всё это время я цеплялась за призрачную надежду на то, что он ещё стать тем очаровательным мальчиком, чье прикосновение в тот вечер меня так удивило.

Я никогда не теряла надежду на то, что это ещё раз случится.

Я постучала в дверь с тёмно-синими рисунками, и её тут же открыл Антон.

— Твой брат сошёл с ума, — сказала я.

— Ты уже прочла? — он кивнул, затем его взгляд опустился на книгу в моих руках.

И видя закрытых детишек в гнезде,

Боги терзают святыне одежды,

Небо, закрыв, хоть полёт и в нужде.

— Да.

О бедные дети, о солому разбились,

Крылья пушистые их оживились

— Заходи.

ГЛАВА 23

Антон указал на два стула около печки. Весенним днём Рузанин был прекрасным местом, но в ночное время холод начинал ощущаться. Пока принц заваривал чай, а самовар упрямо свистел, я рассматривала позолоченную надпись на книге Тоси. Антон разлил чай в два стакана, и, закрепив их в оловянных подстаканниках, подал. Конечно, это был не тот искусный фарфор из Шенгли, из которого пил император, но, всё же, неизменный аромат чая с шиповником наполнял воздух вокруг.

— Варенья? — спросил Антон. Я кивнула, наблюдая за тем, как он добавляет в мою чашку что-то розовое, напоминавшее лепестки розы. В свою же он добавил немного рома. Стало быть, ему было необходимо успокоиться. Я чувствовала это — его напряжение будто танцевало в моих венах. Это всё принадлежало ему. Я чувствовала, что эта ночь станет ночью ответов. Мой разум подсказывал мне, что будет именно так.

Он поставил чайные стаканы на маленький столик из красного дерева, располагавшийся между нашими стульями. Древесина была лакированной, как и всё деревянное в комнате, а пастельные тона обивки только дополняли вид помещения. Кроме того, были зажжены и несколько свеч. У меня в голове снова пронеслась мысль о том, что он ждал меня. Он понимал, что прошло уже достаточно времени, чтобы я закончила книгу и рассказала ему обо всём, что я чувствую.

Мой взгляд скользнул к его одежде: рубашке, заправленной в брюки галифе, которые, в свою очередь, были заправлены в высокие тёмные сапоги. Меньше одежды на нём было только в тот раз, когда я пришла к нему сразу же после купания. Я начала задаваться только одним вопросом. Неужели, он и спит в сапогах? Мои пальцы сами стали закручивать мягкие концы шнуровки моего халата. Может, он и вовсе спит без одежды.

К моим щекам подступил румянец, и я глотнула немного чая, но горячая жидкость только заставила меня покраснеть ещё сильнее. Брёвна потрескивали в печи. В этих покоях, и правда, было достаточно парко.

— С тобой всё хорошо? — Антон поднёс ко рту свой стакан. Из-за чая, его губы, казалось, блестели.

— Да, — я встала, и, посмотрев в сторону, ответила. Ответ был немного скомканным. — Вернее, нет. Валко... Его Величество сегодня был невыносим.

— Что он с тобой сделал? — Антон успокоился.

От такого изменчивого настроения, по моей спине пронёсся жар. Я посмотрела на него. Наверное, он продумал самый худший вариант развития событий в случае, как если бы Валко снова превратился в насильника.

— Уверяю тебя, ничего подобного. Он был нежен, — сказала я, но что-то подсказывало мне, что Антон сомневался в этом.

— Той ночью, на балу, я смогла его успокоить и убедить, что потеря такого союзника как Эсценгард к лучшему. Но прошедшие несколько дней он провёл у себя в покоях. И я подумала, что... — я пригладила складки на моей ночной рубашке и пожала плечами, понимая, что была не права, — ... что он смирился и увидел свои ошибки.

— Но жажда к власти у моего брата стала только сильнее? — принц посмотрел в пол, затем — в оправу стакана.

Я кивнула и принялась пересказывать ему всё услышанное: планы Валко о военных в Торчеве, понижение призывного возраста, в том числе и для простых людей, а затем и наступление на Шенгли. Всё для того, чтобы завоевать нашего соседа и поработить своих же граждан, которых, в общем-то, устраивают и нынешние размеры Рузанина.

— И ты думаешь, что твоих усилий было достаточно? — Антон был обеспокоен, но не удивлён.

— Я думала, что сделала всё в ту ночь, но я ошиблась. И то, что я говорила сегодня, он совершенно не слушал.

— Но ты могла говорить правильные вещи, — глубоко вздохнул он.

Я сложила руки на груди, ощущая холод. Во мне проснулось разочарование и страх того, что Антон потерял всякую веру в меня и в то, что я могу хоть как-то повлиять на его брата. Но это ведь правда. Ничто уже не способно остановить императора и у меня уже не было никакой уверенности в том, что я смогу оставаться его тенью и наблюдать за тем, как моя родина погибает.

— Но есть то, в чём я абсолютно уверен, — сказал принц. — Когда ты действительно хочешь его убедить, ты получаешь над ним власть. Я видел это. Конечно, этого мало, чтобы контролировать его долго, но нам это не нужно. Нам нужно, чтобы он взорвался в нужный нам момент.

— Что у тебя на уме? — я отодвинулась, чувствуя, как во мне затрепетали надежда и некая осторожность.

— Садись, — он сделал глоток и поставил стакан на стол.

Я опустила на стул и тут же переместила руки с бёдер на колени, в знак доверия. Он должен был понять, что мне можно доверять. Вот оно. Я вот-вот получу ответы на все свои вопросы. То, чего я так долго ждала. Антон должен был увидеть, что я готова его слушать.

— Что думаешь о книге Тоси? — начал он.

— Тося проявился блестяще, — мой взгляд упал на стаканы.

— Даже так?

— Он заставляет очиститься затуманенные глаза, — Антон приблизился, и я попыталась уточнить. — Люди не бунтуют против суровых правителей и бесчисленных

налогов потому, что верят: лорды были выбраны Богами. Они верят в тех, чье происхождение выше. Но Тося смотрит на веру людей и обращает её в свою пользу. Он говорит, что Боги любят всех детей Рузанина в равной степени. Боги, скорбящие о том, что мы не можем быть такими же, как они.

— И это то, что ты подчерпнула из одной книги?

— Эти мысли были у меня раньше. Книга Тоси просто меня поддержала.

— Как думаешь, простые люди подумают так же, как и ты?

— Скорее всего, они потребуют новых прав, — я пыталась считать ауру принца.

— Какие права ты им дала бы?

Это напоминало испытание. Но, в каком-то смысле, это меня не беспокоило. Я слишком много думала об этом.

— Равные привилегии. Наказания должны быть как среди крестьян, так и дворян. Налоги должны быть равными для всех. Свобода выбора должна быть. За исключением случаев, когда человек посягнёт на чужую свободу.

— А что ты скажешь о праве самоуправления? — он облокотился на колени.

— Я не уверена, что понимаю тебя правильно, — мои губы приоткрылись. Долгое время до этого я не могла ничего сказать. Через стёкла будто проходил ветер.

— Разве равенство не означает, что люди имеют право взаимодействовать с теми, кто ими управляет? Если у них будет право голоса, они смогут голосовать. Они даже могут выбирать. И проводить кампании.

— Но ты должен управлять ими. Как император. Люди должны следовать за тобой. И им не нужно за это голосовать, — в моей душе расцветала боль. Я стала едва заметно тереть грудь, чтобы не потерять его и уклониться от своего замешательства.

— Что, если я стану править? — Антон наклонил голову. — Что, если я предоставлю народу права? Могу ли я гарантировать, что мой старший сын, когда сядет на престол, будет поддерживать мои взгляды? А его сын?

— Ты не можешь передать управление народу! — я поднялась на ноги и отошла от него. — Простолюдины и дворяне составляют законы вместе? Работают бок о бок? Нелепо! Неслыханно!

Это то, о чём они сговорились? Хотелось верить, что принц говорит только о том, чтобы скинуть с престола своего брата. Но это? Это было невозможно. Затея безумна.

— Почему? Это настолько радикально? Почему один человек решает судьбу большинства? Как он может понять их всех? Может, ему игодились бы твои способности, но от аур такого количества людей можно сойти с ума, — Антон встал на моём пути. — Довольно управления без понимания всех и каждого. Посмотри на Валко.

— Поговори со мной, Соня, — я увернулась от принца, растирая кожу на груди. Но он взял меня за руку. Он потянул меня обратно.

— Ты не будешь слушать! — я покачала головой, стараясь подавить панику внутри. — И у тебя, и у твоего брата какие-то безумные мысли о правлении. И ни один из вас меня не услышит.

— Я услышу. Прямо сейчас. Скажи мне, почему этот план провалится?

— Я знаю, что гнев, разожженный несправедливостью, делает с людьми, — сказала я. Я сглотнула, вспоминая энергию аур в Ормине. Толпы голодающих крестьян, столпившихся у монастырских ворот. — И, когда они понимают, как сильно их обделили, когда, вдобавок к этому, бразды правления переходят к ним и они почувствуют, что могут на что-то влиять...

Антон, это будет бойня! Они будут пытаться убить всех, кто их притеснял, — я положила руку на живот, представляя, что станет со мной, почувствуй я энергию толпы. — Я не представляю, как это можно устроить мирным путём. Такие колоссальные изменения означают лишь войну. Войну против нас же. Может, ты и правда станешь тем великим человеком, который... — я посмотрела на него исподлобья, — ... сможет осторожно подтолкнуть их, наставить на истинный путь. Возможно, в течение века мы и будем готовы к «власти народа».

— Ты удивишься, но я думаю также, — он улыбнулся. По-настоящему. — Ты понимаешь, что я хочу достичь всего мирным путём? Соня, в ходе революции, я не желаю ничьей смерти, даже смерти брата. Ты считаешь, что слишком много больших изменений повлекут за собой хаос. И в этом ты права. Я считаю, сейчас благородные лорды не готовы отдать своим крестьянам все земли или же заработать их часть. Но, если каждый в этой империи, мужчина или женщина, богатый или бедный, имел бы право на голос, в течение времени мы могли бы прийти к равенству. Есть только одна мысль, в которой я уверен: эти мысли не нужно откладывать. Если оставить империю в руках Валко, объединить Рузанин на почве одной идеи в скором времени мы не сможем. Он хочет расширить империю, а, значит, объявит войну. Он будет убивать нас десятками, тысячами, пока все не отступятся от своих территорий. Его мечта в реальности — не больше, чем пустырь, с костями и пеплом.

— А о чём мечтаешь ты? — неуверенно спросила я. — Твой же брат опередил тебя, тебя обманули надеждами, говоря, что ты станешь императором. У тебя, и правда, нет никакого желания сидеть на троне?

— Я слишком долго думал, что моя жизнь станет такой, — принц вздохнул и принялся тереть затылок. Свечи отбрасывали тень на его лицо.

— И что заставило тебя изменить своё мнение? — я подошла ближе, чтобы увидеть его глаза.

— То, что Валко оказался живым... Я просто проглотил свою гордость, — он потупился в пол, бровь неожиданно дёрнулась. Он поднял подбородок, чтобы посмотреть на меня, прямо в глаза. — Вкус этого оказался более горьким, чем я ожидала. А потом я встретил Тосю. Его караван останавливался возле моего имения, в лесу, каждое лето. Он не относился ко мне так, как относятся к дворянам. Он относился ко мне, как к другу, — Антон вновь опустил взгляд, затем выпрямился и провёл рукой по волосам. — Друзья — это роскошь, которой у меня никогда не было. Тося спросил, не мог бы я давать ему книги из библиотеки усадьбы, — принц продолжал. — Он довольствовался вот такими небольшими порциями образования, изучая книги на протяжении многих лет. Я заплатил за его образование в академии, а затем пожертвовал достаточно денег, чтобы его первая книга была издана. Однако об этом не знает никто. И даже он.

— Эту книгу прочитали больше людей, чем ты, Соня, думаешь, — он продолжал, а я чувствовала вспышку его гордости в своём сердце. Он улыбнулся, раскрываясь предо мной всё больше. Свет сверкал в его глазах. — И те, кто читал, вынесут в народ главную мысль: Правит не один, а многие. Революция уже близко, Соня. Я больше не хочу быть императором. Я хочу быть частью восстания.

Я почувствовала, как меня заполняет доброта Антона и какое-то чувство правоты. То же самое я ощущала, когда читала произведения Тоси. Но незащищённость, которая неслась от меня самой, сбивала меня с ног. Он никогда не будет заботиться обо мне так же, как и об идее революции. Для него нет ничего важнее этой мысли.

— Я — Имперская Прорицательница, — я пыталась вспомнить о своём долге. В отличие от того, о чём говорил принц, мой долг был навязан мне. У меня не было выбора. — Вот почему ты никогда не делился со мной этими мыслями? Потому, что это — государственная измена? Ты знаешь, что я должна сообщать Валко о любой угрозе его правлению.

Я не знала, что делать, но мне нужно было увериться в том, что поставлено на карту. Если бы меня поймали на том, что я знаю, меня тут же повесили бы, а Даша и Кира оказались бы во дворце, на моём месте.

— Я доверяю тебе, — ответил он.

— Дело не в доверии! Почему-то оно не проявлялось несколько месяцев! Ты сделал это только сейчас. Ты выдал мне эту книгу только после того, как увидел меня в ночь бала, с императором, — скрестив руки на груди, я стала говорить так, будто в ту ночь, подглядывая за нами, он совершил преступление, за которое его покарают. — Что-то изменилось.

— Ты права, — сказал он таким тоном, будто не собирался извиняться. — Так и есть. Я беспокоюсь о тебе и не могу подвергать риску.

Что-то, неизвестное мне, пробежало между нашими ореолами аур. Но это нечто было таким быстрым, что я поняла — это исходит не от меня. Ощущения, пережитые в тот вечер, оседали во мне достаточно долго, даже при воспоминаниях.

— Но ты не права, когда говоришь, что дело не в доверии, — продолжал Антон. — В ту ночь ты доказала мне, что у тебя есть храбрость. Ты сможешь восстать против Валко. У тебя есть сила воли, и ты всегда найдёшь способ её показать. Как я понял, оставаться с ним у тебя не было никакого желания.

— Я всего лишь подарила ему сострадание, — сказала я, чувствуя стыд.

— Потому, что это то, чему невозможно сопротивляться. Это — твой инструмент. То, в чём я не был уверен.

Я отвернулась, изучая диковинные узоры на его печи. Сердце в груди отбивало бешеный ритм. Какая-то часть меня всегда знала, насколько опасны секреты принца, но я всё ещё продолжала раскрывать их. И вот теперь, когда все они предстали предо мной, с их помощью я могу умереть. Когда я повернулась к нему, мы встретились с ним взглядами. Его глаза согрели меня верой.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила я.

— Убеди Валко отказаться от власти, — он взял обе мои руки и сжал их.

— Отречься? Это не... как это возможно...? Ты — безумец! — мои брови поднялись, а во рту стало сухо. Я хотела засмеяться. Я пыталась. Но аура Антона, заключённая внутри меня, была трезвой, будто ром в его чае никак на него не подействовал.

— Соня, ты — ключ. С тобой эта революция увенчается успехом, даже без кровопролития.

— Я не так хороша, как ты обо мне думаешь, — я пыталась отдёргнуть от него руки, но он крепко держал меня.

— У тебя есть власть над моим братом. Подобного я не видел никогда. Из-за тебя он отказался от Эсценгарда.

— Я не просила его это сделать! Это не имеет ничего общего с моей способностью. Я не целовала Валко. Мне было больно. Это не идёт ни в какое сравнение с тем, что ты говоришь. Он не откажется от своей империи. Потому что я шепчу ему слова утешения!

— Но этого было достаточно, чтобы той ночью он тебя отпустил. Учитывая то, как

много он потерял, он не мог потерять ещё и тебя, — Антон не дрогнул. Его убеждения оставались его убеждениями. — Он хочет тебя. Как зверь. Он мог бы очаровать тебя так, чтобы ты, будто улитка, вылезла из своей раковины. Но, всё-таки, он под твоим контролем. Ты знаешь, скольких женщин он совратил?

— Валко хочет меня потому, что я не даюсь ему, — я подумала о том, как ему поддалась Пиа. Поцелуй Пиа. Который она должна была подарить Юрию. — Я играю с ним.

— Это не имеет значения, хочет он этого от меня или от тебя.

— Что ты имеешь в виду, говоря «от меня»? — моё сердце сжалось.

— Валко жаждет власти, — он закрыл глаза, будто ловя себя на нежелательном слове. Внутри меня снова разлилось тепло, отвлекавшее меня от намерений Антона. Это тепло проникало под кожу, будто пытаюсь разбудить меня ото сна. Принц открыл глаза, чтобы посмотреть на наши руки. Его собственные стали меньше давить на мои. Его взгляд бродил по моему лицу. — Я считаю, что нашего покорения он желает так же, как и покорения Рузанина.

Он ответил не прямо. Но, в этот момент, это меня совершенно не волновало. То, как он смотрел на мои губы, заставляло меня чувствовать себя прекрасной, бесценной, желанной. Я вдохнула, прерывисто выдохнула и попыталась мысленно вернуться к тому, о чём мы говорили до этого. Я не могла ничего ответить. Кроме того, что его просьбы выполнить не смогу никогда.

— Если мой план потерпит неудачу, под угрозой будет не только моя жизнь, но и жизнь всех те, кем я дорожу, — Даша и Кира. Они здесь долго не продержатся. Ты. Я отыскала взглядом Антона. Этот план, явно обречённый на провал, ставит на карту его собственную жизнь. Валко точно узнает о том, что ко всему этому причастен и он. В этом я была уверена. У меня даже не было мысли о том, что он оставит своего брата в живых.

— Почему ты не танцевал со мной на балу? — слова сыпались из моих уст без моей на то воли.

— Уже поздно, — сказал он. Его взгляд вспыхнул также неожиданно, как и его удивление внутри меня. Он отпустил мои руки, но я коснулась его спины. — Мы можем поговорить завтра вечером...

— Почему?

— Танец с тобой был неуместным, — как ни в чём не бывало, сказал он и отвернулся.

— Это не просто так. Есть причина более важная, — я подошла ближе, заставляя его смотреть на меня.

— Это бы разочаровало Валко, и весь его гнев пал бы на тебя, — сжал зубы он.

— Его там не было.

— Зато были его глаза и уши. А этого достаточно.

— Рядом с нами никого не было, — я должна была понять, почему.

Антон нахмурился, его брови потянулись к переносице. То тёплое чувство, заключённое во мне, становилось всё сильнее и будто скользило под моей кожей.

— Ты просто хочешь пригласить меня на полуночный вальс? — он расплылся в полуулыбке. Я была уверена в том, что она была лживой.

— Не прикидывайся. Я не ребёнок.

— Нет. Ты — Прорицательница, — его улыбка померкла, а тон стал по-настоящему обличительным.

— Ты не доверяешь тому, что я чувствую? — хотела бы добавить я, но боль внутри была

слишком сильной.

— Я пытаюсь тебя защитить, — его руки сжались на моих.

— От себя?

— От эмоций, которые не принадлежат тебе, — он опустил взгляд. — Ты и так достаточно страдаешь.

Я попыталась вырваться. Из-за его слов, на глазах появились слёзы. Мне хотелось что-нибудь сломать. Я хотела найти здесь зеркало и разбить его, доказывая, что кровь течёт, но мне не больно. Как же это трудно для него: признать то, что он обо мне заботится. И не как о подруге, как я любила себя обманывать. Эти красивые слова ещё больше склоняли меня на его сторону.

Но нет. Я попятилась, чувствуя, как слёзы текут по щекам.

— Страдаю? — буквально выплюнула я. — Вот это, — я очертила рукой расстояние между нами. — Вот это настоящее страдание.

— Соня, — он умоляюще посмотрел на меня.

— Ты не доверяешь мне! — я вытерла слёзы. — Ты даже не думаешь, что я достаточно сильна, чтобы чувствовать собственные чувства. Как ты можешь просить меня о том, чтобы я предала императора, чтобы я рисковала своей жизнью? — я посмотрела на потолок в надежде отыскать изображения Богов. Может, хоть они помогут мне его понять. — Как ты можешь верить в то, что я не забочусь о том, что происходит с Валко? Как ты можешь думать, что он абсолютно не заботится о тебе?

Я ходила по комнате, качая головой. Заботиться — не самое правильное слово, но, так как здесь замешано предательство, я не знаю, какое слово стоит подобрать.

— Я уважаю твою свободу, — попытался объяснить он. Антон снова прошёлся по волосам рукой. Его глаза широко раскрыты. Кажется, он потерян. — Прежде всего, я хочу, чтобы свободной была ты.

— Думаешь, я всё ещё беспомощная девушка, которую привезли из монастыря. Может, ты даже прав! — я рассмеялась и развела руками. — Может, я всё ещё остаюсь такой. Тогда ты совершил ошибку, доверившись мне. Откуда тебе знать, что я предана твоим идеалам? Я могу просто отражать твою преданность, твою верность. И этого достаточно, чтобы увидеть меня насквозь?

— Не вся моя забота о тебе направлена только на то, чтобы ты оставалась моим приверженцем, — вздохнул он, а его печаль прибавлялась к моей. — Соня, ты знаешь, я верю в тебя.

— Нет, — я перестала ходить по комнате. — Нет, я этого не стою. Ни в полной мере, ни даже совсем немного. И твоя забота должна быть направлена и на это тоже, даже когда речь идёт о Валко. Ты говоришь о том, что уважаешь свободу, но что насчёт этого? Какой свободой наделён он, если я украду у него право выбора? Предположим, что я смогу убедить его.

— Революции всегда даются определённой ценой, — Антон говорил медленно, с трудом выговаривая слова. — Насколько я могу судить, это — меньшая из цен, которые мы могли бы заплатить.

Я потёрла щёки, стараясь избавиться от нахлынувших на меня эмоций. Цель недостижима. В моём сознании слишком много проблем, которые стоит обдумать. Свобода большинства ценой свободы одного цена не слишком большая. Скорее, лишком сильное давление. К тому же, всё это просил у меня принц. Принц, который не верит в такие простые

вещи, как, например, мои чувства к нему.

— Ты прав, — я свела вместе края халата и направилась к двери, ведущей к комнате с гобеленами. — Уже поздно. Я должна идти.

— Соня... — раздался тоскливый голос Антона.

Я ушла, не пожелав ему спокойной ночи. Находясь одна в этой комнате с гобеленами, я смотрела на стены. Лунный свет на ткани, где стелились леса и луга. Но ничто из этого прекрасного вида не заставляло меня успокоиться.

Сколько раз я пыталась сдержать в себе чувства к принцу? Это чувствовала даже Пиа, хоть и не имела такого дара, как у меня. Я та, кто всегда был слеп. Я всегда видела себя ниже, чем Антон. Я считала, что недостойна его. И вот, когда мне потребовалась защита, он обратил на меня внимание. Правда в том, что я влюбилась в него ещё тогда, по пути во дворец, до встречи с его братом. И, глубоко в душе я верила, что я — не отражение чувств Антона. Несмотря на то, сколько бы я раз ему не говорила ему о том, что он не прав, я точно знала одно: принц не может раскрыться передо мной в одном — в истине наших отношений.

И он тоже влюбился в меня.

ГЛАВА 24

На следующий же день Валко созвал совет. К моему удивлению, и Антон, и граф Ростов приступили к своим обязанностям. Я как всегда села меж двух братьев, граф же занял место напротив нас. Из-за большой копны волос его голова казалась больше, чем головы сидящих рядом советников.

Я стала ерзать на своём стуле. Между мной и Антоном повисла атмосфера неудобства, не успевшая испариться после вчерашнего разговора. На этот раз я делала всё, только бы избежать его взгляда. Так же, как и он избегал меня. Нечто подобное я чувствовала и в отношении императора. Одного разговора с принцем было достаточно, чтобы принять его за измену, чтобы осудить меня, даже если я не намеревалась его предавать.

К счастью, Валко так увлёкся темой обсуждения, что, казалось, не обращал внимания на моё неудобство. Он вникал в план завоевания Шенгли. Сначала его мысль была встречена ворчанием и настороженными взглядами советников, но затем, медленно, в течение дня, они уже заразились желанием видеть разрастающуюся территорию Рузанина. Валко даже приказал картографу сделать карту больше, без границы, отделявшей нас от соседней страны.

На карте, были указаны посёлки, где климат был слишком суровым, где бесплодные земли соседствовали с роскошными маковками зданий, укреплённых городских стен, каналов рек Шенгли, зелёные земли которого кормили нас. Вокруг виднелись дворянские усадьбы и размытые фигурки, в цифрах представлявших количество крепостных в Шенгли. Цифры были нацарапаны у них над головами: от нескольких сотен до нескольких тысяч. Ближе к Торчеву возвышались монастыри и университеты, центры изучения всевозможных верований, искусств, математики, философии. Здесь точно можно было найти что-то, на что можно обратить своё внимание.

— Советник Ильин, не ваш ли внук не так давно стал учиться на врача? — сказал Валко, адресуя ухмылку человеку, сидевшему за столом напротив. — Может ли он побороться с отвращением дворян к медицине? Некоторые до сих пор считают, что стакан водки и немного чеснока — и всё, любая хворь будет вылечена, — мужчина покачал головой. — Что же делать, если в каждом городе есть лазарет, в котором, за умеренную цену, каждый может получить бесценную помощь образованного врача? Не будет ли это чьим-то козырем?

Губы советника лишь поджались. Он снова посмотрел на карту.

— А что до Вас, генерал Лазарь? — император резко метнул взгляд на человека, сидевшего в двух стульях от графа Ростова. — Вы часто сетуете на то, как плохо подготовлен наш флот и говорите, что нам бы лучше защитить себя от Эсценгарда Артаньян. Сколько раз вы твердили мне, что мы должны обойти Баяковы горы, чтобы наладить отношения с эсценгардцами.

— Мой император, то, сколько раз я говорил это, посчитать невозможно, — хмыкнул Лазарь.

— Мы никогда не могли позволить себе прекрасный флот. Мы не можем кинуть на него слишком много средств. Мы должны поддерживать армию, которая заботится о расширении наших границ, — Валко поднял в воздух палец. — Но, если мы одержим победу над Шенгли, наши ресурсы увеличатся в два раза, с их богатством наша империя станет процветать. И тогда мы укрепим наш флот. Мы увеличим его в несколько раз, он будет намного сильнее. Разве вы этого не понимаете? — Валко улыбнулся. — Мы можем больше, чем просто защищаться от Эсценгарда. Мы сможем атаковать его с моря. А ты, генерал Лазарь, примешь полномочия капитана!

Генерал почесал затылок, и я почувствовала, как его негодование ушло прочь. Это произошло, как только он увидел отсутствие границы между Рузанином и Шенгли. Зажимая в руке одну из серебряных медалей на обмундировании, он думал о том, что можно стереть и границу с Эсценгардом.

Изучая карту, он не был единственным. Взгляды всех приглашённых членов совета путешествовали по карте, наполняясь голодом.

В скором времени, никто не выступил против понижения призывного возраста или увеличения процента военных Торчева для того, чтобы укрепить наши силы до вторжения в Шенгли. Никто, кроме Антона. Слова, сказанные им в прошлую ночь, всё ещё звенели у меня в голове. У каждой революции есть своя цена.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мечта Валко о правлении была одним из видов революции, но эта революция проходила за счёт войны. Земля впитает в себя кровь миллионов людей, независимо от того, в чьи владения нагрянет война.

Руки Антона были сложены на столе. Казалось, он рассуждает спокойно. Однако костяшки на его руках были белыми. Аура же напоминала человека, находящегося в белой горячке.

— Полагаю, фактически, Рузанин станет настоящим чудом этого тысячелетия, победив Шенгли, — сказал он Валко. Его голос казался холодным, показывая, насколько всё это ему презренно. — Но какое дело до этого женщине, утратившей своего мужа, сына, которые сражаются за расширение империи? Какое до этого дело тем, кто победит, но всё равно останется бесправным? Знать бояться не будет — от военной службы они освобождены. Их дома будут процветать, они будут строить поместья за поместьями, — он махнул рукой на карту. — Они будут учиться в университетах, будут до отвала наедаться в большом зале. А тем временем, те, кто падут ради нас, — его голос стал выше, он сорвал с себя маску спокойствия. — Они будут продолжать это делать. А ещё они продолжают платить налоги, от которых знать тоже освобождена. Те, кто делают больше всех для прославления империи, останутся в тени. Потому что средств для того, чтобы существовать, у них не будет.

Император смотрел на карту, указывая дорогу, которую можно проложить от Торчева до

Генши, но затем он сделал паузу и взглянул точно на своего брата, который превратил мои кости в лёд.

— Люди уже давно поделены, — сказал Валко. — Так было, есть и будет. Нам нужен благородный, процветающий класс, чтобы он мог служить примером.

— Примером в чём? — пожал плечами Антон. — Ведь люди никогда не достигнут этого: у них нет ни родословной, ни богатства.

Валко не ответил. Холод его ауры вторгся в мою, грозясь превратить дыхание в лёд.

— Николай, вы согласитесь со мной? — Антон посмотрел в сторону графа Ростова.

— Я могу стать исключением, — откашлялся и сказал Николай. Граф побледнел и заёрзал на стуле. Он смотрел то на одного советника, то на другого, после чего его взгляд наконец-то остановился на Валко. — Титул достался мне от отца, который заработал его служением империи, а вовсе не богатством и родословной.

Слова были хороши, равно как и логика происходящего, однако, это противоречило тому, что на самом деле чувствовал граф. Он не ответит на разочарованный взгляд Антона. Он всего лишь посмотрел на меня, взглядом полным вины. Он знал, что я чувствую то, каким трусом он на самом деле является.

— Вот! Антон, видишь? В системе нет ничего плохого. Те, кто действительно хотят, могут подняться на вершину, — Валко усмехнулся, понимая, что брат просчитался. Моё же волнение утихло, но я не могла сказать, что всё успокоилось. Я знала, что никогда не смогу подняться к Валко. У меня нет ни малейшего желания вступать с ним в брак, но это — глупость. Важно одно: несмотря на восхищения, он никогда не увидит во мне равную.

— На самом деле, — продолжал Валко. — Именно для этого я и позвал Николая. Его отец выиграл Пятилетнюю войну. Тогда я ещё был ребёнком, но эту историю знаю достаточно хорошо. Граф Ростов первым поднялся до генерал-лейтенанта. Многие считают, что его стратегические решения изменили ход событий и дали нам преимущество над «непобедимыми» Шенгли. Если, конечно, брат, ты об этом помнишь, — Валко бросил на Антона надменный взгляд. — То, что наши войны одержали победу и установили границу, стало настоящим чудом.

Император сел, придерживая спинку стула, как только речь зашла об этом, его аура наполнилась жадностью. Его жадность скребла мой желудок изнутри, давая понять, что мой аппетит ненасытен.

— Возможно, он даже делился с вами некоторыми шагами своей тактики, — сказал он Николаю.

Все повернулись к графу, чья кожа стала на оттенок бледнее. Через два стула от него, у генерала Лазаря стали раздуваться ноздри, от чего моя кожа покрылась мурашками. Сомнений не было: генерал не потерпит, чтобы кто-то, кроме него, давал императору советы по управлению армией. И это определённо то, что Валко имел в виду: он хотел, чтобы Николай помогал ему в стратегии боя.

Граф продолжал что-то бормотать о войне, о победных боях своего отца, но Валко уже не хотел ничего слышать. Было ясно: Николай его уже так не интересовал. Я чувствовала, что в его ауре появилось обострённое чувство тревоги, и он окутал себя им. Мир будто сжимался со всех сторон, он будто балансировал, находясь на горной вершине. Шаг влево, шаг вправо — расстрел.

Как ни странно, настроение Валко не ухудшилось. Можно сказать, даже наоборот. Уголок его рта приподнимался в усмешке каждый раз, когда он поглядывал на Антона.

Принц молчал до конца заседания. Его брови были напряжены. Кажется, от мысли о том, что он считал, что графу можно доверять.

Я рассматривала графа. Какую роль он играет в революции Антона? Вчера я не смогла спросить его о том, какие роли отведены Николаю, Юрию или Феликсу. Я была слишком обеспокоена тем, что Антон планирует революцию. И теперь, он просит меня о самом невыполнимом, самом рискованном: убедить императора в том, что он должен отречься от престола. Я не сказала Антону, что обещаю это сделать, да и вообще, что смогу, но... он всё ещё ждёт от меня этого?

Я пыталась понять, какая энергия скользит между нами, поэтому долго смотрела на принца. Однако он не ответил. Не мог. Не здесь. Что касается взгляда с моей стороны, то я буду надеяться, что он просто поймёт, что теперь я недоверчиво отношусь к его брату.

По правде говоря, смелее всех я точно не была. Что касается Антона, я уверена, что его планы на Рузанин слишком далеки. Возможно, сегодня я превзошла в трусости даже Николая. Как и он, я не защищала Антона. Это то, что принц хотел бы, чтобы я сделала? Использовать свою способность для того, чтобы император думал о Шенгли, а не о тех, кто принесёт себя в жертву его мечтам о величии? Я едва могу представить себе то, как подчиню себе Валко, как смогу управлять эмоциями всех присутствующих.

Когда собрание закончилось, мне разрешили уйти. Я вернулась в свою комнату и тут же открыла створки окна, чтобы вдохнуть такой необходимый свежий воздух. Как только ореолы конфликтующих между собой аур из зала совета покинули моё тело, я вернулась к своим мыслям. К своему чувству позора, которое заиграло вновь. Я вспомнила и те причины, почему я могу не подчиняться Антону: он не доверял мне достаточно, он не верил в то, что я не смогу лишить Валко его свободы.

Пытаясь отыскать утешения, из-под матраса кровати-коробки я достала книгу Тоси и прочитала ещё несколько стихотворений. Когда я всё ещё чувствовала себя неуверенной, когда ещё не знала, стоит ли решиться на помощь Антону, я встала на колени перед подоконником, будто у алтаря. Статуя Фейи, покровительницы Прорицательниц, смотрела на меня сверху вниз своими деревянными глазами. Я не касалась крови. Я молилась с набожностью, которая мне чужда. Ромска поддерживали во мне веру в то, что нет определённого божества — есть общая энергия, которая связывает души вместе. И, всё же, я молилась. Всё, что я знала — это энергия и мне нужно было нечто большее, чтобы это нечто вело меня.

Я попыталась успокоить свой разум. Я молилась, пока солнце не зашло, но, всё же, ни единого ответа я не получила. Я всё ещё не определилась.

Кто-то постучал в мою дверь. Шум испугал меня, заставил подняться. Ленка может зайти в любой момент, но она заходит сама, без стука. Я перешла в гостиную и остановилась перед дверью. Мою кожу кололо любопытство и предвкушение, на моём лице появилась улыбка. Только один человек мог заставить меня почувствовать себя так легко. Я повернула защёлку.

— Привет, Пиа.

— Привет, — она радостно заулыбалась. В своих руках она держала поднос с хлебом, сыром и дымящейся тарелкой супа, украшенной весенними травами.

— Разве на кухне тебе не сказали, что мы отобедали в зале совета? — я приподняла бровь. Это было больше, чем она приносила мне обычно.

— Кто говорит, что это всё для тебя? — её улыбка стала шире, и она захихикала.

Скользнув внутрь, Пиа поставила поднос на чайный столик. — Когда происходит что-то возбуждающее, я всегда чувствую себя голодной.

— О чём это ты? — я закрыла дверь.

Она присела и осмотрела мою кровать. Я присоединилась к ней, чувствуя, как она буквально танцует у меня на нервах. Её восхищение было каким-то особенным, не таким, как обычно.

Она порылась в кармане передника и отыскала там письмо. Свёрток был тонким и без вмятин. Она помахала им передо мной и стала играть бровями.

— Это от Юрия? — спросила я. Я не могла представить, чья ещё весть заставила бы её так радоваться.

— Это от принца Антона, — её улыбка стала такой широкой, что были видны зубы.

— Он написал тебе? — одно только имя заставило моё сердце биться быстрее.

— Нет же, дурочка, — она ударила меня письмом по руке. — Тебе написал. А меня просто передать просил.

— Оу, — моё сердце билось так сильно, что кровь прилиwała к щекам. Ну почему так? Почему Антон отправил мне письмо? Почему он сделал так, если мог просто постучаться в комнату с гобеленами? Я взяла в свои руки пергамент, разложила на коленях, лениво сгибая один угол.

— Да прочитай же ты! — она ждала три секунды, но потом не выдержала и выдохнула всё это с нетерпением. Она даже привстала.

— Он сказал, что там написано?

— Не-а, — призналась она. — Но это же принц. Соня, он тебе написал тайное послание! Разве это не романтично?

Если бы она задала мне этот вопрос до прошлой ночи, на моих глазах были бы слёзы. Но то, какими счастливыми она видела нас с Антоном, не было реальностью. Хотя я хотела бы верить, что это было так. Что бы сказала Пиа, если бы узнала, что принц видел меня чаще, чем это подобало? А если ещё и добавить то, что в эти моменты я была в одной ночной рубашке? К сожалению, правда разочаровала бы её. Антон никогда бы не продемонстрировал своих чувств ко мне, как и я своих к нему.

— Пиа, думаю, это письмо с романтикой не имеет ничего общего.

— А докажи, — она схватила меня за запястье. — Пожалуйста! Я весь день сегодня чего-нибудь захватывающего ждала.

— Тебе не хватило бала на прошлой неделе? — спросила я. Она рассказала мне, что Юрий подарил ей жаркий поцелуй сразу после того, как их тайный танец закончился. Правда, я не могла задать вопрос о Валко. Превзошёл ли поцелуй с Юрием тот поцелуй несколько месяцев назад.

— Да, но теперь Юрию нужно уехать, по какому-то поручению императора.

Я снова посмотрела в письмо. Интересно, Валко уже разослал людей для того, чтобы объявить, что призывной возраст понижен? Советом это было одобрено. Антон и Николай в меньшинстве.

— Читать вслух не нужно, — Пиа коснулась моего колена. — Просто скажи: романтично или нет. Пока Юрий не вернулся, чувства стыда ты во мне не почувствуешь.

— Этот солдат должен жениться на тебе как можно быстрее, — я покачала головой. — Иначе, пока он этого не сделает, каждый день ты будешь изводить меня.

— Давай читай! — хихикнула она. Я смеялась вместе с ней.

— Хорошо, — вздохнула я. — Но я гарантирую: ты ошибаешься.

Я встала и отодвинулась на несколько шагов, чтобы она точно не заглядывала мне через плечо. Сломав печать, я развернула письмо и схватилась за сердце, чтобы уговорить нервы.

Через час после полуночи встретимся у двери кухни. Той, что выходит на конюшню.

Надень простое платье.

Вот оно. Ни приветствия, содержащего моё имя, ни его подписи. Беспокоиться было не о чем, но, зная Антона, это могла стать чем-то неожиданным, если он ставит меня под угрозу. Конечно, меня бы наказали, если бы я захотела покинуть дворец, даже, если на несколько минут. А в этом я была уверена — он не попросил меня взять с собой хоть что-то. Только в своей одежде я пойти не могла. Скоро придёт Ленка и переоденет меня в мою ночную рубашу. Антон об этом знает. Он знает, что моя одежда не хранится в спальне. Именно поэтому он отправил сюда Пиа, с письмом. Чтобы я могла взять платье и не попасться Ленке. Но я не могла придумать предлог, чтобы ни у кого не возникло подозрений. Плюс, моё платье из парчи. Не слишком-то и сдержанно.

Однако Пиа была тем человеком, которому я могу доверять, во всяком случае, эту часть плана. Антон тоже ей доверял. Настолько, что в её руках оказалось это письмо. Юрий тоже доверял. Настолько, что собрание революционеров происходило именно в её комнате. Но принц сказал, что Пиа не знала об этом. Она не входила в его круг, и теперь я понимала, почему. Она была слишком рассеянной, быстро начинала волноваться и могла довериться многим. Тем не менее, она была моим верным другом и единственным союзником. Во всяком случае, сегодня.

— Ну? — её большие глаза округлились ещё сильнее.

— То, что я тебе сейчас скажу, не должен знать никто, — я свернула письмо.

— Я понимаю, — она стала медленно надвигаться.

— Кажется, этой ночью я куда-то уеду, — я закусила губу, понимая, что она может неправильно понять. — Но, я думаю, мы вернёмся до расцвета.

Челюсть Пиа отвисла.

— И мне нужна твоя помощь, — продолжила я в спешке. — Мне нужно простое платье.

— О, Соня! Как же я за вас рада! — она вскочила с дивана и обняла меня. — Разве я не говорила, что это будет романтично?

Мне пришло в голову, что это — единственная отговорка, которую я могу ей рассказать. Тем более, она уже верила в это. И вот, чувствуя себя глупышкой, я позволяю ей обнимать себя и громко радоваться. Иногда её крики напоминали мне визжание свиньи.

— Ты была права! — ответила я.

Ленка вошла в комнату, как всегда в неподходящее время. Я спрятала письмо и отпрянула от Пиа, которая метнулась к двери, и, пожелав мне спокойной ночи, даже забыла свой поднос. Когда Ленка повернулась ко мне, она подмигнула мне и вышла. Её хихиканье звоном неслось по коридору.

— Что это с ней? — Ленка направила брови.

— Да она такая всегда, — я подошла ближе к печи и незаметно кинула письмо за решетку.

За моим движением подсмотрела горничная, но она не могла видеть, что я конкретно сделала.

— Я так рада, что вы пришли. Я так устала, — я повернулась к ней, предлагая расшнуровать мой корсет. Ты переусердствовала, упрекнула я себя.

Ленка не сказала ни слова, ни в этот момент, ни в течение всего вечера. Её аура не казалась раздражённой. Скорее всего, после стольких лет служения Изольде, она научилась скрывать свои эмоции. Равно как и Антон. Я потратила много времени, пытаюсь зацепить ауру Ленки, но это было бесполезно. Пока она раздевала меня и заплетала волосы, я думала о том, почему, во имя Фейи, я так быстро согласилась уехать с Антоном. Я даже не знаю, что он намеревался сделать. Но теперь в этом принимает участие Пиа, и, скорее всего, я вызвала подозрения у своей горничной.

Возможно, я совсем не стремлюсь помочь Антону с его революцией, но он всё ещё удерживал меня. Или, возможно, удерживала его я. Возможно, эта ночь вместе — способ доказать, что он абсолютно во мне уверен. Оставалось только надеяться, что это не будет стоить жизни ни одному из наших союзников...

ГЛАВА 25

Скорее всего, единственный ключ от моего гардероба хранила Ленка у себя. Пиа не знала, каким способом можно его утащить, поэтому она принесла мне одно из своих запасных платьев.

— Я не могу прийти в одежде горничной, — сказала я.

— Оденешь моё платье — прошмыгнёшь на кухню незамеченной. И ещё кое-что.

Она помогла мне одеться, и мы ринулись вниз, опустим головы, чтобы напоминать слуг. После того, как мы добрались до кухни, Пиа огляделась, чтобы убедиться, что мы одни и впустила меня в кладовую. Она была настолько большой, что огромные погреба монастыря, в котором я жила, показались мне небольшими погребками. Из-за бочки с квашеной капустой она вытащила тёмно-синий сарафан. Крестьянское платье в форме колокола. Идеально.

— Это моё, но, думаю, тебе тоже пойдёт, — она улыбнулась. — Цвет выбрала специально, чтобы подходило к вечерней прогулке.

— Тебе это и правда доставляет много удовольствия.

— Ага, — она смеялась. Заставить её улыбаться не так уж и сложно. Она помогла мне укутаться в яркий платок со множеством цветов.

— А это зачем? — ухмыльнулась я.

— Не для чего, — она не подняла головы. — Но это скроет твои волосы, и твои карие глаза будут выделяться. Думаю, неплохо, да?

Я позволила ей его надеть на меня. Было сложно отрицать ту часть меня, которая хотела, чтобы для Антона я выглядела красиво. А учитывая то, что в районе груди и бёдер Пиа была немного пышнее меня, мне подходили любые методы это скрыть. Её туфли были мне велики, поэтому я осталась в ночных тапочках, веря, что под длинным подолом моей юбки они останутся незамеченными.

Форму Пиа мы оставили в кладовой, чтобы я не вызвала подозрений в случае, если Антон привезёт меня как раз тогда, когда Кук и остальной персонал начнёт приготовления. Затем, Пиа направила меня к кухонной двери, давай последние наставления.

— Не делай ничего того, чтобы не сделала я, — прошептала она.

— Тогда уж лучше ничего не делать.

— Повеселись там, — она хихикнула и в последний раз обняла меня. — А завтра я хочу услышать всё!

— Конечно.

О, ложь, которую я должна была говорить!

На цыпочках, Пиа стала быстро уходить. Я осталась одна, прислоняясь к двери и заламывая пальцы в темноте. В воздухе пахло мылом и кровью от вещей мясника. Вокруг меня чувствовались ауры мёртвых животных. Я решила ничего не трогать.

Появившись на месте встречи слишком рано, я прождала ещё четверть часа, чувствуя, как ноги становятся ватными. Наконец, неподалёку появился Антон. Я отошла в тень, пока не убедилась в том, что это действительно он. Его широкие плечи могли служить хорошей подсказкой, но его профиль, его аристократичный нос, сдал его. Часть меня всё ещё хотела восхищаться им издали, ещё несколько минут. Осознание того, как сильно я беспокоюсь о нём, было подарком. Я признала это, даже несмотря на то, что он не доверял мне своих чувств. Для того чтобы признать это, мне понадобилось несколько долгих месяцев. Теперь же я не стану этого отрицать.

— Я здесь, — я вошла в полосу света из соседнего окна.

— Ты пришла, — сказал он с удивлением в голосе, приблизившись ко мне. Я почувствовала запах мускуса и сосны, исходивших от него. Он осматривал то, в чём я была одета.

— Ты во мне сомневался?

— Я мог только надеяться. Я знаю, что для тебя это опасно.

— Что мы собираемся делать?

Что-то скрипнуло. Антон бросил свёрток. С тихим стуком, он приземлился на пол. В этот же момент он схватил меня и толкнул в тень двери.

Что-то ещё раз скрипнуло, но на этот раз далеко. Появился звук шагов, но они отдалялись, будто кто-то уходил. Когда шаги стихли совсем, в страхе, я заметила, как Антон обнял меня руками, чтобы защитить. Мои пальцы сами схватились за рубашку на его груди.

Мы одновременно повернулись друг к другу. Я уже привыкла к темноте, поэтому смогла рассмотреть его, немного прикрытые глаза. Его сердце стучало прямо у меня под рукой, а аура одаривала теплом.

— Кто-то шёл за тобой? — спросил он. Его голос был таким басистым, что, казалось, на шёпот он не способен.

— Нет, — я не сказала о Пиа. Она пришла со мной, а не за мной. Но, возможно, она притаилась где-то рядом, чтобы точно заметить что-то скандальное. Но мимо неё я бы точно не прошла.

— Хорошо, — кивнул он, но не отпускал.

Мои пальцы снова легли на него. Его взгляд же был определённо обращён на мои губы. У меня было непреодолимое желание поцеловать его, но я отстранилась прежде, чем наклониться. Увидев, что я сопротивляюсь, Антон отпустил меня.

Мы стали наступать друг другу на ноги, пытаюсь найти больше пространства. Мне нужно было больше воздуха. Он потёр затылок и наклонился.

Мы продолжали буквально бросаться друг в друга неудобными взглядами. Мои губы стали дрожать, когда я вспомнила о нашем почти поцелуе. Но, если бы я поцеловала Антона, он бы просто обвинил меня в том, что я отражаю его эмоции.

— Нам уже пора ехать? — спросила я, отводя взгляд в сторону.

— Почему ты думаешь, что мы уезжаем?

— Ну, ты попросил меня надеть другое платье, — я снова посмотрела на него и дважды моргнула. Некоторое чувство разочарования заставило меня сутулиться. — Ты сказал о двери, смотрящей на конюшню... Мы уезжаем, не так ли?

— Да, мы уезжаем, — он поднял голову и усмехнулся. Клянусь Богами, он меня дразнит. — Ты заслуживаешь хотя бы немного свободы, не так ли?

— Думаю, ты многое обо мне знаешь, — я закатила глаза. Он и в самом деле надо мной шутил? Подтрунивая, я добавила: — А, так как ты революционер, тебе положено молчать.

— Тише, — его манера поведения сразу же сменилась серьёзной. Он коснулся моих губ рукой, и моё сердце стало биться быстрее. — Не здесь.

Я кивнула, и он отдёрнул руку.

— Я принёс нам плащи, — он разделил свёрток на две половины и отдал мне одну из них. Я накинула его на плечи и надела капюшон поверх платка, который мог бы так много сделать для подчёркивания моих глаз.

— Готова? — принц тоже надел свой плащ.

Я последовала за ним, к конюшне и ждала, пока он, скорее всего, приведёт Райну. Я чувствовала себя немного глупо, когда вместо неё он вывел рыжеватую простую лошадь. Конечно, ему нужно было выбрать менее заметную породу. Может быть, Пиа была не единственной, кто хотел этой ночью увидеть что-то романтическое. Мне нужно было вернуть себя же в реальность. Я до сих пор не знала, куда мы направляемся. Я не задала ни единого вопроса, пока Антон собирал лошадь. Когда мы уже готовились покинуть территорию дворца, в моём животе появилось какое-то бодрое чувство. Я едва могла удержаться от того, чтобы не подпрыгивать от счастья. То, что наш побег тайный, только сделало его более захватывающим.

Мы всё ещё не сидели на лошади. Мы шли рядом с ней, пока Антон вёл нас не к центральному выходу из дворца, а тому, что находился в южной части. Он пробормотал что-то охранникам и передал кошелёк. Кажется, принц плёл интриги не только с Юрием, но и с множеством солдат.

Ворота открылись, и мы выбрались на улицу. Я вдохнула чистый и холодный ночной воздух полной грудью. Мои ноги становились всё более устойчивыми с тем, как мы продвигались дальше, вниз, по тускло освещённой дороге, занавешенной ветвями вишнёвого дерева. Их белые цветы над нами напоминали звёзды. Мы были одеты в простую одежду, и я представляла, что мы просто парочка влюблённых крестьян, которые решили уехать прочь хотя бы на одну ночь. Если бы жизнь в Рузанине была таким же сладким сном.

Когда мы свернули в третий раз, Антон понял, что теперь нас точно никто не увидит, и мы можем сесть на лошадь. Он поднял меня на седло, а затем и сам сел позади. Его руки скользнули по моей талии, когда он решился взять бразды в свои руки. Я улыбнулась, чувствуя, как его аура заставляет меня согреться. Он мог дразнить меня тем, что просто хочет, чтобы я почувствовала свободу, но его рвение было таким же ощутимым, как и моё.

Когда он подтолкнул лошадь, чтобы та двигалась рысью, мы выехали из района для аристократов в ту местность, где проживали простолюдины. Они до сих пор, в глухую ночь, бродили по улицам. При одном виде этих людей, ощущение тепла внутри стало уменьшаться. Сегодня я не ожидала почувствовать ауры беспризорников. Я надеялась, что мы останемся с Антоном один на один, чтобы он не придумал.

Речь простолюдинов Торчева казалась резкой и ленивой, даже когда они смеялись над черепками или кричали дамам, прогуливаясь около борделей. Те же стояли на балконах и чуть ли не выпрыгивали из своих корсетов.

Все их ауры стали смешиваться внутри меня: люди с тёмными помыслами, всё ещё бодрые горожане, чувство бунта... и печали. Многие из них устали после долгого и трудного

рабочего дня и всё, чего они хотели — это отдыха. Я прижалась к Антону, не желая, чтобы все эти чувства проникли слишком глубоко. Его руки приблизились ко мне, будто он понимал, как мне плохо.

— Мы почти на месте, — шептал он мне на ухо, дыша на него теплом.

Взрыв хриплого смеха раскалывал воздух. Я вздрогнула, но это адресовалось не там. Пять или шесть молодых людей играли в какую-то игру с камнем на дороге. Они хлопали одного из своих товарищей по плечу. Должно быть, он выиграл. Долговязый, но круглолицый, вероятно, ему не больше четырнадцати. Его друг достал несколько монет из кармана и бросил их в сторону двери борделя. Он улыбнулся, но, всё же, плохие предчувствия закрались внутри меня. Я закрыла глаза, чувствуя, как во мне просыпается отвращение и жалость, но это было лишь отражением его собственных эмоций. Пытаясь очистить свою ауру так, чтобы, вместе с тем, не очистился и желудок, я повернула голову к груди Антона и вдохнула исходящий от него сосновый аромат.

— Ещё немного, Соня, — пообещал он.

Я кивнула. Ауры крестьян давили на меня всё сильнее. Противостоять им было намного сложнее, чем аурам знати во дворце. Горожане были более дерзкими и открытыми. В то время как дворяне хоть и внутри не были слишком приличными людьми, однако умели искусно скрывать свои чувства, чтобы выжить в той политической игре, в которую они играли.

Антон сдержал своё обещание. Через несколько секунд мы обогнули бордель и заехали в более узкий проулок, к счастью для меня безлюдный. Ближе к концу, мы прошли через ворота небольшого помещения. Принц помог мне с лошадью и привязал её к одинокому дереву. Взяв меня за руку, он повёл меня к одной из дверей. Затем, постучал трижды.

— Он сказал, что ты явишься, — крикнула вышедшая на порог женщина. У неё были вьющиеся волосы и красный нос картошкой. Её маленькие глаза смотрели на принца впритык. — Но он не сказал, что ты приволочёшь с собой ещё кого-то. Тебя и так достаточно.

Я бы обиделась, но аура женщины излучала больше страха, чем отвращения. Я надеялась, что Антон был прав и нас никто не узнает.

— Не оскорбляйте её, — он расправил плечи и ещё крепче сжал мою руку. — Она порядочная девушка. И он будет рад её видеть.

О ком он? Кто будет рад меня видеть?

— Если он скажет нет, она уйдёт. И точка, — женщина поджала губы.

— Добро.

Женщина хмыкнула, и, перед тем, как уйти, ещё раз окинула меня взглядом. Мы вошли в тесный вестибюль с облупившейся на стенах краской. Едва ли не единственным украшением служила вешалка с несколькими пальто на ней. Женщина же оставила нас и пошла на второй этаж. Хромая, она плелась по шаткой лестнице. Казалось, у неё что-то с ногой.

— Что это за место? — спросила я у Антона.

— Дом для тех, у кого нет денег, беглецов или тех, кто не желает, чтобы об их визите знали власти, — он отпустил мою руку и отдёргнул капюшон. Антон стал расшнуровывать плащ, вешая его к остальным пальто.

— Почему женщина так рискует? — я повторила за ним и поправила свой платок.

— Её зовут Рута и ей нужны деньги, — вздохнул он. — Нужны сильнее, чем кому-либо в этом квартале. У неё нет семьи, поэтому обеспечивает себя как может.

— Кого ты сказала Руте позвать? — казалось, они знали друг друга. Даже моё окружение во дворце казалось более благородным.

— Университетский друг «цыгана», как она называет меня, чтобы он понял, о чём я. Цыгана? Моё сердце стало биться быстрее.

— Антон, с кем мы должны встретиться?

— Называй меня Гавриилом.

— Хорошо, Гаврила, — нетерпеливо сказала я. — К кому мы пришли?

Лестничная клетка заскрипела, и на ней показался молодой человек, держащий в руке свечу. На нём был жилет и типичная цыганская рубашка, с закатанными рукавами. Благодаря которым я смогла рассмотреть его длинные руки. На ногах были брюки и потёртые кожаные ботинки. Вообще, он весь казался вытянутым, и даже его лицо. Я ахнула, а мой рот сам собой растянулся в улыбке. Тося?

ГЛАВА 26

Тося сделал лишь один шаг вниз, затем его глаза сузились. Неужели он, и правда, не узнал меня? Я видела его каждую весну, целых восемь лет, хотя в последний раз мы виделись два года назад. В кругу Ромска, Тося был мне как брат, он стал моей семьёй. Я сняла с головы платок. Одно движение — и моя русая коса оказалась на плече. Его глаза снова расширились. Его губы приоткрылись так, будто он шептал моё имя.

— Миша, — сказал Антон, обращаясь к Тосе его вымышленным именем. Он положил руку мне на плечо. — Помнишь Клару?

— Да, да, конечно, — Тося стал быстро моргать, пытаясь вникнуть в то, что здесь происходило. Он повернулся к Руте, которая всё ещё наблюдала за нами. — Всё хорошо. Эта девушка... Она приходится Гавриле...

— Двоюродной сестрой, — Тося и Антон хотели заговорить, но я завершила их разговор.

— Жена.

Я резко повернулась к Антону. Даже в тусклом свете я замечала, как к его щекам подступает румянец. Он откашлялся:

— Да, мы теперь женаты. Я женился на двоюродной сестре.

— Тогда примите мои поздравления, — Тося приподнял брови в попытке не рассмеяться, однако принц посмотрел на него с опаской.

— Хорошо, — нахмурилась Рута. — Но я проблем не хочу. Поэтому прочь в гостиную. И разговаривайте тихо. Не хочу, чтоб вы разбудили других гостей, — как только Тося спустился с лестницы, рута дёрнула его за рубашку. — Там на подносе хлеб с вареньем остался. А ещё в шкафу квасу бутылка.

— Всё будет хорошо, — заверил её Тося. — Выспитесь хорошенько.

Ковыляя назад, видимо, в свою комнату, она ворчала и бормотала что-то себе под нос.

— Думаю, ты ей нравишься, — прошептала я, когда была уверена в том, что она исчезла из поля зрения.

— Меня любят все барышни, — Тося выровнялся, поглаживая жилет.

Я засмеялась и он, преодолев последний шаг между нами, поднял меня на руки, а затем — поцеловал в щёку.

— Кто-то тут стал ниже?

— Нет, — я слегка толкнула его в грудь. — Это ты вырос.

— Мои друзья мне это каждый раз говорят. Но у меня существует теория, по которой

все вокруг уменьшаются в росте. А я — нет.

— Хмм... Думаю, получив образование, ты стал настоящим эгоистом.

— Поэту нужно быть эгоистом. Так он больше уверен в своих силах.

— Я так рада видеть тебя, — я снова смеялась, затем покачала головой, вдыхая его запах. От него веяло лесом и костром — то, что окружает караваны Ромска. Внешне его аура казалась такой тёплой и знакомой, а, когда я погрузилась ещё глубже, я чувствовала, будто море обмелело, и на него падают лучи солнца.

— И я рад, — его смешливое настроение стало чем-то более искренним. Он похлопал Антона по плечу. — Не могу поверить, что ты ушёл и женился, не сказав мне!

— Не начинай, — принц закатил глаза. — Я должен был что-то сказать. Вы оба слишком долго думали над тем, что сказать. С пером управляться мастак ты, а не я.

— А твой муж до ужаса честный, — Тося сердито посмотрел на него и бросил на меня дразнящий взгляд.

— Нам стоит перейти в гостиную, — простонал Антон.

— А ещё до ужаса высокомерный, — добавила я.

— Видимо, сводить вас было лишним, — Антон прошёл мимо нас.

Тося и я хихикали, как непослушные дети, а затем последовали за ним.

Оказалось, что гостиная находилась вниз по коридору, она прилегала к кухне. Здесь небольшой беспорядок был везде: от неправильно построенных этажей до кривых подоконников и дверей. Но, так как Тося был на моей стороне, это место становилось для меня чем-то необычным.

Мы сели вокруг небольшого стола, по-видимому, предназначенного для игры в карты. Под столом — три пары колен, почти соприкасающихся друг с другом. Антон сел ближе ко мне, а Тося — дальше, так как его ногам не хватало места.

— Никогда не думал, что смогу увидеть вас под одной крышей, — Тося поставил свечу на стол и подпёр подбородок рукой. Как вы нашли друг друга?

— Она — Имперская Прорицательница, — Антон прошептал это тихо, перед этим оглянувшись в коридор, не идёт ли кто.

— О, Соня, — глаза Тоси округлились, но он достаточно быстро успокоился. — Я не знал. Мне жаль, очень жаль.

— Это не так уж и плохо, — я сглотнула, пытаясь противостоять его чувству жалости. Но, когда он ничего не ответил, чтобы его аура не поглотила меня, я решила продолжить. — Во всяком случае, у меня есть Антон.

Я прошептала эти слова достаточно тихо. Однако это прозвучало так, будто я владею им или принадлежу ему или между нами было что-то... большее, чем то, что между нами было сейчас.

Нога Антона придвинулась ко мне, и я почувствовала, как их энергии переплетаются с невообразимой силой. В то же время, я ощущала любопытство Тоси, будто он решил, что нужно поговорить серьёзно и разузнать, что между нами с принцем на самом деле. Если бы он сам спросил нас, я не уверена, что кто-то из нас смог бы ответить точно.

— Мы так хорошо тебя прятали, — вздохнул Тося, смотря на меня и кусая ногти. Я знала, о чём он. О сотнях дней, проведённых в его и других караванах. — Я думал, что мы сможем прятать тебя вечно. Теперь, встретив тебя в ... таком статусе... — он покачал головой. — Сколько испытаний.

Его слова перенесли меня в воспоминания. Тогда мне было не так уж мало лет, и я

думала, что теперь, когда могу контролировать свою силу, императору меня не поймать. Несмотря на то, что благоразумие никогда не было моей основной чертой, я избежала охотников за головами. Мне так казалось. Потому что они выслеживали меня с пятнадцати лет. Тогда же убили и моих родителей, как людей, скрывавших Прорицательницу от властей. И в конце прошлой весны, когда Тося был в академии, охотники за головами наконец-то отыскивали меня. Они так сильно и крепко тащили меня, что все мои руки были в синяках.

— Ты привёз её, чтобы снова спрятать? — потирая лоб, Тося повернулся к Антону. — Я бы сделал это с удовольствием. Ты знаешь, я готов.

В груди появилось неловкое чувство вины. Почему за то, что случилось со мной, он винит меня? Даже если бы той весной он был с караваном, ничего бы это не изменило. После того, как обнаружил моё местоположение, охотник за головами, Бартек, взял в плен пять детей Ромска и затребовал меня как выкуп. Тося не позволил бы им умереть. Он сделал бы выбор в пользу их семей.

Антон молчал, давая мне возможность ответить на вопрос Тоси. Я же пыталась понять, что он чувствует. Мысль о том, что я могу покинуть Торчев, была очень заманчивой. Но я вспомнила о Кире и Даше; о том, как они прижимались к сестре Мирне, как хватали её за складки юбки; как смотрели на меня в один из самых трудных дней моей жизни. Теперь они стали теми детьми, которых я должна спасти.

— Я хотела бы снова увидеть Ромска, — призналась я. — Но мои дни побега уже сочтены.

— Как ты с этим справляешься? — с грустью посмотрел на меня Тося. — Ты прислуживаешь императору? Ты заключена в замке? С таким огромным количеством людей?

Он всё ещё считал меня девочкой-призраком; девочкой, чьи раны от смерти родителей ещё не зажили; девочкой, которая просыпалась от ужасных снов, радуясь, что возвращалась в реальность. Тосе как-то удавалось вызвать у меня улыбку, иногда даже настоящий смех. Он отвлекал меня словами и спокойными размышлениями. И теперь я прочитала книгу его стихов. Правит не один, а все. Слова, которые сказал мне Антон во дворце.

— Я выросла и стала сильнее, — ответила я. Мне не хотелось, чтобы Тося считал меня слабой.

— Она, и правда, невероятная, — добавил Антон. Я же чувствовала в его ауре нарастающую гордость.

— Ты показал ей свою родинку? — меня вновь поразило любопытство Тоси. Он смотрел точно на Антона.

— Кто-нибудь хочет есть? Рута сказала, тут есть хлеб и варенье, — аура Антона стала беспокойной. Он отстранился от меня.

— Так сказал? — не успокаивался Тося.

— Какая родинка? — повернулась я к Антону. — О чём это он?

Никто не ответил. Антон не мог выдерживать тяжёлый взгляд Тоси слишком долго. Он встал и отправился назад, на кухню.

— Что за родинка? — снова спросила я у Тоси, но тихо, чтобы этого не услышал Антон.

— Ничего. Я просто думал, что она у него есть... — он лениво потёр пятно на его предплечье, затем его взгляд снова обратился к принцу. — Ничего.

Понятно, что это совсем не «ничего». Мою кожу что-то покалывало, скорее всего, от воспоминаний о том, что однажды Антон снял с моей руки халат и осмотрел руку в том же

самом месте.

Не в силах сдержать себя, я оттолкнула стул и ринулась к принцу, на кухню. Я провела слишком много времени во тьме, ничего не зная о его тайнах. Я думала, все его стремления направлены к свету, но я была не права. И принц тоже, если думал, что сможет что-то от меня утаить.

Антон стоял у плиты. Он старательно избегал моего взгляда, разворачивая хлеб.

— Дай мне руку, — сказала я. Но он снял крышку с глиняного горшка с джемом, не обращая на меня внимания.

— Антон.

— Не думай об этом, Соня.

Не обращая внимания на его слова, я взяла его за правую руку и повернула к себе, затем отодвинула рукав. Он вздохнул. Там, на предплечье, как и сказал Тося, была родинка. Она была розовато-коричневой, не больше ногтя, напоминала рысь: разинутая пасть, остроконечные уши больше, чем были бы у кошки. Я провела по ней пальцем и его мышцы напряглись, будто струны балалайки.

— Это имеет ко мне какое-то отношение? — спросила я.

— В том-то и дело, что нет.

— Тогда почему в ту ночь ты посмотрел на мою руку?

— Я не знаю, нахмурился он.

— Почему ты не сказал мне? Ты мне не доверяешь?

— Это не важно, — Он закрыл глаза. Вернее, они были приоткрыты, но смотрели в пол. Мой вопрос о доверии — клин, забитый между нами. — Просто это то, чем меня часто дразнит Тося.

— Но он не дразнил.

— Соня... — он жалобно посмотрел на меня.

— Пожалуйста, — я смягчила свою хватку, давая понять, что открыться мне он мог без страха. Но, всё же, он наконец-то сдался.

— Когда мне пришлось уехать из Манора, — начал он, вздохнув. Он стал запинаться и говорить достаточно медленно. — Когда валко потребовал, чтобы я вернулся в Торчев и был под его надзором. Я смирился со своей судьбой, но слухи о моём брате уже гремели по всем сёлам. Я не был уверен, что смогу быть с ним рядом... Люди говорили, что Рузанин обрушится в первые годы его правления.

Услышав это, я подумала, что эта ситуация едва ли может быть связанной с родинкой, но, всё же я не осмелилась прерывать Антона. Я хотела, чтобы он закончил свою историю.

— Это был конец второго лета Тоси в университете. Он отдыхал. Он решил, что сможет меня подбодрить. Мы напились и... — Антон пожал плечами, будто не мог поверить в то, что признаётся в этом. На секунду он запнулся и постучал носком сапога по полу. — Тося отвёл меня к старой цыганке, которая умела читать судьбу. Полагаю, он думал, что это меня утешит.

— И что же она тебе сказала, — спросила я.

Тук, тук.

— То, что я... — он посмотрел назад, на гостиную, и вздохнул. — Я живу только для того, чтобы увидеть рассвет нового Рузанина, что слова моего друга, из Ромска, станут будто облака в этом расцвете.

Я размышляла над тем, что сказал Антон. Он не был из тех, кто доверяет гадалкам. Тем

более он достаточно хорошо знал Ромска, чтобы понять: в таких талантах нет ничего мистического. Ромска делали то, что умели, только бы прокормить свои семьи. Как и многие люди здесь. Но я знаю, почему он ей поверил. Она сказала ему то, что он больше всего хотел услышать.

— Что-то ещё? — в его сердце всё ещё оставалось беспокойство.

Стук, стук, стук.

— Антон? — прошептала я, рукой постепенно добравшись до его пальцев.

— Она сказала мне... — он поднял глаза на меня и в них отразился лунный свет. — Она сказала, что я повстречаю девушку, которая навсегда изменит мою жизнь. Наши души будут близки.

— И у неё будет такое же родимое пятно? — Боль в груди стала сильнее и поднялась к горлу. Я подозревала, что понимаю, о чём он. Родимое пятно, которого у меня нет.

— Да, — ответил он. Я же медленно кивнула.

— Я же говорил, что это глупость, — он улыбнулся, но его улыбка на лице явно казалась лишней.

— Старуха была Прорицательницей? — нет, с помощью своего дара я не могла видеть будущее. Да и, насколько я знала, не мог никто из Прорицательниц. Но, по крайней мере, Прорицательница могла ощутить то, что он хочет услышать и поэтому «предсказать будущее» верно. Хотя отчаянье многих людей можно было считать довольно легко, даже без моего таланта.

— Я не знаю... она была другой. Иногда я думаю о том, что магия окружает нас повсюду и, если бы мы были достаточно чувствительными, мы бы почувствовали её. Посмотри на то, как ты видишь ауру мёртвых. Таких Прорицательниц как ты ещё не было.

Он пытался утешить меня, и я это понимала. Он хотел отвлечь меня от того разочарования, которое я получила вместе с его признанием. Несмотря на то, что он был достаточно благоразумен, чтобы понимать всё.

Я должна перестать пугать его. Он должен раскрыть свои тайны. И я могла бы отплатить ему тем же.

Его большая рука будто была в небольшой лодке из двух моих. Я отпустила его.

— Я считаю, что мы сами создаём свою судьбу, — сказала я. Упрямо, как всегда. Это лучше, чем позволить своему сердцу выскочить из груди. — Никто не имеет права говорить нам, кем мы должны стать. Я думаю, это то, во что ты веришь. То, за что ты борешься.

— Так и есть, — он сумел одновременно покачать головой, скрестить руки и выровняться одновременно, совсем не зная, что же ему делать. — В этом весь я.

В какой-то момент Тося подошёл ближе. Он стоял у входа, спиной подпирая стену.

— Возвращайтесь к столу, — сказал он с ласковой улыбкой. — Скоро утро. Конечно, я рад тебя видеть, Соня, однако, думаю, Антон привёз тебя сюда не только для того, чтобы старые друзья вновь встретились.

Принц откашлялся и одёрнул рукав. Некое чувство его позора комком подобралось к горлу. Он спокойно прошёл мимо меня и вернулся в гостиную, забыв о подносе с едой. В оцепенении, я намазала немного варенья на хлебцы.

— Почему он отталкивает меня? — как только Тося подошёл ко мне, я принялась теребить волосы. — Почему он всегда находит любой повод заставить меня молчать? Почему он просто не может признать, что я недостаточно хороша для него?

— Нет, с тобой всё в порядке. Дело не в этом, — я посмотрела в его карие глаза. Это

было так приятно, вспомнить того мальчика, который был мне настоящим братом. Я могла вспомнить о том, какой я была, когда жила у Ромска и то хрупкое чувство собственного достоинства, которое он во мне пробуждал. Но Тося ничего не знает о том, что было со мной после того, как я уехала от Ромска. Он не знал, что из-за моего безрассудства сгорел монастырь. На моём запястье зачесалась чёрная лента.

Мне нельзя упрекать Антона в том, что у него есть от меня секреты. Мои собственные были настолько тёмными, что я бы никогда не раскрыла их.

— Когда-то, Антон относился ко мне так же, как и к тебе, — Тося положил руки в карманы. — Его бросили в таком юном возрасте... И это сильно на него повлияло. Теперь ему сложно кому-то доверять.

— Но меня тоже забрали от родителей.

— Да, но, как он сказал, ты, и правда, невероятна. Не суди его слишком строго за то, что он скорбит не так, как ты. Будь с ним терпеливее.

Я посмотрела на Антона сквозь тусклую фигуру Тоси. Он сидел, опустив голову и положив руки на стол, будто впереди его ожидало долгое заседание совета.

— Я не думаю, что у меня есть столько терпения, чтобы побороться с его решительностью. Когда дело доходит до меня, принц решает отдалиться.

— Может, это всё потому, что он нуждается в тебе больше, чем в ком-либо ещё, — Тося потёр мою руку. — Поэтому он не знает, что бы с ним было, не будь у него такой потребности. Когда-то он научился тому, чтобы бороться без всех тех, кто о нём заботился для того, чтобы прятать свои эмоции.

— До тех пор, пока не встретил тебя.

— Да, — голос Тоси стал мягче. — С моей помощью он нашёл ещё одну причину бороться. Это то, что, в конце концов, объединило нас. Мне нравилось у Ромска. Я писал свои стихи и песни, пока Антон не рассмотрел во мне что-то большее, чем даже мог я сам. Он увидел что-то большее в моей поэзии, которая могла бы дать людям надежду. И, я думаю, он рассмотрел что-то большее и в тебе, если сейчас ты тоже часть этой борьбы.

Я кивнула, хотя не была рада той роли, которую мне отвёл принц.

— Это страшно, не правда ли? — прошептал Тося, наклонившись ко мне.

Я посмотрела на него с удивлением. Может, Тося и стал частью революции, но он всё тот же скромный мальчик Ромска, который оставался моим другом в течение многих лет.

— Я стараюсь, чтобы Антон и остальные говорили о политических маневрах, — признался он. — Своей поэзией я сказал всё, что хотел сказать, — он подмигнул мне. — Теперь я только красивое лицо той самой причины.

— Лицо, которое будет казнено, если его поймают власти, — приподняла бровь я.

— Ты всегда первой портишь настроение, Соня.

От этого я даже засмеялась.

— Давай, — он забросил свою длинную руку мне на плечо, и мы побрели в гостиную. — Давай сделаем вид, что мы достаточно много понимаем в революциях. Настолько, что Антон поверил в нас не зря. И, если повезёт, поверим в это и сами.

Юмор Тоси поднял мне настроение лишь ненадолго. Может, это было и эгоистично с моей стороны, учитывая, что мы говорили о войне и о будущем империи, но всё, о чём я могла думать — это то, что никакая удача не нарисует на тыльной стороне моего предплечья родимое пятно в виде рыси.

— Феликс продолжает давить на меня. Он хочет свержения Валко и чтобы я занял его место, — сказал Антон, поглаживая растущую щетину.

Они с Тосей обсуждали все произошедшие события последние полчаса. Ситуация для моего друга стала более опасной. Его обвинили в государственной измене, охотники за головами и солдаты империи искали его, а любые копии его книги должны были быть сожжены в случае обнаружения. Большую часть времени он скрывался, но сейчас шёл на риск, встречаясь с Антоном в Торчеве. Тося должен был встретиться с Антоном и остальными революционерами в канун Морвы, но, когда ночь перед скромным праздником превратилась в праздный бал в честь Флокара, Антон приказал Тосе держаться как можно дальше.

Их тихий бунт постепенно становился реальностью, а гнев народа превращался в настоящего зверя. В скором времени должно было произойти что-то страшное. Антон боялся, что, когда люди узнают о понижении призывного возраста, небольшая искра превратится в пламя.

— Феликс думает, что мне стоит дать людям право голоса, — сказал принц.

— Почему бы тебе не поступить именно так? — спросила я, понимая, что в словах Феликса есть доля правды. Я узнала, что этот человек с пронзительными голубыми глазами также являлся представителем Антона. У каждой деревни или города был свой лидер в ходе революции. Люди собирались вместе, проводили тайные встречи, делились мечтами о свободе. Лидеры же докладывали Феликсу, который также возглавлял Торчев.

— Тогда у тебя появится и поддержка дворян, — добавила я. Многие будут поддерживать Антона, так как многие считали, что Валко на самом деле не настоящий император. — Во всяком случае, хотя бы на некоторое время. В таком случае, граф Ростов станет надёжным союзником, — я узнала, что Николай был лидером среди дворян. Той их части, которая потихоньку приближалась к мысли о равенстве. — У него будет больше времени для того, чтобы убедить других вельмож и предоставить крестьянам больше прав.

— Николай всё ещё уверен в своих взглядах? — Тося наклонился вперёд, сложив руки на столе. На столешнице стоял пустой стакан от кваса.

— Чем дальше всё это заходит — тем больше он сомневается, — вздохнул принц. Я вспомнила то, как граф отмалчивался на последнем заседании совета. Об этом вспомнил и Антон. — Я проведу революцию без капли крови и это то, что Николаю понравилось в моём плане. Он не воин, каким был его отец, и, честно говоря, я не уверен, что он останется верным нашему делу. Это происходит слишком быстро, и, если мы не сможем убедить людей потерпеть хоть немного, прольётся слишком много крови.

— Вот почему идея Феликса не так плоха, — я всё ещё парила над идеей революции, где Антон сначала взойдёт на трон, а только затем даст людям больше прав.

— Ты знаешь, почему я не собираюсь подчинить себе брата, — принц нахмурился, изучая меня. Под глазами у него виднелись тёмные круги. — Он — мой брат. И, по праву рождения, престол принадлежит ему.

— Хочешь, чтобы Соня заставила Валко отречься от престола? — брови Тоси недоверчиво поднялись. Мы дошли до этой части. Самой невыполнимой части плана принца. — Каким образом?

— Соня может больше, чем чувствовать то, что ощущают другие, — ответил Антон. — Она может заставить его перемениться.

— Это было единожды! — раздраженно сказала я. — Я сделала это только один раз!

— Правда что ли? — Тося посмотрел на меня так, будто я была чужой. — И когда это у тебя это вышло?

— Когда Валко попытался убить её, — категорически ответил Антон.

— Даже так, — сказал Тося, переводя взгляд то на принца, то на меня. Слишком многое осталось не высказанным. — Что же, ясно.

Я чувствовала, как кровь пульсировала в венах на шее, как прилиwała к щекам. Здесь, в этом доме, я была далеко от дворца, Валко и тех чар обаяния, которыми он меня заманил; той связи, в которую вступили мы тогда. Трудно поверить в то, что я могу быть такой противоречивой, разрываясь между чувствами к нему и к его брату.

— А жизнь во дворце эти несколько месяцев у тебя была насыщенной. Да, Соня? — спросил Тося. Несмотря на своё настроение, он усмехнулся. Его эмоции вызывали лёгкое покалывание на коже рук.

— Не дразни её, — сказал Антон. — Это не смешно.

— Ты прав, не смешно, — несмотря на слова Антона, он рассмеялся, будто его слова были спусковым рычагом для смеха. Тося пытался что-то сказать, но его смех только становился громче и отражался на моей коже покалыванием. Сквозь слёзы, он фыркнул. — Ну, разве что немного. Совсем.

— Да что с вами? — нахмурившись, спросил Антон. Я попыталась втянуть щёки из всех сил, чтобы не смеяться вместе с ним. Но его аура, кажется, брала надо мной верх.

— Это он, — сказала я дрожащими руками и указала на Тосю.

— Перестань, — приказал Антон моему другу.

Тося стал хохотать ещё громче. Я хлопнула его по плечу, но он уткнулся лицом в ладони. Его руки прижимались к глазам, и всё тело дрожало от смеха.

— Прости. Это и правда я. Уже поздно и удивляться так часто за один вечер мне сложно, — он поднял покрасневшее лицо. — Просто до этого я думал, что вы двое всего-то знакомы, — он акцентировал внимание на слове «знакомы, придавая ему больше значения. — А ещё я узнал, что девушка, которую я когда-то знал, которая, когда хотела охладиться, падала в грязь к свиньям, теперь Имперская Прорицательница и её роль в нашей революции — «заставить императора измениться» до такой степени, чтобы он сам отказался от престола.

— Видишь? — сказала я Антону. — Даже он думает, что это смешно!

— Ты не видел, как она это сделала, — челюсть Антона дёрнулась. Он пытался смотреть на своего друга уверенным взглядом.

— Конечно, — Тося пожал плечами. Он отодвинул стакан с остатками кваса. — Тогда давай пусть она сделает что-то прямо сейчас.

— Ты серьёзно? — я моргнула.

— Да. Может поэтому ты так хорошо управлялась с дикими лошадьми в детстве. Может, ты проникала и в их ауры?

— Даже если такое и было, — я несколько раз открыла и закрыла рот, пока, наконец, не смогла понять то, о чём он говорит. — Я не знала, что я делаю.

— Тогда пошли. Заставишь меня что-то сделать, — Тося хитро улыбнулся. — Заставишь меня встать и станцевать джигу.

— Глупости! — сказал Антон. — Трюками из разряда тех, что хозяева показывают в гостиных, она не показывает.

— Но мы в гостиной.

— Тося.

— Не мог не сказать.

— Я видел достаточно! Это не шутка! — голос Антона был суровым. — У Сони есть этот дар. И она страдала достаточно, чтобы, наконец, его открыть. Она не должна страдать ещё больше, только бы доказать тебе что-то.

— Хорошо, хорошо, — Тося поднял руки. — Если ты говоришь, что у Сони есть такой дар, то я верю и ей, и тебе. Но, пожалуйста, скажи мне, что ты знаешь, какая опасность ей предстоит. — Он повернулся ко мне и всё его хорошее настроение улетучилось. — И, пожалуйста, скажи мне, что он предупредил тебя о риске, прежде чем ты согласилась. Потому что когда я писал эти стихи, я и подумать не мог, что это приведёт к жертвам.

— Я ещё не согласилась, — мои руки скользнули по бёдрам.

— И я не загнал её в угол, — в свою защиту добавил Антон. Когда он опустил голову, его ноздри стали раздуваться. — Я дела ей выбор. Хотя, учитывая то, какой жизнью она живёт, свободы у неё нет.

— Вот почему ты её привёл, — будто пытаюсь взбудоражить какой-то призрак кваса, Тося качал стакан и смотрел на Антона. — Ты хочешь, чтобы я её убедил.

Антон не отрицал. Он выдохнул и принял на себя обличительный взгляд Тоси. Их ауры боролись внутри меня, и мой живот свело судорогой. Я чувствовала, будто вернулась в зал заседаний, сидя между принцем и его братом. Только сейчас это были принц и его друг.

— Но делать этого я не стану, — Тося скрестил руки. — Соня права. Нет разницы между тем, будет манипулировать Валко она или лишишь его трона ты. Чтобы революция удалась, императора нужно устранить. Он должен почувствовать боль. И этого тебе не изменить. Когда приходит новое, нам нужно разрушить часть старого. «Престол будет разрушен, но из него сделают города. Золото его дворца станет хлебом», — процитировал он свою книгу. — И об этом ты должен помнить. Ты должен это принять.

Я наблюдала за прекрасными глазами Антона. Несмотря на то, что, в полночь, он затащил меня сюда только для того, чтобы убедить меня в том, что моя роль важна, мне захотелось поцеловать его в щеку и наклонить его голову так, чтобы она оказалась на моей груди.

Все эти разговоры, всё это беспокойство буквально разъедало его. Теперь можно было понять, как сильно он уважает людей. Он свободы и равенства для всех нас. Он не хотел, чтобы кто-то страдал, даже его брат. Я понимала, что Антон любит Валко. Может быть не тот, кем он стал, а просто маленький мальчик, которым он стал. Вот почему Антон хотел, чтобы я проникла в его ауру. У Валко было бы больше шансов вернуться к этому, чем, если бы этим занялся Антон. Принц не хотел лишаться части своей сущности. Валко был просто старшим сыном Айзеа. Хотелось этого Антону или нет, Валко просто продолжал править, как и его отец.

— Я сделаю это, — сказала я. Когда оба мужчины повернулись ко мне, я почувствовала в их аурах удивление. Я сделала вдох, чтобы успокоиться. Задача казалась мне такой сложной, как никогда. — Во всяком случае, буду стараться.

— Соня, — Тося отставил стакан. — Мы планировали эту революцию без тебя, и она произойдёт, будешь ты участвовать или нет. Твои родители не хотели бы, чтобы ты в этом участвовала.

— Они не хотели бы, чтобы я была свободной? — не удалось выдавить усмешку.

— Они хотели этого всегда, но не ценой твоей жизни.

— Наша жизнь — это выбор, — я выпрямилась, пытаюсь стать одного с Тосей роста. — Однажды, как и я, ты не сможешь скрыться. Власти найдут тебя, и тебе придётся пожинать все последствия от написания твоей замечательной книги. Тося, я прочитала её. И я так горжусь тобой. И боюсь за тебя. Но я бы никогда не хотела, чтобы ты лишился своего выбора, который сделал, написав всё это. Это была твоя роль и твоя дань тому, что ты считаешь правильным. Теперь свою роль должна сыграть я.

— Думаю, я знал, что не смогу утешать тебя вечно, — он грустно улыбнулся мне. — Ты бы всё равно переехала к другому каравану и столкнулась со своими кошмарами.

Под столом Антон отыскал мою руку. Когда он сжал мою руку, я почувствовала, насколько тёплая его ладонь. Его аура сгорала в чувствах, которые я не могла точно определить. Это было что-то похожее на благодарность, но в нём было что-то более глубокое и более сильное.

— Я не одна, — сказала я.

Антон и я сели на лошадь и отправились назад, во дворец. Мы уехали почти сразу после того, как я сказала, что присоединяюсь к революции. Темное небо становилось всё светлее с наступлением рассвета. В скором времени все, кто работал на кухне, уже должны были встать и начать печь хлеб или ощипывать птицу для того, чтобы подать на императорский стол.

К счастью, даже в том тревожном квартале, улицы, наконец, опустели. Я позволила себе закрыть глаза. Я доверилась Антону, думая, что он привезёт и спящую меня.

Через некоторое время, когда принц уже подумал, что я сплю, я почувствовала то, как его губы прикоснулись к моему лбу.

ГЛАВА 28

На следующее утро, проснувшись в комнате с гобеленами, я сразу же прокралась обратно, в свои покои. В углу комнаты я оставила одежду Пиа и её платок. Я точно знала, что Пиа определённо придёт за двадцать минут до Ленки, а может даже и раньше, чтобы услышать историю о моём «романтическом свидании». Я попыталась напрячь голову и придумать хоть какую-то правдоподобную ложь.

Но Пиа не приходила.

Кусая губу, я смотрела на стол, на котором прошлой ночью стоял поднос с едой. Теперь его не было. Не было и книги Тоси, которую я положила рядом со статуей Фейи и совсем забыла спрятать. Но, чтобы быть уверенной, я проверила матрац своей кровати, а также рылась в тех книгах, по которым мы с Пиа учились. Но это было бесполезно — тома Тоси не было нигде.

Я стала заламывать пальцы, я нервничала. Что, если Пиа взяла книгу прошлой ночью? Она могла заметить её, когда вернулась за подносом. Наверное, она подумала, что в этой книге есть те любовные сонеты, которые я ей говорила прочитать Юрию.

Что делать, если Пиа заподозрит в измене?

Часы на моей стене пробили час. Я спрятала одежду горничной под простыни, которые помяла, чтобы оставалось чувство, будто я спала. Я чувствовала, как мой живот свело от тревоги открывшей дверь Ленки.

Она скользнула внутрь, вместе с остальными горничными, которые шли за ней, как утята за уткой. Я стояла в центре гостиной, чувствуя, как самодовольна аура Ленки. Её кожа, будто натянутая на кости, выглядела сегодня слишком изнеможённой.

— Я ещё не ела, — объявила я, заметив в руках горничных одежду Имперской

Прорицательницы и головной убор. Зачем эта одежда? Что за случай?

— Сегодняшний день — прекрасен для голодания, — углы рта Ленки потянулись вверх. Она отвергла мои слова. — Это поможет тебе сосредоточиться. Благополучие императора в твоих руках.

— Но его благополучие всегда в моих руках.

— Да, но сегодня тебе нужно будет думать не только о дворянах. Император открывает дворец для людей.

— Он собирается принимать людей? — спросила я, не зная, правильно ли её поняла. Когда она кивнула, я удивилась. Когда-то, эти приёмы были ежемесячной традицией. В этот день люди могли поднести императору дары или же о чём-то его просить. Но, за всё моё пребывание во дворце, Валко не провёл ни одного. Говорят, за своё правление он сделал это дважды. Сегодняшний приём, я была уверена, был связан с его планами на Шенгли. Он хотел казаться доброжелательным, чтобы люди принимали закон о понижении возраста призыва с некоторым спокойствием.

— Я не могу так быстро, — сказала я. — Пожалуйста, пусть придёт Пиа с подносом.

— Боюсь, что Пиа нездорова, — Ленка убрала прядь волос в тугий пучок.

— О чём вы? — во мне проснулась тревога.

— Я думаю, мы скоро поймём, чем именно она больна, — Ленка пожала плечами, но я определённо чувствовала самодовольство. С этим будоражающим объяснением, она захлопала в ладоши. В следующую же секунду, в мои покои занесли ванну и ведра с горячей водой. Это напоминало мне мой первый день во дворце.

— Ну, — сказала Ленка. — У нас не так много времени. Скоро император вызовет тебя.

Стол в большом зале были убраны. Единственное, что там осталось — это великолепный трон императора и мой, маленький. Стражи стояли по всей комнате, у стен, как и в ночь бала. Юрия же среди них не было — он по-прежнему был в отъезде с имперским поручением.

Дворяне толпились вокруг, обходя центр зала, где в скором времени должны были появиться люди. Сами же простолюдины стояли за дверью, когда я проходила мимо них. Их эмоции сплетались в паутину из негодования, отчаянья и любопытства. Я старалась держаться за оборванные нити жемчуга, однако желаемого облегчения мне это не принесло.

Теперь, когда я стала частью революции против Валко, мне было сложно смотреть на него. Когда я присела в реверансе, он осмотрел меня свысока, сверху вниз.

— Ваше Величество, — поприветствовала я его.

— Соня, — его взгляд стал мягче, после чего рукой в перстнях он указал мне на моё место. Место, которое я тут же заняла.

Двери в большой зал открылись. Дворяне были спокойны, но грудь Валко вздымалась под камзолом. Простые люди стали входить в зал, некоторые из них широко распахнутыми глазами всматривались в куполообразный потолок. Другие же начинали дрожать, приближаясь к Валко. Но мрачные взгляды большинства были определёнными, они сжимали руки в кулаки.

Некоторые из них были фермерами, которые пришли сюда для того, чтобы рассказать о неурожае, несмотря на то, что дожди шли, а снег — таял. Они говорили, что почва проклята, и императору необходимо молить Богов о том, чтобы голод миновал. Другие же хотели от Валко большего, чем просто разговора с «наместником богов на земле». Они пришли в своих лучших одеждах, которая только у них была. Вся она оказалась застиранной и в заплатках.

Они хотели сказать ему о том, что, если он продолжит быть таким расточительным, земля не пустит плодов.

— В скором времени вам будет лучше, — Валко давал всем почти одинаковые ответы. — Грядёт время расцвета. Держитесь. Боги пророчили Рузанину расцвет.

Он легко говорил каждое слово. Я чувствовала, как он не ручается за свои слова. Но я пыталась оттолкнуть от себя любое чувство, связанное с ним. То, как он собирался восстанавливать империю, было бессердечно. Моя задача заключается в том, чтобы выявить другой путь. Путь, в котором его правление не потребуется. Более того, я должна была заставить его в это поверить.

Я смотрела на дворян, пытаюсь отыскать Антона. Мне нужно было поговорить с ним, чтобы придумать хоть какой-то план действий для меня и той роли, которая мне отведена. У него должны быть мысли о том, как можно отстранить от престола своего же брата. Во всяком случае, мне хотелось верить, что такие мысли у него есть.

Однако принца здесь не было. Я немного помялась на своём престоле, после чего стала винить себя в том, что разочарована во всём. Этого бы не было, если бы здесь произошли какие-то изменения.

На место фермеров пришли совершенно обычные люди, у них было слишком много прошений: они говорили о междоусобицах и о том, что, в отличие от Торчева, их города не укреплены. Одна из женщин жаловалась на то, что из-за реки Азаель её дети заболели. Она не хотела, чтобы её дом смыло, ведь она жила ниже по течению. Она хотела, чтобы у неё появились стоки или император дал ей хотя бы денег, чтобы вырыть правильную скважину.

Слушая её, Валко надевал на себя беззаботную улыбку, однако мои ногти впивались в ноги от его нетерпения. Он не мог отпустить её так же просто, как делал это с фермерами.

— Я буду обсуждать этот вопрос со своим советом, — сказал он, наконец. — Я хочу, чтобы чистая вода была у всех.

Он поднял взгляд на непрерывный поток крестьян, протягивая женщине руку с множеством колец. Она же с неохотой поцеловала её. Когда женщина ушла, Валко жестом подозвал к себе советника Ильина.

— Проследите за тем, чтобы этот вопрос рассматривался на следующем заседании, — сказал он так громко, чтобы услышали все.

— Да, Ваше Величество, — сидящий член совета поклонился и шептал тихо. — Просьба женщины одна из многих таких же. Если вы хотите, чтобы новобранцы были здоровыми, вам стоит очистить водоснабжение.

— Советник Ильин, я что, не отменил закон о бритье бород? Клянусь, вы должны вернуть её назад, Валко нахмурился и, склонив голову, бормотал про себя: — С водой, и правда, что-то нужно сделать. Это мы обсудим позже.

В линии людей царила тишина, а советник Ильин пошёл к остальным, поглаживая себя по выбритой щеке. Так как следующий в очереди ждал сигнала, Валко вздохнул и повернулся ко мне. Рубины на его короне мерцали.

— Это так утомительно, — сказал он, уминаясь на своём престоле. Я не стала возражать. Крестьяне, например, ждали несколько часов, пока их допустили во дворец. — Я уже не могу дожидаться, когда смогу обсудить со своим советником стратегию ведения войны. Но, думаю, будет разумно принять людей именно сегодня.

Он улыбнулся и наклонился немного ближе. Я напряглась. Интересно: посмеет ли он прикоснуться ко мне, будучи на обзоре у стольких людей. Его взгляд упал на мои стиснутые

руки, прежде чем он посмотрел на меня вновь.

— Я рад, Соня, что ты здесь. Когда ты рядом, всё кажется проще.

Аура императора стала спокойнее, её тепло помогало мне выпрямиться. Его искренность соперничала с чувством вины. Я чувствовала вихрь всё тех же противоречивых эмоций, которые мешали мне и в ночь бала. Я знала, что помогла ему. Он открылся мне и поделился тем, каким он был на самом деле. Со мной он был слабым. Этот унижительный опыт сделал наши отношения ещё более глубокими. Но он никогда не изменится. Мне стоило об этом помнить. Его любовь ко мне становится сильнее, но чувства жажды власти и жадности оставалось при нём. Это то, что я должна искоренить, если хочу, чтобы революция удалась. Что-то внутри меня сжалось. Я понятия не имела, как смогу достичь того, что пообещала.

Может, мне стоило проверить Валко именно сейчас. Может ли он чувствовать подлинную заботу об этих людях? Всматриваясь в толпу в надежде найти достойного кандидата, я заметила на следующего в очереди человека, который опирался на костыль. Если Валко не пожалеет его, значит, не сможет пожалеть никого.

Когда человек стал ковылять вперёд, я подготовилась, пытаюсь отыскать ауру императора. Однако я чуть не подпрыгнула на месте, чувствуя его энергию, его беспокойство, которое заставляло моё сердце биться в сумасшедшем ритме. Я изо всех сил пыталась сопереживать императору. Он столько времени потратил на разработку своих планов о величии Рузанина. И приём должен быть всего лишь крупницей в этом море песка.

Как и в ночь бала, я попыталась открыть для себя Валко, чтобы наши ауры снова соединились, но уже на уровне чистого понимания. Только так я смогла бы разделить с ним его уважение и любые другие чувства, которые к приближающемуся крестьянину чувствовал Валко. Но связь между мной и императором была призрачной и появлялась лишь на доли секунд. Проблема была в том, что моё сопереживание было ложным.

Я сжалась от боли старика, ведь он сам вздрагивал он каждого следующего шага. Кто бы смог ему помочь, кроме меня?

Позади крестьянина поднялся переполох, и кто-то оттолкнул его от линии. Люди стали расходиться, чтобы я смогла заметить мускулистого рыжеволосого мужчину, с бородой, сплетённой в две косы. В ней виднелись небольшие бисеринки. Меня захлестнула волна отвращения, и, когда мужчина явил нам своё лицо со шрамом и ауру, легче не стало.

— С тобой всё хорошо? — Валко заметил то, что я напряжена.

— Это наёмник, который привёл меня в монастырь, — я покачала головой. — Его зовут Бартек.

— Значит, так, — взглядом император пытался отыскать моё лицо. — Твои родители не сообщили империи о твоём даре?

— Нет, — я выровнялась, чувствуя некоторую гордость за свой ответ, который, возможно, стоил бы мне жизни.

Импульс гнева заставил мои мышцы напрячься. Валко должен наконец-то собрать воедино всю головоломку: в отличие от многих Прорицательниц в монастыре, я никогда не желала принадлежать империи или оказаться на стороне императора.

Его пальцы сжали подлокотники трона. Сжав зубы, он обратил внимание на охотника за головами, которого крестьяне пытались оттолкнуть назад.

— Пусть пройдёт, — приказал Валко.

Все крестьяне, кроме пожилого человека, которого охотник оттолкнул в сторону,

отошли. Человек подогнул колени и его костыль скользнул по полу. Крестьянка вышла вперёд, чтобы помочь ему и злостным взглядом посмотрела на охотника.

— Ваше Императорское Величество, — охотник за головами наклонил голову и приложил руку к пухлому животу. Когда он поднялся, наши глаза встретились и от тут же узнал меня, равно как и я его. — Я приехал сюда за наградой.

С опасением, я громко вдохнула воздух. Он отыскал новую Прорицательницу? Если да, то почему он привёз её сюда, а не в монастырь?

— Кого ты взял? — спросил Валко. — Я вижу, ты один.

— Я пришёл с вестью о революционере-предателе.

Тося? Мне не хватало воздуха. Отсутствие воздуха затуманивало глаза.

— О каком революционере ты говоришь? — гнев Валко огнём прошёлся по моим венам. — Многие такие придурки как ты хотят что-то да выручить за их головы.

— Юрий Сергеев, — Бартек поправил сумку, переброшенную через плечо.

Я моргнула. Значит, Тося в безопасности. Но...

— Юрий в розыске? — мой голос дрогнул. Я думала... Что, если своё поручение Юрий использовал, как возможность договориться о делах Антона? — Что он сделал?

— Ты знаешь этого неудачливого стража? — Валко смотрел на меня.

— Он сопровождал меня. Достаточно часто, — я кивнула в оцепенении. Когда брови императора поднялись, я поняла, в каком положении оказалась. Как Имперская Прорицательница, я должна была обнаружить любого, кто был опасным для императора. И вот я признала, что общалась хотя бы с одним человеком, способным на измену. — Но, клянусь Вам, мой император, ничего подозрительного в нём не было.

Но на деле всё обстояло иначе. Юрий был в сговоре с Антоном ещё до того, как принц рассказал мне всё. Затем та тьма, которую я почувствовала на балу. Может, она принадлежала Юрию? Антон сказал, что многие не могут дождаться, когда правление Валко подойдёт к концу.

— Что он сделал? — снова спросила я, надеясь перевести тему в другое русло, как можно дальше от моего бездействия.

Валко бросил скучающий взгляд на Бартека, который уже переваливался с пятки на носок. Он в любую секунду был готов обратиться к императору ещё раз.

— Да, у нас есть Юрий. Он ищет предателя Тосю Пашкова, — ответил Валко.

Я сглотнула и снова осмотрела комнату. Где же Антон? Он придёт и защитит Юрия?

Император вздохнул. В нём я почувствовала скуку. Желание делать выговор своему стражу у него было столько же, сколько и помогать той женщине. Единственной проблемой было то, что император, кажется, ещё не осознавал, как далеко зашла революция. Тем не менее, я переживала за Пиа. В Рузанине наказание за измену было одно — смерть. И в скором времени она потеряет человека, которого любит.

— Выведи стража, — сказал Валко. — Тогда и получишь награду.

— Да... Об этом..., - за сальной улыбкой Бартека я почувствовала то, как ему неудобно это говорить. — Юрий всё ещё на свободе.

— Ты же сказал, что требуешь награду за его голову, — Валко наморщил лоб.

— Так и есть. Но, видите ли, я взял другого человека. Это не беглец, но, я уверен, вы удостоите меня награды. Ваше Императорское Величество, она такая же предательница, как и её благоверный.

— Кого ты имеешь в виду? — моё лицо покалывало, а кровь, кажется, застыла в жилах.

Во мне пульсировала аура осуждения, исходящая от дворян, но мне было всё равно, говорю я вне очереди или нет. Моё сердце билось всё быстрее и быстрее. Бартек не может иметь в виду того, о ком я думала.

Фея, пусть это не будет Пиа. Пусть Юрий окажется негодяем и у него будет ещё одна девушка. Только пусть это не будет моя подруга.

Два пособника Бартека вытащили вперёд молодую девушку. Она наклонила голову вниз, а из-за распущенных каштановых волос не было видно глаз. Бартек взял её за подбородок. Он смахнул волосы с её лица. Моё тело превратилось в лёд.

Пиа.

На левой щеке у неё был синяк. Страх в её ауре был настолько сильным, что мои руки стали трястись, а в горле застрял комок. По её щекам катились слёзы.

— Что вы с ней сделали? — выдохнула я, поднимаясь со своего места.

— Имперская Прорицательница, вернись на место, — велел Валко, когда я вот-вот была готова сойти с помоста.

— Но это же Пиа, — я повернулась к нему. Он видел её несколько месяцев назад и пытался соблазнить. — Вы знаете её. Она не причинит вреда, она нуждается в нашей помощи. А этот человек, — я указала на охотника. — Ему нельзя доверять!

— Ходили слухи, эта девушка пропала сегодня утром, — косички его бороды качнулись, когда он отпустил Пиа. Она упала на пол, а из её губ вырвался тихий стон. — Я поймал её за городскими стенами. Она даже и не думала отступать.

— А ты смелый, если думаешь, что я заплачу за того, чья вина не доказана, — во взгляде императора не было ни единой капли жалости к Пиа. Он продолжал говорить с Бартеком. Сердце колотилось, и я приблизилась. Он прекрасно знает, что она невиновна.

— Я тоже сначала не верил, что она виновата, — признал Бартек. — Я искал её для того, чтобы отследить Юрия. Но о том, где он, она ничего не знает. Хотя она признала, что помогала предателям во дворце. Они использовали её комнату для тайных встреч.

Кровь пульсировала в висках. Этого случиться не могло. Пиа... обвиняют в измене? И охотник, и все те люди, что стояли вокруг? Я взялась за юбку подруги и заметила на ней кровавое пятно от разбитого колена. Сомнений не было: Бартек не применял пыток, чтобы выдавить из неё информацию.

— Кому она помогала? — аура Валко приобрела другой оттенок тьмы. Его скука превратилась в нечто уродливое. Не зная, что делать, я положила руку императору на плечо в надежде успокоить его, но он просто пожал плечом, его аура оцетинилась и напоминала ежа с копиями вместо иголок.

— Думаете, она вам имена выдаст? — снова задал вопрос Бартек. — Она настаивает, что Юрий ей об этом и словом не обмолвился.

Я облегчённо вздохнула. На секунду я подумала, что наёмник может сказать об Антоне. Слава Богам, Юрий никогда не делился с Пиа большинством революционных интриг. Я вдохнула, затем обратилась к охотнику.

— Я не понимаю, в чём она виновна? Всё, что она знала — это то, что Юрий и его друзья хотят воспользоваться её комнатой для игры в карты.

Некоторые из дворян стали смотреть на меня с презрением. Я вновь нарушила правила, говоря за императора. Но мне было всё равно, нарушаю я правила этикета или нет. То, что происходило с Пиа — неправильно. И сидеть, сложа руки, я не могла.

— Соня, — в голосе Валко чувствовалось предупреждение.

— Но этот человек лжёт! — защищаясь, ответила я. — Я знаю его методы. Ради денег он может пасть так низко, что станет мучить горничную, пока она не выдаст того, чего не знает.

— Тихо! — сказал Валко, стиснув зубы.

— Но эта горничная...

— Тихо! — его голос накрыл нас резкой волной. Среди знати прекратилось перешёптывание, а крестьяне перестали переговариваться друг с другом. Все они были поражены тем, кто имел над ними власть. Тем, кто должен был меня подчинять. — Я запрещаю тебе говорить! Ещё одно слово!

Я отпрянула и дёрнула головой в сторону, затем сжала руки. В ожидании вердикта императора, я задумчиво посмотрела на Пиа. Она наклонила голову, а губы нашептывали тихую молитву.

— Пожалуйста, отпустите её. Она не сделала ничего плохого, — я упала на колени прямо перед ним. Несмотря на то, что Валко был со мной груб, я не могла больше бездействовать. Моё собственное отчаянье усугублялось отчаяньем Пиа.

— Встань, Соня, — прошипел он, смотря на меня сверху вниз. — Если бы это была не ты, я бы прилюдно выпорол тебя за неповиновение.

— Мне всё равно, буду я страдать или нет, — я взяла его за руку и поцеловала её, пытаюсь сделать хоть что-нибудь, только бы получить его благословение. — Я считаю, она невиновна.

Грубо выдохнув, Валко выровнялся и посмотрел на Пиа. Я пыталась отыскать хоть немного сострадания под личиной апатии. Что он чувствовал, когда смотрел на неё? Может, он даже помнит, что однажды тайно поцеловал её? Умеет ли он проявлять жалость?

Протягивая к нему руки, я пыталась использовать свои способности, чтобы убедить его. Я пыталась передать ему всю ту любовь, которую испытывала к Пиа. Он должен был почувствовать её милый смех, её яркую улыбку и то доброе сердце, которое она могла открыть людям так быстро.

Император продолжал думать, постукивая пальцем по подлокотнику. Каждый стук заставлял меня нервничать всё сильнее.

Один, два, три, четыре.

— В темницу её, — приказал Валко своим стражам.

— Нет! — Пиа заплакала ещё сильнее. Его слова же были для меня как пушечный выстрел прямо в мою грудь.

Я обернулась, в ужасе наблюдая за тем, как стражи уводят её. Её глаза округлились и покраснели. Такими становятся глаза оленей, когда их пронзает стрела.

— Пожалуйста! Она... — я повернулась к Валко, но он отвесил мне пощёчину.

Я выдохнула от удивления и боли, касаясь своей щеки снова. На ней была царапина. Император, и правда, дал мне пощёчину в месте, где так много народа?

Его ноздри раздувались. Он пытался взять себя в руки.

— Я дам тебе сто рублей, — закатив рукава, он стал обращаться к Бартеку. — Но в следующий раз ловите только тех, кто нужен дворцу.

— Благодарю Вас за вашу щедрость, Ваше Императорское Величество, — охотник за головами низко поклонился, и теперь его аура была спокойной: он точно знал, что получит деньги.

— Свободны.

Бартек снова поклонился и бросил мне лишь ухмылку. Он даже не потрудился посмотреть на девушку, которую из-за него тащили в темницу. Он ушёл так же, как и пришёл. Дворцовая стража же утатила Пиа, но она успела повернуться, чтобы в последний раз подарить мне полный мольбы взгляд.

Моё сердце болело. Я сошла с помоста и бросилась за ней, но на моём пути появились несколько стражей. Я попыталась протиснуться между ними, но они стали так, что мне оказалось это не по силам. Я беспомощно наблюдала, как за их спинами, с криками и рыданиями, уводили мою подругу.

ГЛАВА 29

Как только Валко отпустил меня, я помчалась в свои покои и поспешила к красной двери, затем — к двери с лавандой, к двери с елями, к двери с полуночным пейзажем. Однако Антона в его комнате я не отыскала. Я не могла его ждать. Что-то должно было вот-вот произойти.

Я торопилась назад. И, как только задвинула кровать, почувствовала, как в мои покои зашла Ленка. Её аура всё ещё казалась высокомерной. Она тоже сыграла свою роль в этом. Я уверена.

— Это ты сказала, что Пиа нет? — спросила я, прежде чем она успела сказать хоть слово. Она приблизилась и принялась за шнурки на моём платье. Я отпрянула от неё. — Ты об этом знала?

— Эта девушка ниже тебя, — она выпрямилась так, что её жилистая шея казалась длиннее. — Не понимаю, зачем тебе о ней беспокоиться.

— Она — моя подруга, — то, кем Ленка для меня определённо не приходилась. — И теперь, благодаря тебе, она сидит в тюрьме.

— У Пиа были простые обязанности, но она была слишком высокого мнения о себе, — мои горничные поджали губы, а на щеках Ленки появились морщины. — Она думала, что может приходить к тебе, когда ей захочется. Она думала, что может тратить на тебя слишком много времени. Её нужно поставить на место. Я всего-то сказала стражам, что она вышла без спросу, — Ленка пожала костлявыми плечами. — Кто ж ей виноват, что она предательницей оказалась.

— Она не предатель! — я прижала руку к сердцу, откуда боль расходилась по всему моему телу. — Единственный, кто не знает своего места — это ты. А Пиа не такая. Тебе нельзя было совать свой нос куда не нужно!

— Ты — то, за что я отвечаю, — будто желая отмщения, сказала Ленка. — Пиа подставляет тебя. Но я не сказала об этом, не так ли?

— Ты знала, что вчера меня здесь не было, — я изучала то, какой хитрой теперь казалась её аура.

— Твоё письмо не было сожжено, — она сложила руки перед фартуком.

Теперь всё это пробежало у меня перед глазами. Когда я выбросила письмо Антона, её глаза смотрели туда же. Она не видела, как Пиа передала мне письмо, но, когда она увидела меня в её одежде, то поняла, что моя подруга тоже в деле. Шум, который мы с Антоном слышали в ту ночь на кухне, исходил от Ленки.

— Почему ты меня защищаешь? — спросила я нахмурившись.

— Потому что ты — Имперская Прорицательница. У тебя есть благословенный дар, и ты рождена для того, чтобы служить императору. Ты молода, но у тебя всё ещё впереди. Ты можешь стать такой же великой, как и Изольда.

— Как ты думаешь, Изольда думала, что жизнь — идеальна? — я покачала головой в недоумении от её слов. Схватив её за руку, я повела её к своей кровати. — Посмотри внутрь. Это — шрамы, которые на её душе оставил благословенный дар!

— Изольда никогда не жаловалась на свою судьбу, — Ленка даже не посмотрела внутрь. Наверное, она всё знала. — Она понимала, что жертвует собой ради благого дела.

— Думаешь, если я стану лучше, то и ты будешь стоять подле меня, — я хотела, чтобы до её головы дошло хоть что-то. Но гордость всё ещё оставалась центром её ауры. Как это было всегда. — Если бы только ты видела нас всех равными.

— Нельзя так говорить. Такие мысли похожи на революцию, — выплюнула она так, будто одной фразы хватало, чтобы её заковали в кандалы.

— Нет же.

Её губы превратились в тонкую нить. Она не хотела говорить со мной. Не об этом. Она ещё раз потянула шнурки на моём корсете, затем ещё раз, но немного в сторону.

— Я не буду надевать ночную рубашку, — объявила я.

— Хочешь в этом спать? — Ленка приподняла бровь.

— Я намерена поговорить с императором, — и я не переступлю его порог, если не буду одета.

— Ты и правда думаешь, что он тебя примет? — она фыркнула, выдавливая из себя язвительный смех.

— Он меня примет, — сказала я. Моя бедная, несчастная горничная. Наивная. Она так хотела увидеть всё, но так много пропустила.

Несмотря на то, что сегодня я публично бросила вызов императору, я знала, что он меня простит. Простит так же, как и простил за потерю альянса с Эсценгардом. Мне нужно было добиться этого именно в его покоях. Там бы мы смогли поговорить о Пиа без свидетелей. Я бы спасла свою подругу. Мне нужно сделать это.

Стражи стояли у двери Валко. Он не отпустил их, ведь не знал, что я захочу его посетить. На этот раз инициатором встречи была я. Стражи не признали меня, но и не прогнали прочь. Один из них, мужчина с длинными завязанными волосами вошёл внутрь, чтобы просить императора о разрешении. Я последовала за ним, не желая тратить ни минуты. В том, что он захочет меня видеть, я была уверена. И я была права.

Я почувствовала влажный воздух его покоев. Из купальни поднимался пар, но я не чувствовала тепла. На поверхности плавали веточки розмарина и можжевельника, источая пьянящий аромат. Валко сидел на куче бархатных подушек в одном лишь шёлковом халате, без нижней одежды или рубашки под ним. Его волосы лежали лёгкими волнами, а капли воды стекали на грудь, оголённую в V-образном вырезе халата. Я вспомнила, как тоже однажды пришла к Антону, когда он только-только принял ванну. Но тот момент не мог сравниться с тем, что я видела сейчас. Гнев стал колоть мою кожу, будто горячий нож. Он кинул мою подругу в тюрьму ни за что. Он мог помешать мне в зале, но не здесь, в своих покоях.

— Я хотела поговорить о девушке по имени Пиа Лисова, — начала я, спускаясь к месту приёма гостей. Затем, я присела в реверансе.

Глаза императора стали бродить по моей коже, когда я почувствовала, что мне нужна защита. Но сама защититься я не могла. Его взгляд задержался на моей груди, затем — на бёдрах, а в его ауре стали просыпаться тёмные оттенки. Я подняла брови. Настроение его ауры меня смутило. Разве он не расстроен? Помнит ли он о том, как ударил меня или для

него это обычное дело? Это как-то зависит от той страсти, которая пробудилась в нём?

Валко сидел в центре круга с открытой книгой, но, как только я подошла, он громко её захлопнул. Я глубоко вдохнула, моё сердце стало биться сильнее, как только я заметила светло-голубой корешок. Он — тот, кто забрал эту книгу из моей спальни?

— Это то, что заставляет мою империю пошатнуться, — сказал он, не обращая внимания на мою просьбу.

Я не могла оторвать от него взгляда. Неужели, сейчас он отправит в подземелье и меня?

— Это то, с чем я должен бороться Слова поэтов и всё в этом духе, — добавил он. Он вздохнул и потёр лицо. — Слова какого-то цыгана! Флокар был прав в их отношении.

Я попыталась закрыть рот, когда прикусила себя же, чтобы не сказать лишнего. Сейчас не время говорить о том, что я была с Ромска с детства. Сейчас меня могут обвинить в государственной измене. Я же пришла сюда для того, чтобы просить за подругу, которую обвиняют в том же.

Я ждала его осуждающих слов, но, когда Валко больше не сказал ни слова о книге, я выдохнула и попыталась оттолкнуть свою тревогу.

— Я не знаю, знаете ли вы, Милорд, — начала я. — Но Пиа — моя служанка. Я хороша с ней знакома, и, могу заверить Вас, у неё нет никаких зловещих планов на вас. Её аура сладка и проста, как у ребёнка.

— Иди сюда, Соня, — Валко склонил голову, рассматривая меня. Он что-то от меня скрывал. За краем моего зрения извивался туман.

Я скрестила пальцы вместе, но сделала так, как он приказал. Для того чтобы получить его милость, мне нужно было казаться скромной.

— Я понимаю твоё разочарование, — сказал он. — Ты сердишься из-за того, что я ударил тебя при всех.

— Это не то, зачем я сюда пришла, — сказала я. Он поднял брови, будто не поверил мне.

— Мне жаль, если я сделал что-то не так, — он взял мою руку в свою и подвёл пальцы к губам. Его аура дразнила меня тем, какое удовольствие он хотел получить. Но я разрубила этот порыв на корню. Обольщая меня, он не может зайти так далеко. Но, всё же, он опустил мою руку и положил на бедро. — Возможно, то, что я так снисходителен к тебе, заставляет тебя думать, что я позволю тебе быть моим глашатаем, — он мягко улыбнулся, будто объяснял всё это маленькой девочке. — Дорогая Соня, даже у моей императрицы не будет таких прав. Моя любовь к тебе не изменит того, кто мы друг другу. Во дворце ты всего лишь заботишься обо мне. И не больше. Но здесь... — он убрал с моего лица волосы. Он наклонился ближе к моим губам. — Здесь твоя смелость только приветствуется.

Я замерла, ощущая отвращение. Я никогда бы не позволила ему поцеловать меня снова. Но, чувствуя то, как дразнит меня его дыхание, наполненное смородиновым запахом, я понимала, что моя тактика может измениться. Если бы я дала ему то, что он хотел, он бы отреагировал на мою просьбу? Опять же, если мне действительно нужно было обуздать эмоции императора, мне нужно было установить с ним связь. Мне нужно было проверить своё мастерство. От этого может зависеть жизнь моей подруги.

— Подождите, — я отстранилась, надеясь, что на моём лице сейчас лёгкая улыбка. — Не сейчас.

— И никогда, — молча пообещала я себе.

— Ты всё ещё сердишься на меня, да? — его палец прошёлся по моей нижней губе.

Мне хотелось смеяться. Моя подруга в оковах? Моя шея так болит от того, как сильно он меня ударил?

— Я не сержусь, — ответила я, понимая, что и дара не нужно, чтобы почувствовать мой обман. Я же вцепилась в его ауру как можно крепче, пытаюсь отыскать то, с помощью чего я смогу его контролировать. Но всё, что я чувствовала — это ненасытное томление. От неравной борьбы с его эмоциями, у меня кружилась голова. — Но я хочу поговорить с вами.

В ночь бала я могла управлять его эмоциями, но только после того, как позволила ему поглотить меня целиком. Но, если я сделаю это сейчас, то окунусь в океан своей похоти. Мне нужно было сначала отвлечь его и лишь тогда найти безопасный путь к его ауре.

— Тогда поговори со мной... — он тихо застонал от моей нерешительности, но улыбка удовлетворения не сходила с его лица. — Но быстро.

Схватившись за эту соломинку, я подняла том поэзии Тоси. Это могло бы помочь мне направить себя в другое русло.

— Расскажите мне об этом, — чувствуя Валко, находящегося в любовном, но немного отступившем настроении, я чувствовала себя в безопасности, полагая, что он ещё не понял, что в хранении книги виновата я. Впрочем, я даже не знаю, моя ли это книга.

— Это не больше, чем бред сумасшедшего, ещё и в стихах, — при виде этого тома, рот императора скривился, будто он попробовал что-то кислое. — Это богохульство. Я даже не знаю, почему к этому кто-то всё ещё прислушивается.

Я чувствовала, как внутри него появился кремь гнева, сжигающий его. Хорошо. Я знала, что такое гнев. И это то, за что я решила зацепиться. В его ауре чувствовались проблески ярости, от чего мои руки тряслись. Я пыталась сделать это чувство сильнее. Я думала о Пиа, её синяках и о том, как, возможно там, за решёткой, она плачет.

— Но, как я понимаю, люди прислушиваются, — ответила я. Мои дрожащие пальцы скользнули к надписи с названием книги. Всё глубже и глубже я проникала в его ауру в поиске тех чувств, которыми смогу его одолеть. — Иначе вы бы не были таким расстроенным.

— Неужели, ты можешь меня так легко считывать? — Валко с усмешкой посмотрел на меня.

— Иногда, — я заставила себя улыбнуться.

— Отдал бы всё, только бы видеть тебя насквозь, — он пододвинулся ближе.

Я понимала, что он вкладывает в это двойной смысл — прилив его желания прокатился по моему телу. Когда я заколебалась с этим, мои мышцы напряглись. Я должна сопротивляться. Но стоит ли мне бороться с его похотью? Мне нужно было стать гармоничной, в первую очередь со своими чувствами. Его аура разразилась тоской, и моё сердце тут же стало биться быстрее. Теперь я пыталась вернуть его к тому чувству гнева, с которым я не боролась, которое я не отталкивала.

— Эта книга принадлежит Юрию? — спросила я и посмотрела на том ближе. — Это нашли в его комнате? Может, именно так поняли, что он работает с этим писателем, Тосей Пашковым.

Теперь, когда я снова вывела Валко на эмоцию гнева, я почувствовала в его ауре ещё больше искр негодования. Я поняла это, когда моя челюсть стала болеть так, будто всю прошлую ночь мне шлифовали зубы. Я прикусила язык, но боль усиливалась. Продолжай злиться, молча приказывала я ему. Если бы он повиновался, я могла бы найти связь между нами и, наконец, гнуть свою линию о том, чтобы Пиа освободили.

— Мне больше не стоит беспокоиться об этом солдате, — Валко самоуверенно выдохнул.

По всему телу пробежала волна возбуждения. Его эмоции сменились вновь. Я быстро выдохнула его внезапную гордость и стала бороться с тем, чтобы эти чувства поразили меня.

— Он придёт ко мне, — заявил император.

— Да? — я пыталась сделать так, чтобы осознать его чувства, однако меня охватила паника. Я чувствовала, что вот-вот смогу установить ту самую связь, но он продолжал меняться и мои усилия были напрасными, будто я пыталась зажечь спичку на ветру. Но мне нужно это сделать. Я сосредоточилась на том, что мне нужно спасти Пиа и отчаянно пыталась найти хоть одно воспоминание, в котором моя жалость к Валко могла бы проявиться.

Наверное, это, и правда, невыносимо. Знать о том, что его страж, у которого была привилегия посещать самого правителя Рузанина и даже находиться в покоях за соседней стеной, предал его, при этом отдав предпочтение какому-то поэту. Юрий должен был быть примером. Конечно, до того, как все идеи о правах стали незначительными.

— Почему вы думаете, что Юрий придёт к вам? — спросила я, пытаясь отсеять все лишние эмоции и открыть себя для того, чтобы впустить эмоции Валко. Мне нужно было совершить невозможное: понять его, чтобы я могла проявить свою тайную силу.

— О, Соня, тебе ещё так много предстоит узнать о мужчинах, — он погладил меня по каёмке уха. Он приблизился ко мне. — Нам нравится быть галантными. А ещё мы не переносим, когда дама в беде. И наша галантность быстро оборачивается в месть. Возмездие — инструмент мощный и опасный. Но мне ведь бояться не нужно. У меня есть ты. И ты предупредишь меня, когда здесь появится Юрий.

— Вы думаете, он попытается спасти Пиа? — я не была уверена в том, что этот вопрос следовало задавать. Я старалась откинуть свою надежду и оставаться на уровне вынужденного сопереживания.

— Он не придёт, чтобы спасти её. Он придёт, чтобы отомстить.

— Валко, что ты сделал? — казалось, всё вокруг меня замедлилось. Мерцание свеч, шелест занавесок на окнах. Я отпрянула. Моё сердце стало биться сильнее. Все мои усилия убедить императора стали пеплом.

— Ничего такого, на что монарх обратил бы внимание, — он пожал плечами. — Я просто казнил того, кто виновен в государственной измене.

Я смотрела на него. Его слова заставили разорвать какую-либо связь. Мне не хватало воздуха, чтобы дышать, а пульс на горле не ощущался, будто у меня отняли сердце. Мир перестал двигаться, прекратил своё существование. В новом мире не было ничего, кроме непостижимой истины.

— Пиа мертва?

— Да, — Валко не мог справиться с тем грузом, которым на него навалился мой уверенный взгляд.

— Но... Это невозможно. Я видела её сегодня. Она... Её всего-то бросили в темницу.

Я не могла ясно мыслить. На меня накинута лавина дум, но они только заставляли меня столбенеть от ужаса. Как Пиа могла исчезнуть? Неужели я и правда сказала слово «мертва» вслух? Это нечестно. У меня не было времени, чтобы освободить её. Я собиралась, я пыталась, я...

Я смотрела на одну из вышитых подушек, пока пятна перед глазами не исчезли. В моих

ушах звенело, а император не смотрел на меня. Почему? Он всегда смотрел на меня.

Пиа.

Правда вновь ранила меня.

Пиа мертва.

Из моего горла вырвался болезненный стон. Но я пыталась подавить его, применяя всё своё упрямство. Я отказывалась принять то, как сложилась судьба Пиа, отказывалась принимать то, что ауры Пиа больше нет. Нет того свечения, которое я чувствовала с её аурой и тем, как кровь текла по её венам. И, всё же, насколько просто поверить в то, что Валко убил её.

В моей груди не хватало места для истощного дыхания испуга. В скором времени, это перешло в рыдания. Каждое биение сердца отзывалось в душе как удар молота. Я снова и снова качала головой, не в силах сдержать свои эмоции. Я не чувствовала ничего, кроме боли. Ничего, кроме этого чувства.

— Она невиновна, — прошептала я, чувствуя на языке желчь.

— Соня, она виновна, — Валко, наконец, посмотрел мне в глаза. Он указал на том поэзии. — После того, как её арестовали, мы обыскали её пожитки. И это было найдено в её комнате, а не комнате Юрия.

Волна холода затопила меня. Книга выскользнула через пальцы и упала на пол. Я прижала руку ко рту, только бы приступ тошноты не заставил меня сгорбиться.

Это была моя вина. Она нашла эту книгу, потому, что я забыла убрать её как можно дальше.

Пиа умерла из-за меня.

— Вы допустили ужасную ошибку, — сказала я. Через мои вены текло недовольство. — Пиа едва умела читать. Я... Я учила её, — несмотря на своё горе и панику, я должна была защитить себя. Ради Киры. Ради Даши. Ради Антона и его мечты о том, чтобы освободить Рузанин. — Наверное, Юрий оставил ей книгу для того, чтобы у неё она была в безопасности. И он знал, что она не поймёт, что это такое, — я зарыла руки в волосы, чувствуя, как ужас смерти снова захлестнул меня лавиной, которая не думала отступать. — Валко, как вы могли так поступить?

Он потянулся ко мне, будто для того, чтобы заставить меня почувствовать уют. Но я вырвалась.

— Вы и правда считаете, что ваши поцелуи и ваша любовь поможет мне забыть о ней? Она была моей подругой! — я не могла сдержать ни гнев, ни печаль. — Она почти стала вашей любовницей!

— Она была всего лишь горничной, — его глаза широко открылись.

— Вы слышите себя? — на моих глазах появились горькие слёзы. — Я тоже ваша слуга. Значит, моя жизнь тоже для вас ничего не значит?

— Соня, — он положил руку на мою ногу.

— Не трогай меня! — резко встала я. Моя голень стукнулась о невысокий стол и я зашипела от боли. Валко снова потянулся ко мне, но я отпрянула и захромала назад, прочь от центра комнаты.

— Соня, успокойся, — поднялся он на ноги. — Ты ведёшь себя непостижимым образом.

— Непостижимым? — я повернулась к нему. — Разве непостижимо скорбеть по другу? Разве непостижимо чувствовать ярость и агонию? — мой голос сгорал. — Ты всегда хотел видеть мои эмоции. Теперь видишь. Это я, Валко! — кричала я. — Я — все твои тёмные

чувства! Это я вызываю их! Я заставляю тебя чувствовать каждое тёмное чувство!

Из-за меня умерла Пиа.

Ярость ослепила меня. Ярость к Валко. Ярость, которая принадлежала мне. Не в силах сдерживать свои чувства, я споткнулась на лестнице, когда бежала к гостиной, а оттуда — к двери.

— Соня! — кричал мне вслед Валко.

Я распахнула дверь и захлопнула её за собой. Рыдая, я бежала вниз по коридору. Мой взор был затуманен и сквозь слёзы, я пыталась отыскать стену, которая могла бы меня поддержать. В конце концов, я отыскала дверь, но не ту, тайную, с рисунками полуночного пейзажа. Я стучала по ней, даже не пытаясь успокоиться.

Принц открыл дверь. Он был удивлён моим визитом. Я проскользнула мимо него.

— Что ты делаешь? — спросил он. — Охранники могут нас увидеть.

— Мне всё равно, — едва могла сказать я.

— Что такое? — он закрыл дверь и попытался рассмотреть меня более внимательно. — Что произошло?

Моё горе застало меня врасплох. Я дрожала от того, какую сильную ярость испытывала.

— Соня, говори, — на лице Антона я видела ужас. — Что он с тобой сделал?

— Он — чудовище! Я ненавижу его! Дай мне нож, и я убью его!

— Тише, — он протянул ко мне руку.

— Нет! — прикосновение Антона могло только усилить чувство его ауры внутри меня. И сейчас я не могла терпеть чужих эмоций. Только его.

— Хорошо, — он отстранился.

— Она умерла из-за меня! — я дернула себя за волосы. Только тогда я смогла дать волю слезам.

— Кто?

— Пиа, — сказав это, я заплакала. Прекрасное имя. Оно звучит так напевно и чисто. Излучает яркий, утренний свет и свежий воздух.

— Что? — в ауре принца появился холод. Он стал ходить кругами вокруг меня, потирая рукой лицо. — Я знал, что её кинули в темницу, но... Валко казнил её так быстро?

— Её втащили на приём, как собаку. Я пыталась защитить её, — я вытерла нос и стала кричать ещё сильнее. Валко не будет слушать меня! Он своенравен и капризен! Его невозможно терпеть! — я ударила кулаком по груди. — У меня нет над ним никакой власти!

— Это не так, — сглотнул Антон.

— Хватит! — я поставила руки перед собой, чтобы он не продолжал. — Я не заслуживаю твоего доверия. Я не сделала ничего, чтобы это заслужить.

— Соня, пожалуйста. Просто дыши, — он кружил вокруг меня. Принц не знал, как меня успокоить, ведь я не хотела, чтобы он касался меня. Я же плакала так сильно, что упала на колени.

— Я убила всех, кого любила. И Юлию тоже. А я просто хотела помочь голодающим крестьянам, — я закрыла рукой рот, будто пытаюсь прекратить поток этой тёмной исповеди, но Антон должен был знать, кто я. — Они ненавидели меня. И они остановили бы меня. Но я заперла их потому, что тоже их ненавидела.

— Кого ты заперла, Соня? — мягко спросил он, присев рядом со мной. — О чём ты говоришь?

— Прорицательниц, — рыдая, я раскачивалась из стороны в сторону. — Были и другие.

Сёстры спали в своих кроватях. Бэзил был сторожем в монастыре. Но он меня не ненавидел. Он был добр со всеми.

Антон терпеливо слушал меня, будто понимал, что мне нужно ещё многое сказать. Раскрыть тайны своего прошлого сейчас было намного сложнее, чем тогда, когда-то же самое я рассказывала Валко. И это в полной мере раскрывало то, что я чувствовала к обоим братьям. И, если мнение принца обо мне изменится, это, несомненно, разобьёт моё сердце.

Я пыталась уловить в ауре Антона хоть немного нежности, ведь после того, что я расскажу ему дальше, он никогда больше не позаботится обо мне.

— Но я не смогла помочь крестьянам, — я дёрнула ленту на запястье и напрягла пальцы так сильно, что они онемели. — Их отогнали волки. Всех, кроме одного. Он был безумцем. Я привела его в монастырь, и..., - я покачала головой. С рваным дыханием, я продолжала свою исповедь. — Случилось ужасное. Из-за меня огонь стал сильнее. Женский монастырь сгорел из-за меня! Прорицательницы оказались в ловушке. Так много людей погибло! — мои плечи сжались, и я снова разразилась плачем. Мне хотелось провалиться под землю, только бы не рассказывать о том, что я натворила. — Юлия уже болела. Она умерла потому, что чувствовала их слишком сильно. Может, я тоже держала над ней нож.

— Почему не сказала мне об этом раньше? — спросил принц. В его глазах было так много отчаянья. Я чувствовала это всей своей душой.

— Ты заставил меня чувствовать себя по-особенному. Я ощущала себя особенной, — я пожалала плечами, зная, что по моим щекам всё ещё текут слёзы. Я едва могла говорить. — Это была и правда хорошая ложь. Я поверила.

— Это не ложь.

Я недоверчиво ахнула. Как он может верить в меня даже после того, что я ему только что рассказала?

— Разве ты не видишь? Я никогда не смогу кого-то спасти. Я — настоящее проклятье! Из-за меня убили родителей, из-за меня детей Ромска взяли в плен. Сёстры в монастыре боялись моей необычной силы. И они были правы. Я — настоящая тьма!

— Я хочу, чтобы ты меня выслушала. И выслушала внимательно. Ты — не проклятье, — он придвинулся ближе и говорил мягко и искренне. — Ты — настоящий дар. Ты мой дар. Спаситель, который был послан мне Богами. Соня, позволь мне прикоснуться к тебе.

Я подняла на него взгляд, на моих ресницах оставались слёзы. Его карие глаза отражали сочувствие. Он сопереживал мне больше, чем любая из Прорицательниц умела.

Я напряглась, чувствуя, как к горлу подступает ком. Как могла я обвинять его в том, что он не раскрывает своих тайн, если, в сущности, могла бы обвинить себя же в том же? Но теперь, когда он знал правду, может, у меня действительно появилась надежда на его чувства? Могу ли я позволить ему это сделать?

Я едва заметно кивнула.

Этого было достаточно, чтобы он понял, что я разрешаю.

В мгновение тёплые руки Антона оказались на мне. Его подбородок был прямо над моей головой. Я тут же стала дышать глубже, заполняя всё пространство в груди его состраданием. Его печаль сливалась воедино с моей печалью, мои страдания становились единым целым с его страданиями. Он понимал меня.

— Мне жаль, что так произошло с твоей подругой, — он погладил мои волосы. Я рыдала ему в грудь. — Я знаю, что её смерть значит для тебя слишком много. Я сожалею о том, что ты потеряла Юлию и своих родителей. Жаль, что то, что произошло в монастыре,

произошло. Сожалею, что ты никогда не была дома и что должна была приехать сюда.

Он не говорил больше о моих способностях. Он не видел целью моей жизни служение идеалам свободы. Он просто позволил мне быть грустной. И за это я чувствовала благодарность.

— Тише, тише, — пробормотал он. Принц поглаживал меня по спине, а в его голосе я не слышала ни стука горной воды, ни приливов и отливов океана. Я чувствовала тишину. Будто он говорил на языке, на котором общаются все дети, но с возрастом забывают.

Аккуратно подняв меня и пронеся над столом, он направился к углу, где стояла его кровать, куда он меня и усадил. Затем, Антон распахнул свои объятия, и я снова укуталась в них. Откинув мои волосы с одного плеча, он настоял на том, чтобы я развернулась и прислонилась к нему. Он водил по моим волосам, будто расчёсывая, а вслух напевал колыбельную. Вслушиваясь в тихую мелодию, я осознала, что мои рыдания постепенно становились всё тише и тише. Я положила голову ему на плечо и сомкнула наши пальцы в замке.

Мне казалось, что я плакала уже несколько часов. Мне становилось стыдно и из-за этого хотелось плакать ещё сильнее, но я не могла. Я чувствовала себя будто выжатая тряпка. Пытаться плакать было бесполезно. Несмотря на то, что сегодня произошло, я не хотела, чтобы эти мгновения прекращались. Антон был моим утешением. Наши ауры перекликались настолько причудливо, что я уже точно сказать не могла: где его аура, а где мои чувства.

Я посмотрела вверх, чтобы увидеть его лицо. Под его глазами были тёмные круги. Вот уже вторую ночь как из-за меня он не может выспаться.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Рад помочь тебе, — ответил он сонным голосом. Принц перестал напевать, на его лице появилась улыбка. Он поцеловал меня в макушку.

Я отодвинулась, чтобы рассмотреть его, а руки Антона упали на мою талию. Свеча горела так низко, что только теперь я смогла заметить то, что его подбородок гладок. Я обхватила его лицо руками, нежно поглаживая по подбородку.

— Дай угадаю. Ты не слышал о том, что закон о бритье перестал действовать. Поэтому ты побрился.

— Ты почти поняла меня, — он улыбнулся, полуприкрыв глаза.

— Принц Антон, да вы беззастенчивый бунтарь.

— Правдивее слов я не слышал никогда.

То, каким он был сонным и вместе с тем то, как он улыбался, заставляло меня посмотреть на него иначе. Его аура ещё никогда не казалась мне такой спокойной, открытой и дружественной. Я поцеловала его.

Я поцеловала его.

Я отпрянула от его лица, пытаюсь понять, что он чувствует. Он выглядел также удивлённо, как и я.

— Соня, — его голос был мягким, но предупреждающим. Я слышала, что он имел в виду. Я хочу этого. Я не хочу этого.

Мои ладони всё ещё охватывали его лицо. И, как только я наклонилась ниже, моё сердце стало биться ещё сильнее. От него пахло сосной, можжевельником и родниковой водой. Я вдыхала этот запах, смакуя каждое его чувство, овладевавшее моей аурой. Сознательно, вкладывая так много нежности, как только могла, я поцеловала его вновь.

Его руки на моей талии стали увереннее, он исследовал мои губы, а то, что я

соглашалась, придавало больше уверенности. Его ладони оказались у меня на бёдрах. Мы были будто две птицы, дышавшие одним воздухом.

Он выдохнул и потянул меня ближе. Руки принца скользили по моим рёбрам вниз, а затем — назад, прямо к волосам. Моё сердце для него было открытым. Швы, которыми было сшито моё горе, разрывались. Как же долго я этого хотела. С ним я чувствовала что, наконец, освободилась. Я чувствовала, как наши ауры переплетались в прекрасном танце, подтверждая то, что мы должны были сделать. Я проникала всё глубже и глубже. Он казался мне туманом елового леса. Мои пальцы сжались у него на затылке. Тепло его ауры, излучавшей настоящий солнечный свет, соприкасалось с моим теплом.

Это чувство было таким лёгким, будто я плыла по воде. Наши поцелуи стали сильнее, а руки блуждали по телам всё быстрее. Я дышала так прерывисто, что, мне казалось, мне не хватает воздуха. Даже когда я слегка отстранилась, я понимала, что мне нечем дышать. Чувство любви к Антону не утихало даже после этого. Но принц схватил меня за руки и оттолкнул.

— Я не могу... — его лицо покраснело, а на лбу показались капли пота. — Мы не можем сделать это.

— Почему? — голова кружилась. Каждой частичной тела я чувствовала, что хочу оставаться с ним, чувствовать нашу связь. Мне потребовалось время, чтобы осознать, что это была его паника.

— Уже поздно... И у тебя была ужасная ночь, — он вздохнул, пытаясь восстановить дыхание. Он смотрел в пол. — Сейчас не время... Соня, сейчас у тебя не лучшее время. И я не хочу на тебя давить.

— Ты не давишь на меня, — сказала я. Он прильнул к стене, отстраняясь от меня. — Антон, это не так. Я не чувствую себя так рядом с тобой. Ты мне нужен, особенно сейчас. Я хочу, чтобы мы были вместе. — Почему он не мог понять, что всё то, что я чувствую, принадлежит мне? — Я хочу тебя, — сказала я и взяла его за руку.

— Пожалуйста, — он отстранился и запустил пальцы в волосы. Его голос звучал обиженно. Моя взгляд скользнул к его руке, к предплечью, где всё ещё находилась родинка в форме рыси. Если бы я могла убрать эту родинку. Если бы я могла сделать так, чтобы та гадалка никогда не сказала тех слов. Если бы я могла вернуться в то время и отыскать того маленького мальчика и сказать ему, что мать любит его до сих пор, несмотря на то, что ей нужно было его отпустить. Я чувствовала то, как предана императрица своей семье тогда, когда прикоснулась к её крови. Почему боль в его сердце невозможно уничтожить? Почему на это не способна я?

— Помнишь, ты сказал мне, чтобы я отыскала в себе то, за что смогу держаться. Я нашла, — я приблизилась к нему. Настолько, насколько он позволял. Я улыбнулась, чтобы показать ему то, что на самом деле чувствую. — Это то, что заставляет меня быть уверенной. Это мои чувства к тебе, Антон. В этом я не сомневаюсь. Они дают мне веру в то, что в этом мире я могу сделать что-то правильное, хорошее.

Когда он смотрел на меня, его брови сдвинулись к переносице. Я чувствовала, что ему хотелось верить в то, что я говорю, однако он не знал, как.

— Ты потерял столько, сколько я могу тебе дать, — сказала я. — И ты тоже сломлен. Я не единственная, кому нужно утешение.

Мне хотелось коснуться его, но я не посмела. Он сидел так уверенно и так глубоко ушёл в себя. В груди я чувствовала угрызения одиночества и печали. Я не могла потерять его

сейчас, когда всей своей аурой я чувствовала, что мы созданы друг для друга.

Я запомнила каждую черту его прекрасного лица ещё будучи в тройке тогда. Я видела маленькую родинку возле глаза, нежную линию его верхней губы. Это всё, что удавалось увидеть с первого взгляда. На щеках у него были едва заметные веснушки, на правой щеке был виден крошечный шрам, а на аристократическом носу виднелась горбинка. Казалось, я больше не увижу его никогда, будто из-за того, что мы отстранились друг от друга всего лишь на некоторое время, его аура ускользает от меня, будто песок в руках.

— Ты сказал, что я — твой спаситель, — сказала я. — Но сейчас ты не даёшь мне спасти тебя.

— Я не знаю, как спастись, — он пожал плечами.

Я прислонила колени к груди. Мы были в том же тупике, в который заходили всегда, когда он понимал, что не может доверить мне свои чувства. И, возможно, это было что-то глубокое. Что-то, чего он не мог доверить никому.

Свет свечи рядом с нами стал мерцать, плавя остатки воска. Когда, наконец, она догорела, я отряхнула своё платье и поднялась.

— Спасибо за сегодня, — сказала я. Внутри меня расцвело чувство вины и сожаления. И эти чувства не принадлежали мне. — Я не знаю, что бы делала без тебя.

— Подожди, — прерывисто выдохнув, Антон поднялся. — Останься.

Я нахмурилась, чувствуя неопределённость в его словах.

— Обещаю, я не буду больше тебя целовать, — он сделал шаг вперёд.

— Я хочу, чтобы ты меня целовал, — вздохнула я.

— Останься.

Я скрестила руки, пытаясь держать дистанцию между нами. Я не была уверена в том, что мне хотелось доверять ему в тот момент, когда он не может открыть мне своё сердце.

— Ты поддерживаешь меня, — сказал он. — Даже в тяжкие времена. — В его ауре появилось какое-то чуждое чувство робости. — И я хотел бы тоже поддерживать тебя, — он поморщился, чувствуя, что говорит что-то не так. — То есть... я прошу тебя. Я пытаюсь, Соня. Это лучшее, что я могу сделать.

Я прикусила губу.

— Останься, — он пытался отыскать мой взгляд.

Ветер гудел, проходя меж стёклами. Позолоченные ставни скрипели. Мой надуманный барьер, который я возвела против принца, пал. Я ушла. Но не в дверь с полуночными пейзажами. Я забралась в его постель. Лунный свет из окна, из-за не плотно закрытых штор, дорожкой падал на одеяло. Глубоко вздохнув, принц направился за мной. Мы сидели рядом. Я сложила ноги, а он — лишь одну. Затем, мы сели ближе, будто это был самый нежный танец в нашей жизни, будто мы обнимали друг друга всю ночь. Это было иначе. Он стал относиться ко мне теплее. Он чувствовал себя хрупким, будто фарфоровая посуда.

Я легла на одну из подушек, а он примостился около моей ключицы. Я протянула одну руку к нему, а губами нежно коснулась его лба. Он сполз ниже. Его волосы прошли по моему лицу, и тогда я почувствовала, что они пахнут мылом и еловым лесом. Я поглаживала его так же, как до этого он поглаживал меня.

Затем, я поняла, что грудь Антона медленно опускается и поднимается. Он видит мирные сны. Две едва заметные слезы скатились по моим щекам. В этот момент я думала о Пиа. Затем, я закрыла глаза и укуталась в запах волос Антона.

ГЛАВА 30

Меня разбудило что-то светлое. Луч солнца проходил сквозь щель в шторах, будто разрывая их словно нож. Я поёжилась и отвернулась, чтобы спрятаться от луча. Потом я увидела Антона и с удивлением поняла, что спала рядом с ним. Ночью мы ворочались и наши «позиции» изменились. Его голова лежала на моём животе. Открыв рот, он всё ещё спал, а его руки были распростёрты. Мои же руки тоже сместились: одна оказалась у меня под головой, а другая — окунулась в его волосы. Спящим он казался младше, уязвимее, прекраснее. Я хотела, чтобы так было всегда.

Со вздохом блаженства, я бросила взор к окну. Потом нахмурилась, щурясь от луча света. Тумана и зари не было. Облака были располосованы яркими лучами.

— Вставай! — ахнула я и подтолкнула Антона.

— Соня? — он поднял голову и посмотрел на меня сонно, одним глазом. Он говорил так, будто и это тоже ему всё ещё снилось.

— Я должна вернуться в свои покои! — прошипела я. Каждый раз, когда я спала в комнате с гобеленами, я никогда не засыпала так крепко, что не могла проснуться, когда приходила Пиа.

Пиа.

— Я должна идти, — сказала я. К горлу подступил ком при мысли о моей подруге, но я не могла снова довести себя до слёз. Почему я пришла в комнату Антона прошлой ночью? Из-за меня он в опасности. — Ленка будет искать меня.

Кто-то резко постучал в наружную дверь. Принц и я резко поднялись. Я перекатилась на другую сторону кровати, стремясь к двери к гобеленовой комнате, но дверь скрипнула и ручка повернулась, будто кто-то хотел её открыть.

Я не могла думать. Я не смогу выйти отсюда вовремя. Но движения Антона были быстрее. Он не слишком-то осторожно бросил меня на кровать, и я скатилась на пол, упав при этом на мягкое место, но я выронила лишь короткий визг.

— Доброе утро, брат, — дверь скрипнула.

Валко. Я нырнула ниже, а в ауре почувствовался холод. Под кроватью я наблюдала, как его чёрные полированные сапоги приблизились к босым ногам принца. Их звук слышался в каждом углу комнаты.

— Доброе утро, — принц откашлялся, когда сапоги перестали отбивать свой ритм. — Ваше императорское Величество.

— Эти два дня были слишком напряжёнными, — император подошёл на три шага ближе. Я стала дышать тише, когда заметила, что он стал ближе к кровати. — Приём людей удался на славу. А потом этот ужасный случай со служанкой... — он слегка качнулся на каблуках, то отдаляясь от Антона, то приближаясь к нему. — Но что сделано, то сделано. Это было важно.

Я сконцентрировалась на чёрной коже его сапог. Зачем сюда явился император? Для него это обычное дело, врваться в покои брата и говорить о нудных делах Империи? Уже не говоря о том, что они обсуждали смерть моей подруги.

— А какие новости сегодня? — я заметила, как жила на лодыжке Антона набухла. — Всё также сложно?

Мой желудок свело от их аур. Их голоса казались спокойными, но напряжение между ними было сильным как никогда.

— Наоборот, — ответил Валко. — Боги милостивы ко мне. Только вчера я говорил о трёх беглецах, а сегодня я получил весть о том, что один человек был захвачен. — Он

усмехнулся. — Кажется, люди поняли, что я могу дать деньги не только лишь охотникам за головами, особенно, когда дело касается слухов о местонахождении преступников.

— И правда, — ответил Антон сухо. — Можно предположить, что был пойман Юрий?

— Нет, нет. Кто-то, чья цена гораздо выше, — каблуки его сапог щёлкнули друг с другом. — Печально известный цыганский поэт.

— Тося? — пальцы Антона вжались в пол, а я не могла дышать. После небольшой паузы, принц прошёл мимо брата, естественно, чтобы тот не заметил волнение. — Тося... Пашков?

Антон пытался казаться спокойным, но в его голосе я чувствовала дрожь. И из-за этого дрожала и я сама. Как и я, он знал, что судьба поэта предрешена.

— Собственной персоной, — ответил Валко.

— И он сейчас здесь? — Антон немного приблизился к императору. — Заключён под стражу?

— Я сам видел его. Чудак. Такой высокий, что, наклонившись, едва сможет достать до стола.

— Мой Император, я бы посоветовал не казнить его так скоро, — принц развернулся к брату так, чтобы тот видел его лицо. — Он сыскал славу среди людей, а они станут требовать справедливого разбирательства. А вы не хотели бы, чтобы, помимо бунтов по случаю понижения призывного возраста, люди устраивали забастовки и по другим причинам.

Я молча похвалила Антона за то, какой быстрой оказалась его логика. Это — единственный козырь, который затянет казнь Тоси. Может быть, имея достаточно времени, мы могли бы найти способ помочь нашему другу бежать.

— Тосю будут судить, — император отстранился, опираясь на левый сапог. — Публично. Так что все те, кто верил в его слова, увидят, какой он богохульник.

— Хорошая мысль. Я согласен, что это лучше, чем поспешное решение, — Антон ответил мастерски, будто идея о суде принадлежала самому императору.

— Мне нужно обсудить это с советниками, — Валко направился к двери, будто говоря, что обсуждение закончилось, но, в волнении, он повернулся к князю. — Ты не видел Соню?

Я прислонилась к полу сильнее. Ревность в его ауре отразилась горьким привкусом на моём языке. Это ли та причина, по которой император пришёл к брату?

— Нет, не видел, — Антон не замешкался и отреагировал тут же. Он лениво направился к печи, где стоял самовар. — Может, она решила прогуляться в саду.

— Да... возможно.

Я сжалась, ожидая, что Валко скажет больше. Например, то, что знает, что прошлой ночью я не явилась в свои покои, да и на расцвете меня там не было. Но, когда он больше ничего не сказал, я поняла, что Ленка прикрыла меня во второй раз.

— Если увидишь её, передай, что в её гостиной я оставил подарок, — император открыл дверь. — Предложение мира. Она поймёт.

— Как пожелаете.

Стук ботинок отдалялся. Дверь стукнула, возвещая о том, что её закрыли. Я закрыла глаза и обхватила себя, заставляя себя глубоко дышать. Валко не заметил меня. И, всё же, я не осмеливалась двигаться. Что делать, если он снова вернётся?

Казалось, у Антона были такие же опасения. Прошло несколько долгих минут, после чего я слышала скрип половиц и его тихие шаги.

— Всё хорошо, Соня. Он ушёл.

Я поднялась на дрожащих ногах и схватилась за спинку кровати для того, чтобы хоть как-то держаться. Моя одежда была слишком мятой.

— Наверное, у тебя нет ключа, — едва посмотрев на меня, он бросился к небольшому ящику в своём комод. Он отыскал там копию ключа и подошёл к двери с пейзажами полуночи, затем открыл её. — Мне нужно уйти сейчас же. А тебе нужно вернуться к себе.

— Куда ты идёшь? — я застыла за кроватью.

— Мне нужно поговорить с Николаем и Феликсом. Если я смогу это устроить.

— О Тосе?

— Да.

Казалось, моё сердце стало тяжелее в несколько раз. Казалось, рушится весь мой мир.

Антон вернулся назад, взял меня за руку и повёл меня к двери. Он не вёл себя сурово и не торопил, хотя я понимала, что задерживаю его.

— Могу я пойти с тобой? Я надену то платье Пиа.

— Нет... я не могу... — он не посмотрел на меня, но его голос звучал нежно. — Я не могу потерять и тебя.

Меня буквально затопило разочарование, но спорить я не стала. Моё место здесь, на стороне императора. Мой долг — беречь Империю и быть частью революции в придачу.

— Я вернусь к нему, — пообещала я, зная, что должна это сделать. — Я попытаюсь убедить его, чтобы он освободил Тосю, — во всяком случае, сейчас у меня был хоть какой-то шанс. В отличие от Пиа, до поры до времени Тося был жив.

— Пожалуйста, будь осторожна, — сказал Антон.

— И ты.

В конце концов, наши взгляды встретились. В его глазах я видела всё, что произошло между нами в прошлую ночь. В своей ауре я чувствовала лёгкий туман от нашего вчерашнего поцелуя. Мне хотелось коснуться его губ снова, чтобы хоть как-то успокоить его; чтобы он понял, что всё получится, даже несмотря на то, что я сама едва ли в это верила.

— Я должен идти, — сказал он и закрыл дверь, когда я подалась к нему. От неожиданности я моргнула, смотря на вихрь звёзд на двери.

В моей прихожей, будто ожидая меня, уже стояла ваза синих гиацинтов. Рядом с ней лежала небольшая блестящая коробка. Лента, обёрнутая вокруг неё, была запечатана воском с тиснением «V» и короной с семью рубинами. Я сломала её и подняла крышку. Внутри, на подушке из бархата, в окружении алмазов, находился сапфир. Он был на цепи из алмазов. Его грани переливались в солнечном свете, показавшегося в моём окне.

Я закрыла коробку и оттолкнула от себя. Неужели Валко думает, что меня можно купить? Неужели этот камень сможет заменить подругу? Запах гиацинтов сжигал мой нюх. Я ходила взад-вперёд. Я согнула руки, понимая, что меня переполняет гнев. Ожерелье стоило достаточно, чтобы прокормить семью. За эти деньги можно отремонтировать пансион Руты, с этими деньгами дети Ромска могли бы дольше играть на полях, а не выпрашивать деньги у городских.

Я присела на стул у письменного стола и попыталась успокоиться, отогнать всё своё отвращение. Подарок Валко нельзя вернуть. Если я хочу восстановить с ним хорошие отношения, я должна принять этот подарок. Я чувствовала, насколько это невыносимо: соединяться воедино с его аурой, чтобы убедить императора и отпустить Тосю, и сойти с престола.

Я потёрла глаза. В костях чувствовалась усталость, но я стиснула зубы. Я не хотела поддаваться чувству жалости и отчаянья к самой себе. Моё задание может быть невыполнимым, но, моё дар и в то же время проклятье — единственное, что поможет мне изменить этот мир к лучшему.

ГЛАВА 31

День тянулся слишком долго. Перед тем, как появилась Ленка, ко мне в покои пришла новая горничная. Казалось, она добра и хорошо исполняет свои обязанности, но мне становилось холодно, моё тело будто становилось пустым, когда я пыталась сравнить её с Пиа. Её веснушчатая кожа против оливковой кожи Пиа. АURA Пиа была чувствительной. Новая горничная не улыбалась. Она просто пришла в мои покои, сделала реверанс и поставила на стол поднос с ужином, который показался мне безвкусным. Вскоре после этого пришла и Ленка. Должно быть, её уже предупредили о том, что я вновь появилась.

Я не отвечала на её вопросы о том, где я была прошлой ночью. После моего отказа, мы обе не проронили ни слова. Я всего лишь поручила ей сделать так, чтобы перед императором я выглядела потрясающе. Она выполнила свою задачу прекрасно и облачила меня в бледно-серебристое платье.

Я знала, что император весь день провёл на встрече со своими советниками. Если бы он узнал, что я вернулась, мне бы пришлось провести всю встречу с ними.

Я спустилась к винтовой лестнице и направилась к зале заседаний. Сапфир, будто лёд, обжигал моё горло. Моё шею, словно воротник окутало ожерелье. Я не была готова увидеть радость императора от того, что я надела его подарок.

Как только я дошла до второго этажа, я остановилась, хватаясь за перила. Мою ауру охватила паника. В это же время, через вход со стороны сада, прошёл Антон. Он поднял голову. Принц вдохнул глубже, когда заметил меня, но я чувствовала, что его тревогу невозможно скрыть. Слуги практически не замечали его и лишь сновали по своим делам. Он запрокинул голову. Движение было едва заметным, но я всё поняла.

Когда он шёл по направлению к большому залу, его сумеречно-синий плащ развивался за его плечами. Выдержав немного времени, я спустилась на ещё один пролёт и затем снова поймала его след. Я пыталась делать вид, будто мой маршрут случаен, однако я двигалась быстро, чтобы не упускать его из виду. Антон остановился для того, чтобы снять свои перчатки и осмотреться, не обращают ли на него внимание зеваки. Затем, он проскользнул в большой зал.

Моё сердце стало биться быстрее, чувствуя, как волнение Антона отображается и на мне. Я ускорила шаг, и, немного осмотревшись, скользнула в зал, после чего быстро закрыла за собой дверь.

— Ты здесь для того, чтобы встретиться с союзниками? — спросила я, прижимая руку к животу в небольшом приступе тошноты. — Из-за твоей ауры мне больно.

За тёмными шторами не было видно окон, лишь только лёгкое свечение по краям просвечивалось сквозь них. Этого было достаточно, чтобы я заметила нечёткие контуры мебели, большие, завернутые в ткань, чтобы не попадала пыль люстры, всё ещё стоявший на возвышении трон. Это всё, что напоминало о величии того бала, который состоялся в канун Морвы.

Антон прижал меня вплотную к стене с двойной дверью, чтобы тот, кто решит сюда зайти, увидел нас не сразу. Его взгляд упал на сапфировое ожерелье, а я смущённо коснулась его. Он чувствовал, как оно становится железными оковами для меня. Принц покачал

головой, затем, будто проклиная кого-то, бросил перчатки на пол. Я хотела коснуться застёжки, чтобы снять ожерелье, однако замерла.

— Это Феликс! Кровожадный дурень! Он разрушил всё, над чем мы работали.

Я отпустила ожерелье и представила человека, которого в своей жизни видела лишь дважды. Я всегда чувствовала, что он держится на расстоянии. Всё, что я могла увидеть — это мистические голубые глаза и то, как таинственно он взял то письмо с надписью «канун Морвы»; то, как он появился в зале, когда колокол пробил двенадцать.

— Что он сделал?

Одна из дверей рядом с нами открылась. Я ахнула и отступила назад.

— Есть здесь кто-то? — тихо спросил мужчина. В тусклом свете я смогла рассмотреть большую копну волос.

— Николай, сзади, — сказал Антон.

— А что она здесь делает? — мужчина обернулся, но, увидев меня, некоторое время смотрел на меня.

— Соня с нами. И ты это знаешь.

— Император ищет её, — Николай потёр ладонями лицо. — А ещё, думаю, он ждёт моего возвращения. Я ушёл из зала заседаний, чтобы прийти сюда, — добавил он, будто это было преступлением. — Я сказал, что у меня срочное дело. Уверен, император до сих пор не может понять: какие такие дела могут быть важнее совета.

— Почему он захотел, чтобы ты приехал во второй раз? — нахмурился Антон.

— Он настаивает, чтобы я поделился с ним опытом нападения на Шенгли, — Николай развёл руками. — Я не знаю даже о том, что такое стратегия боя! Солдатом был мой отец, не я, — он стал говорить быстрее, а мои нервы будто звенели в предчувствии чего-то неизвестного. — У меня есть предположение, что император что-то заподозрил и поэтому держит меня ближе к себе.

— Валко презирает всех, — пожал плечами Антон, будто это было одним из пунктов нашей заинтересованности. — Но что, если использовать это в нашу пользу? Если восстание провалится, у тебя будет больше шансов, чем у меня и всех советников вместе взятых убедить его отложить наступление. Это даст нам больше времени, чтобы мы перегруппировались.

— Убедить его? — Николай снова рассмеялся, на этот раз с отчаяньем. — Его вообще можно в чём-то убедить?

Я могу ему только посочувствовать.

— Ты говоришь так, будто мы обречены на провал, — сказал Николай. — Всё так? — когда принц не ответил так быстро, как мог бы, граф осмотрел комнату и провёл руками по волосам. Он вздохнул. — Почему мы встретились здесь, под носом у императора и всей прислуги? Только скажи мне, что это действительно важно.

— Я бы не позвал тебя, если бы это не было срочностью, — сказал Антон. — Николай, нам нужно всё твоё мужество. Наша ситуация становится всё плачевнее.

— Становится? Разве может быть хуже? Тося в тюрьме, а за Юрием отправились охотники за головами. И я понимаю, что я — следующий.

Челюсть Антона отвисла. Его терпение было на исходе. Мне хотелось лезть из кожи вон, такими разными их ауры казались.

— Мы все в опасности, — огрызнулась я. — Нам всем есть что терять.

— Ты — Имперская Прорицательница, — граф стал издеваться надо мной. — Как мне сказали, ты сирота. И кроме собственной жизни терять тебе нечего.

Я отпрянула. Он ничего обо мне не знал. Я уже потеряла Пиа. Я в ответственности за судьбы Даши и Киры. И за судьбу Антона... К горлу подступал комок при мысли о том, что со мной станет, если я потеряю его.

— Будь осторожнее в выражениях! — Антон набросился на Николая. Мои колени согнулись от его гнева. — Это не состязание мучеников.

— У меня есть жена и ребёнок! — ответил граф. От его эмоций у меня покалывало в носу.

Я вновь вспомнила место, где мы с принцем остановились по пути в Торчев. Всматриваясь в окна, я видела две пары рук. Одна из них, с аметистовым кольцом, точно принадлежала Николаю, ведь именно из них Антон получил письмо. Другая пара рук, измученная работой, принадлежала женщине. Я понимала, что они из разных классов. Эта женщина была женой Николая?

— Наш брак — тайна, сказал граф. Он снова повернулся ко мне, будто хотел, чтобы я поняла, почему он в таком отчаянье. — Мы живём отдельно. Моя семья... Они — дворяне и... они никогда не примут её. Я верил, что эта революция — шанс. Шанс, что нас будут видеть равными.

Думал, поймала я его на слове. Думал. В прошедшем времени. Звучало так, будто в нём больше не было веры.

Я рассматривала его прекрасную одежду, идеально ухоженные усы, аметистовое кольцо, которое, скорее всего, было семейной реликвией. Без сомнения, сердце его было добрым: он женился по любви, присоединился к революции, попытался склонить других аристократов на сторону равенства. Но насколько добрым это сердце было? Я не могла забыть о том, что, будучи женатым, он не отказал бы мне в танце на балу. Кроме того, на последнем заседании он не поддерживал Антона. Я боялась, что, возможно, поддерживать нас он сможет не так уж и долго.

Несмотря на всё им сказанное, я подозревала, что виной всему его трусость, нежелание рисковать своей собственной жизнью.

— Мне жаль, что ваши условия настолько плохи, — ответила я. — Так как ваш брак тайный, если вас схватят за принадлежность к революции, ваши жена и ребёнок не будут привлечены к ответственности вместе с вами. У моей подруги Пиа такой роскоши не было, — мне удалось выдавить из себя улыбку. Будучи Прорицательницей, я умела сопереживать. Может, я становлюсь бессердечной, но этого чувства к графу я испытать не могла. — Как вы видите, мы с вами равны. У нас обоих на кону лишь наши жизни.

Он лишь посмотрел на меня, после чего то чувство позора, которое он почувствовал, захлестнуло меня.

— Итак, — я посмотрела на Антона. — Я считаю, теперь мы можем услышать, зачем ты нас здесь собрал.

Принц благодарно кивнул мне. В его ауре я по-прежнему чувствовала беспокойство, но я понимала, что он пытается держать себя в руках только для того, чтобы показать, что он силен Николаю. А, может, даже и мне.

— Феликс больше не поддерживает меня в том, чтобы революция была мирной. Он был с Тосей, когда его арестовали. С этого момента он наказал своим последователям пустить слух, что «Голос свободы» должен быть подавлен до казни. Казни, которую назначит император.

— Но будет суд, — вставила я. — Ты сказал ему об этом?

— Ему всё равно, будет суд или нет. Я верю даже в то, что ему всё равно, выживет Тося или умрёт. Люди не смогут сдержаться и схватятся за оружие, чтобы пойти против императора сразу же после казни, — Антон покачал головой. — Я не понимал, как далеко всё зашло. Я приказал Феликсу распространять философию Тоси, но он сделал больше. Он превратил отчаянные людей в ненависть. Они собираются сейчас, они готовы к бунту. Всё, что им нужно — это спусковой рычаг. Понижение призывного возраста не стало таковым. Но заключение Тоси — то, что заставит их сорваться.

— Антон, говори начистоту, — сказал граф. Его аура будто потеряла весь цвет и всё, что мне удавалось рассмотреть — это бледный пепел страха. — Что это значит для нас? — наверное, он хотел сказать, «что это значит для меня?». — Что происходит?

— Революция стала массовой, — широкие плечи Антона расправились так, будто он пытался сопротивляться весу каждой души каждого жителя Рузанина. — Они собираются.

— Люди собираются? — выдохнул Николай. — Они хотят идти на дворец?

— Завтра в полдень, — угрюмо добавил принц. Николай рассмеялся, хотя на его лице не было улыбки.

— У них нет ни шанса! — он сцепил пальцы на уровне носа, затем провёл ими по лицу. — Император сидит здесь, за настоящей крепостью. Тут — множество стражей с огнестрельным оружием. Это будет бойня! Мы едва сможем пойти на компромисс.

— Николай, ты нужен мне сейчас. Мы не должны бояться, — Антон сжал руку своего друга. — Пути назад у нас нет. Мы должны держаться вместе...

Слова принца, казалось, увядали, ведь я его не слушала. Всё, что я могла слышать — это стук моего сердца. Я представила толпы крестьян под монастырём. Тогда я не смогла совладать с той яростью, с которой они хотели проникнуть внутрь. Конечно, те, кто хочет революции... завтра их будет гораздо больше и у них будет намного больше решительности. Как я смогу удержаться от того, чтобы поддержать их?

— Соня, с тобой всё в порядке? — прошептал Антон. Его рука коснулась моей спины.

— Да, — я резко выдохнула, пытаюсь бороться с воспоминаниями и взять себя в руки. Его рука же сжала моё плечо, прежде чем он снова обратился к графу.

— Сколько дворян нас поддерживают? — спросил Антон.

— Ты хочешь бороться с ними? — ахнул Николай.

— У нас ещё есть надежда на то, что император отступится. Если валко отречётся от престола, все жизни будут спасены, — его взгляд был прикован ко мне, и я сглотнула, зная, что дело во мне. Я понимала, что я — последняя надежда на то, чтобы революция мира и свободы прошла без единой жертвы.

Граф наблюдал за нами, но я не чувствовала, что он верит также, как и Антон. В Николае было только недоверие, которое отражалось и на мне. У меня нет времени слишком долго уговаривать императора. Всё, что у меня есть — это один день, за который я должна была убедить Валко в том, что власть нужно передать в другие руки, а сам он не заслуживает доверия. И я должна была сделать это до того, как сюда придут крестьяне и сделают мою задачу более чем невозможной.

— Если всё пойдёт по плану, — Антон продолжил. — Император сможет предотвратить всё это, если передаст право управления народу. Но я хочу представлять всех людей. Мне нужно знать, сколько дворян на нашей стороне. Мы не можем превратить это в гражданскую войну.

— Их не так много, — будто извиняясь, пожал плечами Николай. — У меня не было

достаточно времени, чтобы убедить их в этом, поэтому людей не так много, как я пообещал. Они согласились с тем, что крестьянам и крепостным стоит дать некоторые права. Но они против того, чтобы их лишили титулов и земель, что произойдёт непременно, если власть перейдёт к людям так быстро. Антон, это будет хаос. Мы должны придумать что-то получше. Если это то, что мы готовы предложить дворянам, боюсь, что ты останешься один.

— А как насчёт тебя, Николай, — Антон скрестил руки на груди и одарил графа пристальным взглядом. — Если никто меня не поддержит, то поддержишь ли ты?

— Да, конечно, поддержу, — палец, на котором было надето аметистовое кольцо, дрожал.

— Независимо от того, что произойдёт, ты не причинишь вреда Соне, — глаза принца сузились, и он подошёл к графу ближе, будто наступая. — Ясно?

Предчувствия Николая глубокими ранами жгли мою грудь. Что он имел в виду? Как граф может мне навредить?

— В любом случае, она должна оставаться в целости и сохранности, — Антон столкнулся с князем нос к носу. — Если нет, то, будь уверен, я отомщу. Я не брезгую насилием, если оно действительно оправдано. И у меня есть достаточно союзников, готовых мне помочь. Всё ли тебе понятно?

Я сразу же вспомнила то, как принц, в ночь бала, был готов занести клинок над Валко и ударить в любой момент.

— Да, — я не знаю, блефовал ли Антон о количестве своих союзников, но Николай сделал шаг назад. Его руки стали трястись ещё сильнее.

— Тогда мы должны вернуться в зал заседаний, но подозрений возникнуть не должно. Нам нельзя появиться там вместе. Николай, выходи первым. Через несколько минут, Соня, ты выходишь за ним. А когда почувствую, что это безопасно, выйду и я.

— Замечательно, — сказал Николай так, будто порядок того, как мы покинем эту комнату, стал единственным достойным планом, который мы обсудили. Николай поклонился и, не теряя ни минуты, вышел из комнаты.

— Почему ты ему так угрожал? — я кивнула Антону. Граф уже закрыл дверь, а я пыталась понять, что произошло. — Это на тебя не похоже. Ты ведь веришь в то, что все должны делать свой выбор без принуждения.

Он не ответил. Он взял меня за локоть и подвёл к ближайшему окну.

— Что ты делаешь, — спросила я. В моей ауре появилось чувство его внезапной тревоги. Я нахмурилась, всматриваясь в большую оконную раму: она начиналась у ног и заканчивалась аркой под потолком. Занавески приятно шелестели, когда он прижал меня к ним. Почему он сделал это?

— Не имеет значения, что со мной произойдёт, — сказал Антон. Его аура обжигала мой позвоночник. — Но ты должна выжить. Без тебя всё потеряно.

— Ты тоже должен выжить, — я не понимала, что на него нашло. Мои ноги подкосились от одной-единственной мысли, которая пришла мне в голову. — Ты же не уезжаешь?

— Я останусь с тобой так долго, как только смогу, — почему всё это звучит так, будто в скором времени мы должны расстаться?

— Если ты говоришь обо всём, что происходит здесь, то ты будешь бороться, — сказала я. Это больше напоминало приказ, чем вопрос. — Если ты не хочешь брать в руки оружие, чтобы защитить себя, то это сделаю я, — он не был единственным, кто хотел защищать. — Я

возьму твою саблю и буду твоим щитом.

Он улыбнулся, но улыбка была слишком печальной. В зареве солнца, можно было увидеть, как пыль ложится на его освещённое лицо. Это напомнило мне о том дне на заседании совета. Так он казался святым, хоть мы и стояли слишком близко друг к другу.

— Ты прекрасно справишься, — сказал он, хотя я понимала, что он подразумевает что-то другое. — Ты была рождена, чтобы это сделать.

— Антон, — я положила руку ему на грудь.

— Пусть ты и не была рождена, чтобы быть со мной, — он напрягся, лишь только я прикоснулась к нему, а его вид стал более решительным.

— Я думала, ты веришь в равенство, — я опустила руку, сжимая пальцы. — Неужели я недостаточно хороша для тебя?

— Соня, — он нахмурил брови, будто его поразила боль. — Я когда-нибудь заставлял тебя думать, что это так? Равенство — это идеал и часто едва ли достижимый. Во всех отношениях, ты — лучшая.

Моё сердце наполнилось любовью к нему. Я моргнула, и слёзы стали падать на щёки. Почему у меня было чувство, будто это — финал? Будто сейчас кто-то выстрелит и стекло разобьётся?

Нет, это не может быть концом. Я не позволю этому быть концом всему. Только если он действительно не понимал, что я к нему чувствую.

За дверью послышалось волнение. Топот сапог становился громче и приближался всё ближе.

— Сюда! — закричал кто-то.

— Николай, — выругался Антон и сплюнул.

— Граф предал тебя? — мои глаза расширились от недоумения, которое это у меня вызвало. — И ты знал, что всё произойдёт именно так.

Для того чтобы спасти свою собственную голову, Николай, возможно, рассказал о том, что Антон причастен к революции, даже несмотря на то, что присягнул принцу на верность.

Приглушённый звук сабель, рассекавших воздух. Натиск Императорской Гвардии. Они близко.

— Обещай, что даже не пикнешь, — Антон толкнул меня за штору.

Я опёрлась об оконную раму и прищурилась, всматриваясь в лучи солнца. Моё сердце билось слишком сильно.

— Нет! — я повернулась к нему, откинув назад ткань. — Ты не можешь бросить меня. Я не буду сидеть, сложа руки, когда они уведут тебя!

— Послушай меня! — Антон скользнул к шторе и схватил меня за плечи. — Я сыграл свою роль. И теперь я хочу, чтобы ты сыграла свою.

— Но...

— Спрячься, выживи и дойди до императора. Соня, пожалуйста, если ты беспокоишься обо мне, сделай так, как я говорю, — его лицо в темноте стало более суровым, а мешки под глазами... Но, всё же, его глаза казались золотыми. Для меня он навсегда останется королём.

Хриплый шум стражей стал ещё громче. Я же захлёбывалась от волнения. Я не могла сказать ни слова, поэтому просто кивнула, понимая, что моё сердце разрывается. Затем, его лицо исчезло за шторами, а я вжалась в стекло. Двери буквально слетали с петель.

— Взять его! — скомандовал кто-то из вошедших. Я узнала этот голос. Голос Валко. Его аура встретилась с моей, отравляя её.

Как только стражи заковали принца в кандалы, лязг сапог прекратился. Антон не застонал и даже не сопротивлялся. Я хотела кричать, выйти из-за шторы и бороться с этими мужчинами, хоть у меня и не было никакого оружия. Но вместо этого я сжала губы, пытаюсь заставить себя молчать.

— Отведите его в темницу, — теперь слова валко звучали бесчувственно. Теперь, когда Антона взяли под стражу, они звучали так, будто в аресте собственного брата нет ничего особенного. Но я знала, что это не так. Я чувствовала, как ликует его аура. — Теперь-то он будет рядом со своим любимым цыганским предателем.

Цепи стали греметь, а сапоги снова стучали по мраморному полу. Стражи не грохотали каблуками — их топот был тихим. Я чувствовала, что, несмотря на свои обязанности, они совсем не хотят запирать принца в тюрьме.

— И проследите за Имперской Прорицательницей, — крикнул Валко им вслед.

— Она не имеет к этому отношения! — гнев Антона прожигал мою кожу.

— Она не предупредила меня о том, что принц — предатель, — император горел от гнева. Его голос уже не был бесстрастным. Он пылал от ярости. — Она должна быть приговорена к смерти!

Холод удивления процветал в моей ауре. Валко действительно убьёт меня? Я дрожала, когда почувствовала, как Антон пытается вырваться из оков.

— Ты — ублюдок! — крикнул он.

— Нет, брат, — голос Валко звучал так высокомерно, что я почти могла увидеть усмешку на его лице. — К сожалению для тебя, я не умер. И я не подменяш.

Гвалт каблуков и оружия стал громче, когда Антона вывели из зала. Я едва могла дышать. Если бы я могла, я бы закричала.

И как мне помочь Антону теперь? Как мне его спасти? Как мне спасти хоть кого-то?

Аура Валко всё ещё чувствовалась в комнате. Я чувствовала, как подаренный им сапфир давит на кожу тяжким грузом. Будто замороженные, мои пальцы обернулись вокруг него. Я боролась с желанием сжать его. Уходи, молча взмолилась я. Я не могла столкнуться с Валко прямо сейчас. У меня не было ни малейшего шанса убедить его, ведь всё, что я чувствовала — это собственные ярость и отчаянье.

Наконец, надменной поступью, император удалился из зала. Он вышел из комнаты, захлопнув дверь.

Я выдохнула весь воздух, что был во мне. Мои лёгкие наполнялись новым, а тело соскользнуло вниз по стене. Я отвернулась к окну, прижимаясь к нему щекой. Солнце светило, но не приносило мне никакого тепла.

Снаружи, человек с тёмными волосами и широкими плечами вышел из дворца и спешно побрёл к воротам.

— Трус! — сдавленным шёпотом закричала я, ударив по стеклу кулаком. У меня не было никакого сочувствия к нему. Только ярость.

Я заставила себя не двигаться, пока не поняла, что аура Валко отделилась достаточно. Затем, я ринулась в танцевальную часть зала, после вниз, к главному коридору, а тогда — через янтарное фойе, вверх по витиеватой лестнице, в свои покои. Отодвинув свою кровать в сторону, я мчалась через красную дверь, через дверь с лавандой и мятой, к детской комнате. Небольшая лошадь и матрёшка пристально наблюдала за мной. Я взяла самую большую куклу и уже готова была кинуть её в стену, когда порыв любопытства заставил меня замолчать.

Я прислушалась. Через несколько мгновений я услышала, как распахнулась дверь, мебель с глухими стуками стала падать на пол. Через две комнаты, стражи обыскивали покои Антона.

Моё сердце билось так сильно, что я схватилась за волосы. Сколько ещё мне прятаться? Как это могло помочь тому, о ком я забочусь? Я не могла действовать быстро — и Пиа умерла. Когда я пошла просить за неё, Валко сказал, что её уже нет в живых. Теперь Антон и Тося следующие.

Когда я согласилась участвовать в этой революции, я знала, что мне придётся противостоять Валко. Мне придётся убедить его с помощью своего дара. Я надеялась, что, когда придёт этот момент, я стану такой же храброй, как и безрукая служанка. Она смотрела на меня сверху вниз с картинок из рузанинских сказок. Пиа смогла её прочитать лишь спустя семь долгих ночей.

Я снова представила себе сладкий голос подруги. Она говорила так, когда читала любимую часть сказки. Когда ей пришлось действовать быстро, девушка не была храброй. Она была напугана. Её ребёнок упал в колодец, и достать его нужно было любой ценой. Не имея рук дальше локтей, она совсем не верила в то, что у неё это получится. Но, когда старик попросил её поверить и возжелать этого так сильно, как она этого только могла, она смогла. Она перестала быть жертвой своего собственного прошлого, она уверовала в своё будущее, где всё начнётся с чистого лица. Её руки стали расти, пока она не дотянулась до своего сына.

Я была в столь же плачевной ситуации. Обстоятельств для того, чтобы переубедить императора, не было хуже: я находилась в розыске, Антон и Тося — в тюрьме, а люди идут штурмовать дворец.

Я покачала головой, стала ходить взад-вперёд. Слишком сильное давление. Слишком большая вероятность того, что всё пойдёт не так. Слишком многие могут погибнуть от того, что я потерплю неудачу.

Я посмотрела на безрукую девушку на картинке. Её лицо было в форме сердца, как и у Пиа.

Попробуй, Соня.

Попробуй.

Я вспомнила, какие глубокие у моей подруги были глаза, какой солнечной была её аура. Я должна была сделать это для неё.

Тем не менее, дрожа, я встала рядом с дверью, вытерла слёзы с глаз. Я отряхнула платье от пыли и прошла через дверь с елями, дверь с полуночными пейзажами.

— Полагаю, император ищет именно меня, — встретив удивлённые взгляды стражей, обыскивавших покои Антона, собрав всю свою силу, сказала я.

ГЛАВА 32

Ведя меня в покои Валко, гвардейцы держали меня так сильно, что, мне казалось, меня сжали в тески. Они держали меня даже несмотря на то, что я сдалась сама. Я рассматривала покои. Император стоял в дверях балкона. Шторы развивались, а ветер взъерошил его волосы. Так он выглядел нежным и прекрасным. Это чувствовалось и по тому, что он был босым. В довершении всего на нём была свободная рубашка. Он прислонился к косяку, его взгляд терялся в разнообразии, когда он смотрел на город. В его ауре тоже что-то затерялось, что-то исчезло.

Самый сильный страж толкнул меня в спину и поторопил, чтобы я шла вперёд. Он сильного удара, я скривилась. Пока не прошла боль. Этого было достаточно, чтобы я вновь

вернулась к тому, зачем сюда пришла.

Теперь я смотрела на императора совершенно другими глазами. Я чувствовала каждую мышцу своего тела, каждую кость. Меня охватила волна отвращения. У меня не было никакого желания чувствовать печаль Валко и сопереживать ему. Он убил Пиа, он арестовал Тосю и Антона. Он был чёрствым, бессердечным. Я не верю, что он может быть ещё более жестоким.

Но, на самом деле, это было то, что мне нужно было почувствовать. Он страдал, он был жалким. И на это у него были свои причины. Только осознав это, я могла бы найти с ним связь. Чтобы использовать свой дар и убедить его отречься от престола, мне нужно было чистое сопереживание. Без этого, я не смогла бы контролировать его эмоции.

— Мы привели Имперскую Прорицательницу, Ваше Величество, — объявил самый сильный и приклонился. При этом его рука не отпустила мою и даже через ткань я чувствовала всю ту гордость, которая была в нём. Гордость — не так эмоция, которая сможет мне помочь.

Услышав объявление своего стража, взгляд Валко рассеивался на всё вокруг. В его глазах я видела тоску, будто он не верил, что перед ним стою именно я. Моё сердце стало биться чаще, но мне было легко. Я удивлённо нахмурилась. Может, он по-прежнему думает обо мне?

Тепло, которое можно было рассмотреть в его взгляде, быстро сменилось на холод. Я опустила плечи, чувствуя, как внутрь ворвалось ощущение страха. Его любви, должно быть, больше нет, и я рассчитывала на то, что смогу использовать это.

— Оставь нас, — приказал Валко. В моём горле пересохло.

Я уже была напугана тем, что должна остаться с ним наедине. Эмоции стража удерживают меня. Он слишком сильно удивлён. Конечно же, он ожидал, что вот-вот утащит меня прямоком в подземелье. Но я знала Валко. Сначала, он станет корить меня в происходящем. Ничего меньше. Я была бы счастлива, даже если бы его гнев закрыл меня в тюрьме.

— Ступайте! — рявкнул он на стражей. Они же неохотно поклонились и отступили, а затем закрыли за собой дверь.

Я прерывисто вдыхала. Я не знала, что буду делать, когда мы останемся одни. Мне не стоит нарушать протокол и говорить первой, ведь сейчас я пришла на покаяние. Всё ещё находясь у двери, я ждала, пока Валко разрешит мне подойти или сам подойдёт ко мне. Но ни того, ни другого он не захотел. Император молча наблюдал за мной, с другой стороны комнаты.

Когда его холодность стала медленно утихать, гнев внутри него стал слишком сильным. Создавалось впечатление, будто в нём — огромная яма, в которой месят огромные сгустки тёмной расплавленной энергии. Я старалась не паниковать при мыслях о том, как он может мучить меня.

— Подойди ко мне, Соня, — наконец сказал он, но его голос казался спокойным.

Сердце колотилось в груди, но, всё же, я направилась к кровати. Я должна была обойти вокруг, чтобы очутиться рядом с императором. Его кровать была настолько большой, что, мне казалось, в ней человек только может почувствовать себя крохотным и несчастным. Я прильнула к этой мысли, чтобы вызвать в себе жалость, которая заставит меня почувствовать хоть что-то к человеку, который убил моих друзей.

Его гнев был оправданным. Конечно же, под этим скрывалась боль. Я была тем, кого он

держал слишком близко к себе, кому верил и понимал, что я вне любого альянса, кого осыпал похвалами и словами привязанности, несмотря на то, что я ниже его. Почему я должна была предать его после всего того, что мы доверили друг другу? Почему я защищала его брата? Почему среди всех я выбрала Антона? Антона, его непримиримого врага и человека, с которым он был готов сделать всё, только бы подчинить.

Я присела, когда оказалась рядом с Валко, но слова «Мой Император» застряли в горле. Мои зубы будто свело от моего собственного гнева, от того, почему я чувствовала себя обманутой. Когда Валко начинал меня хвалить, я всегда чувствовала унижение. Вся его доброта напоминала мне, какой же низкий у меня статус.

— Соня, — сказал он всё с тем же спокойствием. Император отошёл от балкона и приблизился ко мне. Его пальцы прошли по сапфиру на моей шее.

Всё моё тело будто кричало о том, чтобы я отшатнулась, но я всё ещё держалась. То, что он касался меня, могло мне помочь. Так я могла лучше понять то, что он чувствовал.

— У тебя заплаканные глаза, — сухо заметил он. — Этот день, и правда, был таким ужасным?

— А был ли он ужасным для вас? — спросила я, пытаюсь сделать свой голос спокойным, чтобы не раздражать его. Что он хочет сказать? Он прекрасно знал о том, что я должна страдать из-за убийства Пиа и ареста Антона. — Когда я пришла сюда, то почувствовала ваше горе.

— Какая умная Прорицательница, — он улыбнулся, исследуя взглядом моё лицо. Когда его пальцы коснулись моей ключицы, я почувствовала, как его ярость отступает в какое-то тайное место в его ауре, где он мог держать её.

Моя растерянность заставляла моё сердце трепетать. Где же его месть? Как он может дразнить меня своими прикосновениями, когда это не так чудовищно? Единственное, что я могла сделать — это играть с ним. Вести себя так, будто он не лишит меня жизнь так, как сказал Антону. Это не игра, но, всё же, император мог бы меня помиловать. Тогда бы я могла использовать это и возобновить связь между нами. Я могла бы открыть ему то, что он может быть доброжелательным и заставить его отречься от престола.

— Ваша печаль оправдана, — ответила я, пытаюсь сделать вид, будто я его понимаю и заодно убедить в этом себя. — Должно быть, это было для вас большим ударом: узнать о том, что единственный ваш оставшийся родственник готовит против вас заговор.

— Нет, — на его лице больше не было улыбки, а рука опустилась. — Никаких «должно быть». Соня, Антон готовил против меня заговор.

— Ох, — я попыталась сыграть шок и сочувствие. — Людям будет сложно воспринимать это, тем более учитывая то, что поэт Тося уже в тюрьме. Должно быть, вы обеспокоены тем, что люди восстанут, — я коснулась его руки и поняла — обида усилилась. Я позволила этому чувству пройти сквозь меня. Каким же обиженным он себя чувствовал. Всю свою жизнь он готовился к тому, чтобы стать императором. Эта судьба требовала того, чтобы из другой семьи украли мальчика и принесли его в жертву, только бы он был спасён... И теперь, после того, на какие жертвы ради него шли люди, Валко мог стоять в оппозиции к народу. — Мой долг — предупредить вас, мой император, что простолюдины недовольны.

Его челюсть сжалась, когда он обернулся, чтобы посмотреть в окно. Отсюда в солнечном свете блестела река. Река Азанель казалась чистой, а высокие дома дворян закрывали вид на грязь и нищету Торчева, которой император видеть не желал.

— Может, если вы осознаете причину, почему они бунтуют... — я нежно погладила его

по руке, но едва успела отстраниться, когда почувствовала ожог его внезапной ярости.

— Я не хочу говорить о людях! — он повернулся ко мне. Я видела, как горят его глаза. Он приблизился ко мне. — Какой мне толк в твоих предупреждениях, если ты говоришь об этом слишком поздно! Что ты подозревала последние месяцы? Когда ты планировала предупредить меня о моём брате?

Мои руки сжались в кулаки, когда я пыталась побороть его гнев. Я не могу позволить его ярости сокрушить меня. Но почему я борюсь с этим? Я должна поддаться.

— Я никогда не чувствовала в Антоне ненависти к вам! — я попятилась, давая его ярости захлестнуть меня. Так сильно, что всё моё тело стало дрожать. — Как я могла вас предупредить, если принц никогда не желал вам зла? Он не жестокий человек!

Валко ухмыльнулся, затем рассмеялся, наклонив голову. В одно мгновение его ужасное настроение изменилось. Вместо ярости возникло любопытство.

— Кажется, ты слишком хорошо знаешь Антона, — сказал он, а я вновь была сбита с толку его эмоциями. Я чувствовала, будто кукольные нити окутывают меня, не его.

— Мне знакома аура принца, — призналась я, подавляя свой гнев. Я стала говорить тише, чтобы не провоцировать его. — Это моя работа: чувствовать ауры тех, кто рядом с вами и защищать вас.

— Тогда ты не могла не видеть того, что к тебе испытывает Антон, — он выгнул бровь, хотя в его серых глазах не было ни намёка на заинтересованность. Я же поморщилась, чувствуя очередную волну его гнева.

— Я считаю, что он любит вас, — я решила противостоять ему, направляя его же обвинения против него.

— Любит меня? — он рывкнул со смехом. — Он никогда не перестаёт плести интриги у трона!

Поражённая новой волной гнева, я отступила. Поимка предателей дала о себе знать: Валко казался нестабильным, и я чувствовала, что он выглядел, будто сумасшедший. Я боялась, что он потеряет над собой контроль.

— Он стал благодетелем одного из цыган. Это просто ещё одна уловка Антона, чтобы вести за собой народ, — он стал расхаживать взад-вперёд. Слова императора сопровождались такими сильными маниакальными эмоциями, что мои ногти стали впиваться в кожу. — Он уже склонил на свою сторону дворян, и теперь они предпочитают его мне. Я это вижу. Соня, я не дурак, — он постучал по голове будто сумасшедший.

— Но он ваш кровный родственник, — возразила я. Понять его ауру было невозможно. Она была слишком скользкой и рассеивалась от любой тревоги. — Я лишь думала о том, что принц может претендовать на справедливый суд.

Уголки глаз Валко приподнялись, но это не было чем-то весёлым. Он перестал ходить взад-вперёд и приблизился ко мне так близко, что я чувствовала, как от мощного потока его ауры волосы на руках становятся дыбом.

— Я не дурак, Соня, — шёпотом сказал он, затем провёл пальцем от моего солнечного сплетения до губ. — Мой брат заручился и твоей поддержкой? Ты отдалась ему тогда, когда отказала мне?

Между нами повисло тёмное чувство, природу которого я не могла разобрать. Я смотрела в глаза валко и ясно понимала, что разочаровывало его больше всего. Эта причина была сильнее, чем любое предательство. Он думал, что я влюбилась в Антона. И он был прав.

Моё сердцебиение стало сильнее от надвигающейся волны страха. Я бы никогда не сдалась охранникам, никогда бы не пришла сюда. Мне нужно было попытать удачу с охранником в тюрьме и убедить его выпустить Тосю и Антона. Сейчас у меня не оставалось никакой надежды на то, что я смогу управлять эмоциями Валко, ведь всё, чего он хочет — это наказать меня. Я ударила его по тому, в чём он был больше всего не уверен — в том, что его брат любит его больше, чем он думает. И теперь Валко сделает все, что в его силах, чтобы я за это ответила.

— Что такое? — палец императора всё ещё был у моих губ. — Неужели, я угадал?

Я покачала головой, ведь не могла признаться перед ним в своих чувствах к Антону. Потому что это будет означать то, что принца казнят раньше.

— Нет, просто... Валко, вы меня пугаете. Ваша аура...

— Да, — он опустил к моим глазам. — Как насчёт моей ауры, Соня? Может, я чувствую страсть? Или я всегда должен быть сдержанным императором? Ты видишь, каждый день я доказываю то, какой я император каждому, кто делает вид, что поддерживает меня во дворце. Что мне сделать, чтобы доказать это тебе? Я дал тебе богатство, — он поднял сапфировое украшение и потянул меня за воротник так, что наши носы соприкоснулись. — Статус, — его губы прижались к моей щеке, около уголка рта. — Ради тебя я отказался от Эсценгарда, — он поцеловал меня в другую щеку, но я втянула её, чтобы не закричать от ужаса. — Соня, я не уверен, что готов отправить тебя на виселицу, — его губы ринулись к моему уху, обдавая кожу теплом. — Я до сих пор верю в то, что ты можешь подчиниться мне во всём.

Я задыхалась от его страстного желания. Оно расцветало внутри него, а затем и внутри меня. Дикий аромат, который обжигал мой нос.

— Соня, ты неотразима, когда противишься мне. И то, какие тёмные страсти бушуют внутри тебя, манит меня больше всего, — Валко откинул прядь моих волос за плечо и прошёлся по коже ногтем. — Я не буду делить тебя со своим братом. Ты принадлежишь мне. Ты — Прорицательница из Рузанина, которая родилась с даром лишь для одной цели — служить защитницей императора. Когда, наконец, ты полностью отречёшься от своих эмоций, я буду единственным, кто будет смаковать это.

Я закрыла глаза. На этот раз я не могла кусаться или хныкать. Всё, что мне оставалось — это воспользоваться последним шансом? Нужно ли мне обнажить всю тьму своей души, чтобы стать единой с аурой Валко и достигнуть той точки эмпатии, в которой я могу проникнуть в его душу, а он — в мою?

Как мне выдержать это?

— Соня, ты хочешь выйти за меня? — спросил он. Его поцелуи чувствовались то на одной стороне шеи, то на другой. Он будто пытался выпить из моей кожи всю влагу. — Вот почему ты сдерживаешься? Древний закон Рузанина гласит, что у императора может быть три жены. Может, после того, как я женюсь на ком-нибудь из высокого класса, я смогу снизить и до женитьбы с тобой?

Я вздрогнула, меня пронзило отвращение. Чем больше Валко касался меня, тем больше ненависти к самой себе я чувствовала. Он не хотел устанавливать со мной связь, но он выражал какие-то чувства. И все они не исходили из чувства любви.

— А до тех пор... — платье соскользнуло с моего плеча, и его зубы коснулись моей кожи. — Для тебя найдётся место в моей постели.

— Пожалуйста... — я не могла уйти, чувствуя, как с каждой секундой отвращение к

себе становится всё сильнее и сильнее.

— Пожалуйста, что? — он выпрямился, и его аура вновь покрылась тьмой. — Разве ты не понимаешь? Будь ты хоть Прорицательницей, хоть моей любовницей. Ты всё равно будешь моей.

— Тогда, как ваша Прорицательница, я должна попросить вас уйти, — я отшатнулась в сторону и уже направилась к двери. — Я должна отдохнуть перед судом над принцем и поэтом.

— Никто из них не появится в суде, — он схватил меня за руку и щёлкнул языком. Его голос стал холодным и угрожающим, когда он наклонился к моему уху и прошептал: — Их казнят с первыми лучами солнца.

В ужасе, я открыла рот. Моё сердце вырывалось из груди. Мне казалось, я забыла, как дышать. Мне нужно было уходить. Сейчас. Найти как попасть в темницу. Найти способ освободить Антона и Тосю.

— Сегодня ты не бросишь меня, — пальцы Валко сжались, будто кандалы. — Сегодня ты останешься со мной.

Я ахнула, чувствуя, каким слабым и умоляющим был этот звук. Он притянул меня к себе. Медленно, ведь он знал, что намного сильнее меня. На моих глазах уже появились слёзы. Я столько раз убегала от него. Теперь солнце почти скрылось за горизонтом, а последние солнечные лучи забирала ночь. Я знала, что этот момент в моей волне переломный. В войне, которую я сама начала. Ведь с первого дня, как только ступила во дворец, я пыталась сохранить в себе то, что от меня осталось. Мне было необходимо удержать ту часть меня, которая принадлежит лишь мне, которая является моей честью и свободой. Часть меня, которую я не буду делить ни с кем. И теперь он лишит меня и его, говоря обо всех достоинствах и том, какого он обо мне высокого мнения. Всё это ложь. Он не любил меня. Для него я была не больше, чем грязь под ногами. И он хотел безжалостно растоптать меня, превращая в ничто, пока Сони не останется в этом мире. Только та, кем владеют. Ещё один клад, который он держит под замком.

Когда его губы приближались к моим, когда слёзы прожигали моё лицо, моё лицо обрамляло оранжевое свечение от... медленно уходящего заката? Это выглядело почти как... огонь. Я посмотрела за его спину, на город, на широкую тропу, которая была коротким путём к дворцу. Там, на расстоянии, шли несколько... Нет, целый батальон людей. В моём сердце появилась надежда. Отсюда они выглядели небольшими пятнами, но они шли. Оранжевое свечение, должно быть, исходило от их факелов.

— Валко, — сказала я, указывая на город, на то, что ночь расплаты близка. Люди должны были прийти завтра, но они уже были рядом, будто каким-то образом узнали о том, что завтра будет слишком поздно.

— Они не посмеют, — выдохнул он. Глаза императора расширились. Он опустил руки и бросился к балкону.

Я медленно попятилась к двери его покоев. Мои пальцы вцепились в дверную ручку, когда он заметил меня.

— Что ты делаешь? — он сузил глаза.

— Как ваша Прорицательница, я обязана предупредить вас, что сейчас ваша жизнь в опасности, — я укуталась в свою мантию и открыла дверь. — Тем не менее, не мне сражаться за вас. И уж тем более не мне умирать вместе с вами. Я прощаюсь с вами. Скоро вы поймёте, как высоко боги ценят вашу жизнь.

— Если ты бросишь меня, — его лицо будто стало камнем. — Если ты бросишь меня, то будешь сожалеть об этом всю свою жизнь.

— Может быть, — я поднялась на носках. — Но я буду жить. Не могу сказать того же о вас.

Я развернулась и побежала вниз по коридору.

— Соня! — чуть ли не ревел Валко. — Стражи, схватить её!

Я задыхалась, мои лёгкие горели. Конечно, он послал свою стражу для того, чтобы преградить мне путь, а вовсе не затем, чтобы укрепить позиции снаружи. Я знала, что, будучи настолько смелой, сама прокляла себя, но с этим я ничего не могла поделать. Народ дал мне силы. Это были те самые люди, которым ни Антон, ни Николай не давали шанса прорваться к императору. Я верила в них. Я чувствовала их энергию внутри. И я больше не думала о том, что, для того, чтобы скинуть Валко с престола, они перережут ему горло.

Я схватилась за перила лестницы и помчалась вниз. Едва в состоянии стоять на ногах, я споткнулась о подол моего платья. Послышался звук саблей, которые вынимали из ножен. Во всяком случае, они не стреляли. Они знали, что я нужна Валко живой.

Я наткнулась на лестничную площадку второго этажа и оглянулась. Около десяти стражей гнались за мной. Они скоро настигнут меня.

— Оставьте меня в покое! — кричала я, пытаюсь восстановить дыхание. Я указала на большие двери дворца. — Разве вы не видите, где опасность?

Я чувствовала их панику и понимала, что они обязаны служить своему императору. Когда-то я чувствовала то же самое. Но пришло время разорвать оковы покорности.

— Люди идут. И они положат конец этому правительству! — я смотрела на них с мольбой, чтобы они почувствовали всю мощь революционеров. Собрав все свои силы, я крикнула: — И, если вы хотите жить, это — ваш последний шанс присоединиться к ним!

Теперь они не казались такими уверенными. Они посмотрели на большие двери. Так как они были удивлены и отвлеклись, я не теряла ни секунды. Я сбежала вниз по лестнице.

После того, как я опустилась к вестибюлю, я обратилась в поиски подземелий. Однако, мои чары, которые я «наложила» на охранников, были сняты. Я слышала, как они набирают скорость. Их каблуки грохотали будто гром.

Я побежала в противоположном от банкетного зала направлении. Когда же охранники добежали до выхода в сад, половина убежала к дверям, пытаясь удовлетворить то любопытство, которое появилось в их аурах. Остальные же пытались отыскать меня.

Я неустанно бежала вперёд. Таким образом, я думала, я отыщу вход в подземелье. Возможно, туда приведут меня ауры отчаявшихся заключённых.

Звук каблуков охранников становился всё громче. Они догоняли. Я стала бежать ещё быстрее, хоть ноги и дрожали, перед глазами возникали белые пятна, а горло жгло. Внутри будто танцевали сотни аур. Праведный гнев народа. Паника слуг. Упорство стражей.

Чувствуя, как силы покидают меня, я пыталась сохранить хоть немного энергии, заставляя себя следовать цели. Антон. Я должна была освободить Антона.

Тёмный, неосвещённый коридор заставлял свернуть налево. Я выбрала его случайно. Может, я даже двигалась в неправильном направлении, но других вариантов у меня не было.

Эта часть дворца не имела какой-то особой системы. Её достраивали слишком быстро, так как законы стали строже, а заключённых — больше. Коридоры напоминали лабиринт и размывались перед глазами. Я протянула руку вперёд, чтобы лучше почувствовать хоть чьи-то ореолы, исходящие из подземелий, но меня слишком многое отвлекало.

Справа от меня мелькнула тёмная фигура. Я обернулась. Человек. Бородатый, но молодой. Знакомый. Близко посаженные глаза. Широкий нос и... Мои нервы напряглись. На нём была форма стража.

— Соня? — просил он.

— Помоги! — отчаянно прошептала я, пользуясь шансом. Грохот имперской гвардии становился всё ближе и ближе. Повернуть за угол они могли в любой момент.

— Прячься, — прохрипел человек. Мужчина схватил меня за руку и завёл за спину. Я сделала всё возможное, только бы сильнее вжаться в стену и стать такой же плоской, как она.

— Там! — крикнул он, выпрыгнув в коридор, где только что появились охранники. — Она побежала к винному погребу! Думаю, она хочет вырваться наружу.

Стражи повиновались ему. Слов их товарища было достаточно. Я ждала и молилась о том, чтобы они не вернулись назад. Когда я почувствовала, что нахожусь в безопасности, я отпряла от стены, но тут же передо мной мелькнул бородатый охранник и наставил на меня дуло пистолета.

— Мне очень жаль, Соня, — сказал человек. — Но ты мне ещё понадобишься.

Я удивлённо заморгала. Его борода стала его маскировкой. Она была на челюсти и над губами, всё это — спутанные белые волосы.

— Юрий? — удивлённо спросила я.

ГЛАВА 33

Я смотрела на стража. Он вернулся. И он всё ещё жив. Тот самый Юрий, с которым Пиа хотела сыграть свадьбу. Часть плана Антона, которую не слишком часто учитывали. Тем не менее, он всё ещё оставался в деле. Но, может и нет.

— Как ты здесь оказался? — посмотрев на пистолет, сказала я. — Император назначил награду за твою голову.

— У меня до сих пор есть друзья во дворце, — он посмотрел вокруг, его палец был на курке. Видимо, друзей было не так много, чтобы он чувствовал себя в безопасности. — Нам нужно спешить. Ты — фаворитка императора. И ты должна мне устроить с ним аудиенцию.

Меня охватила вспышка паники при одной мысли о том, что мне придётся возвращаться к Валко. Но это чувство ушло, когда я посмотрела на Юрия своими заплаканными глазами и почувствовала его ауру. Она была сумасшедшей, безумной, сломленной.

— Ты уже знаешь о Пиа, — сказала я. Под напором его волнения, я опустила плечи. На его виске вздулась вена. — Юрий, мне очень жаль.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты умоляла, чтобы её оставили в живых, — его голос дрогнул.

— Да. Но уже было слишком поздно.

— Тогда мы отомстим вместе. Если ты и правда любила Пиа, ты поможешь мне, — он сглотнул, вновь наставляя пистолет на меня.

— Похоже, у меня нет выбора, — я вдохнула резкий запах металла.

— Посмотрим, — пожал он плечами. — Идём.

— Это не нужно, — сказала я, нуждаясь в любых словах, только бы убедить его. Я теряла время. Мне нужно было освободить Антона. — Ты знаешь, что крестьяне уже близко?

— Император умрёт от моей руки. Только от моей.

— Если я пообещаю помочь тебе, ты исполнишь мою просьбу, — мой пульс замедлился. Я размышляла над новой стратегией Юрия.

— Что? — прорычал он.

— Ты сказал, что у тебя всё ещё есть здесь друзья. Кто-то из них охраняет подземелье?

— Кое-кто есть. Но зачем?

— Тося не единственный, кого бросили в тюрьму. Антон там, вместе с ним. Валко хочет казнить с первыми лучами солнца обоих.

— Это не имеет значения, — Юрий свёл брови вместе, затем покачал головой. — Когда Валко умрёт и люди прорвутся во дворец, их в любом случае освободят.

— Он нужен мне, — я схватила руку Юрия, но вздрогнула, когда коснулась пистолета. — Я ничего не сделаю, пока у него не будет хотя бы шанса освободиться, — заметив, что Юрий не двигается с места, я продолжила. — Он нужен этой революции. Им нужен лидер. В конце концов, это сделал Антон. Неужели он не заслуживает того, чтобы стоять рядом с теми, кто на его стороне?

— Я не могу, — Юрий опустил взгляд. — Мы должны найти Валко сейчас.

— Пожалуйста. Как я могу добраться до него? Для меня он то же самое, что и Пиа для тебя. Пожалуйста... Помоги мне.

Пистолет в руках Юрия дрогнул. Я чувствовала, что сравнение с Пиа заимело должное действие. Я коснулась его руки, чувствуя удар боли.

— Она хотела бы, чтобы ты мне помог, — сказала я, веруя в сказанное всем своим сердцем.

— Хорошо, Соня, — он выругался и опустил пистолет. — Только быстро.

Вход в подземелье оказался не так далеко. Открытая Юрием дверь вела вниз по лестнице. Я чувствовала смрад мусора и гниющей плоти. Чтобы не чувствовать запахов и спуститься вниз как можно тише, мне пришлось заслонить нос рукавом.

— Оставайся здесь, пока я не вернусь, — прошептал он, прежде чем зашагал к каменной арке, где свет факелов едва освещал его лицо.

Я спряталась за угол. Со стен капала вода, а по камню быстро бежала крыса. Сколько у нас ещё осталось времени? Когда крестьяне захватят дворец? Когда весь этот хаос доберётся сюда?

— Боги с нами, — когда я уже была готова закричать от нетерпения, Юрий, наконец, вернулся. — Главный спит, а один из стражей у камеры Антона — мой друг. Он готов отвлечь своего партнёра, забрать ключи и дать нам пять минут, чтобы мы сделали то, что мы задумали.

— Это прекрасно, — я удивлённо выдохнула. Возможно, боги существуют и поддерживают нас.

— Но... Да, он по-прежнему мой друг, но он хочет оплаты, ведь идёт на риск, — аура Юрия стала более скользкой. Его взгляд упал на сапфировое ожерелье.

— Да, конечно, — я расстегнула украшение и без колебаний передала ему. Моё сердце стало биться сильнее при одной мысли о том, что Антон снова будет свободен.

— Готова? — он сунул ожерелье в карман.

— Держись позади, но достаточно близко. И на цыпочках иди. Когда я прячусь, ты тоже прячься. Ясно? — только тогда я заметила, что Юрий спрятал пистолет, и, вместо этого, достал сверкающий нож. Я понимала, что такой выбор лучше. Если убить человека выстрелом, об этом узнает всё подземелье. Ножом можно убить тихо, а рука у рта приглушит его крики. Я вздрогнула, когда представила себе, как Юрий делает всё это. Даже сейчас его тёмная, беспокойная аура заставляла меня заламывать пальцы.

Мы шли дальше по подземелью. Коридоры также были построены в форме лабиринта, их будто скрутили без осознания какого-либо порядка. Факелов было мало, поэтому между двумя соседними были широкие тёмные участки. Я чувствовала, как хвосты грызунов иногда задевают мои лодыжки, но сглатывала, чтобы не вскрикнуть. Я ждала момента, когда аура Антона станет ощущаемой.

— Мы уже близко, — Юрий почесал ухо, затем повернулся и прошептал. — Подожди здесь, пока я дам сигнал другу.

Я прислонилась к стене, считая каждый удар своего сердца. Я готовилась к очередному ожиданию. Растущая во дворце паника медленно просачивалась и в меня. Их осознание опасности и армия людей, которые были готовы взять дворец, обдавало мою кожу холодом.

— Я хочу, чтобы они прорвались сюда, — рассуждала я про себя, борясь с другими эмоциями. Я пыталась оттолкнуть их прочь.

— Соня, — позвал меня Юрий своим хриплым голосом. — Сейчас. Нам нужно спешить. У нас пять минут.

Я была поражена, когда поняла, что он рядом. Я не видела, как он брёл в темноте. Он пришёл с большой связкой ключей.

— Сюда, — он легко положил руку на мою спину и повёл меня.

Мы завернули за угол, где было множество факелов. Вонь становилась всё сильнее. На небольшом расстоянии от нас появились камеры заключённых. Их спокойные страдания охватили меня и намного превосходили ужас дворян, поднявшийся наверху. В аурах пленников я чувствовала голод, боль и страдания, но их энергия была слабой, в них не было надежды. Их уныние было настолько сильным, что мне самой захотелось бросить всё и лечь на солому, расстеленную на полу. Это всё, что было в их камерах. То, что они должны были называть кроватью. Их чувства заставляли меня думать о том, что, лучше бы не просыпаться больше никогда. Какой в этом толк? Кто меня спасёт?

Полный дежурный охранник вёл нас по «галерее» камер. Когда он повернулся, Юрий поспешил спрятать меня за тяжёлой дубовой дверью.

Затем, мы прошли дальше. Нам открыли ещё одну дверь, и мы прошли внутрь. Ауры беспомощных заключённых стихли до такой степени, что мне казалось, я попала в другое место.

Помещение было разделено на две части, посередине. Это место, скорее всего, было отдельной одиночной тюрьмой для самых опасных политических преступников. С моей стороны были только два факела. Больше ничего. В стороне сидели два одиноких друга, которые, после годов планирования революции, волею судьбы оказались здесь.

Тося сидел в дальнем углу, на ложе из свежей соломы. На ней не было плесени, ведь его кинули сюда всего лишь вчера. Времени, которое у нас было, оказалось достаточно, чтобы увидеть больше, чем я когда-либо видела. Его колени были согнуты в коленях, между пальцами он крутил соломинку, будто это было самое дорогое в его жизни. Будто это было последнее, на что он мог бы смотреть.

Антон упёрся в стену, его аура была достаточно странной. Казалось, он не опасался за свою жизнь. Он так сильно доверял мне. До этого момента, он, вероятно, думал, что я была с императором, что он уже ползает у моих ног будто собака. Должно быть, он представлял, что я достигла успеха в той адской задаче, которую он мне доверил. Я колебалась, не желая нарушить его спокойствие, даже при том, что мы пришли его спасти.

Но Антон увидел меня. Его глаза поднялись, он с удивлением рассматривал моё лицо.

Он знал меня достаточно хорошо, чтобы понять то, чего я скрыть не смогла. Я не подчинила Валко. Он чуть не овладел мной. Я не убедила императора отречься от престола.

— Соня, — он отодвинулся от стены.

Сочувствие в его взгляде заставило меня немного расслабиться. Я всё ещё вспоминала о том страхе и беспомощности, которые я чувствовала с Валко, когда он пытался меня подчинить. Теперь это снова взбурлило во мне. Я подавила это и бросилась к Антону, будто стрелка компаса, точно указывавшая направление.

— Мне жаль, — сказал я, остановившись рядом с камерой. — Валко пытался... Я не могла... Мне очень жаль, Антон.

В горле застревали все рыдания. На его лице читалась явная печаль. Возможно, он был разочарован. Может, он просто почувствовал мою боль, будто сейчас он стал Прорицателем. Он с трудом встал на ноги. Может, когда его несли сюда, стражи ранили его? Он подошёл к барьеру между нами, к запертой двери. Он потянулся сквозь клетку, и я бросилась к нему в руки, чувствуя, как его тепло окутывает меня, несмотря на холодное железо у меня на груди.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он и поцеловал меня в макушку. Я же пыталась побороть свои эмоции, с чарами его нежности.

— Мы пришли, чтобы освободить тебя, — я отстранилась. Мои руки дрожали, когда я всматривалась в ключи Юрия. — Юрий знает одного из охранников.

— Юрий? — Тося поднялся и посмотрел за моё плечо. — Это ты?

— По-видимому, борода делает меня невидимым, — солдат оказался рядом со мной. — Надо было давно её отрастить. Но Пиа... — он откашлялся и взял связку ключей. — Мне нужно открыть. Наше время на исходе.

— Крестьяне не стали ждать до завтра, когда он попытался подобрать ключ, я посмотрела на Антона и Тосю. Моё настроение стало намного веселее. Но лицо Антона стало печальнее. — Они идут на дворец. Это хорошо. Потому что император хотел казнить вас с утра.

— Нет, это плохо, — ответил Антон. Принц отступил назад и потёр подбородок. Тося смотрел на него так спокойно, будто знал, о чём тот думает. — Наши жизни не стоят стольких смертей. Не заблуждайся: потери будут огромными, какая бы из сторон не выиграла.

— Они придут. Нравится тебе это или нет, — я с недоумением смотрела на него. — И я не оставлю тебя здесь даже, если дворец сгорит. Теперь это твой шанс бороться за ту мечту, которую ты дал людям!

— Соня, я боролся годами. Но не так. Не порохом и саблями. Если это то, что я дал людям, то я не хочу быть частью этого.

— Ты даже не защитишь себя? — из-за его упрямого идеализма мне хотелось запрыгнуть за решётку и трясти в беспомыслии.

— Тише, вы двое! — Юрий снова боролся с ключом. — Охрану встревожите и... — на этих словах он затих, потратив все силы на то, чтобы повернуть ключ в замке. Шум стоял громче, чем голос Антона. — Ни один из них не подходит.

— Тогда пойдёшь, и скажи своему другу, что он приволок неправильную связку, — уставилась я на него.

— Это — единственная связка. Разве ты ещё не поняла? У тюремщика нет ключа.

— Тогда мы должны найти его, — слабая ткань моей надежды, казалось, вот-вот разорвётся по швам.

— Если не у него, то ни у кого из стражей, — Юрий отошёл и принялся бить сапогом соломую. Он уже не пытался перебирать ключи.

— Но есть у Валко, — мрачно сказал Антон. — Должно быть, это так. Он стремился заключить меня сюда слишком долго. Теперь, когда это произошло, он не доверит ключ никому, чтобы никто не смог меня освободить. Он слишком подозрительно относится ко всем окружающим. Он думает, что, в итоге, каждый может его предать.

— Я должна вернуться к императору, — я чувствовала, будто на меня легли тяжёлые камни страха.

— Нет, Соня, — решительно сказал Антон. Тося же молчал и не говорил ни слова, доверяя свою судьбу другу. — Я не буду просить тебя об этом.

— Я должна. Я не оставлю тебя здесь! Что, если революция будет неудачной?

— Она будет удачной, — Юрий расправил плечи. — И тебе не нужно думать об императоре. Просто дай добро, и я прикончу его.

Несмотря на то, что этот момент казался отчаянным, и я чувствовала каждую каплю крови, пульсировавшей у меня в венах, я чувствовала тьму в ауре Юрия. И те змеи, что окутали меня внутри, казались мне знакомыми. То же самое я чувствовала и в ночь бала, когда я была уверена в том, что кто-то хотел убить Валко. Но Юрий не пытался его убить. Не пытался в тот день. Он уже однажды потерпел неудачу. Внезапное осознание осенило меня, будто Юрий стал для меня прозрачным, будто бокал.

— Ты убил вдовствующую императрицу? — охнула я.

— О чём ты говоришь? — от удивления, рот Юрия открылся, и он с недоумением посмотрел на Антона.

— Ты пытался убить императора. Раньше. Ядом, — сказал я. То, что раньше было тайным, теперь вырисовывалось для меня узорами на витражах. — Используя Пиа, ты обманул Изольду. Имперская Прорицательница никогда бы не почувствовала что-то не то в ауре девушки, которая ничего не знает. Поэтому, конечно же, ты ничего ей не сказал. Она была слишком чиста, чтобы стать твоим компаньоном. Это было слишком просто. Ты мог, например, высыпать яд в чай императора. Ты мог подбросить его тогда, когда Пиа не видела. Целуя её, например. Конечно, ты поспешил удалиться, чтобы Изольда не поняла, что к этому причастен ты. Но тебе не удалось. Императрица выпила то, что было предназначено для её сына.

— Это глупость! — Юрий отошёл назад. Его шея и уши стали красными.

— Она была со мной, — сказал Антон, будто только для себя, а не для всех. — У моей матери была традиция желать мне спокойной ночи. Она хотела восполнить упущенное за все те годы, что не была со мной. После того, как поговорила со мной, она отправилась к Валко. Я уже почти заснул, когда услышал крики. Кто-то кричал. Он звал лекаря. Я побежал в покои Валко, и... Я был с ним, когда наша мать умирала, — его взгляд молнией сверкнул на Юрия. — Скажи мне, что это сделал не ты.

— Революция зашла в тупик, — говорил он, его слова выплёскивались из него хаотично, а борода дрожала вместе с губами. Я чувствовала его ауру, полную горя и безумия. — Николай едва смог убедить нескольких аристократов, а вы сам запретили Феликсу собирать крестьян для восстания. Империя становилась могущественнее, а обстановка — более угнетающей... — он покачал головой. — От другого стража я узнал, что Валко был с Пиа, — Юрий признал это так, будто это было корнем всех бед и оправдывало его.

Я была удивлена. Если бы Юрий только знал, как Пиа пыталась сохранить это в тайне.

В моём сердце была лишь боль за мою подругу.

— Я был взбешен! — сказал Юрий, умоляюще всматриваясь в лицо Антона. — Мой разум был затуманен. Но, клянусь, я не хотел причинить вреда вашей матери.

— Ты не причинил ей вреда, — принц нахмурился. — Ты убил её.

— Простите меня, — всхлипнул Юрий, опустив голову. Его безысходность была ощутима.

— Ты должен покинуть дворец, — приказал принц. Его аура заставила меня выровняться. — Ты уедешь прочь из Торчева. И чтобы я никогда тебя не видел. Ты и пальцем не тронешь моего брата.

— Но... — глаза Юрия округлились. — Он убил Пиа. Он убил тысячи людей. Он заслуживает смерти.

— Валко предстанет пред судом. Его судьбу определит глас народа, но не ты.

— Ты не можешь мной управлять, — аура Юрия стала одной большой волной боли. — Этому научил меня ты. Ты не можешь мне указывать. Я приду к Валко и ты не освободишься для того, чтобы меня остановить.

Он схватил меня за руку и дёрнул к деревянной двери.

— Отпусти её! — голос Антона гремел.

— В этой революции мы все должны чем-то пожертвовать, — Юрий ополчился против него. — Ты научил меня и этому. И вот та цена, которую заплатит она.

Деревянная дверь была вырвана с петлями, но это сделал не Юрий. Внутри ворвался невысокого роста мужчина. Его взгляд был прикован к кольцу с ключами, свисавшему из одной из скважин. Юрий потянулся за ножом, но мужчина, несомненно, главный в тюрьме, уже вытащил свою саблю. Одним точным ударом он прошёлся по горлу солдата. Я закричала, когда мой похититель пал на землю. Его нож, звякнув об одну из решёток, пал недалеко от него.

Моё тело охватил страх, а пульс сильно бил в уши. Я повернулась к тюремщику лицом. Он не хотел оказать мне никакого милосердия. Конечно. Валко вырвет все его внутренности, если узнает, если Антон и Тося на свободе.

Он ринулся на меня. С его сабли капала кровь. У меня не было никакого оружия — нож Юрия был вне досягаемости. И, всё же, это была моя единственная надежда. Я повернулась, чтобы схватить его, но он исчез.

Глухой удар рассёк воздух. Оглушённый глава тюрьмы внезапно хрюкнул. В шоке, я выдохнула, на секунду ощутив в животе его боль. Расширив глаза, он падал. Я чувствовала, как жизнь покидает его. Я вздрогнула и стала осматриваться, пытаясь понять, что происходит.

Антон. Принц, который никого не хотел убивать, стоял на коленях. Одной рукой он держал железный прут, а другая тянулась вперёд, к оружию Юрия. Тося же был удивлён, и я чувствовала это.

— Антон, — я задыхалась от удивления. Скорее потому, что осталась в живых. Кроме того, я только осознала то, что принц убил кого-то ради меня.

— Тебе нужно уходить, — его лицо было печальным от того, что он только что сделал. — Скоро здесь будут и остальные.

— Я не брошу тебя, — я встала на колени рядом с ним, трясущимися пальцами сплетая наши руки.

Глухой рёв наполнял воздух. Пыль стала сыпаться из каменной кладки на потолке.

Антон вздохнул, отводя от меня взгляд.

— Началось, — Тося взглянул вверх.

Я считала ауры обоих. Зная, что я свободна, а они — закованы в кандалы, каждый из них был готов умереть за эту безумную мечту. Но никто из них не хотел, чтобы всё это закончилось насилием. Самое меньшее, что я могла бы сделать — это ещё раз попытаться положить конец правлению Валко мирно. Я рисковала своей жизнью, но... Она всегда была под угрозой. С того момента, как я решилась сыграть свою роль в этой революции. Нет. Раньше. Тогда, когда меня доставили во дворец, хотела я этого или нет. На самом деле, моя жизнь превратилась в ад в тот момент, когда я родилась Прорицательницей. Но это — моя возможность разорвать цепи. Или умереть, пытаясь это сделать.

— Ты и правда веришь, что он должен жить, — спросила я, и Антон понимал, кого я имею в виду.

— Нет, — признался он. Но каждый день его правления я вижу, каким бы мог стать я, если бы у меня не отняли престол. Будь я на его месте, я бы хотел, чтобы у меня был шанс на искупление.

— Тогда я пойду к нему. В последний раз, — я медленно кивнула.

— Ты уверена? — его взгляд будто пытался смотреть сквозь меня. — Соня, это точно твой выбор? Я не хочу, чтобы мои желания в чём-то тебя убеждали.

— Поверь мне, — я коснулась его пальцев. Теперь между нашими аурами была небольшая разница. Но, всё же, мы оба знали, что должны сделать. — Поверь, это то, что я чувствую всем сердцем. Мои чувства со мной, когда я одна и когда ты в сотне миль от дворца. Я сама выбираю что делать. Ты — в моём сердце. Ты — самый упрямый человек, которого я когда-либо встречала. Ты — самый благородный, самый заботливый. Я люблю каждую твою черту характера.

Я вздрогнула, понимая, что я произнесла слово люблю. Даже сейчас я чувствовала, что, что он сдерживает свои эмоции в моём присутствии.

— Наши души тянутся друг к другу не потому, что так не сказала гадалка из Ромска. Это происходит потому, что так хотим мы.

Я чувствовал, как глубоко принц вдохнул воздух в грудь. Непобедимый барьер, которым до этого было окружено его сердце, пал.

— Это чувство — моё, — сказала я. — И знать то, что ты чувствуешь то же самое — настоящее для меня благословение.

Рядом с ним мягко улыбнулся Тося. Это всё что он мог, чтобы предоставить нам хоть немного личного пространства. Сквозь решётку, Антон тянулся к моему лицу. Каждый раз, когда он видел меня раньше, в его глазах была боль. Но теперь его боль ушла, оставив место немного омрачённому счастью, ведь этот момент для нас мог бы быть последним.

— Я люблю тебя, Антон, — слёзы на глазах мешали мне видеть всё то, что происходило. Я не могла потратить этот самый последний момент на что-то другое.

Он притянул меня так близко, как только позволяла клетка. Расстояние между нами сокращалось, и он вот-вот мог поцеловать меня. И он поцеловал.

Он разделил со мной каждую эмоцию в своей ауре. Он наполнял меня светом, силой, красотой, каких я никогда не видела. Он не мог очистить меня ото всех страданий, которые у меня были, не мог простить за все те ошибки, которые я совершила. Я же не могла восполнить всё его одиночество, уберечь от горя предательств тех, кто был с ним рядом. Но наш союз был убежищем от всего этого. Он стал местом исцеления и надежды. Мы

чувствовали себя, будто оказались дома. Пусть мы оба не знали, где находится наш дом.

Когда он отстранился, я не чувствовала никакого сожаления. Его тепло всё ещё пульсировало во мне, скользило по моим венам.

— Пожалуйста, иди. Пока у тебя есть время, — он вновь легко коснулся моих губ своими. Оправившись, я встала, чувствуя, как мои кости будто наполняются железом. Я была решительной. Впервые я чувствовала, что точно знаю, чего хочу.

С тюремщика я сняла плащ, затем накинула на Юрия и главу тюрьмы. Так мне хотелось воздать им честь. К тому же, это единственное, что я могла предложить Антону и Тосе, которым придётся провести наедине с этими телами ещё достаточно времени. Я уже чувствовала, как принца разъедает чувство вины за то, что он убил человека.

Стиснув зубы, я вытащила нож из живота тюремщика, затем вытащила пистолет Юрия и кинула его на слому.

— Поклянись, что будешь защищаться, если это понадобится.

— Будем, ответил Тося за двоих. В его ауре я чувствовала настоящую братскую любовь. — Будь осторожна, Соня.

Я кивнула и перешагнула через трупы, моё сердце сжалось, когда я вспомнила, что его любила Пиа. Стоя на пороге, я в последний раз повернулась назад.

— Я вернусь, — сказала я, одаривая Тосю и Антона последним взглядом.

ГЛАВА 34

Я спотыкалась, пытаюсь найти дорогу в лабиринтах подземелья. Наверху раздавались приглушенные выстрелы огнестрельного оружия. Отдалённые крики теперь уже напоминали рёв. Это было так громко, будто я приближалась к водопаду. Моё сердце стало биться сильнее. Аура армии крестьян ворвалась в меня, придавая мне больше мужества. Я мчалась вперёд, сквозь темноту.

Бум!

По коридору разнёсся сильный взрыв, сотрясавший землю. Так сильно, что я упала на колени. Потолок покрылся трещинами, а куски камня сыпались на пол. Паника слуг, стражей и дворян так сильно жалила кожу, что я закричала. Я подняла руку, в надежде найти стену, а с ней и поддержку. Мне было тошно.

Толчки прекратились, но страх, охвативший меня, не проходил. Он был во всех и каждом. Я прижала кулаки к голове, раскачиваясь взад-вперёд. Я не могла этого сделать. Я не могла вынести и аур революционеров, и аур тех, кто защищал замок. Я не могла вынести ничью ауру.

После некоторого затишья выстрелы возобновились, а крестьяне стали выкрикивать боевые кличи.

Я боролась с дрожью в руках и ногах, чтобы хотя бы нормально дышать. Мне хотелось побежать назад, к Антону, закрыться в его спасительном тепле. Я представила то, как он сидит в тюремной камере, как его лодыжки прислонились друг к другу, как меня переполняет его спокойная и уверенная энергия. Это уверенность ему давала его вера. Я хотела быть тем, в кого он верит. Он всегда был уверен в том, что у меня есть особая внутренняя сила. После того, как мы приехали в город, он научил меня, как сделать так, чтобы я не потеряла контроль. Но сила, которую он мне дал, чтобы сопротивляться горожанам, заключалась в его силе, а не в его прекрасном лице. Эта сила была не материальной, она уходила корнями в нечто красивое. Казалось, когда принц присоединяется ко мне, моих сил становится больше.

Я чувствовала эту силу в себе, несмотря на безумное беспокойство и нарастающий страх. Глубоко внутри моей ауры, я ощущала то, что сияющий свет любви Антона всё ещё оставался там. Я позволила этому чувству заполнить меня, придать мне сил и контроля над собой. Подняв подбородок, я глубоко вдохнула и развернулась на каблуках.

Когда я стала цепляться за ауру Антона, эмоции окружающих стали утихать, и я стала осознавать, что могу нормально двигаться и думать о собственных желаниях и быть уверенной, что эти чувства принадлежат именно мне.

Бросившись вперёд, я сантиметр за сантиметром преодолевала путь через лабиринт подземелий. Наконец, я достигла каменной лестницы. Я поднялась на первый этаж дворца, затем проследовала к коридорам, но резко остановилась в вестибюле. От удивления, я открыла рот.

Янтарные этажи были разрушены, а кое-где весь пол был усеян разбитым стеклом. Вновь слышались выстрелы, чьи звуки отражались от стен. Некоторые слуги кричали и бежали в укрытие, другие же присоединились к революционерам и сражались против стражей осколками стёкол и тем, что оставалось от балок.

Через разбитые окна сверкал лунный свет и свет факелов. С помощью этого я заметила, что крестьяне всё ещё не проникли в сам замок. Но они были недовольны, залп мушкетов не прекращался. Они ратовали за справедливость, за свободу. За освобождение Тоси Пашкова. Ценой головы императора. Стражи сбивали некоторых из них, но на место одного приходили несколько, со столь же сильной волной ярости.

Ауры людей были сильнее. Они будто нападали на меня, ломая мою защиту, требуя новых эмоций и новых ощущений. Стиснув зубы, я стала медленно вдыхать. Мои лёгкие наполнялись воздухом. Я сосредоточилась на том, что чувствую сама, на ауре Антона. Я должна была идти к своей цели. Это моя роль. И никто кроме меня не сделает этого.

Я подняла руки над головой, защищаясь от обломков изо всех сил, только бы идти вперёд. Я вскарабкалась на ближайший пролёт лестницы и стала огибать охранников с мушкетами. Я шла, хватаясь за перила, будто всё это — древние руины. Но стражи не обращали на меня внимания. Либо они не знали кто, я и что я хочу, либо им просто было всё равно.

Когда я оказалась на втором этаже, мышцы ног болели. Я остановилась лишь на секунду, перевести дух. Дверь покоев Валко была прямо напротив меня. Мне оставалось пройти к ней по красной дорожке. Красной, как язык дракона.

Моё сердце билось сильнее. Одну ногу я поставила перед другой, будто преграждая себе путь. Когда я проходила мимо двери своих покоев, я представляла статую Фейи на подоконнике. Я коснулась лба, затем — груди, после чего помолилась богине, чтобы мне всё удалось. Я тихо добавила несколько слов и о Юлии, чтобы где-то там, в Раю, ей было хорошо.

Я вспомнила то, какой же отважной моя подруга была перед лицом смерти. Обычно, этому сопутствуют боль и ужас. Но только не у неё. Я впервые почувствовала её мужество, когда коснулась крови на статуэтке Фейи. С тех пор я терзала себя, пока не почувствовала комфорт. Я позволила этому чувству заполнить меня сейчас. Оно всегда было внутри меня.

Я молилась о том, чтобы Юлия была прощена, чтобы были прощены все те, кто умер из-за меня: Прорицательницы, Пиа, Юрий, и даже тюремщик. Каждый из них многое повидал в этой жизни. Каждый из них хотел жить. Я хотела, чтобы они были живы.

Антон был прав. Этот мир видел слишком много смертей. И теперь у меня был шанс

сделать так, чтобы эта череда смертей прекратилась. Во всяком случае, сегодня. Во всяком случае, в Торчеве.

Дверь императора окружили больше двадцати стражей. В отличие от тех, что стояли ниже, эти тут же узнали меня и связали руки, прежде чем я приблизилась.

Я позволила им сделать это. Они не убьют меня. Они приведут меня к тому, к кому я должна попасть как можно быстрее. Он стоял там, где мы расстались — в дверях балкона. Однако в этот раз он был одет в лучший из своих кафтанов, а красная лента делила его грудь по диагонали, сабля висела у пояса, а голову украшала церемониальная корона. Если бы он захотел пойти вниз, чего он не сделает, он не мог пойти к людям как нищий. Он показывал бы то, какой он властный правитель до самого конца.

Сцепив руки за спиной, Валко наблюдал за тем, что происходило внизу. Он наблюдал с безопасного расстояния, чтобы ни один мушкет его не тронул. Единственное, что указывало на то, что он заметил мой приход, это небольшой поворот головы и лёгкий кивок стражам для того, чтобы они удалились.

Я выдохнула и подошла к нему, протягивая руки, чтобы понять, что он чувствует. В этот момент я напоминала морское чудище, которое тянет щупальца к своей жертве. Подушечки пальцев покалывало, а бровь неожиданно дёрнулась. Я пыталась сделать всё возможное, чтобы ощутит его, а не бушующую на улице толпу.

— Скажи мне, что я чувствую, — сказал он, когда я была в паре метров от него. Мне пришлось остановиться. В какую игру он играет теперь?

— Гордость за то, что вы — император, — начала я, сжимая кулаки. — Гнев, который вы обращаете на тех, кто усомнился в вашем превосходстве. Печаль от измены тех, кому вы доверяли.

Я подошла ближе. Так близко, что, если бы хотела, могла бы к нему прикоснуться. Мои ноги дрожали при одной мысли о том, как он причинял мне боль, как легко он казнил Пиа, как бесстрашно он планировал убить собственного брата. Несмотря на это, я должна была ему сопереживать. Нам необходимо было установить чистейшую связь. Мне нужно было пересилить свою ауру. Я должна была связать себя с ним, несмотря на то, насколько он поглощён всем этим.

— Ваша грудь вздымается так, будто вы хотите ухватить как можно больше воздуха. Вы напряжены, — продолжала я, сама глубоко вдыхая. — Глубоко внутри вас, каждая клетка вашего тела меняет своё положение, только бы вы не теряли контроль, — куполообразный потолок возвышался надо мной, заставляя меня чувствовать себя ничтожной одинокой песчинкой. — В ваших ушах буквально горит то, как проклинаят вас крестьяне, — я поморщилась от их криков, затем вцепилась в свой живот. Вы чувствуете себя пустым, будто все ваши органы выпотрошили. Со всех сторон на вас что-то давит. Поэтому у вас болит голова, а в мышцах появляется судорога. Будто кто-то требует от вас большего величия, но вы достигли всего величия, которое только возможно достичь, поэтому этому человеку вы не можете дать ничего.

Челюсть Валко дрогнула, он нахмурил брови. Его броня раскололась, и в нём снова проснулся тот маленький мальчик.

— Истина в том, что глубоко внутри вас есть чувство прекрасного, — сказала я, одаривая улыбкой того, кем он мог бы стать. — Вы можете быть ласковым и нежным. У вас есть ум, который может помочь многим людям, — я покачала головой в знак печали. Я опустила голову, понимая, что тот Валко, на которого я надеялась, не существовал. Вместо

этого была его настоящая ипостась. — Но вместо этого вы были избраны для того, чтобы уничтожать других, чтобы хранить в себе свою неуверенность, чтобы раз и навсегда убедить всех, что вы не принц, которого на самом деле подменили; что ваш отец приказал убить невинного мальчика для того, чтобы место императора точно заняли вы.

Глаза Валко вспыхнули от негодования. Его аура, казалось, пыталась раскрыть мне весь гнев, на который он только способен.

— Ваше сердце становится чёрствым, — продолжила я перед тем, как он смог вставить хоть слово. Я чувствовала его гнев. Достигая абсолютной связи, я понимала, что должна разделить с ним то звериное чувство, что покоилось в нём. Больше. Я сама должна была стать зверем. — Вы убиваете невинных так, будто они не больше, чем пешки на вашей доске, — я чувствовала прилив смелости. Страх сочился через мою кожу. Я знаю, что провоцировала его, но, если откажусь от какой-либо сдержанности, я не смогу контролировать свой характер. Я не смогу контролировать себя.

— О своей власти вы заботитесь больше, чем о жизнях сотен тысяч ваших людей. — Мой голос стал громче. Я говорила ему правду. Чем больше слов — тем яростнее я становилась, чувствуя прилив его ненависти. — Вы отбираете сыновей от своих матерей, забывая при этом, каково было вам, когда то же самое забрали у вас, — на моём лице появилась дикая улыбка. — Они познают ту же боль, что и вы. И они умрут, как солдаты Рузанина, но почувствовав это. — Я выпрямила плечи, ощущая, как самомнение Валко стало затапливать меня. — Вы хотите завоевать весь мир, все земли, от Эсценгарда за горами до лесов Шенгли. Вы будете делать это до того момента, пока весь мир не окажется под вашей ногой и вы не растопчите всё, что завоевали. Вот тогда люди поймут, что вы — великий правитель. Они будут поднимать свои лица от грязи, и кланяться вам.

— Это всё, Имперская Прорицательница? — спросил он. Губы Валко сжались в тонкую линию, а глаза метали молнии. Тысячи тёмных эмоций кишели под маской его безразличия.

— Да, — я отошла от него буквально на шаг, чувствуя его едва сдерживаемую ярость. — И вы были правы. Это поймёт даже ребёнок.

Его рука поднялась, чтобы ударить меня. Я попыталась защититься, но его удар был таким сильным, что я отшатнулась и повела головой. Теперь весь мир был в разноцветных пятнах.

— Ты забыла упомянуть то, что к тебе чувствую я, — его горячее дыхание резало взор.

Я выпрямилась и гордо встретила с ним взглядами, несмотря на боль в голове. Страх был внутри меня, а воздух едва входил в мои лёгкие. Я отказалась подчиняться любимому трюку императора, который он использовал всякий раз, чтобы подавить меня.

— Абсолютное разочарование, — ответила я ему. — Ненависть. Что-то хуже, чем стыд, ведь вы думали, что любите меня.

Валко одобрительно выдохнул. Он направился к чёрному лакированному комоду в дальнем углу комнаты и, открыв один из ящиков, достал оттуда два поблёскивавших предмета: ключ из латуни и тонкий кинжал с ризными узорами на рукояти. Последний он вынул из ножен.

— Знаешь, как умер мой отец? — он вертел кинжал в руке, его ярость смешивалась с немим назревающим штормом тьмы.

— Чёрный мор, — ответила я, помня о том, что знал каждый человек в Рузанине. Моё сердце билось всё сильнее. Я не могла оторвать взгляда от оружия в его руках.

— На самом деле, он поборол болезнь, — Валко направился ко мне. Он говорил так,

будто преподаёт историю. Он делает это в тот момент, когда этажом ниже идёт бойня. Сколько стражей уже мертвы? А сколько крестьян? — И всё же... Болезнь оставила на его лице шрамы, а одну ногу ему отрезали, вплоть до бедра. Об этом не знает никто, кроме членов его семьи и врачей. Но не вижу никаких преград, которые не позволили бы мне рассказать это тебе. Во всяком случае, не сейчас. Разожми пальцы.

Он приказывал мне. Снаружи крики становились всё громче, они перерастали в ужасные проклятья. Я сглотнула и на секунду оглянулась на балкон, изо всех сил пытаюсь делать так, чтобы эмоции крестьян не проникли в меня.

— Не думай о них, — сказал Валко. — У моих стражей в руках отличное оружие. Сколько бы крестьян ни было, их припасы всё же имеют свойство заканчиваться. В тот момент как мои люди располагают достаточным количеством оружия.

Меня охватила паника, ведь моя защита против всех этих аур слабла. Но я не могла позволить ей проникнуть внутрь меня. Я испугалась от одного воспоминания о том, что произошло в тот раз, когда я позволила аурам людей захватить меня. Я допустила ошибку, так сильно веруя в крестьян. Но Валко был прав. Я чувствовала то, как эта неоспоримая правда кошкой скребётся у меня в душе, отчаянье разрезало воздух с каждым выстрелом мушкета.

— Разожми пальцы, — повторил Валко.

Я замешкалась, но затем протянула ему дрожащую руку. Найти с ним общий язык. Найти связь между нашими аурами, по-настоящему почувствовать то, что чувствовал он. А после, положить этому конец. Заставить его сделать так, чтобы стражи отступили.

— Лезвие никогда не протирали, — Валко приподнял бровь. — Кровь императора, благословлённая Богами, стала реликвией, — он схватил меня за запястье. — Если ты можешь чувствовать ауру мёртвых, значит, ты сможешь почувствовать правду о том, как умер мой отец.

— Нет, пожалуйста, — мои глаза расширились от ужаса. Валко же приставил лезвие к моей ладони, и крик тёмного страдания разорвало моё горло.

— Он был потерянным, — я ахнула. Моя рука дрожала от того, как быстро император её схватил. — Он был более потерянным, чем вы. Он был более одинок, чем вы все могли представить, — Эмпатия. Связь. Я должна была проникнуть в ауру Айзеа и найти с помощью этого связь с Валко. — Твой отец боялся. Он боялся быть отвергнутым. Из-за того, что его лицо было обезображено, он был неуверен, он многого опасался. Он боялся того, что его династия уже не будет такой сильной и влиятельной. Несмотря на то, что так он отрёкся от своих детей.

У меня не было дара чтения мыслей императора Айзеа, но я пыталась зацепиться за его эмоции в надежде понять, что его эмоции могли бы мне сказать. Что-то из этого я могла бы подчерпнуть из того, что сказал Валко. Из всего того, что я узнала о том, как вёл себя император с детьми, не трудно было понять логику его страданий.

На коже появился пот. Мне нужно было царапать её, мне нужно было усугубить ситуацию. Хныкая, я наблюдала, как моя ладонь скользит по лезвию кинжала. Внезапно я почувствовала, что острый край — это путь освобождения. Моё тело тряслось от этой тоски. Моя голова раскалывалась от боли, а пульс гремел в висках. Эмоции Айзеа были настолько сильными, что грозились заползти в самые дальние уголки моего разума. Как человек, имея так много боли в душе, может жить с ней?

— Ваш отец покончил с собой? — спросила я, пытаюсь открыть ладонь, чтобы разорвать

эту связь, причинявшую лишь страдания.

— Очень наблюдательно, — аура Валко, казалось, стала спокойнее. Она будто направлялась ко мне через пол, охватывала мои ноги, а затем и живот. — Ребёнок бы такое предугадать не смог.

Позади него были видны звёзды и дым, исходивший от факелов. Крики людей превращались в хор воплей. Их надежда была слишком сильной, и я чувствовал её, несмотря на тот ужас и тоску, которые я чувствовала. Слезы сжигали мои глаза.

— Вы потеряли отца и это — ваша самая большая трагедия, — сказала я. От такого смелого Откровения, мои колени пошатнулись, а лезвие будто превратилось в лёд. — Вы хотите править с тем же величием, которое было и у него, но пока вы ещё не страдали от того, от чего страдал ваш отец. В последние минуты, он чувствовал, будто его перворождение стало для него проклятьем. Он умер, но эта смерть не была удостоена настоящей чести.

Он резко переменялся. Отвращение сменило печаль. Император выдернул из руки кинжал, оставляя на ней ярко-красную царапину. Я закричала, чувствуя, как сжимаются пальцы, а между ними просачивались капли крови.

— Ты не права! — сказал он, вздымая кинжал к небесам. — Мой отец был избран Богами!

По мере того, как лезвие скользило вниз, я закрыла лицо руками. Кинжал рассёк рукав моего платья, немного повредив и кожу.

— Стойте! — закричала я, отшатнувшись от боли.

— Мой отец понял кое-что, — император подошёл ближе. Он был угрожающе спокойным. — Мой отец понял, что, для того, чтобы Рузанин процветал, его правитель должен быть сильным и безупречным. Поэтому он покончил с тем бесполезным куском глины, которым стало его тело. Он знал, что на престол должен взойти я, я должен быть таким же сильным, каким был он. Он знал, что кровь нашей династии течёт по моим венам.

Валко поднёс кинжал к моей шее, и моё сердце стало биться сильнее. Я едва дышала, ведь нож был так близко к горлу, что любая набухшая вена могла оборвать мою жизнь.

— Да, ваш отец доверил будущее Рузанина вам, — шептала я, подтверждая его слова. Во мне всё ещё был страх. Моя жизнь зависела от того, подчинюсь ли я чувствам Валко. Я должна была использовать всю энергию, которая у меня есть. Мне нужно было отыскать в себе силы для идеального сопереживания. Мне нужно было пропустить сквозь себя то, что он всю жизнь рос под давлением. Потому что постоянно он жил в тени своего отца.

— Теперь ты понимаешь, почему я должен тебя ранить, — серые глаза императора блестели, и мне было сложно определить, что в них, кроме раскаянья. — Ты — будто колючка на коже. Соня, ты хуже, чем Чёрный мор. Ты делаешь меня слабым, а я терпеть не могу слабость.

Сквозь его суровых слов, последних слов в моей жизни, я чувствовала, что его любовь всё ещё теплится в моей груди. Несмотря на то, что он заботился обо мне, у него не было выбора, кроме как убить меня. Я была слишком активной и теперь люди умирали. Умирали так же, как и тогда, когда я освободила свои самые тёмные эмоции.

— Я понимаю вас, — сказала я. Потому что теперь на самом деле понимала. Моя аура будто отражалась в зеркале.

Я видела его ауру в своей. Я видела свою ауру в его ауре.

Моя смерть была единственным способом добиться мира. Если бы я осталась в живых, я

бы разрушила ещё больше. Империи будет лучше без меня. Этот мир был в руинах. И этому миру нужен идеальный лидер. Лидер, у которого нет слабостей. Ничто не должно мешать его царствованию.

— Это позор. Ты не смогла сделать меня сильным, — Валко вздохнул и покачал головой. Остриё кинжала прочертило тонкую линию около ключицы. Он наклонился ближе. Его губы были прямо у меня над ухом. — Я буду скучать по тебе.

Я понимаю.

Кинжал коснулся кожи чуть выше сердца.

Я понимаю.

Три ружья выстрелили одно за другим. Внутри меня вновь чувствовался порыв боли. Император уже покончил со мной?

— Закрой глаза, Соня. Не могу вытерпеть твоего взгляда.

Я понимаю.

Лезвие углубилось. Небольшая струйка тепла скользнула по груди. Почему я до сих пор дышу?

Я чувствовала запах пороха. Где-то далеко раздавались крики и плач. Откуда они? Я уже не могла понять, что происходит.

— Прощай, любовь моя, — Валко сжал мою руку там, где сияла царапина и, от переполнявшей меня боли, я глубоко вдохнула.

Когда я оказалась на грани жизни и смерти, я почувствовала что-то глубокое, что я уже почти похоронила в себе. Это нечто пульсировало во мне и заставило открыть глаза. Мои силы крепли. Это чувство заставляло меня почувствовать себя более мужественно. Наконец, мой разум прояснился, и я поняла, что это. Это нечто, напоминавшее светлую ауру Антона, которая помогает мне преодолевать ту тьму, которую мне дарил Валко.

— Бровь нож, — я подняла взгляд на императора. Мне больше не казалось, что моя аура находит в нём отражение. Я больше не испытывала к нему сочувствия.

— Слишком поздно, Соня, — лицо Валко исказилось некоторым подобием жалости.

— Нет. Не поздно, — люди всё ещё были живыми. И я открылась их аурам, каждому бьющемуся сердцу. Я чувствовала каждый их вдох и каждый выдох. Каждая энергия для меня была уникальной. Я не ошиблась: эмпатия была ключом, но свои силы я тратила не на того человека. Мне нужно было дать свободу. Всем. Вне зависимости от класса, богатства или чина. Я стала бы одной из толпы рузанинских крестьян, и император поплатился бы за содеянное.

— Ты не убьёшь меня, потому что я и есть твоя империя, — я указала на балкон. — Крики твоего народа — мои крики, их гнев — мой гнев. Их страдания для меня призыв к мести, — как только я произнесла эти слова, я почувствовала, будто во мне открылись врата. Как это было легко: позволить им войти, впустить их энергию в меня. То тихое место во мне, которое я так долго оберегала, смогло открыться само собой.

— Их ауры наполняют меня. Они тянутся ко мне, — я ахнула, чувствуя, как дрожу. — Я ощущаю, что соединилась с землёй и проникаю под неё, где лежат кости мёртвых. Их ауры тоже с нами, — я разжала пальцы, чувствуя, как в меня проникает и эта энергия, однако, она холодна. — Они кричат, они против тебя. Против веков угнетения.

Валко охватил ужас, но он не отпускал нож.

— Это день твоего суда. Миллионы голосов говорят моими устами. Они не будут спокойны. Тебе не хватит пороха, стражей и выносливости, чтобы им противостоять. Они

придут снова. Они переступят через холодные тела своих жен и мужей, детей и друзей, братьев и сестёр, матерей и отцов. И они будут преследовать тебя, пока ты не падёшь.

— Хватит! — Валко опустил нож. Он упал на плитку, а сам император закрыл уши руками. — Не говори ни слова!

— Тебе не суждено познать свой час, — свет от факелов крестьян отбросил на моё платье яркий свет. — Ты ничтожен. Твоя кровь такая же, как и у всех смертных. Слава дана богами и она непорочна. Слава со мной, в аурах богов, — от той энергии, которая переполняла меня, из глаз хлынули слёзы. — Чтобы достичь абсолютной власти, ты угнетаешь своих братьев. Это низко. И ты всегда будешь слабым. Потому что ни один человек не может быть всемогущим.

Валко пал на колени, и, закрыв уши, принялся читать молитвы. Я стояла высоко над ним.

— Боги желают, чтобы твоя душа горела в огне ада. Ты будешь гореть там вечно, за все грехи императоров, правивших до тебя. Потому что ты не сделал ничего, чтобы прекратить страдания и тиранию, направленную против твоего же народа.

Он покачал головой, будто пытаюсь не слушать меня. Его молитвы становились всё громче и громче.

— Покажи мне, что ты всего лишь человек, — приказала я и отделила его ауру от всех остальных... Это было жалкой искрой в сравнении с тем, что бушевало внутри меня. Я сконцентрировалась и выдохнула всю энергию страданий его народа в его тело. Больше это игнорировать было нельзя.

Как только их ореолы достигли его, валко ахнул и прижался к животу. Он корчился в агонии, ошеломлённо уставившись на меня.

— Прости меня, прости, — он схватился за волосы.

— Ты не знаешь, что такое милосердие. Твоя кишка слишком тонка, чтобы искупить свою вину сполна.

— Я сделаю всё, что угодно!

— Я хочу слышать, как ты молишь, — я смотрела на него сверху вниз.

— Я молю! — он схватился за моё платье и стал целовать, утопая в складках шёлка. — Умоляю! Скажи мне, что я должен сделать!

— Поднимись, — спустя небольшую паузу, сказала я.

Он всхлипнул, когда он выпрямился, его подбородок дрожал.

— Идём со мной, — я провела его мимо двери балкона, на выступ снаружи, где его мог видеть каждый ребёнок, каждый мужчина, каждая женщина. На земле лежали тела мёртвых крестьян, а более чем половина стражей пали. И, всё же, солдаты безжалостно сражались, крестьяне шли вперёд, со своим оружием. Камни, острые палки... Всё, что они могли бы метать.

— Сними корону, — приказала я Валко. — Скажи людям, что твоё правление закончилось. Теперь править Рузанином будут они.

— Никогда, — его нос сморщился от дыма, а рот скривился в ужасной гримасе.

— Ты сделаешь это. Иначе духи умерших будут поддерживать живых, чтобы те перерезали тебе горло. И, когда ты умрёшь, Боги будут мучить твою душу до тех пор, пока вся ложь твоей царской крови не превратится в пепел.

— Я умру, сделав это или нет, — с рыданиями, валко рухнул на землю. За балконной стеной, он спрятался от людей. — Если я отрекусь от престола, мне не жить.

— Тогда предложи обмен: ваш трон в обмен на справедливый суд.

Пиа. Тося. Антон.

Валко медлил, не в силах решиться на это. Он чувствовал плотный клубок боли в животе. Его лицо покрылось пятнами, будто он не умел дышать. Вены на шее стали напряженными, слёзы стекали с подбородка. Теперь он понимал, что такое иметь такой же дар, как у меня.

— Сделай это сейчас или я убью тебя! — сказала я. У меня не было ни сабли, ни пистолета. Моё оружие — это ауры легионов. А для Валко это было настоящей угрозой.

— Народ Рузанина, — слабо прохрипел он. Его уверенность была сломленной, а голос тонким, будто пергамент. Сражение продолжалось. Никто не слушал его. Никто его не заметил.

— Это не способ обратиться к людям, — я подошла ближе, нащёптывая ему на ухо. — Неужели ты не чувствуешь, как сильны их страдания? Даруй им уважение и откажись от благодати.

Валко приклонил голову, посмотрел на свои руки, сжал их в кулаки, затем разжал. Смахнув слёзы, он глубоко вдохнул и вытянул шею.

— Народ Рузанина! — крикнул он. Его голос стал громким, будто он выступал на одном из советов. Чтобы привлечь внимание, император поднял над головой саблю и положил её на балкон в знак примирения, когда его заметили. — Прекратить огонь! Бросьте оружие! Я услышал вас!

— Отпустите Тосю! — крикнул кто-то из толпы. Люди стали опускать оружие, но крестьяне отнеслись к этому настороженно. Они всё ещё держали в руках камни. Валко же посмотрел на меня, будто это всё, что от него требовалось. Я покачала головой. На секунду он закрыл глаза и открыл их вновь.

— Я сделаю больше, чем это! — продолжил он. — Я отрекаюсь от престола и дам вам ту свободу, которой вы хотите! — Его заявление было встречено молчанием. Где-то вдалеке кричал ребёнок. Я решила подойти к выступу балкона.

— Он сделает это, только если вы сложите оружие и заключите мир, — думая об Антоне и его желании справедливости, я решила, что нужно добавить несколько слов. — И вы должны обеспечить императору справедливый суд за те преступления, в которых он обвинён.

— Я считаю, что вы можете обеспечить мне настолько беспристрастный суд, насколько это возможно! — сказал он им. Император поднял подбородок, но внутри я чувствовала его неопределённость.

— Мы будем судить вас, и ваша голова слетит с плеч! — кто-то стал фыркать от смеха.

Дрожащими руками, император потянул руку, чтобы держать свою корону. Он был напряжен.

Жители Торчева притихли. Единственный звук, который раздавался по округе — это треск факелов.

— Я хочу рискнуть, — в его голосе больше не было такой силы. Он медленно снял корону и положил её рядом со своей саблей, на балкон.

Люди и стражи, которые могли видеть это, обменивались изумлёнными взглядами. И лишь тогда громкий крик победы разразился вокруг. Крестьяне поднимали кулаки в воздух и радостно танцевали. Некоторые из них кинулись к телам умерших родственников и друзей. Тех, кто отдал так много для того, чтобы Рузанин стал свободным.

Мальчишки бежали назад, к улицам города, чтобы оповестить всех, кто ещё не слышал эту новость:

— Правит не один, правят все! Монархии больше нет!

Внутри меня, их ауры пели песню триумфа. Однако, это не всё.

— Пойдём, — снова сказала я Валко, проведя его назад, в покои, мимо огромной кровати, вышитых подушек, стола для приёмов и мраморных колонн в гостиной, пока мы не дошли до его двери. Я открыла её. Нас приветствовали двадцать пар глаз. Конечно, они уже слышали новость о том, что Валко отрёкся от престола.

— Скажи стражам, что теперь твои покои — это твоя тюрьма, — обратилась я к бывшему императору. — Если они не хотят умереть от рук людей, которые отныне правят Рузанином, они не выпустят тебя вплоть до того момента, пока этого не захотят люди.

— Делайте так, как она говорит, — пробормотал император. Он лишь смотрел в пол.

Мы с ним отступили назад, в его покои, где я достала кинжал с резной рукоятью и ключ из латуни. Валко не уйдёт из жизни так, как это сделал его отец. Зажав ключ в руке, я направилась к дверям, оставляя Валко наедине с его страданиями.

— Соня? — тихо сказал он, когда я уже была на пороге. В его голосе я чувствовала страх ребёнка, который боится оставаться ночью один.

— Да? — на моих глазах были слёзы от всех тех аур, которые всё ещё чувствовались внутри меня. Всё кончено. Почти всё.

— Не оставляй меня здесь одного, — на волосах Валко оставался след от той короны, которую он только что снял. — Ты — так, кто понимает меня лучше всех. Ты знаешь, что я не переживу этого.

— Тогда ты должен научиться страдать, — как этот несчастный мальчик мог когда-то искушать меня? Как он мог причинять мне боль? — Потому что теперь я больше не хочу тебя понимать.

С необычайной лёгкостью, я оттолкнула его ауру. Он рухнул на колени, и сжался, катаясь по полу.

Я вышла в открытую дверь и, заметив меня, стражи разошлись. Я передала кинжал одному из них и сказала, чтобы он держал её далеко, чтобы император до неё не добрался. Когда я говорила с людьми, которые были верны ему и выполняли его приказы несколько минут назад, Валко поднял голову. Его взгляд был настолько острым, что я чувствовала его сильнее, чем острое лезвие кинжала.

— Это ты, Соня, будешь от этого страдать, — его голос был наполнен яростью. Но я не воспринимала его предупреждений. Я не позволяла его ненависти задеть даже мою кожу. Я отвернулась. Выпрямив плечи, я шла по коридору, по красной дорожке, напоминавшей язык дракона. Дракона, который не поглотит меня больше никогда.

Я шла вперёд, без оглядки, прижимая к груди ключ. Я ушла, оставив Валко наедине с его страданиями.

ГЛАВА 35

В подземелье не было ни одного стражника. Каждый из тех, кто мог защищать дворец, должен был быть наверху. Я открыла тяжёлую дубовую дверь, ведущую к одиночной камере. Камера, которая забирала все мои оставшиеся силы.

Антон и Тося вскочили на ноги, стряхивая с ткани солому. Заметив мой порез и разорванный рукав, глаза Антона округлились.

— С тобой всё в порядке? — в его голосе я чувствовала беспокойство.

Я кивнула, пытаюсь выпрямить свою спину. Я шла вперёд, но мои ноги подкашивались, каждый шаг казался труднее, чем предыдущий. Ауры всех окружающих людей покинули меня. Я ощущала, что теперь я была лишь девушкой, которая слишком сильно устала под конец дня.

И, всё же, в складках моего платья был ключ. Тося рассмеялся, прикрывая рот рукой. Антону стало спокойнее. Он мягко улыбался, не сводя с меня взгляда.

— Я ни секунды в тебе не сомневался, — сказал он.

Слёзы, казалось, вновь хлынут из моих глаз. Но я пыталась сдержаться. Всё, чего я хотела — это чувствовать, как он обнимает меня. Дрожащими руками я вставила ключ в скважину и повернула его. Каким же прекрасным казался звук щёлкнувшего затвора. Я вытащила ключ из решётчатой двери и позволила себе издать крик отчаянья, лишь только она открылась. Дверь мешал труп тюремщика. У меня не было сил для того, чтобы оттолкнуть его. Но Тося наклонился и оттолкнул тело ногой вместо меня. Как только дверь широко открылась, я переступила через ноги поэта и бросилась к Антону. Его тело окутало меня, и только теперь я позволила себе разрыдаться. Лучше я не чувствовала себя никогда.

— Тише, — он гладил меня по волосам. — Поговори со мной. Что произошло?

— Ты больше не принц, — я пыталась восстановить дыхание, смотря на него снизу вверх. Я хотела улыбнуться, рассмеяться, но вместо этого из моих глаз лилось ещё больше слёз. Я продолжала отвечать на его немые вопросы. — Император отрёкся от престола. Теперь народ может править. Антон, теперь у них есть свобода.

— Это правда? — спустя небольшую паузу, спросил он. Это прозвучало так изумлённо, что его голос переходил на шёпот.

— Есть только одна проблема, — я кивнула.

— Какая?

— Люди всё ещё за воротами, — наконец, мне удалось улыбнуться. Его свет внутри сиял ярче, чем все те легионы ореолов. Я коснулась пореза на руке. — И мне бы хотелось, чтобы мы впустили их вместе.

Мы с Антоном вышли из темницы, а в скором времени отправились к людям. Мы собрали корзины, полные продовольствий с кухни. Пройдя сквозь разрушенный янтарный вестибюль, мы вышли на улицу, где сияло ночное небо. Дым рассеивался. Звезды сверкали над нами. Как же много жителей Рузанина ожидали за воротами.

Тося остался в темнице. Он считал своим долгом взять ключи у тюремщика и освободить заключённых из других камер.

Теперь, со свитой верных слуг и корзинами, наполненными хлебом, сыром, мясными изделиями и сухофруктами, мы с Антоном спустились по ступеням дворца и прошли мимо стражей. Многие из них уже сняли свои пальто. Заметив нас и то, каков наш груз, многие крестьяне успокоились, и стали помогать своим товарищам встать на ноги. Некоторые слишком грозно смотрели на принца Озерова, но, видя то, что наши с ним руки сплетены, их беспокойство утихло. Они стали шептаться.

— Это та девушка, которая была на балконе.

— Имперская Прорицательница.

— Она была с императором, когда тот от престола отрёкся.

Мы с Антоном подошли ближе. Настороженность крестьян стала расти. Создавалось впечатление, будто они пытались обдумать, являюсь я невольницей революции или я и правда была на их стороне.

— Всё хорошо, — завершила я их, остановившись не так далеко. — Я здесь, с вашим бывшим принцем. Он помогал Тосе Пашкову. Бывший принц — тайный лидер революции. Он — тот, кто принёс вам свободу.

В этот же момент, на крыльце дворца появился Тося.

— Тося больше не пленник, — добавила я, видя, как заметив поэта, крестьяне воодушевились. — Никто из вас больше не станет рабом тирании.

Я повернулась к Тосе, указав на толпу людей. Если он был настоящим лицом революции, то теперь был тот момент, когда ему нужно было принять заслуженные лавры.

— Правит не один. Правят все! — закричал он в толпу.

Голоса людей торжественно разносились по округе. Некоторые снова и снова повторяли эти слова, остальные же скандировали его имя как ещё один символ свободы. Тося же одарил меня таким взглядом, будто готов был убить, но сделает это позже.

Я сдержала улыбку и посмотрела на людей. Каждый из них был прекрасен по-своему. Я вновь чувствовала их ауры. Более того, теперь я понимала, как долго они вели эту борьбу. Но, несмотря ни на что, я могла контролировать себя.

— Соня, не допускай таких ошибок, — Антон нежно прикоснулся к моей щеке, заставляя меня повернуться к нему. — Свободу им принесла ты.

Его гордость и любовь вновь принесли мне тепло. Именно в этот момент, когда на нас, кажется, смотрел весь мир, но в тот же момент мы чувствовали себя наедине друг с другом, он поцеловал меня.

На этот раз мои ноги не подкашивались. Вместо этого, всё моё тело наполнилось силой. Антон же подозвал к себе одного из стражей, в надежде открыть ворота.

Я слегка прошлась пальцами по тёмной ленте на запястье, затем сжала в руке позолоченные брусья больших, хорошо смазанных маслом ворот, чувствуя, как легко колеблются петли.

Я выдохнула и открыла ворота.

Больше книг на сайте - Knigolub.net